

РУССКИЕ
СУДЕБНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

УБИЙСТВО
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II

Том II

УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Панорама г. Екатеринбурга,
на переднем плане – дом Ипатьева,
Вознесенский пр., № 49

РУССКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ

Том II

АДВОКАТСКАЯ ФИРМА «ЮСТИНА»
ТОРГОВЫЙ ДОМ «БЕЛЫЙ ГОРОД»
Москва, 2015

УДК 343..611.6   Русские судебные процессы®

ББК 67.411

Дел29

Под общей редакцией
президента адвокатской фирмы «Юстина»
кандидата юридических наук *В.Н. Буробина*

Создатели книги выражают искреннюю благодарность
РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АРХИВУ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)
и лично его директору *А.К. Сорокину*
за предоставленные материалы.

Составитель: доктор исторических наук *Л.А. Лыкова*

Редактор *И.А. Маневич*

Разработка макета серии: *С.Н. Новгородова*

Верстка: *А.А. Косолапов*

Корректор *Н.Н. Сергеева*

Дел29   *Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. Том 2. – М.: ООО ТД «Белый город», 2015. – 432 с.: ил. – (Серия «Русские судебные процессы»)*

В новом двухтомном издании впервые на основе недоступных ранее источников, недавно поступивших в архивы России, профессиональные юристы и историки сумели прояснить ряд спорных и считавшихся до сих пор недостоверными версий и гипотез одного из самых значимых трагических событий в истории нашей страны XX века.

ISBN 978-5-906726-50-6

ISBN 978-5-906726-48-3 (общий)

© Адвокатская фирма «Юстина»

© ООО ТД «Белый город», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы следственного дела Н.А. Соколова об убийстве Российского Императора Николая II и его семьи	6
1919 год	12
1920 год	118
1921 год	300
1922 год	319
Настольный реестр судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова	350
Документы Всероссийского Временного правительства (Правительства А.В. Колчака)	390
Воспоминания Я.М. Юровского, связанные с арестом и расстрелом царской семьи	396
Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации «О реабилитации царской семьи». Дело № 274–П08	422

**МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
Н.А. СОКОЛОВА ОБ УБИЙСТВЕ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
И ЕГО СЕМЬИ**

ОПИСЬ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА

1919 год (продолжение)

---

1. Протокол осмотра Н.А. Соколовым пути, ведущего к руднику, рудника и окружающей его местности. 23 мая – 17 июня 1919 г. (с. 12)

2. Протокол осмотра предметов, обнаруженных при осмотре рудника и окружающей его местности. 23 мая – 17 июня 1919 г. (с. 40)

3. Протокол осмотра Н.А. Соколовым работ по раскопкам рудника. 6 июня – 10 июля 1919 г. (с. 50)

4. Протокол допроса Н.А. Соколовым Г.В. Ярцова 17 июня 1919 г. и Д.А. Малиновского. 17 – 18 июня 1919 г. (с. 61)

5. Протокол предъявления трупа собаки С.И. Гиббсу. 27 июня 1919 г. (с. 82)

6. Протокол допроса Н.А. Соколовым В.Я. Лобухина и Я.И. Лобухина. 10 июля 1919 г. (с. 83)

7. Приказ М.К. Дитерихса о вывозе дела и доказательств по делу об убийстве Царской Семьи из Екатеринбурга. 11 июля 1919 г. (с. 88)

8. Протокол допросов А.И. Белоградского. 22 июля 1919 г. (с. 89)

9. Приказ адмирала А.В. Колчака о предоставлении служебного вагона Н.А. Соколову. 7 августа 1919 г. (с. 94)

10. Протокол осмотра предметов, обнаруженных при раскопках в районе рудника, производившихся генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом и описанных в акте осмотра. 6 июня 1919 г. (с. 94)

11. Сообщение Русского консула в Гонконге Эттингена об отправке в Лондон 29 ящиков с вещами, принадлежавшими Царской Семье. 12 августа 1919 г. (с. 106)

12. Просьба генерала Жанена к военным властям Союзных войск об оказании помощи Н.А. Соколову. Август 1919 г. (с. 108)

13. Протокол допроса Н.А. Соколовым в г. Чите родственников Я.М. Юровского в качестве свидетелей. 5 ноября 1919 г. (с. 108)

14. Постановление Н.А. Соколова об освобождении родственников Я.М. Юровского. 5 ноября 1919 г. (с. 112)

15. Протокол допроса Н.А. Соколовым П.Т. Самохвалова. 20–21 ноября 1919 г. (с. 113)

16. Сообщение Председателя Совета министров следователю Н.А. Соколову о его переподчинении Генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу. 29 ноября 1919 г. (с. 117)

1920 год

---

1. Полный текст доклада судебного следователя Н.А. Соколова вдовствующей Императрице Марии Феодоровне (Доклад о результатах следствия по факту убийства Царской Семьи). *Январь 1920 г.* (с. 118)
2. Протокол допроса Н.А. Соколовым И.А. Сretenского. *21 января 1920 г.* (с. 155)
3. Протокол передачи П.П. Булыгиным Н.А. Соколову брошюры Руднева «Правда о Царской семье и темных силах». *8 февраля 1920 г.* (с. 163)
4. Протокол о получении Н.А. Соколовым от П.П. Булыгина фотографий Царской Семьи. *7 февраля 1920 г.* (с. 163)
5. Протокол фотографирования Н.А. Соколовым представленных П.П. Булыгиным фотографий. *7–8 февраля 1920 г.* (с. 164)
6. Протокол допроса Н.Н. Миролюбовым А.В. Кривошековой. *28 февраля 1920 г.* (с. 164)
7. Протокол допроса Р.М. Политковского Н.А. Соколовым. *12 марта 1920 г.* (с. 170)
8. Протокол допроса П.А. Жильяра Н.А. Соколовым. *14 марта 1920 г.* (с. 173)
9. Протокол дополнительного допроса П.А. Жильяра. *14 марта 1920 г.* (с. 177)
10. Справка Н.А. Соколова о передаче ящика с предметами по «Делу...» П.П. Булыгину и И.Т. Щелокову. *24 марта 1919 г.* (с. 178)
11. Расписка Гвардии Есаула Александра Александровича Грамотина. *24 марта 1920 г.* (с. 180)
12. Справка Н.А. Соколова о выбытии из России с томами следствия и вещественными доказательствами по делу. *20 марта 1920 г.* (с. 180)
13. Справка Н.А. Соколова о прибытии в Европу. *4–16 июня 1920 г.* (с. 181)
14. Протокол допроса Г.Е. Львова Н.А. Соколовым. *6–30 июля 1920 г.* (с. 182)

15. Протокол допроса В.Л. Бурцева Н.А. Соколовым. 11 августа 1920 г. (с. 197)

16. Протокол осмотра Н.А. Соколовым газеты «Общее дело», представленной В.Л. Бурцевым. 11–12 августа 1920 г. (с. 205)

17. Сообщение В.Л. Бурцева Н.А. Соколову об отношении Германского правительства к арестованной Царской семье. Август 1920 г. (с. 212)

18. Протокол допроса А.Ф. Керенского Н.А. Соколовым. 14–20 августа 1920 г. (с. 213)

19. Постановление и справка Н.А. Соколова о передаче Абазе на расшифровку телеграмм, обнаруженных следствием в почтово-телеграфной конторе г. Екатеринбурга. 25 августа 1920 г. (с. 236)

20. Письмо Абазы Н.А. Соколову о расшифровке телеграмм. 15 сентября 1920 г. (с. 238)

21. Протокол Н.А. Соколова от 30 сентября 1920 г. и Памятная записка священника-настоятеля Николаевской церкви Верх-Исетского завода Иуды Михайловича Приходько, переданная через П.П. Булыгина следователю Н.А. Соколову. 25/12 июня 1920 г. (с. 240)

22. Постановление А.Н. Соколова о приобщении фотографических материалов. 24 октября 1920 г. (с. 242, см. иллюстрации после с. 288)

1921 год

---

1. Расписка М. Гирса о принятии от Н.А. Соколова подлинного следственного производства об убийстве Императорской семьи, Их приближенных с вещественными доказательствами по делу. 18 января 1921 г. (с. 300)

2. Протокол допроса Н.А. Соколовым П.А. Жильяр. 23 мая 1921 г. (с. 301)

3. Протокол допроса Н.А. Соколовым Д.Б. Нейдгарта. 29 января 1921 г. (с. 305)

4. Протокол допроса Н.А. Соколовым А.В. Кривошеина. 6 февраля 1921 г. (с. 307)
5. Протокол допроса Н.А. Соколовым П.А. Жильяра. 23 мая 1921 г. (с. 311)
6. Протокол Н.А. Соколова о беседе с г. Бартельсом. 10 июня 1921 г. (с. 313)
7. Протокол Н.А. Соколова о передаче следствию документов на немецком языке. 14 июня 1921 г. (с. 315)
8. Протокол Н.А. Соколова о получении от Н.В. Орлова фотографии Государыни Императрицы Александры Федоровны. 29 июня 1921 г. (с. 316)
9. Постановление Н.А. Соколова о сохранении фотографических изображений как вещественных доказательств по делу. 3 июля 1921 г. (с. 317)
10. Справка о получении копий документов от д-ра Рицлера. 9 сентября 1921 г. (с. 318)

1922 год

---

1. Протокол осмотра Н.А. Соколовым документов, полученных от д-ра Рицлера. 3—5 марта 1922 г. (с. 319)
2. Постановление Н.А. Соколова о приобщении к делу документов д-ра Рицлера. 5 марта 1922 г. (с. 325)
3. Протокол о передаче письма Г. Распутина Н.А. Соколову. 12 июля 1922 г. (с. 325)
4. Протокол осмотра Н.А. Соколовым письма Г.Е. Распутина. 12 июля 1922 г. (с. 327)
5. Постановление Н.А. Соколова о предварительных итогах следствия по делу об убийстве Царской Семьи, Их приближенных и Великих Князей. 6 августа 1922 г. (с. 329)

1919 ГОД (продолжение)

ПРОТОКОЛ

1919 года мая 23 дня – июня 17 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, прокурора Екатеринбургского окружного суда В.Ф. Иорданского и других, нижеподписавшихся в сем акте лиц, производил осмотр пути, ведущего к руднику, в районе которого были обнаружены вещи Августейшей Семьи, сего рудника и окружающей его местности.

По осмотру найдено следующее:

Рудник, в районе которого были найдены вещи Августейшей Семьи, расположен в лесной даче, бывшей до 1910 года во владении наследников графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор, а ныне принадлежащей акционерному обществу Верх-Исетских горных механических заводов, бывших Яковлева.

Дорога, которой можно попасть из города Екатеринбурга к этому руднику, идет из города через Верх-Исетский завод на д. Коптяки, отстоящую от Екатеринбурга в 18 верстах¹.

По выходе из Верх-Исетского завода, дорога идет, приблизительно, около версты лугами, а затем входит в лес, принадлежащий вышеупомянутому акционерному обществу, и идет этим лесом до самых Коптяков.

На этом ее луговом протяжении от Верх-Исетского завода она проходит мимо лесного кордона, принадлежащего к упомянутой лесной даче, проходит через охраняемый железнодорожным сторожем и запирающийся при помощи шлагбаумов переезд железной дороги, идущей от Екатеринбурга на Пермь, и идет мимо другого лесного кордона, принадлежащего Верх-Исетскому сельскому обществу.

---

¹ Верста – 1, 067 км.

Оба эти кордона и этот переезд отмечаются на прилагаемом к сему акту чертеже местности.

Войдя в лес, дорога идет им в северо-западном направлении, являющемся для нее основным на всем ее протяжении до Коптяков. Лес обступает дорогу и тянется по обе ее стороны, иногда подходя к ней почти вплотную, иногда уходя от нее на 10—12 сажень, лес — чистый, сосновый бор, лет около 60—80, лишь изредка прерываемый группами чернолесья.

Так она идет на протяжении 7 $\frac{1}{2}$ верст. Грунт ее твердый, хорошо накатанный, и самая площадь ровная: нет ни гор, ни оврагов, которые могли бы препятствовать или затруднить движение по дороге в любом экипаже или автомобиле. Встречаются по ней колдобины и рытвины, обычные для русских даже полевых дорог.

На этом протяжении дороги, приблизительно через 3 версты от полотна Пермской железной дороги, от нее отделяется и идет в западном направлении дорога на озеро Мелкое и деревню Палкино.

При исходе 9-й версты дорогу пересекает железнодорожная линия, идущая от Екатеринбурга на Тагил. Приблизительно на расстоянии полторы версты от полотна этой линии, не доходя до нее, дорога делится на два разветвления, идущие к двум разным переездам через полотно этой линии. Одно из разветвлений меняет основное направление дороги и уклоняется в северо-восточном направлении, другое сохраняет это основное направление. Первое из разветвлений идет к переезду № 185, второе — к переезду № 184. Первое разветвление, пройдя переезд № 185, идет вдоль полотна железной дороги и у переезда № 184 вновь соединяется с разветвлением, перешедшим через переезд № 184. Его путь, когда оно идет вдоль полотна железной дороги, имеет местное название «временки», т.е. временной дороги, образовавшейся во время постройки железнодорожной линии. Таким образом, из этих двух разветвлений, видимо, разветвление, идущее к переезду № 184 и сохранившее основное направление дороги, является основной дорогой на Коптяки.

Прилагаемый к сему акту чертеж отмечает эти расхождения дороги и их соединения. На нем также отмечаются оба переезда № 184 и № 185.

В момент разветвления основного пути Коптяковской дороги на два местность сохраняет свой прежний характер, какой она имела на всем протяжении дороги около 7 $\frac{1}{2}$ верст от Верх-Исетского завода.

Верхний фотографический снимок, находящийся на листе дела 45 за сим актом, передает вид Коптяковской дороги, как она идет лесом на протяжении 7 $\frac{1}{2}$ верст от Верх-Исетского завода, и два разветвления этой дороги в $\frac{1}{2}$ верстах от полотна железной дороги на Тагил. Направо уходит в лес разветвление, идущее к переезду № 185, налево — разветвление, идущее к переезду № 184.

Вскоре после разветвления дороги начинает изменяться характер местности: сосновый бор сменяется чернолесьем, и начинаются лесные покосы, которыми местами проходят оба разветвления.

Путь разветвления, идущего к переезду № 185, ухудшается: на нем встречается много рытвин, колдобин, значительно портящих дорогу. В дождливое время езда по этой дороге сопряжена с неудобствами. Однако этот путь до самого переезда нигде не имеет никаких непреодолимых препятствий для движения в любом экипаже, а также и в автомобиле. Вдоль полотна железной дороги этот путь (временка) носит чисто луговой характер. Но он значительно лучше того пути, которым идет дорога до переезда № 185.

Разветвление, идущее к переезду № 184, имеет своим протяжением от начального момента разветвления дороги до переезда 2959 средних шагов взрослого человека. На этом направлении дорога в скором времени после разветвления проходит через небольшой ложок с канавкой. Края ложка совершенно пологи. Самое его дно, где проходит дорога, как раз является тем пунктом, от которого начинаются по обе стороны дороги два лесных овражка, обращенных вершинами к дороге и уходящих в лес в стороны от дороги. Уровень дна ложка, где

проходит дорога, значительно выше уровня овражков в лесу. Таким образом, этот ложок, через который проходит дорога, никоим образом не может создать препятствий для движения по дороге даже и в ненастное время, так как воды должны стекать из ложка в эти овраги. В дни осмотра, несмотря на сильные дожди, ложок ни разу не наполнялся водой. В сухое время он мало даже заметен при езде по дороге.

Нижний фотографический снимок, находящийся на листе дела 45, передает вид этого ложка. Ложок находится как раз между вторым от зрителя телефонным столбом и группой сосен, занимающих середину пути между раздвоением дороги около этой группы.

По выходе из этого ложка дорога идет, то повышаясь, то понижаясь, до большого лога, имеющего местное название Поросенков лог. На этом ее протяжении до Поросенкова лога она проходит через два понижения и три канавки. В дождливое время здесь бывает грязно, но даже не топко. В сухое время эти понижения и канавки совершенно не заметны.

Верхний фотографический снимок на л.д. 46 передает вид дороги в одном из таких понижений.

Большой лог начинается от переезда в расстоянии 864 шагов. При выходе к нему уровень дороги сильно понижается. Самый лог представляет собой лесное сенокосное болото, покрытое местами небольшими кочками с водой. Дойдя до этого лога, дорога сворачивает в сторону и, обходя болото, идет опушкой леса, окаймляющего лог в северо-восточном направлении. В расстоянии 414 шагов от переезда на полотне дороги в наиболее низком по уровню дороги месте, набросан мостик. Он состоит из нескольких сосновых бревешек, толщиной вершка в 3—4, и старых железнодорожных шпал. Шпалы и бревешки положены прямо на полотно дороги¹.

Нижний снимок на л.д. 46 передает вид этого большого лога, а верхний снимок на л.д. 47 передает вид этого мостика.

---

¹ Место, где в 1991 г. были обнаружены останки 9 человек.

У переезда № 184 в момент осмотра лежали остатки шпал, совершенно таких же, как и шпалы, из которых набросан этот мостик¹.

Оба переезда № 184 и № 185 не охраняются и не имеют запоров на ограждениях через переезд. Но около них имеются будки, в которых живут сторожа. Около обоих переездов прибиты надписи, одинакового содержания: «Берегись поезда... Переезд не охраняется». Самые же ограждения-шлагбаумы находятся у этих переездов в таком виде: у переезда № 184 шлагбаумы имеются (их два), но ни один из них не имеет цепей и вообще приспособлений для затора. У переезда № 185 имеется только один шлагбаум, но и тот поломан.

Нижний фотографический снимок на л.д. 47 передает вид переезда № 185, верхний снимок на л.д. 48 передает вид переезда № 184.

После соединения обоих разветвлений за переездом № 184 Коптяковская дорога идет 70 шагов луговой полянкой, а затем входит в лес, обступающий ее с обеих сторон.

Нижний фотографический снимок на л.д. 48 передает этот момент соединения разветвлений. В чащу леса уходит «временка». На левой стороне снимка видна дорога, перешедшая через переезд № 184, а между ними обоими (разветвлениями) идет дорога, здесь, на полянке, отделившаяся от первой и вышедшая на вторую, т.е. соединившая обе. Тут же за видимой на снимке группой леса, находящейся слева от временки, дорога, находящаяся на левой стороне снимка, выходит на временку.

Пройдя лесом на протяжении 53 шагов, дорога снова выходит на небольшую полянку, образованную отхождением леса в западном направлении. С западной стороны за полянкой дорогу окружает березовый лес, с восточной — сосновый.

Верхний фотографический снимок на л.д. 49 передает эту полянку и за ней опушку леса, куда уходит дорога за полянкой.

---

¹ Из показаний сторожа будки у переезда № 184 Я. Лобухина шпалы были взяты ночью с 18 на 19 июля 1918 г. См. док.

Пройдя полянкой 168 шагов, дорога входит в лес и идет им на протяжении 115 шагов. Затем уровень почвы заметно понижается, и дорога выходит к мокрому кочковатому лугу, открывающему дорогу в западном направлении. Через этот луг проложена гать, сделанная из бревешек, толщиной в 3—4 вершка.

Все протяжении дороги до гати представляет собой хорошую, удобную дорогу. Сообщение же по гати лишает дорогу этих свойств. Гать положена прямо на полотно дороги. Некоторые из бревешек сгнили, и в таких, преимущественно, местах образовались колдобины и рытвины. Благодаря этому, движение по гати в дождливое время не может представлять удобств, но гать в то же время и не создает никаких непреодолимых препятствий для движения по ней даже в ненастное время в любом экипаже, хотя бы и в автомобиле.

Нижний фотографический снимок на л.д. 49 передает вид этой гати. Гатью дорога идет 331 шаг. Тут же за гатью уровень почвы повышается и дорога идет на прежнем уровне на протяжении 716 шагов. Ее на этом протяжении с западной стороны окружают удалившиеся несколько от нее лесные покосы, а с восточной стороны — сосновый лес. Путь на этом протяжении дороги хороший, удобный. В расстоянии 566 шагов от гати, с левой стороны от дороги имеется небольшая загородка из сосновых слег, прибитых гвоздями к стволам деревьев. За загородкой в стороне от дороги виднеется пашня, обнесенная слегами, занимающая пространство около 2 десятин, видимо, некогда к этой пашне вела с Коптяковской дороги дорожка-свертка, которую и закрыли этой загородкой.

Пройдя от гати возвышенным местом 716 шагов, дорога спускается в небольшой ложок, которым она идет на протяжении 50 шагов. Уровень почвы в этом ложке довольно низкий, и здесь в ненастное время автомобиль может несколько вязнуть. Но все же путь здесь вполне проходим для автомобиля.

Поднявшись из ложка на прежний уровень, дорога идет, окруженная лесом и с запада и с востока на протяжении 1300 шагов. На всем этом ее протяжении путь вполне хороший.

Через 1300 шагов уровень почвы опять начинает понижаться и дорога выходит на лесную сенокосную полянку, коей она идет на протяжении 218 шагов. В ненастное время дорога в этой ее части должна быть неизбежно грязноватой и несколько вязкой для автомобиля, однако никаких непреодолимых препятствий и в этой части дороги не существует для движения по ней, хотя бы и в автомобиле. На этой полянке имеются две свертки-дороги. Одна из этих сверток идет от дороги в северном направлении и приводит к хутору-заимке крестьянина Зубрицкого, отстоящему от Коптяковской дороги приблизительно в одной версте. Другая же свертка идет от дороги в западном направлении и приводит к открытой большой лесной поляне, имеющей местное название «Красной казармы». На этой поляне имеется старый заброшенный рудник, отстоящий от Коптяковской дороги приблизительно в $\frac{3}{4}$ версты. Здесь на этой лесной поляне имеются остатки жилья для рабочих, представляющие собою стену разобранной избы, и имеется шалаш из тонких сосновых и березовых жердей с земляной крышей. В шалаше имеется печь, около шалаша у самой дорожки, от которой шалаш отстоит в 4-х шагах, имеется старое, видимо, прошлогоднее кострище. В нем ничего, кроме обыкновенных углей, не имеется.

Прилагаемый к акту чертеж отмечает обе дорожки-свертки, хутор Зубрицкого и Красные казармы.

Пройдя сенокосную полянку, дорога опять поднимается и идет, закрытая лесом, на протяжении 614 шагов. В этой части дороги путь хороший. На этом протяжении дороги в расстоянии от нее 80 сажен имеется старый заброшенный рудник, видимый и с дороги.

Через 614 шагов дорога выходит на небольшую лесную полянку, образованную отхождением леса в западном от дороги направлении.

На этой полянке в расстоянии от нее 15 шагов стоят два старых сосновых пня. Один из них и до сего времени сохранил двойной ствол двух сосен, росших от одного корня. По преданию, так же две сосны росли и от корней другого пня. Эти че-

тыре уничтоженные сосны назывались «Четырмя братьями». Название сосен перешло к оставшимся от них пням, а от них и ко всему урочищу вблизи этого места. Пни покрыты надписями, сделанными людьми, видимо, пожелавшими отметить свое здесь пребывание. Из надписей читается одна: «Евгений Смирнов», вырезанная на одном из пней, видимо, ножом.

Прилагаемый к акту чертеж передает эти сосновые пни. Против пней по другую сторону дороги и в расстоянии от нее 138 шагов находится в лесу шалаш-землянка. Она, видимо, принадлежит владельцу лесного сенокоса, находящегося как раз в этом месте по другую сторону дороги против Четырех братьев.

Этот шалаш-землянка также отмечается на чертеже, прилагаемом к сему акту.

Верхний фотографический снимок на л.д. 50 передает вид Четырех братьев, а нижний снимок на л.д. 50 передает вид этого шалаша.

В расстоянии 25 шагов от Четырех братьев от Коптяковской дороги отделяется в западном направлении дорога, идущая в северо-западном основном ее направлении. Она кончается выходом на дорогу, идущую из деревни Коптяков к плотине у Исетского озера, и имеет местное название дороги «на плотинку».

Она отмечается на прилагаемом к акту чертеже. Верхний фотографический снимок передает общий вид этой дороги, когда она отделяется от Коптяковской дороги в западном направлении.

Первая дорога-свертка к руднику идет от Коптяковской дороги в расстоянии 574 шагов от Четырех братьев. Она начинается почти под прямым углом к Коптяковской дороге и сразу же входит в чащу молодого осинника, закрывающего дорогу с обеих сторон. Если идти по Коптяковской дороге, эту дорогу-свертку заметишь только тогда, когда поравняешься с ней.

Она отмечается на прилагаемом к акту чертеже. Нижний фотографический снимок на л.д. 51 передает эту дорогу в тот момент, когда она, свернув с Коптяковской дороги, входит в чащу леса.

В расстоянии 220 шагов от этой первой свертки к руднику идет к нему же вторая свертка, в расстоянии от второй 30 шагов — третья, в расстоянии от третьей 34 шагов — четвертая, в расстоянии от четвертой 112 шагов — пятая. Все эти свертки однообразны и по характеру леса и сами по себе.

Эта часть Коптяковской дороги от Четырех братьев до последней свертки однообразна: путь здесь хороший.

Указанные 4 свертки отмечаются на прилагаемом к акту чертеже. Верхний фотографический снимок на л.д. 52 передает вид второй от Четырех братьев свертки к руднику в момент ее вхождения в лес в сторону рудника. На снимке видна сосна, мимо которой и идет эта свертка.

Далее, приблизительно около одной с половиной версты, Коптяковская дорога идет в северном от последней свертки к руднику направлении, проходя преимущественно лесными полянами-сенокосами, а затем поворачивает в западном направлении и идет на протяжении приблизительно двух — двух с половиной верст до деревни Коптяков старым сосновым лесом в возрасте приблизительно 100 лет.

На расстоянии $\frac{3}{4}$ версты — 1 версты от пятой свертки к руднику (считая эти свертки от Четырех братьев) Коптяковская дорога выходит к мокрому кочковатому сенокосному лугу с проложенной через него гатью. Этот луг носит местное название «большого покоса».

Луг этот отмечается на прилагаемом к чертежу акте. Дорога «на плотинку», уйдя от Четырех братьев, почти тут же входит в область лесных сенокосных полей. В расстоянии 560 шагов от Четырех братьев в области этих сенокосных полей от дороги «на плотинку» отделяется в западном направлении тропа, идущая в северно-западном направлении и скоро переходящая в глухую лесную дорожку, видимо, обслуживающую сенокосы.

Дорога «на плотинку», после отделения от нее тропы-дорожки, скоро удаляется от сенокосных полей и входит в молодой лес, в возрасте 30—40 лет, обступающий ее с обеих сторон и преимущественно в восточном направлении. Этим лесом

дорога «на плотинку» идет на протяжении 600 шагов. В этот момент она идет, образуя с Коптяковской дорогой острый угол, имея от себя рудник, к которому повели с Коптяковской дороги пять описанных свертков в северо-восточном направлении, так что рудник находится как раз между двумя дорогами: Коптяковской дорогой и дорогой «на плотинку», причем как от той, так и от другой он закрыт чащей леса и совершенно не заметен с этих дорог.

Далее, то выходя в область сенокосов, то уходя в лес, дорога идет, имея от себя рудник в юго-восточном направлении, и выходит к большому лугу с проложенный через него гатью, имеющей местное название Березовая стлань. Этот луг есть часть урочища Большой покос, через который проложена гать на Коптяковской дороге, протянувшегося от Коптяковской дороги в юго-западном направлении. Далее дорога «на плотинку» уходит в северо-западном направлении и кончается у дороги из Коптяков к плотине у Исетского озера.

Эта дорога «на плотинку» отмечается на прилагаемом к акту чертеже, на коем также отмечается и урочище Березовая стлань.

Отделившаяся от нее тропа-дорожка идет сенокосными полянами. В расстоянии 110 шагов от ее начала, у самой почти тропы, в старых соснах обнаружено старое, не ранее 1918 года, кострище, круглой формы, имеющее в диаметре около $1\frac{1}{4}$ аршина. Около кострища вбиты колышки, видимо, для кипячения воды на огне.

Нижний снимок на л.д. 52 передает общий вид этого места с кострищем, обозначенным красными чернилами.

Далее эта тропа, перейдя уже в дорожку, идет сенокосными полянами в северо-западном направлении и параллельно дорожке «на плотинку». В расстоянии 480 шагов от описанного кострища вблизи тропы находятся два шалаша, выстроенные из хвороста и тонких слег, покрытые старым сеном. Шалаша давнего происхождения и обслуживают, видимо, нужды крестьян при уборке сена. Около этих шалашей местами валяются скорлупы от яиц.

Через 1160 шагов от этих шалашей вблизи тропы в старых соснах имеется старое кострище.

Пройдя сенокосами некоторое расстояние, тропа-дорожка начинает убывать от лугов в сторону леса. На расстоянии 600 шагов по тропе от последнего кострища в восточном от тропы направлении в сосновой вырубке сгоревшего лесного участка имеются два старых шалаша. Они находятся на возвышенном месте, бугорке, и представляют собой прекрасный наблюдательный пункт за окружающей местностью и, в частности, за сенокосными местами. Отсюда тропа-дорожка круто уходит в лес в восточном направлении и через 650 шагов от шалашей выходит на дорогу «на плотинку», почти у самой березовой стлани.

Эта тропа-дорожка с кострами и шалашами на ней и вблизи нее отмечается на прилагаемом к акту чертеже.

Первая дорога, идущая с Коптяковской дороги к руднику, пройдя чащей леса 159 шагов, выходит на небольшую лесную полянку. Как раз на самом полотне дорожки на этой полянке имеется старая круглой формы яма, не глубокая, препятствующая дальнейшему следованию по полотну дорожки. По обеим сторонам этой ямы идут две колеи дорожки, обходящей яму с обеих сторон. Колея обоих обхождений достаточно широкая для проезда хотя бы и в автомобиле¹. Но колея, идущая от ямы в северо-восточном направлении, идет по самому гребню ямы и имеет след как бы срыва колеса экипажа или автомобиля на гребне ямы. В яме на расстоянии одного аршина от этого срыва и концом к нему лежит старое сосновое бревно, длиной 6 аршин и толщиной 6 вершков. Конец его, обращенный к дну ямы, трухлявый. Он несколько расщеплен, видимо, от удара. Другой же конец бревна, обращенный к срыву, имеет следы как будто бы нажима на дерево частей автомобиля. Таких следов на конце бревна — 7, причем на дне самого крайне-

---

¹ На допросе 29 апреля 1919 г. свидетель П.А. Лобанов показал, что грузовой автомобиль возвратился с рудника с повреждениями колеса. См. *Росс Н.* Указ. соч. С. 329.

го к концу бревна нажима имеется полоска беловатой массы, как будто бы напоминающей своим видом тонкий слой резины, расплавившейся на дереве под действием лучей солнца. В расстоянии 10 шагов от этой ямы лежат на лужайке два других сосновых бревна, а рядом с ними усматривается в земле некоторое вдавление и примятость старой прошлогодней травы по длине и форме этого лежащего в яме бревна.

Впечатление, получаемое от осмотра этой местности, то, что здесь проходил какой-то экипаж на широком ходу. Его колесо слегка сорвалось по гребню ямы, и экипаж поднимался при помощи бревна, лежащего в 10 шагах от места срыва. Обращают на себя внимание еще два молодых сосновых деревца: они находятся как раз против срыва и в непосредственной близости к одной колее этого следа, обходящего яму, ближайшей к лесу: оба эти деревца, как это явственно видно, подрублены выше корня топором и повалены в сторону от колее по направлению к лесу, видимо, для того, чтобы экипаж шел дальше, не задевая за эти деревца.

Верхний снимок на л.д. 53 передает вид этой ямы, срыва, колее и бревна, лежащего на дне ямы и обращенного концом, где имеются нажимы, к срыву.

В расстоянии трех шагов от этой ямы имеется старое кострище, круглой формы в диаметре $1 \frac{1}{4}$ аршин. Около него молодая, тонкая, сломленная сосенка. Костер этот обращает на себя внимание в сравнении со всеми другими, встречавшимися при осмотре ранее, в том отношении, что в кострище имеются обуглившиеся деревянные части, мало напоминающие действие на них огня. Ткань некоторых из сосновых частей дерева носит изменение от ожогов, цела. Создается впечатление, что как будто бы здесь в этом кострище части дерева подвергались действию не огня, а каких-либо кислот. В непосредственной близости с кострищем лес несколько отодвинулся в сторону и образовал небольшую лесную полянку в несколько шагов, как бы открывая возможность бросить сюда от костра некоторые предметы. При обследовании этой полянки под прошлогодней упавшей травой найдено 5 сос-

новых палочек, имеющих совершенно такие же ожоги, как и встречающиеся сосновые части в самом кострище.

Нижний фотографический снимок на л.д. 53 передает вид этого кострища. В дальнейшем продолжении дорожки в восточном от нее направлении идет от самой дорожки небольшая лесная полянка. На ней у опушки леса стоит старый сосновый пень, единственный в данном месте и весьма удобный для сидения. Он отстоит от дороги в 8 шагах.

Верхний снимок на л.д. 54 передает вид этой полянки и соснового пня на ней. Фигура военного отмечает нахождение этого пня.

В дальнейшем следовании дорожка выходит через 53 шага на небольшую довольно лесную поляну. На этой поляне к востоку от дорожки явственно видны остатки бывшего здесь некогда жилья для рабочих во время разработки рудника. В северном направлении площадки уцелели и остатки бани.

Нижний фотографический снимок на л.д. 54 передает вид этой поляны. Человек в штатском стоит на дорожке, которая вышла на полянку от полянки с сосновым пнем.

Почти против места нахождения бывшего барака в западном направлении находится та самая шахта, которая описывается судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17—30 июля 1918 год (л.д. 5 том 1-й)¹. Дорожка идет далее этой шахты, проходит к Ганиной яме, идет за нее в северо-западном направлении и теряется в лугах, окружающих Ганину яму в северо-восточном, северном и северо-западном направлениях.

Три свертки с Коптяковской дороги (вторая, третья и четвертая от Четырех братьев) почти тут же свертываются в одну и снова разделяются на две, причем одна идет к Ганиной яме и выходит на самую первую от Четырех братьев свертку у Ганиной ямы, пройдя от Коптяковской дороги расстояние в 140 шагов до

---

¹ Речь идет об осмотре А.П. Наметкиным места, где крестьянином д. Коптяки М.Д. Алферовым найдены обгорелые части разных предметов и Кульмский крест. См. док.

Ганиной ямы. Другая выходит на ту же первую свертку против как раз шахты, идет мимо нее и теряется далее в лесу в северо-западном направлении.

На этой дорожке имеется старая береза, находящаяся от шахты на расстоянии 26 шагов.

Пятая свертка к руднику от Коптяковской дороги идет в юго-западном направлении, проходит мимо Ганиной ямы, пересекает ту дорожку, вблизи которой растет старая береза, и выходит на дорожку, идущую к плотинке.

Верхний фотографический снимок на л.д. 55 передает выход пятой от Четырех братьев свертки с Коптяковской дороги к Ганиной яме. На выходе свертки к Ганиной яме стоит солдат.

Нижний фотографический снимок на л.д. 55 передает пересечение пятой свертки с Коптяковской дороги с той дорожкой, которая, пройдя мимо старой березы, пересекает пятую свертку. Человек в военной форме стоит на этой дорожке, которая прошла мимо березы и выходит на пятую свертку. На пятой свертке ближе к дорожке «на плотинку» стоит человек в штатском.

Верхний фотографический снимок на л.д. 56 передает выход пятой свертки на дорожку к плотинке. Человек в штатском стоит на свертке, человек в военной форме стоит на дорожке к плотинке.

Все пять сверток, яма с бревном на первой из них, шахта, Ганина яма, направление сверток, проходящих по руднику, отмечаются на прилагаемом к чертежу акте.

Шахта, описанная судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17—30 июля 1918 года (л.д. 5 том 1-й), представляет собой идущее под землю в перпендикулярной плоскости к поверхности земли углубление. Стенки этого углубления ровные. Они выложены срубом из круглых бревешек, толщиной 3—4 вершка, и, кроме того, самое углубление перегорожено внутренней стенкой из таких же бревешек, идущей также в перпендикулярной плоскости к поверхности земли, на два отделения. Таким образом, шахта пред-

ставляет собой два глубоких колодца с деревянными срубами, имеющие одну общую стенку из таких же бревешек, как и три остальные стенки у каждого колодца, причем каждый из колодцев имеет квадратную форму. Верхние бревешки сруба в обоих колодцах, видимо, положены недавно: они новые в сравнении с нижними бревешками. Кроме того, на стенках срубов лежат доски и бревна, составляющие потолок над шахтой, стоя на котором, можно обозревать состояние шахты. Она также обнесена загородкой из тонких слег.

Размеры обоих колодцев различны: один больше, другой меньше. Большой, находящийся в западном направлении от общей стенки колодца, имеет в квадрате 1 метр 85 сантиметров, меньший, находящийся в восточном направлении от общей стенки, имеет в квадрате 1 метр 23 сантиметра.

Как можно заключить из общего осмотра этой шахты, большой колодец, видимо, служил для спуска людей в шахту и для добывания руды: в боковые его стенки вбиты железные скобы, расположенные одна под другой для спуска в колодец; внизу видна деревянная полка, на которую может вставать человек, спустившийся до известной глубины. Малый же колодец служил, видимо, для постановки в нем машин при откачивании воды из шахты во время работ на ней. Уровень воды в обоих колодцах стоит от поверхности земли на $2\frac{1}{2}$ сажени. Шест, опущенный в большой колодец, идет под водой на 1 аршин и упирается в слой льда; этот слой льда пробивается без особых затруднений, и шест идет дальше снова под водой на глубине 2 сажени 1 фута 9 дюймов. Дальше шест не идет в большом колодце, упираясь во что-то твердое, на ощупь трудно определимое. Опущенный в малый колодец шест идет под водой на глубине 1 аршина и упирается в толстый слой льда, которого он не пробивает. Разрушений на стенках обоих колодцев шахты не замечается никаких. Трудно определить, не откачав воду из шахты, действительно ли стенки ее подверглись действию разрыва гранат.

В непосредственной близости с шахтой в расстоянии от нее не более одного шага, идет насыпанная глиняная площадка,

расположенная от шахты в юго-восточном, восточном, северо-восточном, северном и северо-западном направлениях. Площадка эта состоит из глины, насыпанной прямо на дерн площадки. Высота ее над уровнем площадки $1 \frac{1}{4} - 1 \frac{1}{2}$ аршина. Эта площадка давнего происхождения и, видимо, была насыпана при разработке шахты. На этой глиняной площадке в северном от шахты направлении, на самом ее почти гребне, в расстоянии от шахты 8 метров 34 сантиметра, и находится то кострище, где был найден крестьянами деревни Коптяков Кульмский крест и другие вещи Августейшей Семьи¹.

Признаки кострища заметны. Оно имеет почти круглую форму, в диаметре 1 метр. В нем имеются в весьма малом количестве угольки, происхождение коих определить затруднительно. Возможно, что и они имеют сходство с угольками в кострище, что находится у ямы с бревном на первой свертке к руднику от Коптяковской дороги.

Тут же за откосом этой площадки почти в южном направлении имеется старая яма или шурф, покрытая травой, на дне которой валяются трубы от насосов, при помощи которых, видимо, выкачивалась вода из шахты.

Нижний фотографический снимок на л.д. 56 передает вид описанной открытой шахты. На снимке видна настилка над стенками шахты и загородка вокруг колодцев. К лесу идет на снимке полянка (восточное направление), где была казарма рабочих. К этой полянке обращен малый колодец шахты, в противоположную сторону к молодой березке у самой стенки шахты (западное направление) обращен большой колодец. За шахтой видна глиняная площадка, очерченная красными чернилами, и откосы ее, обращенные к колодцам шахты. С правой стороны шахты, как смотрит зритель, виден откос ямы, на дне которой лежат трубы насосов.

---

¹ Кульмский крест и другие предметы, обнаруженные крестьянами, были переданы Александром Шереметевским товарищу прокурора Кутузову. См. док. Протокол допроса Соколовым Андрея Шереметевского. Российский архив. Вып. VIII. С. 63.

Верхний снимок на л.д. 57 передает вид кострища на глиняной площадке вблизи шахты, где был найден Кульмский крест и другие вещи Августейшей Семьи. С костром как раз граничит заметная на снимке тень человека, сидящего перед костром¹.

Описанная выше старая береза, мимо которой идет по руднику дорожка с коптяковских сверток, и есть та береза, где была надпись «Фесенко». Зарубка, на которой была сделана эта надпись, сохранилась. Надпись же стерта. На этой дорожке в расстоянии 2 шагов от костра на глиняной площадке около шахты находится другой костер, где был найден большой бриллиантовый камень Государыни Императрицы² и другие вещи. Признаки этого кострища сохранились и границы его определяются довольно ясно. Это кострище больше того, что находится на глиняной площадке у шахты. Оно круглой формы, занимает площадь, выходящую за колеи дороги, и имеет в диаметре 3 метра. В нем не найдено угольков. Имеются лишь в составе почвы мелкие предметы, как бы напоминающие угольки.

Нижний фотографический снимок на л.д. 57 передает вид березы, около которой расположено это кострище, и самый вид последнего, границы коего определяются с трех сторон фигурами троих стоящих вокруг него людей. Ганина яма отстоит от описанной открытой шахты в 155 шагах. Это небольшое круглое озеро, наполненное водой, с пологими довольно берегами. Ее окружность по берегу (2 пр) составляет 120 шагов. Ганина яма отмечается на прилагаемом к акту чертеже. Верхний снимок на л.д. 58 передает вид ее.

Общее состояние рудника в местности, где находится описанная выше открытая шахта, представляется в таком виде.

Одна группа разработок идет в северо-западном направлении от описанной шахты по направлению к Ганиной яме

---

¹ На фотографии Н.А. Соколов.

² Бриллиантовый подвес был найден 30 июля. А.А. Теглева опознала его как подвес от ожерелья Императрицы, который был зашит в пуговицу кушака одной из дочерей перед их отъездом из Тольска.

и кончается у этой ямы. Трудно определить без производства раскопок, что представляют собой эти разработки: поверхностные ли шупы, изыскания руды, или шурфы, или старые, обвалившиеся естественно или заваленные искусственно, обложенные дерном и покрытые (некоторые) хворостом шахты. В этом направлении таких разработок насчитывается около 21.

Другая группа разработок находится по другую сторону дорожки от шахты, каковая дорожка идет первой от Четырех братьев с Коптяковской дороги. Эти разработки идут от шахты в северном, северо-восточном, восточном, юго-восточном направлениях и представляются в таком же виде, как и разработки первого рода. Их насчитывается, приблизительно, около 33.

Нижний и верхний снимки на л.д. 58—59 передают вид двух из разработок второго рода, ближайших к описанной открытой шахте в восточном направлении.

Третью группу разработок представляет разработка описанной открытой шахты и других, идущих за ней. Разработка этой шахты идет на юг и проходит под землей как раз там, где на снимке (нижний фотографический снимок на л.д. 56) около шахты видна молодая сосенка. Потолок разработки имеет обвалы. Их можно насчитать три. Первый в 15 шагах от шахты, второй — в 20 шагах и третий — в 35 шагах.

Нижний снимок на л.д. 59 передает общий вид разработки от открытой шахты.

На расстоянии 69 шагов от шахты по дну разработки идет площадка, имеющая в длину 16 и в ширину 11 шагов. Она очень мало покрыта травой и рыхла. В нее значительно уходит на значительную глубину шест. Как будто бы в этом месте насыпана над чем-то глина.

Верхний снимок на л.д. 60 передает вид разработки и площадку, только что описанную.

Можно предположить, что здесь кончается разработка описанной открытой шахты и дальше идет разработка уже от другой шахты, причем эта последняя разработка идет навстречу разработок от описанной открытой шахты.

Бросается в глаза левый берег этой второй (новой) разработки. Он значительно осыпан на протяжении 61 шага, и его обвалы не покрыты глиной. Нижний фотографический снимок на л.д. 60 передает вид этого обвала. Вторая разработка кончается у старой обвалившейся или обваленной шахты, от которой валяются и видны некоторые деревянные части ее сооружения.

Верхний фотографический снимок на л.д. 61 передает вид этой шахты. В расстоянии 3 шагов от этой обвалившейся или обваленной шахты имеется в восточном ее направлении другая, имеющая такой же вид. Обе эти шахты очень близко расположены к дороге, где имеется яма с бревном. Одна из них отстоит в расстоянии 5, другая в расстоянии 8 шагов от этой дорожки.

Далее, в южном направлении идет множество других разработок, занимающих к югу протяжение не менее 250 сажень.

При осмотре описанной местности таковая, по возможности, тщательно исследовалась. При исследовании ее были найдены следующие предметы, обратившие на себя внимание.

а) При исследовании местности в районе Красной казармы были найдены на поляне прибитыми к земле:

1) пара мужских замшевых перчаток и

2) бумажная подкладка для картуза, свернутая в полоску из газеты, каковые предметы были найдены 23 мая¹;

б) При исследовании кострищ, находящихся вблизи тропы, идущей от дороги «на плотинку» к березовой стланке, в самих кострищах ничего не найдено. Вблизи же первого из сих костров, изображенного на фотографическом снимке (л.д. 52), 23 мая найдено:

1) вблизи самого костра длинная железная пластинка, представляющая собой или тонкий обруч от бочки, или же железную обшивку от деревянного ящика;

---

¹ Здесь и далее даты выделены Н.А. Соколовым. (Прим. состав.)

2) также вблизи самого костра замятый в землю осколок от разбитой чашки или тарелочки;

3) также вблизи самого костра верхняя половинка бумажной коробочки от зубного порошка;

4) в расстоянии 5 шагов от кострища в юго-западном направлении дамский шнуровой ботинок, лежавший каблук вверх и несколько слившийся с поверхностью земли;

5) в том же расстоянии от костра тонкий, длинный кусок какой-то материи, видимо, от женского костюма;

6) в расстоянии 25—40 шагов от кострища ближе к лесу под прошлогодними листьями и травой 4 обрывка советских газет. Из этого кострища взята средняя проба земли для исследования ее.

в) При исследовании кострища около ямы с бревном 23 мая было найдено:

1) около самого кострища небольшая железная пластинка,

2) в расстоянии от кострища 4 шагов вдоль дорожки толстый обрывок веревки,

3) вблизи кострища 5 сосновых палочек, как уже указано выше,

4) в самом кострище несколько кусочков слоев сосновых палочек, напоминающих по цвету слою на пяти указанных палочках.

Из этого кострища взята также средняя проба земли для исследования ее.

От бревна у ямы был отрезан один конец со следами нажимов на нем и полоской на одном из них.

г) При исследовании полянки с пнем, изображенной на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 54, 24 мая было найдено:

1) под прошлогодними листьями и травой в двух местах вблизи пня несколько скомканных листиков из какой-то медицинской книжки и один листик из книжки или газеты,

2) под такими же листьями и травой 12 обрывков советских газет,

3) вблизи пня под такими же листьями и травой два обрывка газеты на немецком языке,

4) также вблизи пня под такими же листьями и травой большевистская переписка, писанная карандашом,

5) вблизи пня под листьями и травой яичная скорлупа.

д) При исследовании полянки вблизи открытой шахты, изображенной на фотографических снимках, находящихся на л.д. 54—56, найдены примятыми к земле:

1) на дорожке через полянку у шахты (первая свертка от Четырех братьев, идущая к руднику) между полянкой с пнем, где имели место все находения вещей, поименованные в предыдущем пункте, и самой полянкой, где находится открытая шахта, 24 мая кусочек белой материи, видимо, от мужского или женского белья, клочок материи защитного цвета с привязанной к нему тесемочкой серого цвета; на самой полянке вблизи глиняной площадки у открытой шахты 25 мая;

2) обрывок советской газеты,

3) оболочка от четвертки табака фирмы Шапошникова с советской этикеткой,

4) 4 осколка от чайной чашки, 6 осколков от чайного блюда, 2 полуразбитых чайных стакана и осколки третьего стакана.

е) При исследовании места вокруг костра, находящегося на глиняной площадке, изображенного на снимке на л.д. 57, найдены 25 мая:

1) в северо-западном направлении от кострища по склону старого шурфа или ямы три кусочка обгорелого сукна или войлока от обуви и одна кость от дамского корсета,

2) на глиняной площадке затоптанными в верхние слои глины кусочки какой-то одежды, сплошь покрытые глиной, так что ни цвета, ни качества их видеть нельзя;

26 мая:

3) на склоне того же шурфа или ямы свыше 30 кусочков какого-то обгорелого предмета с кусочками сохранившейся местами материи и гвоздиками,

4) на склоне того же шурфа или ямы пять обгорелых костей дамского корсета и одна тонкая железная проволока в виде ленты, также обгорелая,

5) на глиняной площадке вблизи костра винтовочный патрон,

6) там же осколки от зеленого флакона,

7) там же 14 осколочков какого-то разбитого глиняного или гипсового предмета,

8) там же 4 осколка толстого стекла,

9) там же 13 обгорелых косточек млекопитающего,

10) там же один осколок аметиста.

Природу костей не представляется возможным определить без научного исследования. Все указанные предметы были найдены втоптаннми в верхние наружные слои на глиняной площадке или же под прошлогодними листьями и травой по склонам шурфа или ямы.

ж) При исследовании кострища у старой березы, изображенного на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 57, обнаружено 26 мая:

1) несколько кусочков какой-то обгорелой материи,

2) одна металлическая обгорелая застежка, видимо, от корсетных подвязок,

3) две обгорелые пуговицы,

4) шесть кнопок,

5) одно обгорелое металлическое колечко,

6) обгорелый крючок,

7) несколько кусочков от обгоревших, видимо, корсетных планшеток и один металлический угольничек от такой планшетки. Все найденные в этом месте предметы были обнаружены в самом кострище.

з) При исследовании глиняной площадки, на которой находится кострище, обозначенное на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 57, в верхних слоях глины втоптанymi в площадку найдены следующие предметы:

25 мая:

- 1) один винтовочный патрон,
- 2) два патрона от револьвера,
- 3) оболочка от пули без свинца,
- 4) девять кусочков свинца,

26 мая:

- 5) пять топазных бус с двумя осколочками с них,
- 6) один рубин и рядом с ним два маленьких осколочка белого стекла,
- 7) семь осколочков, видимо, от белого хрустального флакона,
- 8) одна пуговица,
- 9) несколько кусочков рассыпающихся при дотрагивании, видимо, свинцовой бумаги,
- 10) два зеленых осколка от флакона, на одном из которых уцелели остатки надписи на английском языке, указывающей, видимо, то вещество, которое было во флаконе,
- 11) три осколочка белого стекла;

27 мая:

- 12) две револьверных пули, найденные в непосредственной близости одна от другой, причем одна из них сплющена и, как будто имеет признаки крови,
- 13) одна большая петля, видимо, от мужского костюма,
- 14) три пуговицы,
- 15) один маленький гвоздик,
- 16) один осколок толстого стекла желтого цвета,
- 17) 22 осколка белого стекла и 1 весьма маленький кусочек как будто бы слюды,
- 18) шесть топазных бус,

- 19) два бриллиантовых камня,
- 20) тоненькая золотая цепочка, видимо, от дамского брас-
лета,
- 21) 11 жемчужинок круглых,
- 22) две маленьких, видимо, топазных бусинки,
- 23) два осколка от жемчужины,
- 24) два осколка сапфира,
- 25) один осколок рубина,
- 26) две части какого-то золотого украшения,
- 27) 11 осколков изумруда,
- 28) один кусочек серебра или платины;

28 мая:

- 29) два небольших гвоздя,
- 30) два фестона от обуви или корсета,
- 31) одна петля,
- 32) одна пуговица,
- 33) часть какого-то драгоценного украшения, представ-
ляющая собой обломок зеленого серебра или платины с 4 брил-
лиантовыми камнями,
- 34) два маленьких кусочка белого стекла,
- 35) два кусочка эмали,
- 36) один кусочек, видимо, слюды;

1-го июня:

- 37) два осколка кости млекопитающего, сильно обгорелые,
- 38) одна круглая малая жемчужина,
- 39) один маленький обрывок тоненькой золотой цепочки,
видимо, от дамского браслета,
- 40) один обломок какого-то золотого украшения,
- 41) один маленький квадратной формы обгорелый кусо-
чек, видимо, серебра или другого белого металла,
- 42) два обгорелых кусочка черно-фиолетового цвета, труд-
но определимые без специального исследования,
- 43) один металлический крючок,
- 44) одна металлическая петелька,

- 45) семь осколочков белого стекла,
- 46) шесть осколков зеленого цвета, видимо, от флакона,
- 47) один осколочек темно-желтого цвета, видимо, от флакона,
- 48) два обгорелых кусочка какой-то кости млекопитающего,
- 49) на той же площадке, но в другом месте ее 13 кусочков каких-то костей млекопитающего, видимо, обгорелые;
- 50) одна обгорелая пуговица от дамского пальто,
- 51) свыше 10 каких-то обгорелых предметов, видимо, или обуви или же другого какого-либо предмета от костюма,
- 52) три кусочка материи темно-зеленого цвета,
- 53) один небольшой гвоздик,
- 54) один кусочек стекла зеленого цвета, видимо, от флакона, и
- 55) одна пуговица;

и) 1-го июня в кострище около старой березы были еще найдены следующие предметы:

- 1) одна обгорелая петля и
- 2) маленькая кнопочка, видимо, от обуви;

к) При обследовании верхних видимых частей шахты открытой на крепи ее 26 мая найдены 15 кусочков красной парафиновой свечи;

л) При обследовании ямы около открытой шахты, на дне которой лежат трубы насоса, изображенной на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 56, на склоне ее 27 мая найдены:

- 1) золотая оправка от пенсне, стекла которого не имеют оправы (видимо, Боткина), и
- 2) шнурок, видимо, от пенсне, сильно замазанный глиной;

м) При обследовании местности около самой открытой шахты (между глиняной площадкой и открытой шахтой), в непосредственной близости с шахтой 4-го июня были найдены:

- 1) пять осколков желтого стекла,
- 2) два осколочка белого стекла,
- 3) один кусочек красной парафиновой свечи,
- 4) две части ручной гранаты;

н) При обследовании дорожек в западном направлении от рудника 5 июня на пересечении пятой свертки от Коптяков к руднику и дорожки на плотинку найден обрывок советской газеты;

о) 5-го июня снова между открытой шахтой и глиняной площадкой было найдено пять осколков тонкого белого стекла;

п) 7-го июня вблизи пересечения пятой свертки с Коптяковской дороги к руднику и дорожки на плотинку в лесу найден обрывок советской газеты;

р) 13 июня вблизи Ганиной ямы найдены 2 части ручной гранаты;

с) 17-го июня в старой яме, на дне которой лежат трубы от насоса вблизи открытой шахты, какова яма изображена на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 56, найден флакон с английскими солями, в совершенно исправном виде.

Более никаких предметов в описанном районе при наружном осмотре такого и розысках не усмотрено.

Из кострища около открытой шахты (этот костер изображен на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 57) и около старой березы, на которой была надпись «Фесенко» (этот костер изображен на фотографическом снимке, находящемся на л.д. 57), взята средняя проба земли для производства исследований.

Общий осмотр всей описанной местности дает основание признать, как наиболее вероятные, при настоящем положении предварительного следствия, следующие обстоятельства:

1) Дорога от города Екатеринбурга до рудника и даже до самой открытой шахты не может встретить никаких препятствий к доставлению сюда трупов, хотя бы и в автомобиле; автомобиль может по этой дороге в дождливое время или тогда, когда лесные ложи несколько сыроваты, вязнуть по ложбинам и должен следовать тихим ходом в некоторых местах дороги, но таковая в общем ее протяжении везде для него проходима.

2) Описанный рудник, где имеется открытая шахта, является наиболее глухим из всех имеющихся в данной местности. В сравнении с ним рудник у Красной казармы и рудник вблизи Коптяковской дороги слишком открыты, так как первый находится на открытой местности, а второй – вблизи большой Коптяковской дороги, с которой он даже видим. Описанный же рудник совершенно исключителен в этом отношении. С одной стороны, он является глухим, т.е. наиболее удаленным от железной дороги, и совершенно закрытым со стороны дорог лесом, а с другой стороны, к нему близко подходят и сам он покрыт хорошо проездными дорожками.

3) Его положение и расположение дорожек таково, что он весьма удобно может быть оцеплен заградительными кордонами: со стороны Коптяков и железной дороги по Коптяковской дороге, а со стороны сенокосных мест по тропе, где были усмотрены кострища.

4) Определить возможное местонахождение трупов Августейшей Семьи при наружном осмотре данной местности или частей сих трупов, буде самые трупы расчленились и уничтожались, не представляется возможным. Таких мест в данной местности слишком много, и для правильного разрешения этой задачи необходимо планомерное производство работ по раскрытию старых шурфов, шахт и других мест, внушающих некоторые в сем отношении подозрения.

Волей господина Верховного правителя, лично объявленной 3 июня сего года господином Верховным правителем судебному следователю, производство сих работ возложено на генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в согласии с данными предварительного следствия.

Судебный следователь *Н. Соколов*
Генерал-лейтенант *Дитерихс*
Прокурор Екатеринбургского окружного суда
В. Иорданский

При осмотре присутствовали
и вышепоименованные вещи обнаруживали:
Генерал-майор *Сергей Алексеевич Домонтович*,
Инженер *Виктор Янович Пржездзецкий*,
Дворянин поручик *Павел Яковлевич Начаров*,
Великобританский подданный *Роберт Альфредович Вильтон*

С подлинным верно
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 19–22 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, обнаруженных при осмотре рудника и окружающей его местности 23 мая – 17 июня сего года.

Вещи, найденные в районе «Красной казармы».

1. Пара мужских замшевых перчаток.

Обе перчатки серого цвета, парные. Они застегиваются на кнопки, по одной у каждой. Правая перчатка по шву указательного и большого пальцев разорвана и зашита через край довольно небрежно. Перчатки уже поношенные. На наружной стороне обеих перчаток, где они покрывают тыльную часть руки, усматриваются большие темные пятна, напоминающие несколько кровь. На обеих перчатках с наружной стороны усматриваются маленькие, приставшие к перчаткам капли парафина. Часть их при осмотре и исследовании свойств этих капель была отделена и помещена в особый пакетик.

Вещи, найденные около кострища у тропы, отделившейся от дорожки на плотину и вышедшей к березовой стлани.

4. Длинная узкая полоска белой материи.

Ее длина 1 метр 12 сантиметров и ширина 6 миллиметров. Полоска состоит из двух одинаковой ширины (6 миллиметров) полосок, сшитых белыми нитками, и является, видимо, кромкой какого-то, скорее всего женского, платья, от которого она оторвана.

7. Женский ботинок.

Ботинок черной кожи, побелевшей местами от сырости. Он с ноги взрослой женщины. Кожа его весьма хорошая. Фасон его с удлиненным носком, на который нашит носочник, на низ-

ком каблуке. Ботинок шнуровой. У шнура уцелела лишь часть его, пропущенная в нижних гнездах к носку. Шнур представляет собой хорошую шнуровую тесьму, видимо, черного цвета, выцветшую от сырости. Гнезда для шнура имеют фестоны, края которых снаружи обложены каким-то особым веществом, вероятно, гуттаперчевой массой, на которой красиво вытеснены рубчики. Ботинок с правой ноги. Он уже сильно поношенный. На каблуке его имеются следы дополнительной набойки. Около носка с правой стороны он лопнул. Совершенно явственно видно, что ботинок был разрезан сзади во всю его заднюю стенку, вместе с подкладкой, и через это, видимо, отверстие он был снят с ноги. Подкладка ботинка из какой-то плотной хорошей материи. В трех местах на этой материи имеется фабричное клеймо — имеется затканная из ниток фабричная надпись: «якорь» и ниже «С. Петербург». Задняя стенка каблука ботинка и лицевая сторона самого задника над каблуком как будто бы имеют следы ожога.

Вещи, найденные на полянке с пнем.

14. Листики из медицинской книжки.

Этих листиков несколько. Они все слиплись и с большим трудом отделяются друг от друга. В них остатки, видимо, истлевших человеческих экскрементов, слепивших их. Листики представляют собой части какой-то медицинской книжки, из которой они и вырваны. Сверху листиков имеется заглавие «Алфавитный указатель». Из содержания записей видно, что листики вырваны, по всей вероятности, из какого-либо медицинского пособия или врачебного календаря. На одном из них сохранилась нумерация страницы — «54».

15. Листик из медицинской книжки.

Этот листик сложен в несколько частей, также слепленных между собою, видимо, истлевшими человеческими экскрементами. При разделении этих частей от листика отделились два небольших кусочка. Листик вырван из медицинской, видимо, книги, а не газеты. Его шрифт похож на шрифт предыдущих ли-

стиков, но на них он мельче и является, видимо, по сравнению с шрифтом, коим напечатан описываемый сейчас листок, пети- том.

16. 12 обрывков советских газет.

а) Один обрывок газеты «Известия Уральского Областного Совета». Как видно из текста объявлений, этот номер был выпу- щен 13 июля 1918 года (по новому стилю).

17. Два обрывка газеты на немецком языке.

Газета сохранила дату «26 июня 1918 года». Весь текст обоих обрывков на немецком языке, но в той рубрике верхней части газеты, где часто помещаются начальные тексты объ- явлений, на русском языке написано: «Третий ин.» (дальней- ший текст оторван, орфография при этом сохранена). Газета, несомненно, большевицкого характера, как это видно из тек- ста отрывков. В ней отрицательное отношение к выступлению чехословаков в России и к Великой Европейской войне. Пер- вое явление трактуется, как служение чехословаков союзни- кам. Второе — как бойня в интересах капитала. Первая верхняя строка газеты, видимо, обычный лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», от которого сохранилась только часть первого слова на немецком языке.

18. Яичная скорлупа.

Скорлупа в виде нескольких десятков мелких кусочков¹.

19. Два обрывка записки, писанной карандашом.

Записка эта сильно запачкана грязью и разорвана на две части. Весьма трудно установить точно смысл написанного. Од- нако можно понять, что в записке говорится о приказе комисса- ра Анучина комиссару Мрачковскому за № 7407, адресованном Мрачковскому в Уфалей, выслать в Екатеринбург Костром- ской полк для защиты шоссе. Общий же смысл записки сле- дующий. Автор записки спрашивает у какого-то большевиц- кого комиссара указаний, как ему поступить в связи с указан- ным приказом.

---

¹ Яичная скорлупа была в числе других предметов из материалов следствия, выставленных на аукцион «Сотбис» в 1989 г.

Вещи, найденные на первой от Четырех Братьев свертке к руднику, между полянкой с пнем и полянкой у открытой шахты.

20. Кусок—обрывок белой материи.

Этот кусок имеет длину 22 и ширину 19 сантиметров. Он из какого-то бумажного материала и является обрывком нижнего белья. Видимо, он от подола, так как у него имеется нижний подрубленный рубец. Кроме того, у него имеется также продольный рубец. Оба рубца пошиты белыми нитками.

21. Кусок материи защитного цвета.

Этот кусок имеет форму равнобедренного треугольника и является обрывком какой-то материи защитного цвета. Видимо, он оторван не от одежды, а от цельной материи, не бывшей в употреблении, так как материя этого кусочка представляется новой. Местами краска этого кусочка сошла, и он представляется белым. Посередине его усматривается темноватого цвета полоска, подозрительная на кровь. К этому обрывку, у конца его, привязана узлом узкая длинная полоска, имеющая в длину 29 сантиметров и в ширину два сантиметра. Полоска из редкой пестрой материи, сотканной из черных и белых ниток. Получается впечатление, что из обрывка материи и этой полоски была связана, для какой-то цели, длинная тесемочка.

Вещи, найденные по склону старого шурфа около глиняной площадки и на этой площадке.

28. Одна железная пластинка от дамского корсета.

Ее длина 36 сантиметров и ширина 6 миллиметров. Эта пластинка имеет на одном конце металлический наконечник. Она по своим размерам и виду одинакова с теми 12 пластинками, которые описаны в пункте 8 протокола 15—16 февраля сего года (л. д. 46, том 2). Она сильно обожжена и помята.

Вещи, найденные по склону того же шурфа и на глиняной площадке.

3) 1. Корсетные кости.

Кости железные, обгорелые. Из них две имеют в ширину 1 сантиметр 3 миллиметра и в длину одна — 35 сантиметров, другая — 29 сантиметров. Две имеют в ширину 7 миллиметров и в длину 31 $\frac{1}{2}$ сантиметра, одна в ширину 6 миллиметров и в длину 33 сантиметра.

35. Один осколок аметиста.

Камень вишневого цвета хорошего блеска. Он не имеет граней и имеет форму «кабошон». Его длина 5 миллиметров, ширина 4 миллиметра и толщина камня 3 миллиметра. Его одна сторона явно имеет следы разрушения камня: как будто бы этот осколочек отделен от камня при помощи какого-либо режущего тяжелого предмета. Другая сторона камня, примыкающая к области разреза, носит также следы разрушения камня: верхние его слои отсутствуют или от ударов вблизи их, или же потому, что камень давился.

37. Медный ружейный патрон.

Патрон — от русской трехлинейной винтовки. Он использован и не представляет никаких особенностей.

38. 14 осколков костей.

Все кости, видимо, рублены. Они все носят ясно выраженные признаки ожогов их. Определить природу костей и самый характер ожогов не представляется возможным без научного исследования их. 14-ый осколок образовался отделением от одной из костей в момент осмотра.

Вещи, найденные в районе кострища у старой березы 26 мая и 1 июня.

Вещи, найденные 26 мая.

40. Одна пряжка от дамских подвязок. Эта пряжка по своему внешнему виду и размерам совершенно одинакова с пряжками, описанными в пункте 9. ж. протокола 15–16 февра-

ля сего года (лист дела 46 об., том 2). Она сильно обгорела. В этой пряжке находится кусочек обгорелой материи.

41. Одна пуговица от мужского костюма.

Она имеет в диаметре 1 сантиметр и имеет обозначение. «Лидваль С.П.Б». Пуговица эта также сильно обгорела.

42. Одна пуговица от мужского костюма.

Она имеет в диаметре 2 сантиметра и также, видимо, обгорела. Пуговица черного цвета, костяная.

45. Круглое металлическое колечко.

Колечко имеет в диаметре 1 сантиметр 1 миллиметр. Оно обгорело. Вероятно, колечко является принадлежностью корсетной шнуровки.

45.2. Маленький металлический угольничек.

Угольничек имеет в длину и в ширину 7 миллиметров. Он сильно обгорел. Угольник является, видимо, принадлежностью корсетной планшетки.

46. Кусочки металла корсетной планшетки.

Они образовались вследствие обгорания планшеток и очень легко превращаются в пыль.

Вещи, найденные на глиняной площадке.

Вещи, найденные 25 мая.

48.2. Один винтовочный патрон.

Патрон принадлежит винтовке, видимо, системы Бердана. Он использован и сильно измят. В нем находится кусочек какого-то предмета, для извлечения которого патрон был пробит гвоздем. Этот кусочек оказался комочком засохшей грязи.

49. Один патрон от револьвера.

Патрон принадлежит револьверу, видимо, системы Кольта, 45 калибра. Патрон использован.

50. Один патрон от револьвера.

Патрон принадлежит, видимо, револьверу системы Браунинг. Он использован.

51. Стальная оболочка от пули.

Оболочка пуста, в ней нет самой пули. Лишь в самом конце оболочки усматриваются остатки свинца. На самой оболочке усматриваются следы нарезов, как результат прохождения ее по стволу ружья, и какие-то пятна, природу которых не представляется возможным определить без научного исследования. Оболочка принадлежит пуле от револьвера. Она несомненно подвергалась действию огня.

52. 10 кусочков свинца.

Все они разной величины и неправильной формы. Некоторые из кусочков к концу их имеют вид застывшей капли. Совершенно ясно представляется, что кусочки эти образовались от растапливания свинца в огне.

Вещи, найденные 26 мая.

61. Одна пуля.

Пуля от револьвера системы, видимо, Нагана. Она имеет следы нарезов на ее оболочке, как результат прохождения ее по каналу ствола. Она деформирована, сильно запачкана глиной и подвергалась, видимо, слегка действию огня. Местами на оболочке ее усматриваются темновато-желтого цвета пятнышки, подозрительные на кровь.

62. Одна пуля.

Пуля от револьвера системы также, видимо, Нагана. Она также имеет следы нарезов, как результат прохождения ее по каналу ствола. Также она запачкана глиной и имеет подозрительные на кровь пятнышки.

79. Один кусочек металла.

Металл, видимо, благородный: серебро или платина. Он имеет в длину 5 миллиметров и в ширину 3 миллиметра. Кусочек — неправильной формы, края его носят совершенно явно выраженные следы разрушения основного предмета, которому принадлежит кусочек. Видимо, этот предмет разрушался каким-то твердым и режущим предметом.

Вещи, найденные 28 мая.

84. Часть разломанного украшения.

Основа этого украшения сделана, видимо, из серебра или платины. Само украшение имеет форму запятой. Кавычку запятой составляет бриллиант, сидящий в оправе металла, имеющий в диаметре 3 миллиметра. Линию запятой составляют две пластинки металла, между которыми сидят в гнездах бриллианты. Их насчитывается три, причем один из них имеет диаметр $1 \frac{1}{2}$ миллиметра, а два — по 1 миллиметру. Кроме того, в оправе видно гнездо бриллианта, самый же бриллиант отсутствует. Конец украшения разломан: совершенно ясно видно, что он подвергся воздействию какого-то твердого режущего предмета и разрезан этим предметом, причем удар пришелся как раз по гнезду, где сидел бриллиант. Удар раздробил и самый бриллиант (пятый в этом украшении, кроме отсутствующего в гнезде), оставив лишь самую незначительную частичку его. При сравнении этого украшения с кусочком благородного металла, описанным выше в пункте 79 сего протокола, ясно представляется, что этот кусочек принадлежит к одному украшению с описываемым предметом: тот же металл и те же углы, полученные при разрушении.

Вещи, найденные 1 июня.

88. 18 обломков костей.

Все они имеют следы ожогов. Не представляется возможным определить природу этих костей без научного исследования.

92. Один кусочек белого металла.

Он квадратной формы и имеет стороны в квадрате 9 миллиметров. Он покрыт копотью. По очищении его от копоти он оказался кусочком простой жести и является, видимо, частью гранаты.

Вещи, найденные при исследовании верхних видимых частей открытой шахты.

104. Куски красного парафина или воска.

Таких кусочков свыше 10. Но они постоянно делятся при дотрагивании на более мелкие. Кусочки — красного цвета. Они, скорее всего, являются кусочками красного воска, так как издают характерный для воска запах.

Вещи, найденные в яме около открытой шахты.

105. Оправа от пенсне.

Оправа полностью сохранилась, она, видимо, золотая. Оправа, как видно из ее устройства, только держала края стекол у пенсне около переносицы. Без специального исследования через экспертизу не представляется возможным ныне же определить, относится ли эта оправа к стеклам пенсне, одно из которых описывается в пункте 13 протокола 15–16 февраля сего года (лист дела 47, том 2).

Вещи, найденные между открытой шахтой и глиняной площадкой.

109. Кусочки красного воска.

На них разделился при осмотре один первоначальный кусочек. Они тождественны кусочкам, описанным в пункте 104 сего протокола.

110. Два осколка от ручной гранаты.

С частями этих кусочков совершенно тождествен кусочек, описанный в пункте 92 сего протокола. Они также покрыты копотью.

Вещи, найденные вблизи «Ганиной Ямы».

114. Две части гранаты.

Определение вида гранаты по этим частям не представляется возможным сделать без производства экспертизы. Обе части являются частями использованной гранаты, то есть разорвавшейся.

Вещи, найденные в старой яме около открытой шахты.

115. Флакон с солями.

Флакон маленький. Он имеет длину вместе с пробкой 7 сантиметров. Он совершенно сохранился и нигде не имеет никаких повреждений. Пробка его очень крепко сидит в флаконе и не извлекается. В нем находятся соли. При сличении стекла этого флакона с осколками белого стекла с желтоватым оттенком, описанными в пунктах 53, 55, 56, 67 — во второй части этого пункта /.../, между ними наблюдается большое сходство.

Судебный следователь *Н. Соколов*

Поняты

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 6 — июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, в порядке 31.5-324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр работ по раскопкам старого рудника, описанного в протоколе 23 мая — 17 июня сего года, возложенных волей Верховного Правителя на генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса.

По осмотру найдено следующее:

а. По окончании обследования глиняной площадки, находящейся вблизи открытой шахты и изображенной на фотографических снимках на л. д. том в целях нахождения в верхних ее пластах предметов, относящихся к делу, площадка была разрезана во всю ее ширину и глубину, как это изображается на фотографическом снимке на листе дела том (?). По разрезе площадки оказалась, что она насыпана на естественный грунт земли, покрытый травой, как и вся полянка вблизи шахты. Трава эта, находящаяся под площадкой, умерла. Представляется очевидным, что эта площадка давнего происхождения и насыпана, видимо, при разработке шахты, когда грунт ее выкидывался из шахты и складывался вблизи на лужайку. Разрезы площадки не обнаружили присутствия в ней каких-либо предметов, относящихся к делу. Находящийся на площадке костер был сохранен при разрезах для обследования его почвы вместе с площадкой путем просеивания и промывки ее. 10 июня почва глиняной площадки бралась по частям и просеивалась на особых железных решетках. По накоплении достаточного количества материала от просевки почвы площадки, крупные куски и, в некоторых случаях, просеянная почва тут же промывались через металлическую сетку. Промывка площадки началась 13 июня.

При просевке и промывке почвы глиняной площадки были обнаружены следующие предметы:

3 июля: часть какого-то разломанного золотого предмета в виде тоненькой продолговатой золотой пластинки, часть то-

ленькой золотой цепочки в виде двух соединенных ее петелек и маленькая часть самой петельки;

6 июля: 2 малых сапожных гвоздика, из коих один без головки, и головка третьего гвоздика, очень маленький кусочек, видимо, золота в виде части какого-то разломанного золотого предмета и разломанная петля, видимо, от дамского костюма:

8 июля: семь кусочков расплавленного в огне свинца и один маленький сапожный винтик.

До 10 июля была разобрана, для просевки и промывки, приблизительно, одна четвертая часть глиняной площадки. Остальная часть ее осталась не использованной этими способами¹.

б. 15 июня был произведен разрез старой ямы с трубами от насосов на дне ее, находящейся вблизи открытой шахты в южном направлении, каковая яма описана в акте осмотра местности от 23 мая — 17 июня (л. д. том) и изображена на фотографическом снимке, находящемся на листе дела том. Работы по разрезу этой ямы были окончены 24 июня. Разрез был произведен глубиной на 4 аршина до материковой земли. Раскопки не обнаружили никаких предметов, относящихся к делу.

в. 16 июня был произведен разрез полянки, где имелись признаки жилья для рабочих, вблизи открытой шахты, изображенной на фотографических снимках на листах дела том. Разрез ее был кончен того же 16 июня. Раскопки производились на глубину 8 вершков до материковой земли и на глубину последней на 4 вершка. Раскопки установили, что эта полянка на высоте 8 вершков от материковой земли носит характер искусственной насыпки, давнего происхождения, сделанной, видимо, во время постройки барачков для рабочих. Раскопки не обнаружили никаких предметов, относящихся к делу.

в. /так!/ Такие же разрезы были сделаны на полянке с пнем, обозначенной на фотографическом снимке на листе дела

---

¹ Три четверти глиняной площадки летом 1918–1919 гг. не было разобрано для промывки См. Авдонин А.Н. Ганина яма. История поиска останков царской семьи. Екатеринбург. 2003. С. 102–104.

том. Разрезы были начаты 23 июня и окончены 27 июня. Полянка была прорезана на глубину 1 аршина. В разрезах ничего относящегося к делу не обнаружено и не получено никаких указаний на искусственное задержание полянки.

г. Такие же разрезы были сделаны на одной из лесных полянок между полянкой с пнем и полянкой у открытой шахты. Эти разрезы были начаты 20 июня и окончены 21 июня. Глубина их также 1 аршин. При этих разрезах также не обнаружено никаких предметов, относящихся к делу.

д. Описанный в акте от 23 мая — 17 июня (л. д. том (?)) разрез к югу от открытой шахты, принятый при наружном осмотре за разработку, идущую от этой шахты под землей и имеющую обвалы, подвергался разрезам. Разрезы были начаты 10 июня и окончены 14 июня. Разрезыванию подвергалось лишь дно выработки, а не береговые откосы с обвалами, обозначенные на фотографическом снимке на листе дела.

Дно было пройдено по длине всей выработки и разрезы производились глубиною на 2, а местами на 3 аршина. Была также исследована и разработка, у которой кончается самый разрез, обозначенный на фотографическом снимке. Разрезы дна не обнаружили присутствия в нем каких-либо предметов, относящихся к делу. Самая же эта выработка оказалась не имеющей никакой связи с открытой шахтой. Она является поверхностным разрезом, наружной разработкой, имевшей целью добычу руды без применения шахт. Разработка, у которой кончается разрез и которая изображена на фотографическом снимке на листе дела том, оказалась не шахтой, а естественным обвалом берегов разработки. В дальнейшем ходе работ подлежали исследованию береговые откосы разработки, к обследованию коих не могло быть приступлено до 10 июля.

е. С 19 июня были начаты работы по исследованию Ганиной ямы. С этого числа была начата откачка воды из озера, оконченная 23 июня. 24 июня озеро совершенно обнажилось от воды и достаточно обсохло. Глубина его оказалась 1 $\frac{1}{2}$ сажени. Оно является старой, брошенной наружной разработкой руды. После окончания разработки оно покрылось

водой. Через все дно озера идет с запада на восток канава, обнесенная с обеих сторон деревянными стойками, толщиной в 2—3 вершка (щегень), имеющая задачей спуск воды в особо прорытую яму: зунд.

С 24 июня была начата прорезка береговых откосов Ганиной ямы, глубиною на 1 $\frac{1}{2}$ сажени. Она была окончена 10 июля. Никаких имеющих отношения к делу предметов прорезка береговых откосов не обнаружила. В дальнейшем ходе работ подлежало обследованию дно ямы, к производству каких работ не могло быть приступлено до 10 июля.

ж. Последняя группа разработок включает в себя разработку подозрительных по обвалам старых изысканий и выработок, природу коих не представлялось возможным определить при наружном осмотре местности, а также и разработку открытой шахты.

В целях удобства все эти старые заброшенные обвалившиеся разработки были занумерованы под номерами 1—29 включительно. Раскопками их было установлено следующее.

2. Шахта № 2.

Эта шахта находится в восточном направлении от открытой шахты (№ 7) в расстоянии 8 шагов от первой от Четырех Братьев свертки к руднику. Эта шахта изображается на фотографическом снимке на листе дела том. В ней не оказалось крепи, и шахта предварительно была закреплена. Засыпка в ней оказалась на глубине 7 аршин 4 вершка. Под ней материковый грунт. На этой глубине от шахты идет рассечка в восточном направлении в длину 3 аршина. Эта рассечка также была пройдена на всем ее протяжении до материковой земли. Никаких предметов, относящихся к делу, при раскопках этой шахты не было обнаружено. Работы с этой шахты были начаты 10 и окончены 13 июня. Эта шахта служила целям добывания из рассечки руды.

3. Шахта № 3.

Эта шахта находится в северном направлении от открытой шахты (№ 7) и в расстоянии 13 шагов от дорожки (первой свертки от Четырех Братьев к руднику). Разработка этой шах-

ты была начата 12 июня. Шахта не имела крепи и была предварительно закреплена. Глубина засыпки оказалась 5 аршин 4 вершка. Ниже ее оказалась вода, стоявшая на глубине 2 аршин. Вода из этой шахты ушла откачиванием воды из открытой шахты (№ 7). При раскопках этой шахты на глубине 1 1/2 аршин в засыпке был обнаружен носовой платок, а на глубине 2 аршин — обрывок советской газеты. По осушке шахты от воды раскопки производились на глубину 7 аршин до материковой земли. Материковая земля была обнаружена 30 июня. В этой шахте на глубине 4 аршин оказался обвал, идущий в южном направлении, и рассечка, идущая в северном направлении, также обвалившаяся, без крепи. Обвал был пройден на протяжении 3 аршин. Далее идет какой-то сруб, природу которого можно определить только раскопками. Как обвал, так и рассечка не были обследованы до 10 июля.

7. Шахта № 7.

Этим номером обозначается открытая шахта, описанная в акте 23 мая — 17 июня (л.д. том (?)).

Толщина слоя льда в большом колодце этой шахты была 3 вершка, в малом — 4 вершка. Лед в малом колодце был пробит шупом. Под слоем льда в малом колодце шахты снова оказалась вода на глубине 4 аршин. Вода из этой шахты начата была откачкой 12 июня. 25 июня откачка воды была окончена. По откачке воды выяснилась следующая разница в состоянии двух колодцев этой шахты: пол под водой, удаленной из шахты путем откачивания ее, оказался в малом колодце шахты выше пола в большом колодце шахты на 12 вершков. Вся твердая масса, бывшая под водой в малом колодце шахты, была извлечена из колодца и положена на особо приготовленный брезент для особого исследования ее.

При выемке этой массы в составе ее оказались следующие предметы: 25 июня на глубине 3 вершков массы был обнаружен труп собаки¹, а 26 июня на глубине 4 вершков был най-

---

¹ С. Гиббс опознал собачку, она принадлежала в. кн. Анастасии Николаевне, звали ее Джемми. См. *Росс Н.* Указ. соч. С. 378—379.

ден перочинный нож и серебряная рамочка, видимо, от малого образка. Под этой массой оказался пол из вершкового теса, проложенный прямо на грунт. Пол был весь извлечен из малого колодца.

В большом колодце шахты под водой оказался пол из перерубленных пополам горбылей толщиной в 3 вершка. Для удобств выкачивания воды из шахты во время выкачивания воды были вынуты два нижние звена в стенке, разделяющей колодец шахты, через какое отверстие уходила вода из малого колодца в большой. Течением воды на пол большого колодца был нанесен ил. Ил этот был весь извлечен. Был вынут также и пол большого колодца. Пол лежал на материковой земле, также взятой на глубине 3 вершков для исследования. 28 июня судебным следователем была лично обследована шахта, причем колодцы ее представились в следующем виде.

Сруб большого колодца шахты — старый, но везде хорошо сохранившийся.

Он сделан из разных пород бревен, но преимущественно сосновых, толщиной от 3 до 4 $\frac{1}{2}$ вершков. В стены сруба вбиты железные скобы, по которым и производился спуск в большой колодец. Нигде не обнаружено на стенах большого колодца следов разрушения их гранатами. Все бревна в полной исправности. Но на самых бревнах имеется много наружных небольших царапин и расщепов, возможно, и от внедрения в бревно небольших осколков гранат.

Глубина большого колодца шахты до пола оказалась 5 сажен 7 вершков.

Грунт под полом в большом колодце глинистый и мелкокаменистый, твердый. Стены большого колодца обметались для отыскания предметов, но таковых при спуске обнаружено не было. Никакого сообщения с малым колодцем большой колодец не имеет. Сообщение, как уже указывалось выше, с малым колодцем получилось после удаления из общей стенки двух нижних звеньев для стока воды. Также не оказалось и никаких коридоров из этого большого колодца шахты.

Таким образом, предположение, сделанное при наружном осмотре этого колодца шахты (л. д. том), что через этот колодец производилась добыча руды, отпадает.

Большой колодец является колодцем исключительно для откачки воды.

Сруб малого колодца шахты представляется в совершенно таком же виде, как и большого колодца. Глубина малого колодца до пола меньше глубины большого колодца на 12 вершков, т. е. глубина малого колодца составляет 4 сажени 2 аршина 11 вершков. Грунт малого колодца такой же по составу и качеству, как и большого колодца. На уровне пола малого колодца шахты идет, в восточном направлении, коридор, имеющий в длину 7 аршин, в высоту $1 \frac{3}{4}$ аршина и в ширину $1 \frac{1}{4}$ аршина. Этот коридор закреплен деревянными лежнями, стойками, огнивами и подхватами. Кончается он стенкой, также закрепленной при помощи горбылей и одной стойки. Стенка была разобрана, причем под ней ничего постороннего не найдено. Этот коридор и является местом, откуда производилась добыча руды, называясь местным названием «забой». Таким образом, малый колодец и является в действительности рабочей шахтой, откуда производилась добыча руды.

Таким образом, состояние обоих колодцев шахты № 7 абсолютно исключает всякую возможность нахождения где-либо в ней или ее разработке трупов Августейшей семьи.

Масса, находившаяся в малом колодце шахты на глубине 12 вершков над полом, была осмотрена на брезенте. Эта масса представляет собой преимущественно глину совершенно такого же вида, как и глина площадки у самой шахты, с небольшой примесью камней, щепок, палок и корней. Она закрывала самый проход в коридор из малого колодца шахты, приблизительно, на половину его высоты. Совершенно ясным представляется, что вся эта масса является засыпкой колодца шахты глиной, взятой тут же с площадки у шахты, причем прекращение доступа в коридор из малого колодца шахты ясно свидетельствует, что эта засыпка — позднейшего происхождения и не имеет связи с добычей руды из шахты.

Вся засыпка, вынутая из малого колодца шахты, была подвергнута, после осмотра ее, промывке на решетках. При промывке засыпки были найдены следующие предметы:

2 июля – серебряный, вызолоченный значок с эмалью Уланского Ее Величества полка с датой «1803 17/V 1903»¹;

7 июля – осколок жемчужины, прекрасного свойства, обломок какого-то золотого предмета, один топаз, 5 кусочков расплавленного свинца, кусочек белого стекла, один фестон, видимо, от шнуровки корсета, одна кнопка, два винтика, видимо, от обуви, два обломочка гвоздей и один тонкий гвоздик, видимо, от обуви;

8 июля – 2 кусочка красного парафина, цинковый обломок, местами покрытый следами краски, видимо, являющийся частью иконы, 3 кусочка, покрытые и смешанные с глиной, грязного цвета, сильно издающие запах сала²:

9 июля – 1 кусок какого-то беловатого предмета, запачканного глиной, издающего запах сала;

10 июля – 4 осколочка белого стекла, осколок, видимо, гранаты, английская булавка, 5 кусков синей материи³, 1 кусок – черной материи⁴, синими полосками, 2 куска черной материи, 1 – светло-желтой, 1 кусочек – белой, розовыми полосками, 1 пуговка от дамского платья, часть стеариновой свечи, 10 кусочков белого воска или парафина, 2 кусочка красного парафина, 8 крупных кусков какого-то предмета, грязноватого цвета, сильно запачканного глиной, и несколько мелких кусочков такого же предмета с сильным запахом сала, небольшой кусочек цинка с остатками краски, видимо, от одной и той же иконы, как и кусочек, найденный 8 июля, небольшой

---

¹ Значок опознан как принадлежащий Императрице, она носила его на браслете.

² Кусочки салоподобного вещества до сих пор не подвергались экспертизе.

³ А.А. Теглева опознала как кусок от юбки Императрицы.

⁴ А.А. Теглева опознала как ткань с синими полосами от пальто Е.С. Боткина.

кусочек кожи от обуви, 7 обуглившихся кусков дерева, из коих три представляют собой большие головешки, и несколько кусков углей, рассыпающихся на части.

Таким же образом был промыт ил, бывший над полом большого колодца шахты, и материковая земля, взятая после извлечения из колодца пола. При этой промывке 10 июля было найдено: 9 кусочков такой же синей материи, как и в малом колодце шахты, 3 каких-то металлических обломка, возможно, от гранаты, маленький кусочек свинцовой бумаги, два маленьких осколочка желтого стекла, 3 осколочка зеленого стекла от флакона, 4 осколочка белого стекла и около 20 кусочков углей, рассыпающихся при осмотре на более мелкие.

Таким образом, эта открытая шахта № 7 не имеет никакой связи с разрезом, идущим к югу от нее. Разрез, как уже указано выше, является совершенно самостоятельной разработкой руды на поверхности земли без системы шахт.

12. Шахта № 12.

Эта шахта находится в юго-восточном направлении от шахты № 11 и отстоит от дорожки в 40 шагах. Она не имела крепи и была предварительно закреплена. Засыпка в ней оказалась на глубине 5 аршин. Под засыпкой — материковая земля. Работы с этой шахтой были начаты 15 июня и окончены 16 июня. 15 июня при разработке этой шахты в засыпке, на глубине 2 аршин от поверхности ее, был найден топор с обломанным черенком.

27. Шахта № 27.

Она находится в южном направлении от шахты № 26 и отстоит от дорожки на 35 шагов. В ней оказалась засыпка. Засыпка была пройдена на глубине 8 аршин, причем материковой земли еще не было обнаружено на этой глубине. Крепи эта шахта не имела и была предварительно закреплена. Работы с ней были начаты 3 июля и были прерваны 10 июля.

В шахтах №№ 13—29 не обнаружено никаких предметов, относящихся к делу.

з. Одновременно с просевкой и промывкой глиняной площадки была промыта 5 июля также и земля из кострища у старой березы. При промывке ее было найдено: этикетка, ви-

димо, от какой-либо баночки с лекарством, с надписью: «хим. лаб. “Стелла” Стокгольм—Лондон», кусочек расплавленного свинца и кнопка, видимо, от дамского платья.

и. Сохраненный при разрезах площадки глиняной у шахты № 7 костер тщательно просеивался на металлических решетках. При просевке почвы, взятой из кострища, было найдено 18 июня: 3 фестона от ботинок, одна металлическая пуговица от мужского платья, одна малая круглая, совершенно сохранившаяся жемчужина, 2 осколка прекрасного по своим свойствам жемчуга от раздавленной, видимо, жемчужины.

к. При откачке воды из шахты № 7 для отвода выкачиваемой воды из большого колодца шахты была прорыта в западном направлении от шахты канава.

При прорывке ее был обнаружен в расстоянии 2 аршин от шахты и в расстоянии 2 вершков от глиняной площадки (от ребра ее) новый костер. Костер этот был, видимо, засыпан глиной, взятой с площадки. Его размеры определить невозможно с точностью, так как он виден, главным образом, по разрезам канавки. Однако его ширина, принимая во внимание разрезы канавки, приблизительно составляла около 4 аршин. В месте обнаружения этого костра было найдено 20 июня 5 осколков белого стекла.

л. Во время производства описанных в сем акте работ, кроме указанных предметов, были обнаружены еще следующие:

12 июня — во время разработки шахты № 2, в районе ее, была найдена часть какой-то тонкой материи, возможно, и платок, сплошь покрытый глиной. Представляется вероятным, что эта материя была выкинута из шахты № 2 при выкидывании из нее засыпки и не была в тот момент замечена. 27 июня в северо-западном направлении от шахты № 7 в траве, в расстоянии 17 шагов от этой шахты, были найдены три пластинки белого металла, видимо, от рамочки к образу. Того же числа, в том же направлении от той же шахты, в расстоянии от нее 6 шагов был найден ударный механизм от гранаты.

Согласно воле господина Верховного Правителя, объявленной лично им судебному следователю 3 июня, главное руководство работами по раскопкам для отыскания трупов

Августейшей семьи, или частей их трупов, а также и вещей Августейшей семьи в районе рудника, в согласии с данными предварительного следствия, принадлежало генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу, непосредственно и лично руководившему ими до 20 июня включительно. С этого же времени, ввиду назначения генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса на пост Главнокомандующего фронтом, наблюдение за работами принадлежало уполномоченному от генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса лицу — генерал-майору С.А. Домонтовичу¹, под главным руководством генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. Последним работы осматривались в этот период времени 28 и 29 июня.

10 июля, по распоряжению генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, дальнейшее производство работ было прервано ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург.

11 июля судебным следователем был получен через генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса приказ господина Верховного Правителя, приведенный за сим актом в приказе генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса от 11 сего июля за № 294, в копии к делу приложенном.

Судебный следователь *Н. Соколов*
Генерал-лейтенант *Дитерихс*
Генерал-майор *С.А. Домонтович*
Понятые

---

¹ Домонтович Сергей Алексеевич (сер. 1880-х—декабрь 1919 г.), родился в военной дворянской семье. Участник Первой мировой войны. С лета 1918 г. находился в Екатеринбурге. 13 декабря 1918 г. Верховным Правителем России адмиралом А.В. Колчаком был назначен военным помощником главного начальника Уральского края — С.С. Постникова. 17 февраля 1919 г., когда в Екатеринбурге был Колчак, получил звание генерал-майора. Активно участвовал в расследовании обстоятельств гибели царской семьи. Участник Сибирского Ледового похода. Умер от тифа на ст. Зима.

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 17 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали: *Георгий Владимирович Ярцов*, 29 лет, подполковник, начальник Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, в деле чужой, не судился. В июле месяце 1918 года я находился в г. Екатеринбурге, слушая лекции на старшем курсе Николаевской Военной Академии, перешедшей тогда в марте месяце в Екатеринбург. За день или за два до взятия Екатеринбурга чехами я бежал к ним из Екатеринбурга и возвратился туда по освобождении его от власти большевиков.

В скором времени после освобождения Екатеринбурга я узнал от капитана Малиновского, что в нескольких верстах от Екатеринбурга — где-то вблизи д. Коптяков в середине июля месяца (по новому стилю) в течение трех дней у большевиков была оцеплена определенная местность, куда они никого не пропускали и где они что-то делали. Сведения эти были тогда получены от офицера Шереметевского, проживавшего в то время в Коптяках. Я помню, что тогда же говорили, что местные крестьяне после ухода большевиков исследовали эту оцепленную ими местность и нашли там какие-то обгорелые вещи, свидетельствовавшие об уничтожении ими одежды с мужчин и женщин. Тогда же эти факты связывались с убийством большевиками Государя Императора и Его Семьи.

Я теперь не могу припомнить, видел ли я тогда сам эти найденные крестьянами вещи. Было решено отправиться в эти места и осмотреть их. Я помню, что тогда ездили следующие лица: я, капитан Малиновский, ротмистр Бартенев, штабс-капитан Бафталовский, капитан Политковский, штабс-ротмистр Ивановский, капитан Сумароков, капитан Дамишхан, прапорщик Мартынов, судебный следователь Наметкин, камердинер Государя Чемодуров, доктор Деревенко и поручик Шереметевский. Я не помню, что мы бы разделялись на две пар-

тии и ехали: одни на автомобиле из города, а другие по железной дороге. Мы, как я помню, все тогда выехали из города по железной дороге до станции Исеть; отсюда мы на лодках переплыли Верх-Исетское озеро и заехали в Коптяки, а из Коптяков мы поехали к руднику, где было оцепление и где были найдены вещи. Я не могу Вам сказать, какой именно сверткой мы ехали с Коптяковской дороги к руднику, но я помню, что мы сначала выехали к «Ганиной яме»: небольшому озеру, наполненному водой. Отсюда мы пешком прошли к двум шахтам, около которых в кострах были найдены вещи.

Один из этих костров был в расстоянии нескольких аршин от шахты на глиняной площадке. Другой несколько подалее вблизи березы, где имелась надпись, сделанная каким-то карандашом, с упоминанием имени горного инженера Фесенко с датой, кажется, 11 июля 1918 года. Костры были небольшие: около шахты, приблизительно, аршина полтора, около березы – приблизительно, аршин с четвертью. В них ничего не было, кроме золы, и я не помню, были ли в них угли. Ничего странного я при рассмотрении этих костров не заметил и другие также. Я, например, не заметил никакого воздействия в кострищах на землю или на какие-либо предметы кислот.

При осмотре костров были найдены тогда следующие предметы: большой бриллиант-подвесок в серебре, кажется, изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение бриллианта, описанного в пункте «в» протокола 10 февраля сего года, л.д. 13 об., том 2-й), шнурки от ботинок, осколок изумруда и медная пуговица малого размера. Где были найдены все остальные вещи, кроме бриллианта, я не помню. Бриллиант же был найден каким-то крестьянином, приехавшим с нами как проводник из Коптяков, в присутствии Политковского, в костре около березы с надписью «Фесенко».

Я не помню, был ли тогда обследован малый колодец шахты. В большой же колодец шахты спускался штабс-капитан Бафталовский. Я представляю себе тогда состояние шахты, т.е. этого большого колодца в таком виде: воды никакой в колодце не было. Бафталовский встал на пол. Пол был чем-то или про-

бит, или нескольких половиц в нем не было. Чрез это отверстие в полу Бафталовский пропускал шест, и шест дальше упирался во что-то твердое. Вот я так себе представляю состояние большого колодца. Воды я не видел в нем и не мог видеть, потому что колодец был глубокий, и ничего там ко дну не было видно. Помню я, что в этом колодце, кажется, на стенках, Бафталовский нашел осколки от какой-то гранаты, но какой именно, я сказать не могу и осколков теперь себе не представляю.

А также не могу ничего сказать про состояние дорожек, идущих там в районе этой шахты по направлению к Коптяковской дороге. Общее впечатление было то, что здесь были люди, исходили местность, так как в траве были тропы. Я тогда видел только два костра и третьего костра дальше по разработке, как Вы говорите, я не помню. Не могу также сказать, был ли там след от автомобиля и где именно. Я не помню ямы на дороге с бревном в яме, которым бы поправляли оборвавшийся автомобиль.

На месте шахты мы были тогда часа два и уехали той же дорогой, которой и приезжали. Решено было исследовать эти шахты, так как у нас тогда было представление, что трупы, должно быть, брошены в эту именно шахту, а на кострах только сжигалась одежда. Производство этих работ было поручено Шереметевскому. Производство же дознания было поручено тогда начальником гарнизона Голицыным Кирста. Я помню, что тогда в начале же своей работы Кирста говорил однажды в моем присутствии и Голицыну, что он, Кирста, не сомневается в том, что Государь жив, что Он увезен из Екатеринбурга, и говорил о каких-то имеющихся у него сведениях об этом. Впоследствии Кирста был арестован. Арестован он был, как мне говорил Голицын, тогда за то, что однажды в Управлении Голицына, в ожидании приема у него, Кирста написал какую-то записку, которую подняла какая-то дама. В этой записке Кирста писал, что дело принимает «уголовный характер». Мысль тогда самого Голицына, когда он мне об этом рассказывал, была та, что эту записку он связывал с делом об убийстве Августейшей Семьи и в поступке Кирсты усмотрел нехорошее. За это

тогда он и был арестован Голицыным. Больше по настоящему делу показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

За время пребывания в Екатеринбурге Августейшей Семьи, когда дело стало приближаться к освобождению Екатеринбурга, было в городе две версии. Одни говорили, что перед подписанием Брестского договора Гофман обусловил подписание договора сохранением жизни Семьи. Другие говорили, что Семья будет убита при приближении чехов. Было среди нас, офицеров, пять человек, с которыми я говорил тогда вполне откровенно по вопросу о принятии каких-либо мер к спасению Семьи. Это были: капитан Малиновский, капитан Ахвердов, капитан Делинсгаузен, капитан Гершельман. В этих целях мы постарались через Делинсгаузена достать план квартиры Ипатьева, где содержалась Августейшая Семья. Это удалось сделать ему через доктора Деревенко, который на словах и сообщил ему о расположении комнат. Впоследствии я сам был в доме Ипатьева и видел, что эти сведения, сообщенные Деревенко, были верны. В этих же целях мы старались завести сношения с монастырем, откуда доставлялось молоко Августейшей Семье. Ничего реального предпринять нам не удалось: этого совершенно нельзя было сделать благодаря, с одной стороны, охране, какая была установлена большевиками над домом Ипатьева, а с другой стороны, благодаря слежке за нами. Я помню, что 16 июля я был в монастыре. Заведующая фотографическим отделением монахиня Августина именно в этот день сказала мне, что в этот день от них носили молоко в Ипатьевский дом и там какой-то красноармеец сказал монахине, приносившей молоко: «Сегодня возьмем, а завтра уже не носите. Не надо». Я точно не могу припомнить, какие именно вещи были найдены при осмотре нами шахты, кроме тех, которые я указал. Все эти вещи были тогда взяты на хранение капитаном Малиновским.

В октябре месяце прошлого года, когда я находился на фронте, мне приходилось беседовать со многими офицерами, которым удалось пробираться к нам из совдепии. Я их спрашивал про Августейшую Семью. Они говорили мне, что большеви-

ки пишут в своих газетах, что Государь Император расстрелян, а Семья Его находится где-то около Перми.

Прочитано.

Подполковник *Ярцов*

Судебный следователь *Н. Соколов*

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

Дмитрий Аполлонович Малиновский. 26 лет, капитан гвардии, помощник начальника Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, не судился. В составе лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады я участвовал в Европейской войне, находясь преимущественно на Юго-Западном фронте. 2 раза я был ранен. Ввиду развала армии после установления большевистского режима, я ушел на Дон. В Новочеркасске я встретил генерал-адъютанта Н.И. Иванова, с которым я был лично знаком. Он посоветовал мне, как петроградцу, ехать в Петроград и заняться вербовкой офицеров для отправки их на Дон. Пробыв на Дону дней десять, я уехал в Петроград с письмом от Иванова к некоторым его знакомым и с письмом из штаба Добровольческой армии к полковнику Хомутову, находившемуся в Петрограде и связанному с Добровольческой армией. Доставить, однако, письма полковнику Хомутову я не мог, так как он в это время был арестован. Помотавшись несколько дней без дела, я через некоторых своих знакомых вошел в организацию генерала Шульгина. Эта организация, состоявшая из офицерских элементов, имела в виду свержение власти большевиков, установление военной диктатуры и созыв земского собора для установления образа правления в Единой, Великой России. Я бы сказал, что это была чисто русская организация, ориентированная на свои силы: русские. Средства она получала от местных финансовых кругов, хотя, как мне кажется, была в этом отношении связана и с посольствами: шведским и английским. Этой организацией

я был отправлен в первых числах мая месяца в г. Екатеринбург для выяснения условий, в которых находится здесь Августейшая Семья, ознакомления по этому вопросу нашей организации и принятия мер к облегчению участи Августейшей Семьи вплоть до увоза Ее отсюда. Здесь я поступил на старший курс Академии Генерального Штаба, находившейся тогда в Екатеринбурге. Разобравшись несколько в окружающих меня людях, я сошелся ближе с следующими офицерами, бывшими в Академии: капитаном Ярцовым, капитаном Ахвердовым, капитаном Делиннгаузенем и капитаном Гершельманом. Я поделился с ними своей задачей. Мы решили узнать как следует те условия, в которых содержалась здесь в Ипатьевском доме Августейшая Семья, а в дальнейшем действовать так, как позволят нам обстоятельства. Получали мы сведения эти, как могли. Мать капитана Ахвердова Мария Дмитриевна познакомилась поближе с доктором Деревенко и узнавала от него, что было можно. Деревенко, допускаясь время от времени к Августейшей Семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю собственно, кто его начертил. Может быть, чертил его Деревенко, может быть, сама Ахвердова со слов Деревенко, а может быть, и Делиннгаузен. Я же его получил от последнего. Там значилось, что Государь с Государыней жил в угловой комнате, два окна которой выходят на Вознесенский проспект, а два на Вознесенский переулок. Рядом с этой комнатой была комната Княжон, отделявшаяся от комнаты Государя и Государыни только портьерой. Алексей Николаевич жил вместе с Отцом и Матерью.

Демидова жила в угловой комнате по Вознесенскому переулку. Чемодуров, Боткин, повар и лакей все помещались в комнате с аркой. Больше этого, т.е. кроме вот плана квартиры и размещения в нем Августейшей Семьи, мы ничего от Деревенко не имели. Нас интересовало, конечно, в каком душевном состоянии находится Августейшая Семья. Но сведения эти были бледны. Я не знаю, почему это так выходило: Ахвердова ли не могла получить более выпуклых сведений об этом от Деревенко, или же Деревенко не мог сообщить ничего ценного в этом отношении и, если не мог, то я не отдаю себе отчета

и теперь, почему это было так: потому ли, что Деревенко не хотел этого делать, или же потому, что не мог дать никаких ценных сведений, так как за ним за самим следили и при его беседах с лицами Августейшей Семьи всегда присутствовали комиссары. Повторяю, сведения эти были какие-то бледные. Знали мы от него (вернее, от Ахвердовой через него), что Августейшая Семья жива. Припоминаю, между прочим, вот что. Я помню, по сведениям Деревенко, выходило, что у Княжон были в комнате четыре кровати. Между тем, когда я потом попал в дом Ипатьева, я не видал там в этой комнате никаких кроватей, не только в комнате Княжон, но и в комнате Государя и Государыни. А попал я туда один из первых. Может быть, впрочем, кровати увезли большевики? Ахвердова же, получавшая сведения от Деревенко, относилась сама к нему с доверием. Кем-то из нашей пятерки были получены еще следующие сведения о жизни Августейшей Семьи. Какой-то гимназист снял однажды своим фотографическим аппаратом дом Ипатьева. Его большевики сейчас же «залопали» и посадили в одну из комнат нижнего этажа дома Ипатьева, где жили, вероятно, красноармейцы. Сидя там, этот гимназист наблюдал такие картины. В одной из комнат нижнего этажа стояло пианино. Он был свидетелем, как красноармейцы ботали по клавишам и орали безобразные песни. Пришел сюда какой-то из начальствующих лиц. Спустя некоторое время к нему явился кто-то из охранников и с таким пренебрежением сказал, прибегая к помощи жеста по адресу Августейшей Семьи: «Просятся гулять». Таким же тоном это «начальствующее лицо» ответило ему: «Пусти на полчаса». Об этом этот гимназист (я совершенно не могу его назвать и указать, где он живет) рассказал или своим родителям, или тем лицам из старших, у которых он жил. Сведения эти дошли каким-то образом до нашей пятерки. (Но кто мне их передавал, я не помню.) Был случай разрыва гранаты где-то около дома Ипатьева. Деревенко передавал Ахвердовой, что это дурно отразилось на душевном состоянии Наследника. Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые переживания: как тюрьма древнего характера: скверный частокол

с неровными концами. Трудно было предполагать, что Им хорошо живется. Источником, чрез который получались нами сведения, был еще денщик Ахвердова (имени и фамилии его не знаю, впрочем, кажется, по фамилии Котов). Он вошел в знакомство с каким-то охранником и узнавал от него кое-что. Я осведомлял нашу организацию в Петрограде посылкой условных телеграмм на имя капитана Фехнера (офицер моей бригады) и есаула сводного казачьего полка Рябова. Но мне ответа ни разу прислано не было и не было выслано ни единой копейки денег. Ну, что же можно было сделать без денег? Стали мы делать что могли. Уделяли от своих порций сахар, и я передавал его Ахвердовой. Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую мне удалось достать. Я его также передал Ахвердовой. Та должна была передать эти вещи Деревенко для доставления их Августейшей Семье. Она говорила мне, что все эти вещи дошли по назначению.

Это, конечно, так сказать, мелочи. Главное же, на что рассчитывала наша пятерка, — это был предполагаемый наш увоз Августейшей Семьи. Я бы сказал, что у нас было два плана, две цели. Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту, на случай изгнания большевиков, могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие Семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз Семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него семь еще человек, офицеров нашей же Академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгарден, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев; седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете, и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть. Например, мадам Ахвердова совершенно об этом не знала. Однако, что бы мы ни предполагали сделать для спасения жизни Августейшей Семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно: все было подавлено большевистским террором. Так с этим у нас ничего не вышло, с нашими планами за отсутствием денег, и помощь Августейшей Семье, кроме посылки кулича и сахара,

ни в чем еще ином не выразилась. За два дня до взятия Екатеринбурга чехами я в числе 37 офицеров ушел к чехам, и на другой день после взятия города чехами утром я пришел в город.

Когда я прибыл в Екатеринбург, я был назначен на довольно ответственную должность: начальника оперативного отделения штаба гарнизона. Я знал, что дом Ипатьева взят под охрану, как только сформировался штаб гарнизона. Кажется, полковник Лабунцов, помощник Шериховского, первого начальника гарнизона, распорядился тогда сделать это. В самый же день взятия Екатеринбурга дом Ипатьева, как у меня сложилось представление, не был никем охраняем. По прибытии в Екатеринбург я знал, что дом Ипатьева пуст, что Августейшей Семьи в доме нет. Но я совершенно не думал тогда, что Они убиты. Еще до оставления Екатеринбурга по городу пошли слухи, что Государь убит. Я помню, что Ахвердова рассказывала нам, что она была тогда на митинге и там комиссар Голощекин объявил всенародно о «расстреле» Государя. Были тогда и объявления особые об этом. Сам я такого объявления не читал, но слышал об этом и мне передавали содержание такого объявления. Там говорилось о расстреле Государя. Именно можно было понять, что большевики, как носители тогда власти, взяли на себя такое дело и «казнили» Императора. Про Семью же в объявлении сообщалось, что Она вывезена. Ни на одну минуту я тогда этому не поверил. Я совершенно не доверял тогда этому. Вы меня спрашиваете, почему же я не верил сообщению большевиков? Я так сам себе объяснял тогда этот вопрос. Я, как военный, офицер, как участник Европейской войны, вынес то впечатление от нашей революции, что ею воспользовались немцы. Я думаю, что наша революция в значительной степени носит характер искусственности, подготовленности ее откуда-то извне. Чьих рук это дело, я судить не могу. Но мне казалось все время и я сейчас убежден, что все дальнейшее, что привело Родину к настоящему ее положению, это дело рук немцев. Они стали нас разваливать после переворота, после отречения Государя Императора от Престола и воспользовались для этого, как орудием, господином Лениным,

Троцким и другими подобными господами. Для меня большевизм — это порождение Германии, это орудие в борьбе с нами. Смотри на большевиков как на слуг Германии, я не мог и сейчас не могу себе представить, чтобы власть в Германской Империи не приняла бы никаких мер к спасению жизни Императрицы, немки по крови, связанной узами родства с Германским Императорским Домом, а через Нее и Императора и Их Семьи. В то время Германия была сильна, и я представлял себе, что просто-напросто вывезли Августейшую Семью куда-либо, симулировав Ее убийство.

В первые дни по возвращении в Екатеринбург я в дом Ипатьева не попал, занятый оперативными делами.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Дальнейший допрос был прерван ввиду позднего времени.

Гвардии капитан *Малиновский*
Судебный следователь *Н. Соколов*

С подлинным верно.
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов

1919 года июня 18 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали: *Дмитрий Аполлонович Малиновский*.

29 июля (по новому стилю), когда я находился в штабе гарнизона, я услышал, что откуда-то принесли какие-то ценные вещи, которые наводят на размышления относительно благополучия Августейшей Семьи. Вещи эти были тогда у районного коменданта капитана Владимира Артуровича Гирша, помещавшегося тогда в том же здании, где и наш штаб.

Это было часов в 5 вечера. Я сейчас же отправился к коменданту. (От кого тогда я услышал об этом, теперь положитель-

но не могу припомнить). В одном свертке я увидел следующие вещи: три топаза, две пряжечки с драгоценными камнями, видимо, от хороших дорогих туфель, тоненькие какие-то пружинки, которые я тогда объяснил как обгоревшую принадлежность какого-то дамского костюма, пряжка от пояса мальчика (малого образца) с застежкой к ней, с гербом, 6 пар передних планшетонок от корсетов, много костей корсетов; пряжки от хлястиков жилетов или брюк, разбитые стекла от пенсне и стекло, как мне показалось, от лорнета, несколько металлических пуговиц с гербами, большие пуговицы, видимо, от дамских пальто, модная пряжка от пояса, две какие-то тоненькие пластинки, американский ключ, две медные монеты, пряжки или от мужских помочей, или от женских поясов, пуговицы, какие-то маленькие колечки, кнопки, крючки, какая-то часть металлическая от сумочки или портмоне, кажется, еще был патрон от револьвера и какие-то обгорелые части какого-то предмета, сцепленные одна с другой тоненькой проволокой. Я вижу все предъявленные мне сейчас эти предметы (предъявлены предметы, описанные в протоколе 15–16 февраля сего года, л.д. 45–49, том 2-й). Все их я тогда видел. Вот только не помню хорошо что-то патрона и пряжки большой, офицерского образца, от пояса (п. 16 и 23 того же протокола, л.д. 48 и 49, том 2-й). Затем в числе этих же вещей был еще драгоценный крест из изумрудов и мелких бриллиантов. Это тот самый крест, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение креста, описанного в пункте «г» протокола 10 февраля сего года, л.д. 13 об., том 2-й). Все эти вещи я тогда и видел в одном свертке в руках капитана Гирша. Все они были сильно обгоревшие. Разговоры же были такие. Где-то за городом, верстах, приблизительно, в 12 в лесу в кострах найдены крестьянами, кажется, эти вещи, и там же находятся обгорелые трупы. Так именно тогда говорили. Удалось выяснить, что вещи эти привез в город офицер Шереметевский. Кто-то посылал за находившимися тогда в Екатеринбурге камердинером Государя Чемодуровым и доктором Деревенко. Как вел себя Деревенко, я что-то не помню.

Я только помню, что он, кажется, опознал все-таки какие-то вещи. Чемодуров же удостоверил, что такие кресты, как тот, который был у нас в руках, носили все Княжны. Он опознал пряжку малого образца как принадлежащую к поясу Алексея Николаевича, а две пряжки с драгоценными камнями как принадлежащие к туфлям одной из Княжон. Что он говорил про остальные вещи, не помню. Возможно, что ему и не задавалось таких вопросов относительно других вещей, а спрашивали только про такие вещи, которые бросались в глаза нам, спрашивавшим об этом. Вещи все эти так и оставались у Гирша. Ко мне они не попадали. Они, как мне помнится, были сданы Гиршем, кажется, в штаб гарнизона и хранились там в несгораемом шкафу. Я начал тогда же искать Шереметевского, искал его часа два, нашел. Шереметевский сказал мне, что все эти вещи он получил от каких-то крестьян, а крестьяне нашли их в местности около д. Коптяков, оцеплявшейся большевиками как раз в скором времени после убийства Государя, в кострах. В тот же день я получил официальное предписание от начальника гарнизона Шериховского произвести при участии судебных властей расследование по поводу нахождения этих вещей. Был нами для этого приглашен в штаб гарнизона судебный следователь по важнейшим делам Наметкин. Инициатива приглашения его принадлежала мне, потому что мне его указали. Наметкин же был именно потому приглашен, что он был следователем по важнейшим делам, а разве это дело не важнейшее? Вот почему мы его и пригласили. Он нам сказал, что он не может ничего делать без предложения прокурора суда. Я начал искать тогда прокурора Кутузова, но его в городе не было. Он тогда был в Шарташе. Я стал туда посылать телефонограммы, но добиться ничего не мог. 30 июля утром нас собралась компания: я, капитан Ярцов, ротмистр Бертенев, штабс-капитан Бафталовский, капитан Политковский, штабс-ротмистр Ивановский, капитан Сумароков, ротмистр Матвеев, Шереметевский, Чемодуров и Деревенко. Нам был подан маленький автомобиль и несколько экипажей. всей компанией мы отправились к судебному следователю Наметкину. Он еще

спал. Я попросил его разбудить. С двумя офицерами, из которых один был Сумароков, мы вошли к Наметкину. Я предложил ему ехать с нами. Он опять стал говорить, что не может ехать с нами без предложения прокурора. Тогда я сказал ему: «Теперь вся власть в руках военных. Ваша власть гражданская еще не сорганизовалась. Начальник гарнизона требует, чтобы Вы, как следователь по важнейшим делам, отправились бы туда с нами, где найдены вещи Августейшей Семьи». Он снова стал отказываться. Тогда я сказал ему, что нас здесь 12 вооруженных офицеров и мы особенно его просить не станем. Он, вероятно, мой намек понял, собрался и поехал. Я тут помню только одно: была среди нас какая-то группа, собиравшаяся тогда прямо из города ехать, вероятно, на этом же автомобиле на место. Я помню, что тогда были об этом разговоры. Но ездила ли она на автомобиле и кто именно ездил, я этого совершенно теперь не помню. Я же вместе с другими поехал из города по железной дороге до станции Исеть. Высадившись на станции Исеть, мы переехали Исетское озеро на лодках, дошли до Коптяков пешком, а от Коптяков поехали к месту, куда мы стремились, на лошадях. Лошадей нам дали в Коптяках. С нами ехали какие-то коптяковские крестьяне, правившие лошадьми, и два-три крестьянина, кажется, те самые, которые нашли вещи. Ехали мы к месту из Коптяков большой дорогой, которая ведет в город Екатеринбург. К этому же месту мы поехали первой от Коптяков сверткой. Я помню, что она имела вид слегка проезженной дорожки, эта свертка. Как будто бы по ней раз проехали на колесах. Но особой утолченности на ней я не видел. Выехали мы по ней как раз к Ганиной яме. Проехав еще немного от Ганиной ямы, мы остановились и пошли пешком туда, куда вели нас крестьяне. Мы пришли к открытой шахте. Она имела два колодца, один побольше, другой поменьше. Заглянули мы в колодцы.

В них виднелась вода, стоявшая от поверхности почвы, приблизительно, на 7—8 аршин. Мы стали прощупывать шестом воду. Я помню, что в большом колодце, приблизительно на аршин, под водой был слой льда. Тогда в этот колодец спу-

стился капитан Бафталовский и стал исследовать колодец. Слой льда был толщиной меньше четверти. Под ним снова шла вода. Шестом Бафталовский стал прощупывать лед. В одном из углов колодца во льду было отверстие, величиной около аршина. Форму этого отверстия я описать не могу, так как сам его не видел. По описанию же Бафталовского, свободное пространство в слое льда занимало площадь в квадрате или в окружности около аршина. Под слоем льда снова шла вода, глубиной сажени две. Дальше шест не шел, упираясь в какое-то дно, сверх которого, как он говорил, был лед. В малый колодец шахты никто не спускался. Вода в нем стояла на таком же уровне. Также мы прощупывали малый колодец и, как мне помнится, в нем под водой на таком же уровне был слой льда. Думаю я, что так было, но точно удостовериться, что лед был и в малом колодце, я не могу. Может быть, я и забыл. Вообще я должен сказать, что мы на состояние малого колодца почему-то обратили мало внимания. Около этой шахты был костер. Величиной он был, приблизительно, аршина полтора. Костер был круглой формы. Он произвел на себя вот какое впечатление: он был сначала разбросан, а затем засыпан землей, которую кто-то раскопал и слегка тоже разбросал. Другой костер был подальше несколько от шахты около березы с надписью, где была дата 11 июля 1918 года и фамилия Фесенко.

Стали мы рыться в этих обоих кострах. Я помню, что в присутствии капитана Политковского одним из крестьян, приехавших с нами, в костре около березы был найден большой камень бриллиантовый, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение бриллианта, описанного в пункте «в» протокола 10 февраля сего года, л.д. 13 об., том 2-й). Кроме этого бриллианта тогда же было найдено в кострах этих и около них: один осколочек жемчуга и два осколка изумруда, много кусков обгорелой ткани от одежды, кнопки от дамских, несомненно, костюмов, обрывок кружева, также обгорелый, какие-то принадлежности корсетов (теперь не помню, какие именно), пряжки, кажется, от подтяжек мужских (не помню, сколько именно).

Нахождения обгорелой дамской сумочки не помню. Хорошо помню, что один лоскуток одежды, кажется, по цвету серый, пах сильно керосином. Нахождения в глине около самой шахты осколка ручной бомбы не помню. Кроме найденных и указанных мной вещей, Бафталовский извлек из стенки большого колодца один осколок ручной гранаты. Он его выковыривал тогда чем-то из дерева и говорил, что такими осколками стенки колодца избиты. Я помню, что из большого же колодца Бафталовский тогда же вытащил кусок материи защитного цвета, видимо, от палатки. Я слышу протокол судебного следователя Наметкина об осмотре шахты (прочтен акт судебного следователя по важнейшим делам Наметкина от 17–30 июля 1919 года, л.д. 5-й, том 1-й). Он соответствует действительности, но я не представляю себе, что он называет в нем «черными блестящими обломками», и мне кажется, что он ошибается, указывая малый колодец, как место нахождения кусочка от палатки. Этот кусочек, как мне помнится, был найден в большом, а не в малом колодце шахты. Нахождения списка с телефонными адресами советских деятелей я не помню. Нам, военным, не пришло тогда в голову посмотреть, какой именно дорожкой сюда приезжали люди и в каком виде была эта дорожка. Я почему-то тогда полагал, что если сюда привозили Августейших Особ, то их и привозили именно той дорожкой с Коптяковской дороги, которой прибыли с Коптяков мы. А про нее я уже Вам сказал, что она имела след от колесного экипажа, но не сильно укатанный, а слегка. Больше тут мы никаких дорожек не осматривали. В частности, мы тогда совсем не видели дорожки, на середине которой была бы широкая яма с лежащим на дне ее бревном. Третьего костра именно около этой ямы мы тогда не видели. Были мы тогда на месте часа три и уехали в Коптяки. У меня из осмотра осталось полное убеждение, что здесь около шахты в кострах была сожжена одежда Августейшей Семьи. Вот только тогда мы не обратили как следует внимания на состояние дороги и проглядели следы на них. Я совершенно теперь не могу Вам сказать, где именно у шахты были следы экипажей, где они кончались, до какого места

доезжали люди, которые были здесь. Я только помню, что местность около шахты была сильно истолчена пешими следами людей: высокая трава была сильно помята. Уезжая с места, я полагал, что теперь начнется следствие, и Наметкин будет допрашивать свидетелей. Он там на месте у шахты что-то себе писал в книжечку. Когда же мы прибыли в Коптяки и все пошли дальше, чтобы таким же путем ехать в город, собрался уезжать и он. Я удивился этому и указал на это Ярцову, как старшему среди нас. Решено было, что останусь я сам. Со мной остались тогда Матвееenko и Сумароков. Мы решили сами производить следствие, раз судебный следователь не хочет. Я помню, что я в тот же день допрашивал двух лиц: каких-то крестьян. Один крестьянин рассказал мне, что в одну из этих ночей, когда существовало оцепление местности (как я помню, в ночь с 16 на 17 июля по новому стилю), он поехал из Коптяков в город и дорогой не был пропущен. Ему было приказано ехать назад. Я не помню, ехали ли с ним бабы. Баб я тогда не допрашивал. Другой крестьянин рассказал мне в тот же вечер, когда я допрашивал и первого крестьянина, что в ту же ночь, про которую мне говорил и первый крестьянин, он слышал в районе рудника разрывы гранат и револьверную стрельбу. Сам я допрашивал тогда только двоих свидетелей, Матвееenko и Сумароков также тогда допросили несколько человек. Все показания этих лиц, записывались карандашом. Сущность показаний тех лиц, которых допрашивали Матвееenko и Сумароков, сводилась к тому именно, что в течение нескольких дней, именно в эти дни 16—18 июня по новому стилю, местность около рудника со стороны Коптяков была оцеплена, и за оцепление никого из Коптяков не пропускали. Сущность показаний свидетелей, которых мы допросили, именно в этом и заключалась. Они сами не видели, чтобы что-либо везли по дороге, и они бы это видели. Такими свидетелями мы тогда не располагали. Кто-то из крестьян указал нам тогда же на жену какого-то комиссара, проживавшую в то время в Коптяках. Это и была Евдокия Тимофеевна Лобанова (см. л.д. 7, том 1-й). Она находилась тогда в Коптяках с сыном, лет 6—7. Я сначала побеседо-

вал с ним и от него узнал, что они с матерью недавно приехали из города. Я стал допрашивать ее. Это была жена какого-то большевистского казначея, служившего в каком-то большевистском учреждении, помещавшемся в здании окружного суда. Она как раз ехала из города в то время, когда оцепление уже существовало. На одном из переездов, ближайшем к руднику, ее не пропустили дальше. Там было оцепление и был какой-то автомобиль. Она ночевала тогда на переезде и утром уже смогла только проехать в Коптяки. После допроса всех указанных лиц (показание Лобановой я записывал сам) мы втроем на двух экипажах в сопровождении двоих каких-то крестьян, бывших у нас кучерами, отправились опять в шахту. С нами шла еще телега с несколькими рабочими, которые везли веревки, лопаты, корзинку и топор. Подъехали мы к шахте опять той же сверткой, как и в первый раз, т.е. опять со стороны Ганиной ямы. Матвееenko снова полез в большой колодець шахты. Мы уничтожили там слой льда и вытаскали его корзиной. Больше мы никаких работ над шахтой не производили. Побыв там некоторое время, мы втроем поехали к тому переезду через линию железной дороги, где была Лобанова задержана. Здесь я сам допрашивал жену сторожа, который жил в будке около переезда, и ее сына, лет 6—7. Сторожиха вертелась в показаниях, видимо, боясь выдать их. Существенное значение имело показание этого мальчика. Он говорил, что 16 июля днем по дороге из города проехали по Коптяковской дороге какие-то верховые красноармейцы и тут же вернулись. Очевидно, это была разведка. В тот же день к вечеру проехал грузовой автомобиль с пешими красноармейцами и несколько конных красноармейцев. Тут же и было установлено оцепление со стороны переезда. (Я думаю, что тут же оно было установлено и от Коптяков.) В эту же ночь мальчик видел, что по дороге от города проехал к Коптякам целый обоз: шли коробки, запряженные лошадьми и, кажется, была одна телега. Все это охранялось вооруженными пешими красноармейцами, окружавшими экипажи, и все это в молчании медленно двигалось по дороге. Никого не пропускали в эту ночь на Коптяки,

весь следующий день, всю следующую ночь, а наутро весь этот кортеж проследовал обратно. Показание мальчика подтверждала в некоторых частях и его мать-сторожиха, но она все-таки, в общем, вертелась и, видимо, боялась что-либо говорить. Самого же сторожа я не допрашивал в то время, ввиду его отлучки. Показание мальчика я также записал карандашом. Все произведенное нами троими следствие осталось у меня. Из вещественных доказательств Наметкин взял в то время себе бриллиант, два осколка изумруда и осколок жемчуга. Все же остальные предметы, которые были найдены нами в первый же день осмотра нами костров, были у меня. Потом пошли работы на месте по исследованию шахты и Ганиной ямы. Работы эти вел Шереметевский со своим братом. Я оказывал ему содействие по добыванию машин, орудий, рабочих. Мне время от времени доставлялись вещи, которые были найдены там у шахты во время работ Шереметевского. Я помню, что там были найдены и мне переданы такие вещи: портретная рамка и клочки какой-то фотографической карточки (по клочкам было видно, что на карточке была изображена целая группа лиц и, мне кажется, что эта карточка была снята где-то за границей: не русские, видимо, люди были изображены на ней, но я не мог по обрывкам определить, кто именно на ней изображен), одна или две части жемчужины, какая часть была найдена и при осмотре нами в первый раз шахты, топаз с осколков, несколько частей какого-то золотого украшения, из коих одно, кажется, было с бриллиантами, пуля в оболочке, простая запонка, застежка от какой-то, как мне думается, дамской вещи, пряжка от подвязок, один образок, крючки, кнопки, петли, пуговицы, гвоздики, видимо, от обуви. Все это было обгорелое. Относительно образков я могу сказать, что мне был представлен только один образок с разбитым изображением святых, на подушечке с кольцом, очевидно, для ношения его на шее.

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения: портретной рамы (предъявлено фотографическое изображение портретной рамки, описанной в пункте «а» 1 протокола 10 февраля сего года, л.д. 10, том 2-й), топаза с осколком,

частей украшений, пружинок, застежки, пряжки и еще украшения (предъявлены фотографические изображения сих предметов, описанных в пунктах «а» 2–3 того же протокола, л.д. 11 об., том 2-й) и трех образков (предъявлено фотографическое изображение трех образков, описанных в пунктах 4–6 того же протокола). Все эти вещи, которые изображены на этих снимках, и были мне представлены, а из образков один из изображенных на этом снимке, как он здесь и изображен. Остальных вещей, как, например, подковки для сапога, осколков флакона, я что-то не помню. Все акты нашего следствия и все вещи, которые были у меня, я потом передал капитану Ярцову. Он их потом передал капитану Сотникову, а Сотников, как мне потом приходилось слышать, передал их все Сергееву, который был назначен производить следствие вместо Наметкина.

Был я тогда же и в доме Ипатьева. Мы там были во время осмотра дома Наметкиным. Во время нашего осмотра дома я там был раза три. В первый раз мы пришли туда, кажется, 2 августа. Я вижу предъявленные мне Вами фотографические снимки комнат верхнего этажа этого дома (предъявлены фотографические снимки комнат дома Ипатьева, находящиеся на л.д. 215–217, том 3-й) и показываю следующее. Комендантская комната, изображенная на снимке, была в таком именно виде, но матрас на кровати и подушки на диване были не разбросаны, как это изображено на снимке, а лежали в порядке; это уже мы их перевернули. За этим самым диваном, который виден на снимке, я и нашел деревянные четки с крестами. Они там лежали на полу. Я их оттуда и взял. Бывший при осмотре Чемодуров удостоверил, что эти четки принадлежат Государыне Императрице. Все другие комнаты правильно изображены на снимках. Только вот относительно комнаты Княжон я скажу, что мусор из печей, который виден на снимках, мы извлекли из печей, и ночной горшок был не там, где он стоит: он был дальше засунут под зеркалом, а на снимке он вытащен к середине комнаты. Это мы его, вероятно, вытащили. Я удостоверяю, что нигде положительно в верхнем этаже дома я не видел ни одной кровати. Я это хорошо помню. Горшок,

например, так и стоял под зеркалом. Кажется, ему удобнее было бы быть под кроватью. Я категорически утверждаю, что нигде не было кроватей в верхнем этаже, кроме комендантской комнаты, где была одна кровать. Не было в доме никаких вещей из одежды и обуви. Мы вытаскивали мусор из печей. Печи были набиты золой от сгоревших вещей. Мы просеивали пепел. Установить главную массу сгоревших вещей мы не могли: вещи превратились в золу, но иногда можно было понять, что зола представляла собой сожженную ткань одежды. Было очень много сожжено фотографических карточек. Это прямо бросалось в глаза. Много было сожжено портретных рамок, всевозможнейших мелких вещей домашнего обихода, вещей из хорошей обстановки. Много было сожжено различных принадлежностей туалета, например, головных и зубных щеток. Много было обгорелого и расплавленного стекла. Впечатление, какое я вынес из осмотра верхнего этажа дома, было то, что здесь, за отсутствием обитателей квартиры, все разгромили: сожгли преимущественно и бросили, оставили не уничтоженной мелочь. Были мы и в нижних комнатах дома. Я обратил внимание на одну комнату, где мы видели следы пуль в стенах и полу. Эта комната и изображена на снимках, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические снимки комнаты дома Ипатьева, находящиеся на л.д. 220—223, том 3-й). Пол этой комнаты носил следы замывки. На стенах этой комнаты на обоях я видел около пулевых каналов брызги крови, как это и отмечено у Вас на снимке (л.д. 220—221).

Я помню, что в нижнем этаже в одной какой-то комнате мы видели какую-то тряпку, на которой были следы крови: как будто бы кто-то брал ее окровавленными пальцами.

В результате моей работы по этому делу у меня сложилось убеждение, что Августейшая Семья жива. Мне казалось, что большевики расстреляли в комнате кого-нибудь, чтобы симулировать убийство Августейшей Семьи, вывезли Ее по дороге на Коптяки, также с целью симуляции убийства, здесь переодели Ее в крестьянское платье и затем увезли отсюда куда-либо, а одежду Ее сожгли. Так я думал в результате моих

наблюдений и в результате моих рассуждений. Мне казалось, что Германский Императорский Дом никак не мог бы допустить такого злодеяния. Он не должен бы был допускать его. Я так думал. Мне и казалось, что все факты, которые я наблюдал при расследовании, — это симуляция убийства. Больше показать по этому делу я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Я не помню, был ли в момент осмотра нами дома Ипатьева ключ от двери комнаты Княжон в столовую, или же его не было. Двери из Их комнаты в комнату, где помещались Государь с Государыней и Наследником, не было. Свидетельницу Лобанову я и указал по допросе ее мною Наметкину. Я помню, что мне тогда же был доставлен золотой брелочек с колечком с инициалами Государя Императора. Он был мною сдан в числе других вещей. Кажется, была также мне представлена и мною сдана Сотникову (через Ярцова) брошь, но хорошо этого не помню и самой броши не помню. На Дону я был в январе месяце 1918 года. Про кровати я не спрашивал Чемодурова, были ли они у Августейшей Семьи. Вообще же он рассказывал, что жилось Ей плохо. Стол был общий с прислугой. Иногда, как он говорил, во время обеда приходили красноармейцы и лазили своими ложками в общую миску. Были в обиходе только две деревянные ложки и их не хватало. Одно время их было только пять, и приходилось есть по очереди. Был такой случай, когда за обедом какой-то комиссар (фамилии его не помню) навалился плечом на Государя, черпая своей ложкой суп. Он говорил, что когда Августейшие Особы проходили куда-либо мимо часовых, те всегда умышленно щелкали затворами винтовок, нервирова Их. Про Государя Чемодуров говорил, что Он как бы окаменел и не выдавал своего состояния, Государыня страдала и все молилась. Княжны нервничали. Алексей Николаевич большую часть времени в Екатеринбурге болел.

Прочитано.

Гвардии капитан *Малиновский*
Судебный следователь *Соколов*

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 27 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Сидней Иванович Гиббс, 40 лет, подданный Великобритании, в настоящее время состояю секретарем Английской дипломатической миссии.

У Анастасии Николаевны была маленькая собачка какой-то японской породы. Это была очень маленькая собачка с длинной шерстью. Окрас ее был черно-рыжий. Черная шерсть была у нее на верхних частях ее тела, рыжеватая шерсть — на нижних частях. Хвостик ее был длинный и имел длинную шерсть. Ушки у нее были длинные. Ее отличительные приметы были вот какие: у нее были большие круглые глаза, зубы ее были обнажены и постоянно виднелись, язык у нее был длинный и висел изо рта, не помню, на какую сторону. Пола ее я не помню. Кличка ее была «Джемми». Таких собачек, очень маленьких, часто носят на руках.

Принадлежала она Анастасии Николаевне, любили эту собачку все они, а в особенности Императрица.

Я сегодня видел собачку у шахты. Я утверждаю, что эта собачка, которую я видел у шахты, и есть Джемми. Я обратил внимание и на ее шерсть, и на форму глазных впадин, и на зубы ее. Это, безусловно, она.

Показание мое мне прочитано. *С.И. Гиббс*
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Василий Яковлевич Лобухин, 15 лет, кр-н б. Лобухина, Шарташской /так!/ волости, Орловского уезда, Вятской губернии, живу в будке № 247 при разъезде № 120 Тагильской линии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

У меня отец служит сторожем линейным при разъезде № 120 горнозаводской линии. В прошлом году во время сенокосов как-то ночью (дня и числа я не помню) через переезд № 184 прошел грузовой автомобиль. Я сам в это время спал в чулане и этого автомобиля не видал. Поэтому я не могу сам сказать, какой это был автомобиль, но мать его видала и сказывала, что он был грузовой. С этого автомобиля люди еще ведро у нас брали для воды. Мать сказывала, что водой они автомобиль заливали: в какое-то отверстие в автомобиль они воду лили. А про то, что в автомобиле находилось, мать не сказывала.

На другой день ничего такого не было. Днем я не видал ничего особенного. Я говорю про день после этой ночи, когда через переезд грузовой автомобиль прошел, про который мать сказывала. Только видал я, что днем проехали по дороге из города к Коптякам каких-то двое верхами. Один был в солдатской одежде, а другой одежды я не разглядел. В лицо я их не разглядел. Эти проехали и назад вернулись на город в этот же день. Несколько часов прошло, пока они вернулись. Других же никого в этот день на Коптяки не пропускали. Проезжавшие из города возвращались назад и говорили, что «к “Четырем Братьям” не пускают». Но где именно у них была застава, я не знаю. Только около нашего переезда никакой заставы не было. День этот прошел, и ночь прошла.

А на следующий день¹ утром часов в 7 прошел времянок грузовой автомобиль и пошел по Коптяковской дороге, но саженьях в 150 от нашего переезда он остановился. Что именно на нем было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нем были или бочки или ящики. После обеда еще один грузовой автомобиль прошел и в том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут. Я вздумал попросить бензину, взял бутылку и пошел туда, где на Коптяковской дороге стояли эти два грузовых автомобиля, я и в этот раз хорошо не заметил, что было на первом из автомобилей, который первым пришел. На втором же было бочки три бензина или, может быть, две. Бочки все были железные. Около обоих автомобилей было человек 5 людей. Лиц их я не помню и описать не могу. Помню только я, что один был в черной кожаной куртке, другой — в солдатской одежде. Я попросил у них налить мне бензину. Они мне бутылку налили. В это время дорогой от города к Коптякам шел какой-то мужчина. Ему эти, бывшие около автомобилей, сказали, что «там дальше не пропустят». Он их спросил, что это они везут в бочках, и они ему ответили: «Там впереди автомобиль прошел. На него бензину не хватило». Мужчина повернул на полотно железной дороги и пошел полотном к станции Исеть. Через некоторое время оба грузовых автомобиля времянок же вернулись назад пустыми.

Часов в 5—6 вечера в этот же день, когда грузовые автомобили уже ушли, около нас остановился один легковой автомобиль. Он к нам пришел времянок. На нем было четверо людей. Двое сидели, где «господа» сидят — сзади, а двое — впереди, где шоферы ездят. Я только заметил, что из трех, которые сзади сидели, один был в какой-то черной суконной одежде, а другой — в солдатской. Лиц их я не разглядел. Они соскочили с автомобиля и пошли по дороге к Коптякам. А двое, которые спереди сидели, остались у автомобиля. Один из них был высокий, худощавый, одетый в гимнастерку солдатского

---

¹ 18 июля.

сукна и солдатские штаны, заправленные в сапоги, лицо у него было худое, борода и усы были бритые. Другой был низенький, тоже худощавый, одетый тоже в солдатскую гимнастерку и черные брюки, ботинки; борода и усы у него тоже были бриты.

В это время у нашей будки собрались три подводы дачников, которых не пропустили проехать в Коптяки. Чьи были эти дачники, я не знаю. Они у нас пили чай и ждали, когда можно будет проехать в Коптяки.

Около 12 часов ночи¹ по дороге от Коптяков проехал через наш переезд грузовой автомобиль, должно быть, тот самый, который первый прошел из города ночью. Он шел сам. Вместе с ним шло 10–12 коробков и, кажется, несколько еще дрог. В наш автомобиль село несколько человек (я их совсем не разглядел), и они уехали «временкой» в город. А грузовой автомобиль, коробки и дроги поехали на город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик. Сами мы не видали, как застрял автомобиль и как брали у нас шпалы. Это мы утром увидели, что у нас ограда разобрана и мостик набросан из шпал. Как ночью проходил автомобиль: временкой или через лог, мать не сказывала. В автомобиле, коробках и дрогах, когда все они возвращались назад, сидели солдаты. Больше я ничего не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Мать моя умерла 1 сентября.

Прочитано. *Василий Лобухин*
Судебный следователь *Н. Соколов*

Яков Иванов Лобухин, 54 лет, кр-н б. Лобухина, Шарташской /так!/ волости, Орловского уезда, Вятской губернии, живу при разъезде № 120 горнозаводской линии, где служу линейным сторожем, православный, неграмотный, не судился.

---

¹ В ночь с 18 на 19 июля.

Как-то ночью летом прошлого года (не помню числа и месяца), во время сенокосов, когда я и семейные мои спали, я проснулся от шума автомобиля. Дело это было удивительное, потому что никогда раньше того дела не бывало, чтобы автомобили мимо моей будки, да еще по ночам, ходили. Я в окно выглянул: вижу, идет времянка по дороге к Коптякам грузовой автомобиль. Я не видел, что в нем было. Совсем я этого не заметил. Только заметил я, что сидело в нем человека четыре с винтовками, кажется, в солдатской одежде. Было это на рассвете. Кто из семейных моих видал их еще, я не знаю. Дома тогда у меня были покойная моя жена и двое сыновей – Семен и Василий. Ну, мы тут легли.

Спустя несколько времени к нам в дверь начал кто-то стучать. Я вышел к двери, отворил. Там стоит какой-то человек, лет 30 на вид, невысокого роста, не худой и не толстый – «из ровных». Лица его я не помню. Был он в зеленом, кажется, стеганом пиджаке. А больше ничего про него сказать не могу. Этот человек сказал мне: «Дайте мне ведро». Я ему дал два ведра. Баба моя на него за стук осердилась и сказала ему, что он нас напугал. Он на нее за это осерчал и говорит: «Вы тут, как господа, спите. А мы всю ночь маемся. У нас тут автомобиль согрелся. На первый раз простим, а в другой раз так не делайте». Ну, мы испугались и ничего больше его не спрашивали. Тут день наступил.

Народ, который ехал на Коптяки, возвращался назад и сказывал, что на Коптяки не пропускают. Где у них стояла застава, точно не скажу, а сказывали, что от моего переезда за гатью или на гати. И не было пропуска дня три-четыре¹. В эти дни приезжало из города еще три автомобиля и, как мне помнится, все три грузовые. Помню я, что на одном бочка была пудов на 20, а не помню, железная или же деревянная. Не заметил я, что на автомобилях провозили.

В последний самый день, уже вечером, от Коптяков прошел грузовой автомобиль. Прошел он через переезд и пошел

---

¹ Не пропускали из Екатеринбурга в Коптяки с 17 по 19 июля 1918 г.

прямо через лог, а не временкой, как шли все остальные. Были ли за ним коробки, я не заметил. Этот автомобиль в логу и засел в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась, потому что скоро к моему колодцу подъезжал коробок. В коробке, как я издали видел, была бочка. Какая, деревянная или железная, — не разглядел. Налили они в бочку воды и уехали к логу. Видал я, что двое приезжали за водой. Один был в солдатской одежде (не помню, в какой именно), другой — в какой-то вольной. Лиц их я не приметил. Тут мы все легли спать. Должно быть, автомобиль у них в логу застрял, потому что лошадь там, как слышать было, всю ночь ржала, а за ночь они там целый мостик выстроили: из шпал и из тесу от моей городьбы. Это уж я потом тес назад взял, и там одни шпалы остались. Никого я из тех, кто тогда в эти дни с автомобилями приезжал, указать не могу. Больше я ничего не знаю.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я неграмотный.

Судебный следователь *Н. Соколов*

Совершенно секретно

Главнокомандующий
Войсками восточной группы
армий и боевой флотилии.

11 июля 1919 года.

№ 294

Судебному следователю по особо
важным делам Н.А. Соколову

По докладу моему и по повелению Верховного Правителя приказываю Вам выехать из г. Екатеринбурга и вывезти вместе с собой все акты подлинных следственных производств по делам об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая II, его семьи и великих князей вместе с вещественными по сим делам доказательствами и обвиняемыми.

В настоящий момент Вы имеете принять все меры к сохранению указанных следственных производств в месте, о котором Вы имеете получить личные мои указания, и где Вы должны пребывать впредь до получения Вами особых распоряжений.

Всем военным властям и гражданским вменяю в обязанность оказывать Вам полное, в исполнение возложенного на Вас волей Верховного Правителя приказания, содействие.

Главнокомандующий Генерального штаба
генерал-лейтенант *Дитерихс*
Начальник Штаба полковник *Сальников*
Печать Главнокомандующего

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 22 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Анатолий Иванович Белоградский, 46 лет, врач-инспектор Красного Креста в районе Сибирской армии, сейчас нахожусь, по случаю эвакуации Екатеринбургa, в г. Ишиме, Тобольской губернии, православный, в деле чужой, не судился

Я теперь не помню, какого числа это было в прошлом году. Только я был приглашен тогда товарищем прокурора Александром Тимофеевичем Кутузовыми присутствовать при осмотре дома Ипатьева, где содержалась в заключении Императорская семья. Я думаю, что я был тогда приглашен как понятой. Тогда при осмотре были: Кутузов, исполнявший в то время обязанности прокурора суда, товарищ прокурора Николай Иванович Остроумов, судебный следователь по важнейшим делам Наметкин, представитель Академии Генерального штаба, по фамилии мне неизвестный, доктор Деревенко и Чемодуров.

Вошли мы прежде всего в вестибюль с парадного хода, который ведет в верхний этаж дома Ипатьева. Я помню, что в нем была сорвана дверь, ведущая в то отделение, где находятся ванная и уборная. Дверь эта носила в области верхнего косяка многочисленные следы ударов штыка. Особого в этом мы ничего тогда не усмотрели, так как следы этих ударов, судя по самому расположению их, свидетельствовали лишь о простом озорстве, хулиганстве бывших здесь красноармейцев. Вестибюль, о котором я сейчас говорил, вот этот самый, который изображен на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен верхний фотографический снимок на листе дела 214-м, том 3-й). Видимая на снимке дверь и была сорвана с петель. Иных следов разрушения в вестибюле я не помню.

Дальше мы пришли в прихожую, где, вероятно, раздевались приходившие в дом люди. Здесь, как мне помнится, печки

были открыты (хорошо не помню, в этой ли комнате) и на полу лежала зола, а может быть, она и при нас была извлечена.

Затем мы прошли в зал, гостиную, столовую, комнату Демидовой, комнату великих княжон и комнату Государя и Государыни. В гостиной, вот этой самой комнате, которую я сейчас вижу на снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела 215-м, том 3-й, нижний снимок), была плетеная кушетка Государыни, как говорил тогда Деревенко, та самая, которая и изображена на снимке. В столовой, изображенной на предъявленном мне Вами фотографическим снимке (предъявлен верхний фотографический снимок на листе дела 216-м, том 3-й), в буфете, обозначенном на этом снимке, были иконы, принадлежащие, как тогда говорили, Августейшей семье. Здесь же стояла коляска на резиновых шинах, принадлежащая кому-то из Августейших особ, как она и изображена на снимке. Комната великих княжон и комната Государя и Государыни были, кажется, в таком виде, как они значатся на предъявленных мне Вами фотографических снимках (предъявлены фотографические снимки на листе дела: нижний снимок на листе дела 216-м, том 3-й и верхний на листе дела 217-м, том 3-й).

Я не помню хорошо, при нас ли тогда была извлечена зола из печи в комнате княжон, или же она была извлечена еще до нас. В комнате Государя и Государыни, как я помню, на умывальнике был беспорядок: как будто бы кто пользовался умывальником и оставил его в таком виде. Я не помню, были ли кровати в комнатах, где имела пребывание Августейшая семья, или же кроватей вовсе не было. Общее впечатление, какое оставлял тогда дом Ипатьева, было вот какое: дом брошен хозяевами, хозяев нет в нем, в нем хозяйничали чужие люди, уничтожившие в печах разные мелкие по величине вещи Августейшей семьи: лишь немногие вещи уцелели из мелочи. Иных подробностей и деталей я не помню. В частности, например, не могу припомнить нахождения иконы, у которой бы был сорван венец из бриллиантов или что-либо подобное.

Комната, где помещались комиссары, оставляла впечатление, что здесь находилась какая-то банда: все здесь было на-

валено и разбросано. Припоминаю, что в этой комнате, кажется, где-то были найдены четки, кажется, Императрицы. Эта самая комната изображена на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела 215-м, том 3-й, верхний снимок). Я не помню, находили ли тогда в доме какие-либо окровавленные предметы, например тряпки, полотенца, салфетки.

Кроме верхнего этажа, осматривали мы тогда и нижний этаж. В нижнем этаже комнаты были подвальные, грязные. Я хорошо помню, что в одной из комнат нижнего этажа были какие-то иконы, и Деревенко тогда же называл эти иконы и говорил, кому принадлежит какая. В одной из комнат нижнего этажа, видимо, и произошел расстрел Августейшей семьи. Это та самая комната, которую я сейчас вижу на снимке (предъявлен нижний фотографический снимок на листе дела 220-м, том 3-й). В стене ее, соседней с другой комнатой, дверь в которую была тогда заперта, в этой двери и в стене с окном были следы пуль. Следы пулевых попаданий были также и в полу. Самый пол этой комнаты носил явственные следы замывки. Были ли такие же следы замывки в прихожей комнате, теперь не помню.

Когда мы были в этой комнате, сюда явился, как я это хорошо помню, Кирста. Не могу Вам ничего рассказать про то, как он относился к тому, что было перед нами. Теперь я не помню этого. Помню лишь, что у меня осталось тяжелое впечатление от Кирсты: как будто актер какой явился сюда. Так он как-то легкомысленно, несерьезно держал себя в это время. Заходили мы тогда и на террасу. Там, я помню, были одни лишь надписи скабрёзного характера. Больше я ничего не могу Вам рассказать про дом Ипатьева.

Я знал врача Кенсорина Сергеевича Архипова. Он работал в 1916 году в качестве ординатора в Екатеринбургском местном военном лазарете. Он работал в хирургическом отделении. Я про него могу сказать следующее. Он, как мне известно, не имеет диплома об окончании высшего медицинского учреждения и получил звание врача по монаршей милости

в войну, как лицо, прослушавшее 10 семестров. Он умел и мог работать. Но на нас врачей (я в этом лазарете был старшим врачом, когда там работал Архипов) он производил странное впечатление. Это был резкий, дикий человек. Говорит-говорит и обязательно спорит какую-нибудь дичь. Это был неуравновешенный человек, резкий неврастеник. Он ушел от нас в 1916 году, но куда, я не знаю. По моему мнению, когда началась революция, его не было в Екатеринбурге. Он был где-то на стороне, но где именно, не знаю.

Юровского я тоже знал. Это крещеный еврей, ротный фельдшер. Он был в близких отношениях с Архиповым. Оба они были в одном отделении. Что их сводило, я не знаю. Но близость их была заметна всем. В то время у нас была субординация. Ротный фельдшер был в повиновении у врача. У них же отношения были особые: близкие. Тогда Архипов как-то заболел воспалением легких. Говорили, что около него неотступно находился Юровский. Я сам тогда как-то навестил Архипова и видел там у него Юровского. Политического облика Архипова и Юровского я не знаю: я был для них человеком определенным — монархист, и они при мне держались замкнуто.

Когда произошла революция, Юровский сразу всплыл на поверхность. Он был избран командой лазарета в совет рабочих депутатов. Первым делом он стал мутить у нас в лазарете: гнилым мясом кормил больных. Ничего из этого у него не вышло. Тогда он взял у нас двухмесячный отпуск и куда-то пропал. Я уехал после этого на Кавказ и вернулся к осени. Произошел большевистский переворот: Юровский попал в заправилы у екатеринбургских большевиков. Что он у них делал, я не знаю, но он втирался везде, как было слышно, и, в конце концов, попал в коменданты дома Ипатьева.

Немного знал я и врача Саковича. Это был кадровый военный врач. Имя его до революции Уралу не было известно. Откуда он появился на Урале, я не знаю. О нем стали говорить в революцию. Когда произошел большевистский переворот, он стал областным комиссаром здравоохранения: большим лицом у большевиков. Это был человек, видимо, приспособли-

вавшийся к большевикам и не считавшийся с моралью. Я однажды помню, как на одном профессиональном собрании врачей в нашем госпитале он, обращаясь к врачам, сказал: «Я по убеждениям всегда был эсер». Много тогда мы смеялись над этими его словами: кадровый военный врач, кончивший Военную академию, состоящий на действительной военной службе и вдруг эсер: кажется, ни в какие ворота не влезешь. Его противниками были врачи Спасский и Барохович. (Последний служит, вероятно, и теперь земским врачом во Владимирской губернии.)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: вырезка из медицинских пособий (предъявлены листки из медицинских книг, описанные в пунктах 14 и 15 протокола 19–22 июня сего года, л. д. том) и кости (предъявлены кости, описанные в пунктах 37 и 38 того же протокола, л. д. том). По поводу их я могу сказать следующее. Вряд ли эти листочки из медицинских пособий могут быть «фельдшерской» литературой. Это, скорее, врачебные пособия. Что же касается костей, то я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Определенный ответ на этот вопрос может дать только профессор сравнительной анатомии. Вид же этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента, но какого именно, сказать может только научное исследование. Больше показать я ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Анатолий Иванович Белоградский

Судебный следователь *Н. Соколов*

Доверительно¹ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ7 августа 1919 г.
г. Ишим

Настоящим повелеваю всем военным, гражданским, железнодорожным властям оказывать Судебному Следователю по особо важным делам Соколову, производящему возложенное на него по моей воле предварительное следствие по делу особой важности, всемерное содействие к беспрепятственному его передвижению на всей освобожденной территории России в предоставленном ему по моей воле служебном вагоне № 1880, каковой вагон является его служебной камерой и никаким осмотрам не подлежит.

Адмирал Колчак

Исп. об. Директора Канцелярии Верховного Правителя
Генерал Майор Мартьянов

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 9-13 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Ишиме, Тобольской губернии, в порядке 315-324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, обнаруженных при производстве раскопок в районе рудника, производивших-

---

¹ Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 9. Л. 2. На бланке Верховного Правителя с печатью.

ся генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом и описанных в акте осмотра от 6 июня — 10 июля сего года (л. д. том 6-й).

По осмотру найдено следующее:

Вещи, найденные при просевке и промывке почвы глиняной площадки:

Вещи, обнаруженные 3 июля:

1. Часть разломанного золотого предмета. Эта часть золотого украшения представляет собой четырехгранную золотую пластинку, имеющую в длину 1 сантиметр 8 миллиметров, в ширину 2 миллиметра и в толщину 1 миллиметр. Пластинка сильно искривлена во всю ее длину. Оба ее конца имеют неровные края, так что по краям совершенно ясно видно, что она образовалась вследствие разрушения какого-то золотого предмета при помощи какого-то тяжелого рубящего орудия, отделившего эту пластинку от целого предмета. Посередине ее имеются царапины, напоминающие следы слабых ударов по самой пластинке какого-то острого предмета.

При сравнении этой пластинки с обломком золотого предмета, описанным в пункте 91-м протокола 19—22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что свойство золота и четырехгранность как настоящей пластинки, так и описанного в указанном пункте золотого обломка одни и те же. Видимо, оба эти обломка принадлежат к одному и тому же золотому предмету.

2. Две золотых петельки от цепочки. Обе эти петельки соединены между собою, как это бывает у цепочек. У одной петельки нарушена ее целость: петелька вытянута и разъединена. При сравнении этих петелек с цепочками, описанными в пунктах 71 и 90 протокола 19—22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что величина двух петелек совершенно соответствует величине петелек обеих описанных цепочек.

3. Часть разломанной петельки. Эта часть золотой разломанной петельки такой же толщины, как и петельки в обеих описанных цепочках и у обеих только что описанных петелек. Она имеет вид разломанной петельки, вытянутой. Часть ее, приблизительно около половины, отсутствует.

Вещи, найденные 6 июля:

4. 2 гвоздика и головка гвоздика. И оба гвоздика и головка подвергались действию огня. Один из гвоздиков имеет головку, но конец его отломан. Его длина $1\frac{1}{2}$ сантиметра, толщина у головки — 2 миллиметра, к концу — 1 миллиметр. Он круглый и принадлежит, видимо, к обуви.

Другой гвоздик не имеет головки. Его длина $1\frac{1}{2}$ сантиметра, толщина ближе к головке 2 миллиметра, к концу — $1\frac{1}{2}$ миллиметра. Он не круглый, а четырехгранный. Головка гвоздика с шляпкой, имеющей в диаметре 4 миллиметра. Не представляется возможным определить, принадлежит ли эта головка к гвоздику, не имеющему шляпки.

5. Металлическая, малая петля. Петля вытянута и изломана: у одного из ее концов отсутствует конец самого изгиба, за который петля пришивается к одежде. Петля тонкая, ровная и принадлежит, видимо, к дамскому платью.

6. Кусочек благородного металла. Он неправильной формы. Его длина, приблизительно, составляет 5 и ширина 2 миллиметра. Оба конца этого осколка и самый осколок носят ясно выраженные следы удара по нему какого-то тяжелого режущего предмета, видимо, и отделившего его от какого-то целого предмета. Кусочек этот подвергался действию огня, так как на нем имеются следы копоти потемнения металла /так!/. При сравнении этого кусочка с частью украшения с бриллиантами и с кусочком благородного металла, описанными в пунктах 84 и 79 протокола 19—22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что все они принадлежат, видимо, к одному украшению.

Вещи, найденные 8 июля:

7. 8 кусочков свинца. Кусочки свинца имеют неправильную форму. Они различной величины: от миллиметров до 1 сантиметра. Форма их ясно свидетельствует о том, что они образовались в огне от растапливания свинца. Восьмой кусочек образовался при осмотре путем отделения от одного из кусочков.

8. 4 сапожных винтика. Они все медные и сильно закопчены от действия на них огня. Один из них имеет в длину 1 сан-

тиметр и 1 миллиметр и в диаметре 2 миллиметра, другой имеет в длину 1 сантиметр и в диаметре немного менее 2 миллиметров, третий имеет в длину 9 миллиметров и в диаметре равен второму, четвертый имеет в длину 8 миллиметров и в диаметре равен третьему и второму.

Вещи, найденные при разработке шахты № 3:

9. Носовой платок. Он квадратной формы и имеет размеры $32 \frac{1}{2}$ сантиметра в квадрате. Платок сильно замазан глиной, местами худой. Трудно определить его цвет под глиной, но, видимо, он не чисто белый, а цветной. Кроме глины, на нем имеются еще пятна. Цвета их также трудно определить под глиной.

10. Обрывок газеты. Газета запачкана глиной, в очень многих местах разорвана. Из содержания ее не представляется возможным определить ее название и дату. Но видно, что она издавалась в Екатеринбурге, вышла после 23 марта и относится к революционному периоду.

Вещи, найденные при выемке засыпки из малого колодца шахты № 7:

11. Серебряная рамочка. Она имеет форму прямоугольника. Две стороны ее имеют в длину $6 \frac{1}{2}$ сантиметров, две другие — $5 \frac{1}{2}$ сантиметров. Ширина сторон (стенок) рамочки — 8 миллиметров. В стенках рамочки имеются отверстия для гвоздиков, коими, видимо, прикреплялась задняя стенка рамочки. Судя по форме и величине стенок рамочки, в ней должно было находиться стекло, причем оно должно было иметь прямоугольную форму. При рамочке имеется колечко, такого же металла, как и сама рамочка. Кольцо это вытянуто и изогнуто. Самая рамочка имеет след воздействия на нее огня. Рамочка, несомненно, сделана из серебра. На одной из стенок ее имеется клеймо фирмы: «И.Г.» На этой же стенке имеется клеймо пробы: «84». Рамочка является по своему виду типичной образной рамочкой.

12. Перочинный нож. Рукоятка его из белого металла. На обеих сторонах ее написано французскими буквами: «Шампань

С-т Марса». Длина рукоятки — 8 сантиметров. Нож имеет два лезвия, из коих одно короткое, сломанное, и ножницы. Оба ножа и ножницы складываются и прячутся в рукоять. Обращает на себя внимание малое лезвие: оно сильно отточено и сточено, как это часто делается для обрезывания сигар в перочинных ножах, имеющих особые для этой цели лезвия. Оба лезвия и ножницы сильно закопчены от огня.

Вещи, найденные при промывке засыпки, извлеченной из малого колодца шахты № 7:

Вещи, найденные 2 июля:

13. Юбилейный знак Уланского Ее Величества полка. Знак имеет форму флюгера. Его длина — 2 сантиметра 3 $\frac{1}{2}$ миллиметра и ширина — 1 сантиметр и 2 $\frac{1}{2}$ миллиметра. Он сделан из серебра, имевшего позолоту, от которой остались едва заметные следы. Одна сторона его покрыта полосками белой и темно-оранжевой эмали. На обратной стороне его выгравировано: «1803 17/V 1903». Знак имеет колечко, при помощи которого он может носиться. На колечке имеется клеймо фирмы, в котором при помощи лупы читается: «А.Л.»

Вещи, найденные 7 июля:

14. Осколок жемчуга. Осколок крупный, его длина — 8 миллиметров и ширина — 3 $\frac{1}{2}$ миллиметра. Жемчуг совершенно белый, прекрасных свойств. Он, видимо, не подвергался действию огня.

15. Кусочек благородного металла. При незначительном усилии кусочек разделился на два. Один из них имеет в длину $\frac{1}{2}$ сантиметра, другой — 3 миллиметра. Оба кусочка сильно закопчены от огня. Оба они из серебра, имеющего припайку из золота. Кусочки явственно сохранили следы отделения их от какого-то другого ценного предмета при помощи тяжелого режущего орудия. Этот кусочек, видимо, тождественен с кусочком, описанным в пункте 6-м сего протокола, и принадлежит к одному предмету вместе с этим кусочком и предметами, описанными в пунктах 79 и 84 протокола 19—22 июня сего года (л. д. том 5-й).

16. 1 буса горного хрусталя. Она имеет внутри отверстие для надевания ее на нитку. Ее диаметр – 6 миллиметров. Бусинка, видимо, или подвергалась действию огня, или же давилась каким-либо тяжелым предметом, так как она имеет внутри ее трещины.

17. 5 кусочков свинца. Они неправильной формы и различной величины: от 2 до 9 миллиметров. Все кусочки образовались от растапливания свинца в огне.

18. 1 осколочек белого стекла. Он имеет в длину 9 миллиметров и в толщину 2 миллиметра. Стекло его белое и однородно со стеклом в осколках, описанных в пунктах 86, 100 и 1-й части пункта 67 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й).

19. 1 фестон от корсетной шнуровки. Фестон подвергался действию огня.

20. 1 кнопка. Она имеет в диаметре 8 миллиметров и принадлежит, видимо, к дамскому платью. У нее имеются четыре дырочки, через которые она пришивается к платью. Одна ее сторона узорная. Кнопка хорошей работы.

21. 2 обломочка гвоздей. Один из обломочков имеет в длину 7, другой – 9 миллиметров. Оба обломочка - медные. Они сильно закоптили от огня. Эти обломки, видимо, принадлежат к сапожным гвоздям.

22. Тонкий гвоздик. Гвоздик – железный, тонкий, проволочный, без головки. Он подвергался действию огня и заржавел. Его длина – 1 сантиметр 9 миллиметров и толщина – 1 миллиметр. Гвоздик принадлежит к роду сапожных гвоздей.

23. 2 винтика. Оба они медные, закоптелые от огня. Длина одного – 1 сантиметр 1 миллиметр, длина другого – 8 миллиметров. Толщина обоих одинакова: 2 миллиметра. Они принадлежат к роду сапожных винтиков.

Вещи, найденные 8 июля:

24. 2 кусочка красного воска. Оба кусочка не имеют никаких отличительных свойств и прилипают один к другому.

25. 1 цинковый обломок. Он отломан от какого-то цельного предмета. Его длина 6 и ширина 3 сантиметра и 8 миллиметров. Он сильно изогнут, края его имеют явно видимые следы изломов. Он покрыт красками и, видимо, принадлежит к иконе, написанной красками по цинку.

26. 3 куска сальной массы. Один имеет в длину 3, другой — 4 и третий 5 сантиметров. Все три куска представляют собой какую-то серую, сальную массу, сплошь покрытую глиной. Не представляется возможным определить их природу без научного исследования. От этих трех кусочков открашиваются более мелкие кусочки.

Вещи, найденные 9 июля:

27. 1 кусок сальной массы. Он имеет в длину $3\frac{1}{2}$ сантиметра. Он несколько белее предыдущих кусков и также сплошь запачкан глиной.

Вещи, найденные 10 июля:

28. 8 осколков белого стекла. Толщина всех их одинакова и составляет 2 миллиметра. Стекло всех осколков прямое и чистое. Оно, видимо, однородно со стеклом в осколках, описанных в пунктах 18 сего протокола (л. д. том 6-й), 86, 100 и 1 части пункта 67 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й). Величина осколков различна (длина), от 1 сантиметра 2 миллиметров до 2 сантиметров 2 миллиметров.

29. Маленький тонкий железный осколок. Он имеет в длину 1 сантиметр 4 миллиметра и в ширину 4 миллиметра. Этот осколок, видимо, принадлежит к гранате.

30. 1 английская булавка. Булавка большая, имеет в длину 6 сантиметров и не представляет никаких отличительных особенностей.

31. Кусочки материи:

а. 5 кусочков лиловой с синеватым оттенком материи. Все они представляют собой обрывки от материи. Один имеет в длину $11\frac{1}{2}$ сантиметров, другой — 7, третий — 6, четвертый — 4 и пятый — $2\frac{1}{2}$ сантиметра. Все они несколько

запачканы глиной. Большой имеет две полоски, как будто бы от прошивки этого кусочка на машине;

б. 1 кусочек темно-коричневой материи. Он также является обрывком материи и имеет в длину 20 сантиметров;

в. 1 кусочек белой, розовыми клетками материи, видимо, ситца. Он имеет в длину 4 сантиметра и имеет швы, являясь, видимо, кусочком, оторванным от простой одежды: кальсон, рубашки и т. п.;

г. 1 кусочек черной, голубовато-серой полосками материи. Он имеет в длину $6 \frac{1}{2}$ сантиметров. Кусок имеет почти все края ровными, являясь, видимо, отрезанным от более крупного, а не оторванным;

д. 1 кусок черной материи. Он имеет в длину 14 сантиметров. Его лицевая сторона выпукло-рубчатая, подкладка — гладкая. Как будто бы лицевая сторона слегка опалена огнем.

32. 1 костяная пуговка. Пуговка желтого цвета, имеет в диаметре 8 миллиметров и принадлежит, видимо, к дамскому костюму. Ушки ее с задней стороны отломаны. Она запачкана глиной.

33. 1 кусочек стеариновой свечи. Огарок свечи — небольшой и не имеет никаких индивидуальных признаков. Он запачкан глиной.

34. Кусочки белого воска. Они запачканы глиной и постоянно делятся на более мелкие. В момент осмотра их было свыше 10.

35. Три кусочка красного воска. Они не имеют никаких особенностей и делятся на более мелкие при осмотре их.

36. Куски сальной массы. Они различной величины. Самый большой из них имеет в длину 6 сантиметров. Они постоянно дробятся на более мелкие куски, и их насчитывается более 20 из взятых при промывке засыпки. Сальная масса в большинстве кусков серо-грязного цвета. Не представляется возможным без научного исследования установить природу их.

37. Цинковый кусок. Он отломан от целого куска, измят, исковеркан. В длину он имеет $5 \frac{1}{2}$ и в ширину $2 \frac{1}{2}$ сантиметра.

На нем имеются остатки такой же краски, как и на куске, описанном в пункте 25-м сего протокола.

38. Кусочек кожи от обуви. Кусочек тонкой, черной кожи. Он прошит при помощи машины.

39. Куски обуглившегося от огня дерева. Всех их свыше 30. Они пачкают руки, как угли, и не имеют никаких отличительных особенностей. Все эти куски довольно крупного размера. Самый большой из них представляется в длину в 35 сантиметров, большинство кусков в 5-8 сантиметров. Если эти куски были в костре, то костер должен был представляться большим и сильным.

Вещи, найденные при промывке ила и грунта в большом колодце шахты № 7:

40. Кусочки материи. Всех кусочков 7. Самый большой из них имеет в длину 7 сантиметров. Эти кусочки совершенно тождественны, по свойству материи, с кусочками материи, описанными в пункте 31 «а» сего протокола. Один из кусочков имеет прошитый черными нитками рубец. Все кусочки имеют явно выраженные следы отрывов их от целого куска материи или платья.

41. Три железных пластинки. Длина первой $8 \frac{1}{2}$, второй — $7 \frac{1}{2}$, третьей — $6 \frac{1}{2}$ сантиметра: ширина всех их одинакова и составляет 2 сантиметра. Все они сильно покрыты глиной. Происхождение их без экспертизы представляется затруднительным определить.

42. Кусочек свинцовой бумаги. Кусочек очень мал: его длина и ширина 2 миллиметра. Он, видимо, подвергся действию огня, так как он сплавился и рассыпается на более мелкие кусочки, как побывавшая в огне свинцовая бумага.

43. Два осколка желтого стекла, цвета йода. Осколочки очень малы. Один имеет в длину 5, другой — 3 миллиметра. Толщина стекла менее 1 миллиметра. Они совершенно сходны с осколочками, описанными в пункте 101-м протокола 19—22 июня сего года (л. д. том 5-й).

44. 3 осколка зеленого стекла. Два имеют в длину $1\frac{1}{2}$ сантиметра, один — 5 сантиметров. Толщина стекла у всех одинакова и составляет 3 миллиметра. Два осколочка имеют сохранившиеся на них буквы английского, видимо, алфавита. Эти кусочки тождественны с кусочками стекла, описанными в /пунктах/ 34, 59, 99 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й), являясь кусочками от одного, видимо, или нескольких, но одинаковых флаконов.

45. 4 осколка белого стекла. Толщина трех осколков одинакова и составляет 2 миллиметра. Один имеет в длину 6 и в ширину 2 сантиметра, другой имеет в длину 2 сантиметра и в ширину 8 миллиметров, третий имеет в длину и в ширину $\frac{1}{2}$ сантиметра. Стекло всех этих трех осколков чисто-белое и прямое, видимо, одинаковое со стеклом в кусочках, описанных в 1 части пункта 67 и в пунктах 86 и 100 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й). Четвертый кусочек имеет толщину стекла в 1 миллиметр; его длина — 4 и ширина — 3 миллиметра. Стекло его имеет ясно выраженный выпукло-вогнутый характер.

46. Кусочки углей. Их свыше 20, и они постоянно рассыпаются на более мелкие, превращаясь в угольную пыль. Самый большой из них имеет в длину 5 сантиметров. Они не представляют никаких особенностей.

Предмет, найденный в шахте № 12:

47. Топор. Длина его лезвия от обуха до острия лезвия — 16 сантиметров. Длина обуха — 8 сантиметров, ширина — 5 сантиметров, длина лезвия — 13 сантиметров. В нем имеется обломок черепа, в коем забит деревянный клин. Все лезвие топора сплошь покрыто глиной. В целях сохранения топора в первоначальном виде для научного исследования глина не удалялась с топора.

Вещи, найденные при промывке костра у старой березы:

48. Этикетка. Она состоит из двух наклеенных одна на другую бумажек: толстой бумаги и самой этикетки, наклеенной

на нее. Наклейка, однако, отстала. Длина этикетки 6 и ширина 2 сантиметра. Бумага самой этикетки желтого цвета и покрыта черными пятнами. На ней написано по-русски: «Хим. лаб. “Стелла” Стокгольм Лондон».

49. Кусочек свинца. Он расплавлен в огне. Отличительных особенностей не представляет.

50. 1 кнопка. Она имеет в диаметре 7 миллиметров. У нее имеются 4 отверстия, при помощи которых она пришивается к костюму. Одна ее сторона имеет узор. Кнопка подвергалась действию огня. Она принадлежит, видимо, к дамскому костюму.

Вещи, найденные при промывке костра на глиняной площадке у шахты № 7:

51. 3 фестона. Они все обгорелые. Принадлежат они, видимо, или к корсету, или к обуви. Диаметр их 3 миллиметра.

52. Металлическая пуговица. Она имеет в диаметре $1 \frac{1}{2}$ сантиметра. В ней четыре дырочки, через которые она пришивается к одежде. Она могла быть обтянута материей или полотном, так как сама она слишком тонка, чтобы в необшитом виде служить костюму. Она покрыта глиной.

53. Одна круглая жемчужина. Она имеет в диаметре 2 миллиметра. Жемчужина совершенно сохранилась.

54. 2 осколка жемчуга. Один имеет в длину 5 и в ширину 3 миллиметра, другой имеет в длину и в ширину 2 миллиметра. Оба осколочка от белого, прекрасного свойства, жемчуга. Они раздавлены и подвергались, видимо, действию огня.

Вещи, найденные в новом костре у шахты № 7:

55. 5 осколков белого стекла. Из них 4 осколка имеют одинаковую толщину: 2 миллиметра. Длина одного - 3 сантиметра 8 миллиметров, ширина - 3 сантиметра. Другой имеет в длину 2 и в ширину $1 \frac{1}{2}$ сантиметра. Третий имеет в длину 2 и в ширину $1 \frac{1}{2}$ сантиметра: этот кусочек покрыт как будто бы с одной стороны краской, но она, в свою очередь, покрыта глиной, так что хорошо краска не видна. Четвертый имеет в длину

2 сантиметра и в ширину 1 сантиметр 3 миллиметра. Стекло всех этих осколочков белое, чистое и прямое, но два первых кусочка как будто бы не так чисты: края кусочков отливают некоторой синевой. Поэтому не представляется возможным определить, тождественно ли стекло в этих кусочках со стеклом в кусочках, описанных в предыдущих пунктах сего протокола и в протоколе 19–22 июня сего года. Пятый осколок имеет в длину 3 $\frac{1}{2}$ и в ширину 1 сантиметр. Он из толстого стекла в 3 $\frac{1}{2}$ миллиметра, искривлен и имеет ясно выраженную форму бутылки или флакона.

Вещи, найденные вблизи шахты № 2 и вблизи шахты № 7:

56. Обрывок материи. Он имеет в длину 45 и в ширину 34 сантиметра. С одного края он порублен, все остальные имеют следы разрывов. Материя местами прорвана. Она вся сплошь покрыта глиной, так что ни ее качества, ни ее цвета определить не представляется возможным. В целях исследования она не промывалась.

57. 3 металлических пластинки. Длина одной 20 сантиметров, длина другой 10 сантиметров, ширина обеих одинакова и составляет 6 миллиметров. Обе пластинки имеют следы припайки их и имеют узорную рельефную, в виде точек, кайму по краю. Большая согнута пополам. В момент осмотра она обломилась на две одинаковые части по изгибу. Эти пластинки местами закопчены. Они принадлежат, видимо, к иконе.

58. Металлический стержень. Он цилиндрической формы. Его длина 7 сантиметров 2 миллиметра, толщина — $\frac{1}{2}$ сантиметра. На концах его имеются кольца, и сам он обвит проволокой. Стержень, видимо, является ударным механизмом ручной гранаты.

ЗАПИСКА РУССКОГО КОНСУЛА
В ГОНКОНГЕ ЭТТИНГЕНА

12 августа 1919 г.

Сегодня 12 августа 1919 года ко мне пришел утром в канцелярию Commander Finlayson, старший офицер крейсера «Кент» и сообщил, что ему поручено отвезти в Лондон 29 ящиков с вещами, принадлежавшими Царской Семье¹. В адрес Королевы Александры. Вещи были не особенно хорошо упакованы и некоторые стали вываливаться из ящиков, кроме того, эти ящики были подвержены резким климатическим переменам, и возможно, что вещи внутри их подвергаются порче. Не думаю ли я, что их следовало бы вскрыть и удостовериться в их состоянии, а затем переложить их. Для этого, однако, требуется вскрыть печати, а на это он не считает себя вправе без предупреждения и согласия консульства.

Я ответил, что если состояние ящиков внушает такие опасения, то, по моему мнению, конечно, следовало бы принять меры. Для этого, однако следует сперва предупредить коммодоре, а затем если окажется нужным вскрыть ящики, то составить комиссию из консульства и членов местного правительства для составления актов о вскрытии и описи. Commander Finlayson с этим был вполне солидарен и сказал, что доложит коммодоре.

В 3 часа того же дня коммодоре сообщил мне по телефону, что Commander Finlayson доложил ему об этом деле, но что ему коммодоре не кажется целесообразным вскрывать ныне ящики по следующим причинам. Сделать это, не запросив первоначально родственников покойного Государя Императо-

---

¹ В Омске вещи и предметы, принадлежавшие Царской семье, обнаруженные в доме Ипатьева, на руднике, а также вещи убитых в Алапаевске, были упакованы в 50 ящиков, отправлены во Владивосток для отправки в Англию, сестре Императора Николая II в.кн. Ксении Александровне.

ра, нельзя, потому что среди вещей могут оказаться такие, которые не предназначены для рассмотрения посторонними лицами. Телеграфировать едва ли остается время, так как Commander Finlayson, которому единственно и поручены вещи должен уехать через неделю и время слишком ограничено. Взяться за это дело без разрешения слишком ответственно, и он на это не считает возможным согласиться. Я сказал коммодору, что не видел ящиков и не в состоянии судить о них; что если бы власти признали нужным приступить к вскрытию, то я счел бы долгом участвовать в комиссии. Во всяком случае, я предлагаю, чтобы ящики были уложены в другие ящики. Это, коммодоре сказал мне, было сделано. Но все же он решительно заявил, что ящики не должны быть перерыты.

На этом окончился разговор.

Commander Finlayson уезжает на «Атреус» около 15 августа.

г. Гонконг
12 августа 1919 г.

Вышенаписание есть копия справки для памяти хранящейся в Российском Консульстве в Гонконге.

Консул: Верно:
Эттинген¹

(неразб.) ...после устных обменов мыслями из памяти, мною переданы Л. Гв. Капитану Булыгину. 5 июля 1920 г.

Эттинген.

---

¹ Рукописная приписка Эттингена. Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д.13. Л. 1 и 1об.

ПИСЬМО

Жанена об оказании помощи Н.А. Соколову

Август 1919 г.

Генерал Жанен

Начальник Французской миссии в Сибири,
Командующий Союзными войсками в Сибири.

№ 3805

Просит военных властей всех Союзных войск оказать помощь и полнейшее содействие господину Н.А. Соколову, отправляющемуся во Владивосток с поручением особой важности.

G-al Janen. Автограф на французском языке¹

ПРОТОКОЛ

1919 года ноября 5 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Чите допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей в порядке ст. 443 ст. уст. угол. суд., и они показали:

Допрошены в порядке ст. 705 ст. уст. угол. суд.,

Лея-Двейра Мошкова Юровская. 37 лет, мещанка из г. Каинска, где и живу на Московской улице, в доме Хабаса, иудейского вероисповедания, грамотная, Янкель Юровский мне доводится деверем, не судилась.

---

¹ ГА РФ. Ф.1837. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. Угловой штамп на французском языке. Публикуется впервые.

Я познакомилась с моим теперешним мужем Эле в 1906 году и в 1908 году мы повенчались. С этого времени мы и проживали в г. Каинск, где муж имел часовую мастерскую, а я до 1917 года имела модный магазин.

Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда не были с ним близки. Мы с ним разные люди. Он перешел из иудейства в лютеранство, я – еврейка-фанатичка. Я его не любила: он мне был всегда несимпатичен, он по характеру «деспот». Он страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, а своего брата, не позволял ему открыть мастерской в Томске, потому что имел там мастерскую сам. Он пользовался благодаря своему характеру некоторым влиянием на моего мужа, и это его влияние дурно отражалось на наших отношениях. Я это чувствовала и старалась быть от него вдали. Его политических убеждений я не знаю. О том, что он был в Германии, я не знала и слышу от Вас об этом в первый раз. Я слышала мельком, что он за что-то в Томске был арестован¹, но за что, я не знаю.

На предъявленной мне Вами карточке (предъявлена имеющаяся в распоряжении Судебного Следователя фотографическая карточка) изображен Янкель.

Мой муж вернулся из плена в первых числах июля месяца 1918 года и все время в июле месяце был дома. Больше показать я ничего не могу.

Показание мое мне прочитано.

Лея-Двейра Юровская

Судебный Следователь *Н. Соколов*

---

¹ См. Персональное дело Я.М. Юровского. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 019769.

Допрошен в порядке 705 ст. уст. угол. суд.

Лейба Хаимов Юровский, 33 лет, мещанин г. Каинска, живу в г. Томске, по Иркутской улице, дом № 11, иудейского вероисповедания. Малограмотный, Янкелю Юровскому родной брат, не судился.

Я имею часовую мастерскую в г. Томск, где постоянно и проживаю. На предъявленной мне Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся в распоряжении Судебного Следователя) изображен мой брат Янкель.

Янкель имел в Томске также часовую мастерскую и часовой магазин. С 1889—1900 года (ему тогда было 18 лет) Янкель открыл свою мастерскую. В 1902—1903 году (я это хорошо помню), он уезжал в Германию вместе с своею женой гражданской Маней, на которой он женился уже по возвращении из Германии. Там он принял лютеранство. Он вернулся из Германии не прямо в Томск, а был где-то на Кавказе¹, откуда уже возвратился в Томск. В Германии же он находился в Берлине. Возвратившись из Германии, Янкель уже научился говорить по-немецки, а до этого он не умел говорить по-немецки. Он сам мне говорил об этом, т. е. о том, что он выучился говорить на немецком языке. Вернулся Янкель после поездки за границу в Томск в 1904 или 1905 году. Он снова открыл в Томске часовую мастерскую, а в 1908—1909 годах уже часовой магазин. Он был уже богат. Его товар в магазине стоил, по тому времени, тысяч десять. В 1912 году (я хорошо это помню) он был арестован за «политику», сидел в тюрьме, а потом был вы-

---

¹ На Кавказе Я. Юровский жил в Батуми, где в 1904 г. родился его старший сын Александр. См. Персональное дело Юровского Я. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6948. Л. 30. Здесь же содержатся сведения о братьях Я. Юровского. Старший брат — Моисей Юровский с 1902 по 1935 г. проживал в Харбине. В 1937 г. арестован органами НКВД вместе со своим сыном... Второй брат Я. Юровского Петр с 1914 г. жил в Америке. Третий брат Я. Юровского Б.М. Юровский работал на автозаводе им. Сталина дежурным слесарем.

слан в г. Екатеринбург. С того времени я его не видел ни одного раза. Близких отношений у меня с ним никогда не было: он был богатый, а я бедный. Он считался в семье «самым умным», а я не развитый. Он был арестован за политику и за то, что он был революционер. Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый. Я учился у него часовому делу и знаю его характер: он любил «угнетать» людей.

Прочитано. *Лейба Юровский*

Судебный Следователь *Н. Соколов*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Лейба Хаимов Юровский — сведения о личности

У меня в числе других отобранных при обыске карточек была взята карточка, на которой изображены: мой брат Пейсах, его жена Эстер и ее брат Матвей Борисович Уревич. Он родом из Тобольска, но жил он в Петропавловске, где он имел портняжную мастерскую. Эта карточка была снята до отъезда брата Пейсаха в Америку. А уехал он туда в 1913 году.

Прочитано. *Лейба Юровский*

Судебный Следователь. *Н. Соколов*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Эле-Мейер Хаимов Юровский — сведения о личности
см. л.д. 2, том 8-й

Предъявленную мне Вами открытку (предъявлена открытка, описанная в пункте 15-м протокола 3 ноября сего года, л.д. Том 7-й) писал я Янкелю.

Я писал ее, вероятно, из Каинска. Я слышал тогда, что жена Янкеля Маня едет в Россию, т. е. в Европейскую Россию из Сибири, из Томска и просил купить для меня камень.

Прочитано. *Эле-Мейер Хаимов Юровский*

Судебный Следователь *Н. Соколов*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года ноября 5 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве Государя Императора Николая Александровича и Его Августейшей Семьи и принимая во внимание:

1. что арестованные по сему делу Эле-Мейер и Лейба Хаимовы Юровские, Лея-Двейра Мошкова Юровская, Хая Мошкова Фридман /.../ не могут быть привлечены по настоящему делу в качестве соучастников вышеназванного преступления, ибо личность Эле-Мейера Хаимова Юровского установлена на следствии, в силу чего отпадает вопрос и об ответственности всех остальных вышеупомянутых лиц.

2. что отобранными в квартирах Юровских вещи не имеют никакого отношения к настоящему делу, на основании 264 и 396 ст. уст. угол. суд. Постановил: всех вышеперечисленных лиц из-под стражи освободить, о чем сообщить начальнику Читинской областной тюрьмы; все вещи, описанные в протоколах 2 и 3 сего ноября, л.д. 160, 163 том 7-1 возвратить Лейбе и Эле Юровских.

Судебный следователь *Н. Соколов*

Справка: сообщено об освобождении всех указанных лиц начальнику Читинской областной тюрьмы 5 ноября 1919 года за № 152.

Все вещи, поименованные в протоколах 2 и 3 ноября сего года, получили Эле-Мейер Хаимов Юровский, Лейба Юровский.

Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

20–21 ноября 1919 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Чите в порядке 722 ст. уст. угол. суд. Допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей и они показали:

Парфений Титов Самохвалов, 31 года, крестьянин д. Хатки, Ружинской волости, Режицкого уезда, Витебской губернии, живу постоянно в г. Ялуторовск, Тобольской губернии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

Я по ремеслу шофер. Раньше я служил у разных лиц в Петрограде, но потом я обосновался в г. Ялуторовск, где купил себе домишко и где проживал с 1910 года.

Революция застала меня в Петрограде, где я служил шофером. От беспорядков в Петрограде я стал пробираться к Ялуторовску и дорогой поступил слесарем на станции Екатеринбург I. Это было 17 июля 1917 года. Здесь я прослужил до того времени, пока не началась железнодорожная забастовка. В это же время я поступил в боевую дружину и был начальником ее. Дружина эта была железнодорожная, и наши обязанности выражались в охране железной дороги. В декабре месяце 1917 года я поступил в советский гараж шофером, где я и прослужил до 2 мая 1918 года по новому стилю.

Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского Окружного Суда комиссар Голощекин и приказал мне следить, что-

бы все благополучно было в гараже с машинами¹. Я это ставлю в связь со слухами о готовившемся тогда нападении на гараж. Я же именно потому был тогда вызван, что я был дежурным в это время. Спустя после этого несколько дней к нам в гараж явился комиссар печати, по фамилии мне не известный². Он был высокого роста, худощавый, с смуглым лицом, с небольшой черной бородой и небольшими черными усами. Он был простой типографский рабочий, но из какой именно типографии, этого я не знаю. Этот комиссар печати потребовал от нас, чтобы мы немедленно подавали бы четыре автомобиля. Мы отказывались ехать, потому что у нас не было бензина. Но комиссар печати достал, кажется, из какой-то типографии пуд бензина, и мы поехали на трех легковых и одном грузовом автомобиле. Шоферами на автомобилях были: на одном я, на двух других легковых автомобилях Полузадов и Степанов, а на грузовом автомобиле какой-то шофер с завода Яциса. Но дорогой у Степанова лопнула шина в автомобиле и он уехал назад. Мы же все поехали, по указанию комиссара печати, ехавшего вместе с нами, к дому на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Я не знаю, кому именно принадлежал этот дом. Он каменный, белый. В тот момент он был обнесен деревянным одним забором, не закрывавшим парадного крыльца и ворот. Я вижу фотографические изображения дома, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения дома Ипатьева, находящиеся на листе дела 210 том 3-й), и утверждаю, что к этому дому мы и подъехали. Из дома вышел комиссар Голощекин, комиссар Авдеев и еще какие-то лица (кроме Голощекина и Авдеева вышло еще человека два), сели в автомо-

---

¹ Автомобили понадобились, чтобы встретить царя и его семью 30 апреля 1918 г.

² Воробьев Владимир Александрович (1896—1937). С июня 1917 г. — секретарь Уралоблсовета, с сентября одновременно редактор большевистской газеты «Уральский рабочий». Принимал участие в охране дома Ипатьева в качестве дежурного от Совета.

били, и мы все поехали на станцию Екатеринбург I-й. В моем автомобиле ехал комиссар печати. Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург I-й, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голощекин сбегал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург II. Все мы опять поехали в автомобилях на Екатеринбург II. Там мы подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон I класса, окруженный солдатами. Оттуда вышел Государь Император, Государыня Императрица и одна из дочерей Их. Я хорошо помню, что Государь был одет в шинель, солдатского сукна, т. е. цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было; помнится также мне, что пуговицы на Его шинели были защитные. Фуражка Его была офицерского фасона, из защитного сукна, с козырьком, также защитного цвета, и таким же ремешком, но сукном ни козырек, ни ремешок обшиты не были. Государыня была в черном пальто; пуговиц на нем я не заметил. Княжна также была в каком-то темном пальто. Их посадили в мой автомобиль. Еще в мой автомобиль сел какой-то, должно быть, прибывший с Ними же комиссар¹. Раньше я его не видел в Екатеринбурге. Из себя он был высокого роста, худощавый, смугловатый; не помню я, были ли у него усы и борода; я помню, что глаза у него были большие и как бы провалившиеся. В это время в Екатеринбурге было тепло, а он был одет в куртку, мехом вверх, и в шапку и, как мне тогда казалось, он походил на человека, приехавшего откуда-то с дороги. Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти». Государь прошел в дом. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и Княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один Генерал². Голощекин спросил

---

¹ В.В. Яковлев.

² Это был В.А. Долгоруков.

его имя и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму. Я не помню, как себя называл Генерал. Тут же в автомобиле Полузадова он и был отправлен.

Я знал комиссара Юровского. Я не помню, чтобы он был на вокзале, когда был привезен Государь.

Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал тогда: «Чрезвычайка, чего вы смотрите?» — народ был разогнан. Больше я ничего показать не могу. Показание мое мне прочитано. Из шоферов, служивших тогда в гараже, я, кроме названных мною, больше никого назвать не могу. Заведывавшим гаражом, когда я поступил в него, был какой-то Штейман, но он скоро ушел и, когда я привозил Государя, он гаражом уже не заведывал. Я прошу исправить мое показание в следующем: меня в боевую дружину назначили рабочие; сам же я этого не хотел.

Прочитано. *Парфений Самохвалов*

Судебный Следователь *Н. Соколов*

Секретно.

Председатель Совета министров
29 ноября 1919 г.
№1195
г. Иркутск

Судебному следователю по особо важным делам
Н.А. Соколову.

Вследствие прекращения деятельности Омской судеб-
ной палаты Вы поступаете, по возложенному на Вас делу об
убийстве членов Дома Романовых, исключительно в подчине-
ние Генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса.

Никакое правительственное учреждение или (...нераз-
борчиво...) личного удостоверения или собственноручной над-
писи Генерал-лейтенанта Дитерихса не может Вам давать ука-
заний или предписаний по возложенному на Вас следствен-
ному производству об убийстве членов Дома Романовых.

В отношении удовлетворения Вас положенным Вам
содержанием Вы прикомандировываетесь к Читинскому Ок-
ружному суду, который должен требовать и удовлетворять Вас
с 1-го сентября 1919 г.

Председатель Совета министров *Пепеляев*

Товарищ главноуправляющего делами
Верховного правителя и Совета министров
К. Харитонов

1920 год

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ДОКЛАДА СУДЕБНОГО
СЛЕДОВАТЕЛЯ Н.А. СОКОЛОВА
ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕ
МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ

Предварительное следствие по сему делу производится по повелению Верховного Правителя, вследствие ордера г-на министра юстиции судебным следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым¹.

Исходным моментом, определившим начальные рамки предварительного следствия, судебный следователь признал необходимым принять отречение Государя Императора от Престола и события, его сопровождавшие. В дни начавшейся в феврале месяце 1917 года в г. Петрограде смуты Августейшая Семья была разделена друг от друга. Государь Император находился в Ставке, Государыня Императрица с Детьми – в Царском.

Это было тяжелое время для Августейшей Семьи: все Дети постепенно переболели корью, протекавшей в тяжелой форме с высокой температурой и с осложнениями. Все внимание Императрицы было сосредоточено на Детях. О событиях, имевших место в Петрограде, Государыня извещалась по докладам министра внутренних дел Протопопова. Его доклады по поводу этих событий все время носили успокоительный характер, и только в самый момент начала открытого восста-

---

¹ В «Исходящем реестре судебного следователя по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколова за январь 1920 г. сделана запись: «Гвардии капитану Булыгину Павлу Петровичу доклад для Е.И.В. Государыни Императрицы Марии Федоровны по Делу № 20». Справа – Расписка гв. Капитан П. Булыгин. (Автограф.) Оригинал документа хранится в Архиве Института войны и мира им. Гувера (США).

ния, когда уже горело здание судебных установлений, когда толпа уже поджигала полицейские участки, Протопопов признал положение «плохим».

Ввиду данных предварительного следствия можно полагать, что в первые дни событий Государыня видела в них проявление простого бунта и надеялась на благоразумие и преданность Престолу войск, находившихся в Петрограде.

Ее беспокоила главным образом неизвестность судьбы Государя Императора и неопределенные слухи об отречении Его Величества от Престола, каковым слухам Государыня Императрица не доверяла, считая их провокационными. В эти тревожные дни Государыня Императрица Сама изволила приглашать к Себе Великого Князя Павла Александровича и пыталась снестись с Государем Императором через некоторых преданных лиц.

По мере развития событий менялось отношение к ним Императрицы. Она стала видеть в них более грозный характер и, когда ко дворцу были стянуты воинские части: Сводный полк, Гвардейский экипаж. Конвой Его Величества и одна из артиллерийских частей, – Государыня Императрица изволила Сама обходить эти части вместе с Великой Княжной Марией Николаевной, тогда еще не болевшей.

Среди этих событий из жизни Императрицы следственная власть, в разрешение одной из задач следствия, считает необходимым теперь же отметить один факт, который для оценки дальнейших событий, имевших место в г. Тобольске, и в разрешение этой задачи имеет огромное значение. Этот факт, установленный предварительным следствием, кроется в поведении Государыни Императрицы: каково бы ни было внутреннее отношение Ее к событиям того времени и Ее внутренние переживания по поводу их, несомненным представляется, что Государыня Императрица в те тревожные дни проявляла спокойствие, выдержку и мужество.

8 марта 1917 года утром в Александровский дворец прибыл генерал Корнилов. Он был принят Государыней Императрицей на детской половине.

Корнилов сказал Ее Величеству следующее: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной». При этом Корнилов представил Государыне нового коменданта гарнизона (к которому должен был подчиняться и комендант дворца), полковника Кобылинского, принятого Государыней одновременно с Корниловым, и, приказав затем полковнику Кобылинскому выйти на некоторое время из комнаты, остался наедине с Государыней. Следствием установлено, что в это время генерал Корнилов успокаивал Государыню Императрицу и говорил, что никому из Августейшей Семьи не грозит никакой опасности.

После этого генерал Корнилов был еще во дворце, сопровождая Великого Князя Павла Александровича, проявлявшего в эти дни заботу об Августейшей Семье и, видимо, считавшего себя обязанным оберегать Ее ввиду отсутствия Государя. В этот же день, 8 марта, Корниловым была утверждена инструкция для Августейшей Семьи и всех лиц, которые пожелали остаться с Ней в заключении.

Спустя несколько дней после этого во дворец прибыл Государь Император. ...лишения Государя свободы, член Государственной Думы Вершинин, встречал на платформе вокзала полковник Кобылинский. Государь отбыл во дворец в сопровождении князя Василия Александровича Долгорукого.

Зная о приезде Государя и ожидая Его, Государыня пошла навстречу Государю и вот встретила Его Величество в первой комнате на детской половине.

При этой встрече присутствовал один только из старых слуг, преданных Августейшей Семье. Он дословно в таких выражениях передает об этой встрече: «С улыбочкой Они обнялись, поцеловались и пошли к Детям». Это обстоятельство также отмечается следственной властью как другой факт, также имеющий значение для оценки тобольских событий. С этого момента потекли однообразные дни жизни Августейшей Семьи в период царскосельского заключения. Правительство

венная инструкция, определившая условия этого заключения, установила следующие ограничения для Августейших Особ:

вся корреспонденция обязательно должна была проходить через цензуру дворцового коменданта; выход из дворца возможен только в некоторые места парка, особо для того отведенные и огороженные, и притом лишь до наступления темноты;

дворец и парк были оцеплены караулами из солдат... ..вых, заменивших Сводный полк еще 8 марта.

Эти ограничения имели целью пресечь Августейшей Семье возможность сношения с внешним миром. Самого же внутреннего уклада жизни они не касались, и караулов совсем не было во внутренних покоях дворца: они занимали только посты наружные. Период Царскосельского заключения кончился 31 июля 1917 года (по старому стилю). В исследовании событий этого периода судебный следователь находит, что правительство того времени, может быть, и пыталось создать для жизни Августейшей Семьи уклад, который в условиях возможной действительности соответствовал бы Ее высокому положению, но благодаря известным причинам эти намерения разбились о жестокую действительность: об отсутствие власти у самого правительства.

Не представляется возможным обойти молчанием некоторые факты этого периода из жизни Августейшей Семьи.

Некоторые из «революционных солдат» позволяли себе непристойные выходки в отношении Августейших Особ.

Увидев однажды в руках Алексея Николаевича его маленькое ружье (модель-винтовка, совершенно безвредная ввиду отсутствия к ней специальных пуль), они отобрали у Него ружье и тем причинили Алексею Николаевичу большое огорчение: он плакал, лишившись ружья, и успокоился только тогда, когда полковник Кобылинский тайно от солдат принес это ружье Алексею Николаевичу в разобранном виде по частям.

Один из солдат невзлюбил двух маленьких коз, живших в парке, и, стоя на посту, застрелил одну из них. Несмотря на не-

которые репрессивные меры, принятые в отношении его, он на следующий день застрелил и вторую козу.

«Революционные солдаты», видимо, питали большую склонность к воровству. Они взламывали, стоя на часах в подходящих для этого местах, некоторые хранилища и воровали оттуда вещи Августейшей Семьи.

Некоторые из них при встречах с Государем Императором упорно не желали не только приветствовать сами Государя, но и не отвечали на Его обращенные к ним приветствия.

Они позволяли себе входить иногда и во внутренние покои дворца, рассматривать предметы обихода, высказывая при этом грубые, глупые и злобные суждения.

Однажды, когда Дети уже поправились и Августейшая Семья проводила вечер вместе, в комнату к Ней ворвались солдаты, заподозрив, что из этой комнаты производится сигнализация при помощи света. Оказалось, что одна из Великих Княжон занималась рукоделием, покачиваясь своим корпусом, и Ее тень, отклонявшаяся благодаря этому то в одну, то в другую сторону, и была принята за проявление такой сигнализации.

Во время прогулок Августейшей Семьи они старались иметь ежеминутно Ее на глазах и держаться вблизи Ее. Иногда они проявляли при этом непопозволенную разнузданность и бравировали непринужденностью. Иногда они подсаживались к Государыне в парке, принимали непринужденные позы, курили и старались завязать разговор с Ее Величеством.

Не лучше вели себя и некоторые из господ офицеров того же «революционного» типа. Один из таких офицеров, студент одного из университетов, по пятам ходил сзади Императора, когда Его Величество изволил гулять в парке, изо всех, видимо, сил пытаясь показать свою бдительность.

Когда Государь Император изволил прибыть ко дворцу, некоторые из таковых офицеров вышли на крыльцо. У всех у них были на груди красные банты. Ни один из них, когда Государь Император проходил мимо, не отдал ему чести.

Однажды, не в силах, видимо, будучи преодолеть своего мещанского чувства показать «всю полноту своей власти»,

некоторые из таких господ офицеров потребовали, чтобы им ежедневно показывали Августейших Особ, мотивируя это свое требование боязнью бегства Их. Напрасно боролся с ними полковник Кобылинский. После доклада его о сем генералу Половцеву, сменившему к тому времени генерала Корнилова, было разрешено удовлетворить во избежание каких-либо эксцессов для Августейшей Семьи это требование в форме наименее для Нее тягостной: во время выхода Августейшей Семьи к завтраку. Офицер, кончавший караул, и офицер, вступавший в караул, должны были являться в столовую и приветствовать Государя Императора и Августейшую Семью. Так это и делалось. Но однажды, когда оба офицера явились и Государь, простившись с офицером, уходившим с караула, изволил протянуть руку его заместителю, желая поздороваться с ним, этот господин, отступив театрально шаг назад, не принял руки Государя. Страдая от скорби, Император подошел к этому офицеру, взял его за плечи и сказал ему: «Голубчик, за что же?» Снова отступив шаг назад, офицер ответил Государю: «Я из народа. Когда народ протягивал Вам руку, Вы не приняли ее. Теперь я не подам Вам руки».

Особенно из господ офицеров этой группы выделялся один нерусского происхождения в чине прапорщика, выбранный в помощники Кобылинского Царскосельским «совдепом». Грубый и нахальный, он всегда старался появляться в парке, когда туда выходила Августейшая Семья. Однажды, проходя мимо него, Государь Император сам, по своему обыкновению, приветствовавший не только офицеров, но и солдат, протянул ему руку. Он не принял руки Государя. Не ограничиваясь проявлением пассивного хулиганства, этот офицер и подстрекал, главным образом солдат, не отвечать на приветствия Государя, что они и проделывали. Видимо, эта личность отравляла минуты жизни всей Августейшей Семьи: о ней отмечает в весьма нелестных для нее выражениях в своем дневнике и Алексей Николаевич.

Фамилии всех таких господ офицеров известны следственной власти. Справедливость требует, однако, отметить, что

такими были, конечно, не все офицеры и не все солдаты. Были среди них и хорошие люди, но они, по условиям того времени, не решались обнаруживать своих чувств и противодействовать дурным поступкам других.

Первым комендантом дворца периода революции был штаб-ротмистр Коцебу. Он хорошо относился к Августейшей Семье, но он занимал эту должность недолго и скоро был заменен полковником Коровиченко.

Адвокат по профессии, г-н Коровиченко был близок с г-ном Керенским и г-ном Переверзевым по прежней их деятельности и был их креатурой на этом посту, когда г-н Керенский был уже «главой» правительства, а г-н Переверзев — министром юстиции в его составе.

Он не умел себя держать в высоком обществе, как человек плохо воспитанный, и вызывал у всех лиц Августейшей Семьи своими выходками чувство, видимо, брезгливости.

Его заменил на посту коменданта дворца полковник Кобылинский, оставшийся также и комендантом гарнизона.

Чувство справедливости заставляет меня отметить в отношении Кобылинского, что этот благородный офицер не на словах, а на деле и до самого конца проявлял свою глубокую преданность Августейшей Семье, не один раз рискуя расплатиться за это своей жизнью. Умный и тактичный, он иногда с трудом выходил из всевозможных затруднительных положений, какие создавала тогда жизнь для Августейшей Семьи, отдавая Ей свои последние нервы. Все члены Августейшей Семьи питали к нему добрые чувства, а в особенности Алексей Николаевич, любивший Кобылинского.

Из лиц, занимавших в этот период царскосельского заключения ответственные в правительстве должности, во дворце бывали: генерал Корнилов, г-н Керенский и г-н Гучков.

Ввиду данных предварительного следствия судебный следователь с полным убеждением утверждает, что генерал Корнилов, бывавший в Царском в короткий промежуток времени, когда он занимал должность командующего Петроградским

военным округом, проявлял полную корректность, внимание и должное уважение к Высоким Особам и не оставил в душе Их чувства неприязни.

Иначе вели себя и вызвали иное к себе отношение г-н Гучков и г-н Керенский. Г-н Гучков, посетивший дворец в первый раз вместе с Великим Князем Павлом Александровичем и генералом Корниловым, в скором времени явился туда вторично. Неизвестно для какой цели он был тогда во дворце. Его никто туда не вызывал, и он явился без всякого предупреждения, сопровождаемый своими «революционными» офицерами.

Когда г-н Гучков, сопровождаемый своими офицерами, проходил коридором дворца, один из них, в состоянии ярко выраженного опьянения, увидев стоящих на лестнице дворцовых служителей, остановился против них и злобно начал кричать им, сопровождая свои крики неприличными жестами пьяного человека: «Вы — наши враги, мы — ваши враги. Вы здесь все продажные». Этот офицер получил полный достоинства ответ со стороны одного из лакеев. Гучков же, бывший в расстоянии нескольких шагов от этого пьяного офицера, даже головы не повернул и сделал вид, что не замечает этого неприличного поступка.

Особливое внимание со стороны следственной власти уделено на предварительном следствии отношению к Августейшей Семье г-на Керенского.

Избегая в выводах и оценках, установленных в сем отношении на предварительном следствии фактов, каких бы то ни было субъективных штрихов, с полным убеждением судебный следователь признает в сем отношении следующее.

Много поработавший для расшатывания основных устоев старой власти, создававший в некоторых умах своими речами в Государственной Думе определенное общественное мнение, г-н Керенский шел в жилище Государя Императора, неся в своей душе определенное убеждение судьбы, уверенного в виновности Государя Императора и Государыни Императрицы пред Родиной. Тая в своей душе такие чувства, г-н Керенский в то же время умышленно старался подчеркнуть свое вели-

кодушие и свое благородство в форме ярко выраженной корректности.

Руководимый этим убеждением, г-н Керенский проявил его в двух направлениях: Государь Император по возвращении своем в Царское был отделен от Семьи и находился на своей половине. По приказанию г-на Керенского г-н Коровиченко произвел в бумагах Государя обыск и отобрал те, которые счел нужным взять. Г-н Керенский, предпринимая подобные действия, надеялся найти в бумагах Государя доказательства Его и Государыни Императрицы измены Родине в смысле желания заключить мир с Германией.

В этом главным образом и заключалось убеждение г-на Керенского. Отнюдь не желая прибегать в таком деле к каким-либо натяжкам в выводах, следственная власть готова признать, что г-н Керенский только ошибался, хотя подобные ошибки в его положении представляются все же странными: опытный искусник-адвокат, все время выдававший себя за страдальца по народной правде, г-н Керенский, как профессионал-юрист, не мог не знать, что всякое убеждение должно основываться на фактах. Он же поступил как раз наоборот: он сначала составил себе определенное убеждение, а потом постарался сыскать факты.

Фактов ему не пришлось найти, несмотря на все старания в этом направлении самого Керенского, Коровиченко и г-на Переверзева, занимавшего в то время пост министра юстиции. Мало того, в бумагах Государя Императора он не мог найти отражения Его личных свойств и черт как Монарха и как человека. Кроме того, он получил возможность иметь личное общение с Государем и Государыней и имел его. Он тогда понял всю вздорность своих необоснованных убеждений и круто переменял свое отношение к Августейшей Семье.

Все эти черты поведения г-на Керенского вполне осознавались Государем и Государыней. В душе Их Величеств было чувство гнева, когда Они увидели, в чем заключается сущность убеждения г-на Керенского и г-на Коровиченко.

По свойственной Им поистине Царственной выдержке Они не выдавали этого своего чувства. И только однажды Государь Император, не будучи в силах сдерживать Себя, проявил это чувство в легкой степени. Это было во время самого отобрания Его бумаг. Предъявляя свои бумаги, хранившиеся в особом ящике, Государь Император изволил объяснять г-ну Коровиченко, в каком порядке и какие именно бумаги хранятся у Него. При этом Он взял лежащее письмо, желая положить его в определенную группу. Увидев это, Коровиченко ухватился за это письмо и стал вырывать его из рук Государя со словами: «Нет, позвольте». Государь слегка огневался, отдал письмо, махнул рукой и вышел из комнаты со словами: «Мне здесь нечего делать».

Меняя свое отношение к Августейшей Семье, г-н Керенский с течением времени, видимо, думал, что и он стал пользоваться иным отношением к себе в глазах Государя и Государыни. Он ошибся и на этот раз: он не понимал, что пользовался в Их глазах презрением.

Видимо, следует думать, что и поступки некоторых высокопоставленных лиц, от которых Августейшая Семья, кажется, могла бы ждать проявления чувств благодарности и преданности в Ее положении, причиняли Ей огорчение.

Таковыми лицами были флигель-адъютант Нарышкин, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант Саблин, герцог Лейхтенбергский, командир Сводного Его Величества полка генерал-майор Рессин и командир Конвоя граф Граббе. Они проявили полное безразличие к судьбе Августейшей Семьи и определенно выраженное чувство страха иметь общение с Ней.

Отъезд Августейшей Семьи в г. Тобольск из Царского состоялся 1 августа 1917 года (по старому стилю). Причиной перевода Ее из Царского в этот именно город послужило, видимо, желание правительства создать для пребывания Августейшей Семьи более покойные условия. В период еще существования Временного правительства были попытки со стороны петроградского так называемого «совета рабочих депутатов»

перевести Августейшую Семью в Петропавловскую крепость. К Кобылинскому являлся какой-то неизвестный человек, одетый в форму полковника и называвший себя Масловским. Он предъявил Кобылинскому требование от названного учреждения, подписанного г-ном Чхеидзе, коим этот Масловский уполномочивался взять Государя Императора из дворца и перевести Его в указанную крепость, и требовал исполнения этого требования, грозя пролитием крови. Получив должный отпор своим домогательствам, он удалился. Государственная разруха все больше овладевала государством. Власть командующего петроградским военным округом из рук генерала с историческим именем уже перешла в руки поручика Кузьмина. Все больше стало проникать к власти под влиянием темной и глубоко невежественной в государственном строительстве силы — русской столичной рабочей массы людей, проникнутых эгоистическими классовыми интересами и чуждых идеи Родины. Назревала борьба за власть.

К этому моменту протекло уже несколько месяцев со времени лишения свободы Государя Императора и Его Августейшей Семьи Временным Правительством. Попытки Керенского найти в бумагах Государя Императора хоть что-либо, Его компрометирующее, не привели ни к чему. Столь же безрезультатной оказалась и работа так называемой «чрезвычайной следственной комиссии» в этом направлении. Лица, входившие в состав правительства, сознавая это, понимали, что благополучию Августейшей Семьи, ни в чем не повинной перед Родиной и страдающей без вины за эту же Родину, грозят эксцессы этой предстоящей борьбы. Видимо, благое желание спасти благополучие Ее и послужило причиной перевода Ее из Царского.

В распоряжении следственной власти нет данных, которые бы позволяли определенно ответить на вопрос, почему именно выбор правительства пал на г. Тобольск. От всяких же произвольных толкований по этому поводу она воздерживается.

30 июля в Александровский дворец была доставлена икона Знамени Божией Матери и был отслужен молебен по случаю дня рождения Алексея Николаевича и напутственный. В ночь на 1 августа в 12 часов во дворец прибыл Керенский, собрал солдат, которые должны были сопровождать Августейшую Семью в Тобольск и быть там в составе караула, и держал к ним речь. Он говорил солдатам: «Вы несли охрану Царской Семьи здесь. Вы должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится Царская Семья по постановлению Совета министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хулигански...»

После этого Керенский отправился во дворец, куда также прибыл Великий Князь Михаил Александрович. Он имел свидание в кабинете Государя с одним Государем в присутствии Керенского. Содержание Их беседы неизвестно следственной власти. Сама беседа длилась около 10 минут, причем Керенский, присутствуя в это время в кабинете Государя, отошел в сторону, совершенно не вмешиваясь в нее.

Узнав о предстоящем отъезде Августейшей Семьи из Царского, рабочие депо Варшавского вокзала не выпускали нужные паровозы. Благодаря этому (по установившемуся тогда обыкновению в приемах управления страной, кто-то из представителей власти ездил «уговаривать» рабочих подчиниться постановлению Совета министров) отъезд задержался и состоялся в 6 часов 10 минут утра.

Августейшая Семья отбыла в г. Тобольск в полном Ее составе. Ее сопровождали следующие лица: 1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, 2) Гофмаршал князь Василий Александрович Долгорукий, 3) доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин, 4) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5) гоффлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, 6) воспитатель Алексея Николаевича Петр Андреевич Жильяр, 7) няня при Детях Александра Александровна Теглева, 8) ее помощница Елизавета Николаевна Эрсберг, 9) камерюнгфера Мария Густавовна Тутельберг, 10) комнатная девушка при Государыне Анна Степановна Демидова, 11) камердинер Го-

сударя Терентий Иванович Чемодуров, 12) его помощник Степан Макаров, 13) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 14) лакей Иван Дмитриевич Седнев, 15) лакей Сергей Иванов, 16) лакей Тютин, 17) лакей Алексей Трупп, 18) лакей Григорий Солодухин, 19) лакей Дормидонтов, 20) лакей Киселев, 21) лакей Ермолай Гусев, 22) воспитательница Гендриковой Викторина Владимировна Николаева, 23) прислуга при Гендриковой Маулина Межанц, 24) прислуги при Шнейдер Катя и 25) Маша, 26) служитель Михаил Карпов, 27) дядька при Алексее Николаевиче Клементий Григорьевич Нагорный, 28) официант Франц Журавский, 29) кухонный служитель Сергей Михайлов, 30) кухонный служитель Франц Пюрковский, 31) кухонный служитель Терехов, 32) писец Александр Кирпичников, 33) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев, 34) гардеробщик Ступель, 35) повар Иван Михайлович Харитонов, 36) повар Кокичев, 37) повар Иван Верещагин, 38) поварской ученик Леонид Седнев, 39) заведующий погребом Рожков.

Несколько позднее в г. Тобольск прибыли: 40) воспитатель Алексея Николаевича Сидней Иванович Гиббс, 41) доктор Владимир Николаевич Деревенко, 42) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден, 43) камер-юнгфера Магдалина Францевна Занотти, 44) комнатная девушка Анна Павловна Романова, 45) комнатная девушка Анна Яковлевна Уткина.

На вокзал Августейшая Семья следовала в одном автомобиле под охраной драгун 3-го Прибалтийского полка.

Августейшая Семья и следовавшие с Ней лица ехали двумя поездами. В первом поезде помещались Августейшая Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка; во втором поезде — остальная прислуга и роты 2-го и 4-го полков; багаж был распределен в обоих поездах.

С Августейшей Семьей следовали: командированный от правительства член государственной думы Вершинин и инженер Макаров и командированный Керенским прапорщик Ефимов, на которого Керенским была возложена специальная миссия — проводить Августейшую Семью до Тобольска и сле-

лать о сем доклад Царскосельскому «совдепу». Кроме того, в поезде ехал также инженер Эрдели.

В первом вагоне международного общества первого поезда, удобном, следовали: Государь Император (в отдельном купе). Государыня Императрица (в отдельном купе), Великие Княжны (в отдельном купе), Алексей Николаевич с Нагорным (в отдельном купе), Демидова, Теглева, Эрсберг, Чемодуров и Волков. Во втором вагоне ехали: Татищев, Долгорукый, Боткин, Шнейдер с прислугой, Жильяр и Гендрикова с прислугой; в третьем вагоне помещались лица, командированные правительством, и офицерские чины; в четвертом помещалась столовая, где обедала Августейшая Семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших в купе Государыни; в остальных вагонах ехали солдаты.

Самая поездка протекала в удобных условиях и без особых инцидентов. Поезда останавливались на малых станциях. Иногда делались остановки в поле. Августейшая Семья выходила из вагона и прогуливалась, а поезд тихо следовал за Ней. Только на одной станции, видимо Званке, рабочие не желали пропускать поезда, но инцидент благополучно разрешился.

Со станции Тюмень Августейшая Семья следовала на пароходе «Русь». С Ней на этом пароходе ехали все лица, следовавшие в одном с ней поезде. Все остальные ехали на пароходе «Кормилец».

В г. Тобольск Они прибыли в 4 часа дня 6 августа (по старому стилю). Дом, отведенный для Августейшей Семьи, был не готов к Ее приезду, и Она до 13 августа проживала на пароходе.

13 августа Августейшая Семья перешла в отведенный для Нее дом. Для Государыни Императрицы был подан приличный экипаж на резиновом ходу, в коем Она и изволила отбыть в дом вместе с Татьяной Николаевной.

Государь Император, Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна следовали пешком.

Этот дом, где пребывала в заключении Августейшая Семья, находился на улице под названием «улица свободы»; в нем раньше проживал тобольский губернатор. Этот дом — каменный, в два этажа.

Размещение произошло следующим образом. Вход в нижний этаж дома ведет в переднюю, откуда идет коридор, разделяющий нижний этаж дома на две половины. Первая комната из передней на правой стороне — занималась дежурным офицером, рядом с этой комнатой находилась комната Демидовой, рядом с ней — комната, в которой занимались Дети, а рядом с этой комнатой — Царская столовая; с левой стороны коридора против комнаты дежурного офицера находилась комната Чемодурова, рядом с ней — буфетная, за буфетной шли две комнаты, в которых помещались Теглева, Эрсберг и Тутельберг.

Над комнатой Чемодурова шла в верхний этаж лестница. Она прямо вела в угловую комнату, в которой был кабинет Императора; рядом с Его кабинетом был зал, причем в зал можно было попасть и из кабинета, и из передней верхнего этажа, в которую вела парадная лестница; из зала одна дверь выходила в коридор, деливший верхний этаж на две половины: первая комната с правой стороны, если идти от зала, была гостиной, рядом с ней — спальня Государя и Государыни; рядом с передней — шкафовая комната, рядом с ней против гостиной и спальни Государя и Государыни — комната Алексея Николаевича; дальше шли уборная и ванная. Все остальные лица свиты помещались в другом доме Корнилова, находившемся в близком соседстве с этим домом.

Но впоследствии баронесса Буксгевден была выселена из корниловского дома, а Занотти, Романова и Уткина совсем не были допущены в дом Корнилова.

Распорядок дня в г. Тобольске был таков. Утренний чай подавался обыкновенно в 8 часов 45 минут. Государь имел обыкновение пить утренний чай у Себя в кабинете вместе с Ольгой Николаевной. Алексей Николаевич с остальными Сестрами пили его в общей столовой. Государыня кушала кофе в постели.

После утреннего чая Государь обыкновенно до 11 часов работал у Себя в кабинете, а после 11 шел на воздух, где обыкновенно занимался физическим трудом: чаще всего Он пилил дрова. Его главным образом стараниями была выстроена площадка над оранжереей и лестница, ведущая на эту площадку. Они любили посидеть на этой площадке, обращенной к солнцу.

Дети после чая занимались до 11 часов уроками. С 11 до 12 часов был свободный час. В 12 часов Детям в Их комнату подавались бутерброды. Сюда входил и Государь и закусывал с Детьми. После 12 до 1 часа Дети снова занимались уроками. В 1 час подавался завтрак. После чая Государь иногда преподавал Алексею Николаевичу историю.

В 5 часов подавался, чаще всего в кабинете Государя, чай. После чая Государь чаще всего читал у Себя в кабинете. Алексей Николаевич занимался играми с гг. Шнейдер, Долгоруким, Гиббсом и Жильяром; его любимой игрой в это время было «тише едешь, дальше будешь». От 6 до 7 с Алексеем Николаевичем занимались или Жильяр, или Гиббс. Княжны в это время и Алексей Николаевич от 7 до 8 часов готовили уроки. В 8 часов подавался обед. После обеда Семья собиралась обыкновенно вместе, куда также приходили и лица свиты. Занимались беседой, играми. Иногда Государь читал что-либо вслух. Алексей Николаевич скоро после обеда ложился спать. В 11 часов в гостиной подавался чай, после которого расходились спать.

Государыня вставала позднее других. Она также просыпалась рано, но иногда оставляла свою комнату только к завтраку. В эти часы Она иногда занималась с Детьми или же занималась рукоделиями: вышивала или рисовала. Когда Она оставалась одна в доме, Она иногда играла на пианино. Гулять Она выходила редко. Чаще всего Государыня и обедала у себя в комнате вместе с Алексеем Николаевичем. Она жаловалась на плохое состояние своего сердца и избегала ходить по лестнице в столовую, помещавшуюся в нижнем этаже дома.

За обедом, если обедала Императрица, размещались следующим образом: посередине стола садился Государь, против Государя — Государыня. Справа от Государя — Гендрикова, рядом с ней — Мария Николаевна. Слева от Государя — Шнейдер, а рядом с ней — Долгорукий. Справа от Императрицы — Алексей Николаевич, рядом с ним — Ольга Николаевна. Слева от Императрицы — Татищев, рядом с ним — Татьяна Николаевна. На углу стола сидел г. Жильяр, а против него — Гиббс и Анастасия Николаевна. Если же Государыня обедала у Себя, Ее место занимала Ольга Николаевна.

Доктор Боткин делил себя между Августейшей Семьей и своей семьей. Он обедал всегда с Августейшей Семьей и сидел с Ольгой Николаевной и Алексеем Николаевичем. По праздничным дням приглашался к обеду доктор Деревенко и его сын гимназистик Коля. Обед для Августейшей Семьи готовил повар Харитонов.

Стол был хороший. За завтраком подавалось: суп, мясо, рыба, сладкое и кофе. Обед состоял из таких же блюд, но подавались еще фрукты, если их можно было достать.

Занятия с Детьми вели следующие лица: Государь преподавал Алексею Николаевичу историю. Государыня преподавала Детям Богословие и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику всем Детям и русский язык Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне преподавала Клавдия Михайловна Битнер (прибыла в Тобольск позднее), Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной, Жильяр преподавал Детям французский язык, Гиббс — английский.

Жизнь проходила в Тобольске спокойно, ровно, без всяких неприятных инцидентов. Было только скучно. Чтобы скрасить Детям жизнь, ставились иногда домашние пьесы на французском и английском языках, в которых принимали участие Дети. Население хорошо относилось к Августейшей Семье, если проходившая мимо дома публика видела в окнах кого-либо из Августейшей Семьи, всегда приветствовала Ее, а некоторые осеняли крестным знаменем. Некоторые лица при-

сылали приношения, преимущественно из провизии. Присылал все возможное местный монастырь.

Жизнь в Тобольске первые месяцы была спокойнее и несколько свободнее, чем в Царском. Августейшая Семья посещала здесь церковь, чего Она была лишена в Царском и о чем в особенности страдала Императрица.

Всенощные богослужения совершались и в Тобольске на дому. Литургия (ранняя) служилась для Августейшей Семьи в церкви Благовещения. Богослужение совершал священник о. Васильев.

Но такая жизнь продолжалась в Тобольске недолго: до того времени, пока власть была в руках полковника Кобылинского.

В сентябре месяце в Тобольск прибыл комиссар от правительства Панкратов и его помощник Никольский. Оба они были партийные эсеры, причем Панкратов за политическое преступление сидел 15 лет в Шлиссельбургской крепости, а затем 27 лет провел в ссылке в Якутской области, в этой же области отбывал ссылку и Никольский.

Справедливость требует отметить, что лично Панкратов был человек мягкой души, добрый. Он не делал зла Августейшей Семье. Никольский был человек грубый и глупый. Он позволял себе кричать на Алексея Николаевича, оскорбительно обращаться с ним. Он же, когда для Августейшей Семьи было прислано из Царского с разрешения правительства целебное вино «сен-рафаэль», увидев вино, все перебил его собственноручно.

Однако, каковы бы ни были личные, индивидуальные свойства г. Панкратова и его отношение, как облеченного властью лица, к заключенной Августейшей Семье, не подлежит сомнению, что момент его появления в Тобольске был тем начальным моментом, с которого стало ухудшаться положение Августейших Особ.

Панкратов — типичный эсер. Его миниатюрный ум не видел жизни вне программы своей партии, и он, получив власть над солдатами, стал усерднейшим образом работать над

ними, чтобы всех их превратить в правоверных эсеров. Солдаты слушали проповеди этого заядлого эсера, переваривали их по-своему и становились... большевиками. Все больше понижался их моральный уровень. Все слабее и слабее становилась власть над ними полковника Кобылинского. Таким образом, значение для Тобольска гг. Панкратова и Никольского заключалось в том, что эти люди быстро и энергично разложили солдат.

Их разложение отражалось на благополучии Августейшей Семьи. Жизнь Ее была скучная, однообразная. Это было затворничество, заключение. Семья никуда не могла выходить, кроме церкви. Это был единственный способ общения с внешним миром, так как никто из народа не допускался в церковь, когда там молилась Августейшая Семья. Они, конечно, страдали в душе своей. В частности, Государь Император тосковал об охоте и неоднократно выражал свою грусть по этому поводу. Та же нотка грусти была и в глубине души Государыни Императрицы, сознававшей себя «узницей», как Ее Величеству угодно было Самой называть Себя.

Для Государя Императора, воспитанного на привычке к физическому труду, для Августейших Детей единственным местом физической работы и физических развлечений был двор, где Государь Император при участии Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Марии Николаевны пилил дрова.

Дети пользовались качелями, а когда установилась зима, Они построили ледяную гору. Кроме этих удовольствий, никаких иных не было.

На эту сторону жизни Августейшей Семьи и проводилось внимание солдат, когда они получили надлежащее воспитание у Панкратова и Никольского.

Зная, что качелями пользуются Великие Княжны, они стали позволять себе делать на доске качелей неприличные надписи.

Увидев однажды на ледяной горе Государя Императора и Государыню Императрицу, они ночью уничтожили гору.

Решив на специальном митинге, чтобы Государь Император снял с Себя погоны, они предъявили это требование Кобылинскому в очень грубой форме и, потеряв последние остатки стыда и совести, осмелились грозить Императору насилием, если Он не подчинится их требованию.

Не зная, к чему бы им еще придаться, они, без всякого видимого повода, переселили всех лиц, проживавших в доме Корнилова, в губернаторский дом, преследуя, видимо, цель ухудшить положение Августейшей Семьи, сделать Ее покои более тесными и неудобными, и самочинно перевели лиц свиты и прислугу на положение арестованных.

Наконец, они отняли и то, что для Августейшей Семьи в Ее страданиях было самым дорогим: они запретили Ей посещать церковь. В этом, следует признать, был повинен также и местный священник о. Васильев, игравший вообще какую-то странную роль. На первый день Рождества Христова о. Васильев приказал диакону возгласить многолетие Государю Императору по старой форме, что диаконом и было исполнено.

Солдаты воспользовались этим обстоятельством и лишили Августейшую Семью возможности посещать храм. Мало того, они постановили, чтобы и домашние богослужения совершались не иначе как под надзором их выборных, что и делалось в действительности.

Таким образом, то, с чем так долго и успешно боролся полковник Кобылинский, свершилось: солдаты пробрались в самые покои Августейшей Семьи.

Однажды, когда священник, совершая домашнее богослужение, поминал святых и упомянул имя святой царицы Александры, солдаты снова устроили скандал, не поняв, по своему невежеству, смысл молитвы священника.

Жизнь в Тобольске, довольно сносная в первые месяцы пребывания здесь Августейшей Семьи, становилась постепенно все хуже и хуже. Первыми по времени причинами этого были действия, как указано выше, самих местных правительственных агентов. Г. Панкратов, развративший солдат, видел плоды своей работы и сам же вкусил от них: большой трус,

он боялся сам же солдат и был впоследствии изгнан ими вместе с Никольским. Однако не одни только правительственные агенты повинны в страданиях Августейшей Семьи этого периода Ее заключения. В этом повинно и само правительство, и прежде всего его глава - г. Керенский.

Выше приводились слова его, обращенные к солдатам перед отъездом Августейшей Семьи из Царского. Он тогда наобещал солдатам всяких милостей и в денежном, и вешевом довольствии. Он даже говорил Кобылинскому: «Не забывайте, что это – бывший Император. Его Семья ни в чем не должна нуждаться». Но сам же первый он забыл о Ней. Из Петрограда не присылались денежные пополнения ни для солдат, ни для содержания Августейшей Семьи. Следственная власть отмечает это обстоятельство: Государь Император и Его Августейшая Семья нуждались в средствах.

Дело стало доходить до того в этом отношении, что повар Харитонов докладывал Кобылинскому, что больше «не варят» и «в кредит отпускать скоро не будут». Свершилось позорнейшее для чести Русского народа событие: полковник Кобылинский ходил по городу Тобольску и выпрашивал у частных лиц деньги на содержание Августейшей Семьи. Ему дал их один из купцов под векселя за его, Кобылинского, Татищева и Долгорукова подписями.

К великому бесчестию всех буржуазно-интеллигентных слоев Русского общества, столь легко отказывавшегося от святых исторических идеалов, я не могу в этой части моего доклада не отметить, что в моих руках имеются акты, коими установлено с непреложностью: 1) что 31 октября 1917 года, уже нуждаясь в средствах, Государь Император жертвовал от Себя и от Августейшей Семьи деньги на нужды фронта; 2) что 3 ноября (через два дня) до сведения Ростовцева было доведено князем Долгоруким о неимении у Августейшей Семьи средств заплатить за портрет Великой Княжны Татьяны Николаевны, заказанный ранее.

В это время, в одну из минут душевного отчаяния, полковник Кобылинский явился к Государю и доложил Ему, что

он боится, что благодаря потере им власти над солдатами он не может быть более полезным для Государя и просил отпустить его. Государь Император обнял Кобылинского. На глазах Его навернулись слезы, и Он сказал: «...Вы видите, что мы все терпим. Надо и вам потерпеть».

Временное правительство пало. Новая власть известила по телеграфу Кобылинского, что «у народа» нет средств содержать Царскую Семью. Отныне Она должна существовать на свои личные средства. Ей дается лишь квартира и солдатский паек. Августейшая Семья принуждена была изменить уклад своей жизни. Были уволены 10 человек из служащих. Со стола Августейшей Семьи исчезли сливки, масло, кофе, сладкое. Сахара отпускалось полфунта на человека в месяц. Был заключен позорнейший Брестский договор. Как ни владел Собой Государь Император, однако Он иногда не мог скрыть Своих тяжелых душевных страданий. Происшедшую в Его Величестве перемену со времени заключения этого договора окружающие Его ясно видели. Как свидетельствует одно из таких лиц, Государь Император был подавлен этим договором как тяжелым горем. В это время Его душа была столь преисполнена скорби за Родину, за Ее честь, что Он, выдержаннейший из людей, искал общения с другими лицами, чтобы вылить горе Своей души. Государь Император изволил удаивать в это время одно из лиц Своими беседами и изволил делиться с этим лицом своими мыслями. Государь называл Брестский договор «изменой России и союзникам» и смотрел на него как на позорнейший для чести Родины акт. В резких выражениях Император изволил резко отзываться в это время о Гучкове и Керенском за все великое зло, содеянное ими для Родины, и изволил при этом гневно говорить по их адресу: «И они смели подозревать Ее Величество в измене. Кто же на самом деле изменник?»

После изгнания солдатами комиссаров Панкратова и Никольского прибыл в Тобольск новый, уже большевистский комиссар Дуцман. Он ничем себя не проявлял и не вмешивался в жизнь Августейшей Семьи.

30 марта Алексей Николаевич тяжело заболел. С ним повторился такой же случай, что и в Спале в 1912 году, но болезнь приняла ввиду отсутствия медицинских средств более серьезный характер: у Него отнялись обе ноги и самый болезненный процесс протекал весьма бурно, причиняя ему большие мучения. 3 апреля прибыл новый «чрезвычайный» комиссар - Яковлев. Он прибыл в корниловский дом не один, а с целым штатом своих людей, среди которых был даже специальный телеграфист. Яковлев предъявил полковнику Кобылинскому свои «чрезвычайные» полномочия. Они были выданы ему председателем «ЦИКа» Янкелем Свердловым. В них была определенная санкция — немедленный расстрел на месте за невыполнение требования Яковлева.

Сущность же полномочий Яковлева в бумаге не указывалась. Яковлев несколько раз был в доме, будучи принят Их Величествами. Его посещения имели одну определенную цель, хотя сам он упорно хранил молчание и не высказывался о цели своего прибытия: он проверял, действительно ли болен Алексей Николаевич. Убедившись в Его болезни, он отправился на телеграф и говорил через своего телеграфиста по прямому проводу со Свердловым. Это было 11 апреля по старому стилю.

В этот же день он объявил Кобылинскому, что он должен увезти Государя Императора и потребовал от Кобылинского, чтобы 12 апреля он был принят Государем.

3 апреля в 2 с половиной часа дня Яковлев явился в дом и сказал камердинеру Волкову, что он желает говорить с Одним Государем наедине.

Волков доложил Государю об этом, причем при этом докладе Волкова присутствовала и Императрица.

Она не подчинилась требованию Яковлева и, войдя в зал вместе с Государем, в резкой форме заявила Яковлеву, что Она непременно будет присутствовать при разговоре его с Государем.

Яковлев уступил настойчивому требованию Государыни.

Держал себя Яковлев с Их Величествами вежливо, раскланиваясь с Ними, не позволял себе никаких грубостей. Он в категорической форме заявил Государю, что он на следующий день ранним утром увезет Государя из Тобольска, причем он уверял Его Величество, что за Его неприкосновенность он, Яковлев, сам отвечает своей головой.

Государь ответил Яковлеву, что Он никуда не поедет. Тогда Яковлев сказал Государю, что, если Государь откажется ехать с ним, он должен будет поступить двояко: или сложить свои полномочия, и тогда «могут прислать менее гуманного человека», или же употребить силу. Государь не ответил на это Яковлеву. Хотя Яковлев и не указывал, куда именно и для какой цели он увозит Государя Императора, однако он сам всем своим поведением дал очень много неопровержимых доказательств того, что этим местом должна быть Москва.

Государю Императору и Государыне Императрице не были в тот момент известны эти факты, но тем не менее Их Величества были единодушны в оценке этих фактов и полагали, что Государя Яковлев повезет именно в Москву.

В этот день в жизни Государыни Императрицы и произошло событие, для оценки которого отмечены выше два факта, имевшие место в Царском Селе.

После ухода Яковлева Государь вышел гулять. Государыня Императрица была у себя в будуаре с Татьяной Николаевной. Она позвала к Себе одно из наиболее любимых Ею лиц. В этот момент Она переносила невозможные моральные страдания.

Государыня почти потеряла самообладание. Она почти бегала по комнате, страшно рыдала и ломала Свои руки. Многие из бывших около Августейшей Семьи лиц, которые знали Императрицу в продолжение многих лет, все единодушны в оценке того, что никогда ранее, даже в Спале в 1912 году и позднее, во время мучительных приступов болезни столь горячо любимого Сына, Императрица так не страдала, как в этот день, 12 апреля.

Нельзя и сравнить Ее состояние в этот день с Ее состоянием в дни революции при отречении Государя Императора и 8 марта, в день приезда во дворец генерала Корнилова.

Сопоставляя многие факты в этой области, установленные на предварительном следствии, с мыслями, которыми в этот день угодно было поделиться по поводу слов Яковлева Государю Императору и Государыне Императрице с некоторыми из лиц, следственная власть констатирует, что цель увоза Государя Императора в Москву Его Величество видел в намерении принудить Его изменить Родине и союзникам: взяв снова власть, заключить договор с немцами. Именно так Его Величеству угодно было объяснить цель приезда Яковлева, причем Государю Императору угодно было сказать по этому следующее: «Пусть Мне лучше отрубят правую руку, но Я не сделаю этого».

Именно так же смотрела на этот вопрос и Государыня Императрица. Этим и объяснилось Ее вышеуказанное тяжелое душевное состояние: Она не знала, что Ей делать: оставаться около больного Сына или же оставить Его и быть с Императором. Государыня высказывала определенные при этом мысли: «...они хотят отделить Его от Семьи, чтобы попробовать заставить Его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске, как это было во время отречения во Пскове».

Душевная борьба Императрицы продолжалась час. В мучительной борьбе Она решила ехать вместе с Императором. В это время Государь возвратился с прогулки. Она пошла Ему навстречу и сказала: «Я поеду с тобой. Тебя одного не пушу». Государь сказал Государыне: «Воля твоя».

13 апреля в 3 часа утра к подъезду дома были поданы экипажи. Это были простые сибирские тележки-плетенки. Одна была запряжена тройкой лошадей, все остальные — парой. Ничего не было положено на дне этих тележек — никакого сиденья.

Достали соломы и положили на дно тележек. В одну из них поверх соломы положили матрас. В этом экипаже поместилась Государыня Императрица с Великой Княжной Ма-

рией Николаевной. Государыня хотела, чтобы Государь ехал с Ней и Марией Николаевной, но Яковлев категорически воспротивился этому и сел с Государем в другой экипаж сам. Отъезд состоялся в 4 часа утра. Вместе с Августейшими Особами из Тобольска отбыли: Долгорукий, Боткин, Чемодуров, Седнев Иван и Демидова.

Уныние и грусть воцарились в доме после отъезда Августейших Особ. В особенности убивалась Ольга Николаевна, сильно плакавшая как бы в предчувствии недоброго.

Яковлев страшно гнал во всю дорогу, являя определенную боязнь, что местные большевики остановят его. Дорога была очень тяжелая. Была весенняя распутица. В некоторых местах пришлось идти пешком. 15 апреля в 9 часов вечера он был уже в Тюмени. По прибытии на станцию Тюмень он сел в поезд и повез Августейших Особ по направлению к Екатеринбургу. Но вез он их определенно не в Екатеринбург. На одной из промежуточных станций между Тюменью и Екатеринбургом он известил, что екатеринбургские большевики решили не пропускать поезд дальше и задержать Августейших Особ в Екатеринбурге. Узнав об этом, он повернул обратно в Тюмень. Отсюда он отправился в Омск, думая ехать через Челябинск—Уфу. Но под самым Омском поезд был остановлен омскими большевиками, получившими предупреждение от екатеринбургских. Тогда он отправился в Омск, переговорил по прямому проводу с Москвой, видимо с тем же Свердловым, и, очевидно, получил от него какие-то инструкции. Снова он поехал на Екатеринбург через Тюмень. В Екатеринбурге он делал все возможное, чтобы прорваться далее, но попытка его не удалась, и Августейшие Особы были оставлены в Екатеринбурге. Это произошло 17 апреля (по старому стилю). Августейшие Дети были извещены об этом 20 апреля по телеграфу. Известие это вызвало всеобщее удивление.

26 апреля в дом явился председатель тобольского «совдепа» матрос Хохряков и стал торопить Детей с отъездом. Ехать в то время было еще нельзя, так как Алексей Николаевич не совсем еще поправился.

Спустя несколько дней в доме появилось другое лицо, бывшее начальником особого отряда, который должен был сопровождать Детей. Это лицо носило фамилию Родионов и было членом Уральского так называемого «областного совдепа». На всех лиц этот человек производил впечатление бывшего жандарма. Его опознали два лица: баронесса Буксгевден, признавшая в нем одного из жандармов, проверявших однажды в Вержболове паспорта, и Татищев, видевший его в Берлине в Русском посольстве. Татищев сказал об этом Родионову. Родионов также признал это обстоятельство и уклонился от дальнейших объяснений.

Обращение этих людей с Детями и некоторыми лицами из прислуги, наиболее преданными Августейшей Семье, было плохое. Родионов запретил Великим Княжнам запираеть дверь Их комнаты на ночь, объявив Им, что он имеет право входить в Их комнату в любое время дня и ночи. Он перерыл все вещи в доме, даже на престоле их домово́й церкви. Он обыскивал в очень грубой форме даже монахинь при богослужении и вызывал слезы Татьяны Николаевны своими грубыми мерами.

В этой части своего доклада следственная власть считает необходимым отметить следующее. До отъезда Детей из Тобольска из Екатеринбурга было получено письмо от Анны Степановны Демидовой. По существу, это было письмо, исходящее от Государыни. В осторожных выражениях в этом письме Государыня давала понять, что в Их вещах, когда Они прибыли в Екатеринбург, был произведен обыск, и делала указания, как надлежит поступить с драгоценностями, условно называя их «лекарствами». При отъезде из Тобольска с ними и было поступлено таким образом. Некоторые из них были положены в вату между двумя лифчиками, сшитыми затем вместе в один. Таких лифчиков было три, и их надели на себя Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна. Кроме того, с синих костюмов Княжон из шевиота были сняты пуговицы и вместо них были пришиты наиболее крупные камни, обернутые в вату и обшитые затем черным шелком под

видом пуговиц. Часть, наконец, драгоценностей были зашиты в шляпы Княжон. Жемчужные нити Ольга Николаевна надела на шею.

7 мая (по старому стилю) в 11 часов утра состоялся отъезд Детей из г. Тобольска на том же пароходе «Русь». Родионов и здесь не менял своего обращения. Он запретил Великим Княжнам запира́ть дверь Их каюты. Каюту же Алексея Николаевича, в которой находился с Ним еще Нагорный, он запер снаружи ви́сячим замком.

9 мая состоялось прибытие Детей в Тюмень. В тот же день Они отбыли в поезде в Екатеринбург. Сюда они прибыли 10 мая в 2 часа утра. Около 9 часов Дети были перевезены из вагона в дом Ипатьева, где находились Государь, Государыня и Мария Николаевна.

Шел мелкий весенний дождик, когда Дети выходили из вагона. С Ними обращались грубо. Они сами должны были нести свои вещи. Когда Татьяне Николаевне было не под силу нести один из саквояжей, Нагорный подошел к Ней и хотел Ей помочь в этом, его грубо оттолкнули.

Все лица, сопровождавшие Государя, Государыню и Марию Николаевну, были допущены с Ними в дом Ипатьева, кроме Долгорукого. Он был 17 апреля с вокзала отправлен в тюрьму.

С Детями были пропущены в дом мальчик Леонид Седнев, повар Харитонов и лакей Трупп. Но в тот же день из дома были взяты Чемодуров и Иван Седнев и также отправлены в тюрьму.

Из вагона же были взяты Татищев, Гендрикова, Шнейдер, камердинер Волков и Нагорный и отправлены в тюрьму.

Дом Ипатьева, где имела в Екатеринбурге пребывание Августейшая Семья, находился на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Против него находится площадь и церковь Вознесения.

Это дом каменный, в два этажа, причем нижний — подвальный.

Августейшая Семья была помещена в верхнем этаже, причем в одной комнате помещались Государь, Государыня и Алексей Николаевич; в соседней комнате помещались Великие Княжны. Кроме этих комнат, Августейшая Семья пользовалась столовой. В остальных комнатах: в зале и гостиной (одна комната, перегороденная лишь аркой) – помещались Боткин и Чемодуров, в одной комнате Демидова, в последней комнате и в кухне помещались Леонид Седнев, Харитонов и Трупп.

При доме имелся маленький, скудный растительностью садик, в который выходила из столовой терраса.

Самый дом был обнесен двумя заборами, из коих один закрывал дом, кроме парадного крыльца, и проходил под самыми окнами, а другой, на некотором расстоянии от первого, закрывал весь дом вместе с воротами. Обнесенный этими заборами дом имел совершенный вид тюрьмы. Охрана красноармейцев состояла из русских рабочих местных фабрик и заводов. Первым комиссаром дома, носившего название «дом особого назначения», был русский рабочий Александр Авдеев; его помощник был также русский рабочий Александр Мошкин.

Посты были наружные и внутри дома, причем один пост был в вестибюле дома около парадной двери, ведущей с парадной лестницы в комнаты верхнего этажа, а другой был около уборной.

Период Екатеринбургского заключения Августейшей Семьи был полон страданий. Это был сплошной крест.

Комиссар Авдеев, его помощник и еще несколько человек... /.../ ...ных к Авдееву, находились все время в верхнем этаже дома, где они занимали одну из комнат, а команда охраны – в нижнем этаже. Это были грубые и пьяные люди. Они входили, когда им было угодно в комнаты Августейшей Семьи и вели себя отвратительно, отравляя жизнь Семьи. Они позволяли себе входить в столовую, когда обедала Августейшая Семья, лезть своими ложками в общую миску с супом, и иногда дерзость их доходила до такой степени, что они как бы не-

умышленно задевали своими локтями лицо Императора или же, становясь сзади стула Императрицы, наваливались на стул, задевая Государыню.

Сначала пищу для Августейшей Семьи доставляли из так называемой «советской столовой» в готовом виде, и ее только разогревал повар Харитонов. Она состояла из супа и мяса, преимущественно котлет. Впоследствии разрешено было готовить дома. Императрица, не употреблявшая мясной пищи, питалась преимущественно макаронами.

Обед происходил за общим столом, причем вместе с Августейшими Особами по распоряжению Самого Императора обедала и прислуга. Кроме простой клеенки, стол не покрывался более ничем. Ложки для всех были деревянные: часто не хватало ни ложек, ни ножей, ни вилок.

Безобразные пьяные песни с тенденциозным подбором неслись часто по дому. Происходило расхищение Царских вещей. Уборная была одна в доме, и ею пользовались все.

Выходить можно было только в сад, но нельзя было заниматься физическим трудом. Государыня, сильно вообще постаревшая к этому времени, чувствовала Себя нездоровой. Алексей Николаевич все время болел и лежал в постели, не будучи в состоянии ходить. Его выносил на прогулки обыкновенно Сам Государь. Государь и Государыня как бы застыли в Своем Царственном величии и безропотно выносили все эти ужасные муки.

Иногда из комнат Августейшей Семьи раздавались духовные песнопения, преимущественно Херувимские песни: пели Государыня и Княжны.

Господу угодно было в неисповедимых путях Своих прервать жизнь Святых Царственных Страдальцев в ночь на 4 июля 1918 года (по старому стилю). В эту ужасную ночь погибла Вся Августейшая Семья.

Ее гибель сопровождалась такими обстоятельствами.

21 июня областным советом были смещены комиссар Авдеев и его помощник Мошкин. Вместо русского рабочего

Авдеева комиссаром был назначен еврей Янкель Хаимович Юровский, а помощником его — русский рабочий Никулин.

Политический преступник в прошлом, Янкель Юровский был одно время в Германии и умел говорить по-немецки. Это был злобный и деспотичный по характеру человек.

Он еще ухудшил положение Августейшей Семьи, в чем только можно было это сделать, и произвел с первого же дня своего прихода в дом следующее изменение: до Юровского охрана, состоявшая из русских рабочих-красноармейцев, помещалась в нижнем этаже дома, неся охрану и внешних и внутренних постов. Юровский в первый же день перевел эту русскую охрану в другой дом вблизи дома Ипатьева, а в нижнем этаже дома поселил 10 «своих» людей, приведенных им из чрезвычайной следственной комиссии, которые только и стали нести охрану внутри дома. Это были палачи при комиссии. Имена некоторых из них известны следственной власти, причем следственная власть в силу некоторых данных, установленных на предварительном следствии, убеждена, что большинство из этих десяти человек были немецкие пленные.

Только одно лицо из русских красноармейцев было близко к Юровскому и пользовалось его доверием. Это был начальник над красноармейцами... ..Павел Медведев.

2 июля Юровский приказал Медведеву увести из дома Ипатьева в соседний дом, где помещалась русская охрана, мальчика Леонида Седнева, что и было сделано...

С вечера Юровский приказал Медведеву собрать в команде все 12 револьверов системы «наган» и доставить ему. Когда Медведев выполнил это, Юровский сказал ему, что ночью будет расстреляно все «Царское Семейство», и велел предупредить об этом красноармейцев, но несколько позднее, что и было выполнено Медведевым около 10 часов вечера.

Около 12 часов ночи, когда Августейшая Семья уже спала, сам Юровский разбудил Ее и потребовал под определенным предлогом, чтобы Августейшая Семья и все, кто был с ней, сошли в нижний этаж.

Августейшая Семья встала, умылась, оделась и сошла вниз. Алексея Николаевича нес на руках Государь Император.

Следственная власть убеждена, что предлог, под которым Юровский заманил Августейшую Семью в нижний этаж дома, состоял в необходимости якобы отъезда из Екатеринбурга.

Поэтому Августейшая Семья была в верхних платьях.

С Собой Они несли подушки, а Демидова несла две подушки. Спустившись по лестнице верхнего этажа во двор, Августейшая Семья вошла со двора в комнаты нижнего этажа и, пройдя их все, пошла по указанию Юровского в отдаленную комнату, имевшую одно окно с железной решеткой совершенно подвального характера.

Полагая, видимо, что предстоит отъезд, в ожидании прибытия экипажей Августейшая Семья попросила стулья. Было подано три стула... Сели Государь Император и Алексей Николаевич. Рядом с Ним стоял Боткин.

Сзади Них у самой стены стояли Государыня Императрица и с Нею три Княжны. Справа от Них стояли Харитонов и Трупп. Слева – Демидова, а дальше за ней одна из Княжон.

Как только произошло это размещение, в комнату, где уже были Юровский, его помощник Никулин и Медведев, вошли упомянутые выше 10 человек, приведенных Юровским в дом.

Все они были вооружены револьверами.

Юровский сказал несколько слов, обращаясь к Государю, и первый же выстрелил в Государя.

Тут же раздались залпы злодеев, и все Они пали мертвыми.

Смерть всех была моментальной, кроме Алексея Николаевича и одной из Княжон, видимо Анастасии Николаевны.

Алексея Николаевича Янкель Юровский добил из револьвера, Анастасию Николаевну – кто-то из остальных.

Имеются указания, что слова Янкеля Юровского, обращенные к Государю, заключались в следующем: «Ваши родст-

венники хотели Вас спасти, но им этого не пришлось, и мы должны Вас расстрелять сами».

Когда злодеяние было совершено, трупы Августейшей Семьи и всех других были тут же положены в грузовой автомобиль, на котором Янкель Юровский вместе с некоторыми другими известными лицами увез Их за город Екатеринбург, в глухой рудник, расположенный в лесной даче, принадлежавшей некогда графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор, а ныне находящейся во владении общества Верх-Исетских акционерных заводов.

Одновременно с доставкой к руднику трупов вся местность эта была оцеплена заградительными кордонами красноармейцев, и в течение трех дней и трех ночей не позволялось ни проезжать, ни проходить по этой местности.

В эти же дни, 4—6 июля, к руднику было доставлено, самое меньшее, 30 ведер бензина и 11 пудов серной кислоты.

Местность, куда были доставлены трупы Августейшей Семьи, совершенно определено и точно установлена на предварительном следствии. Она вся подверглась самому тщательному, при участии особо доверенных лиц из воинских чинов, осмотру и розыскам.

Принимая во внимание данные осмотра этой местности и совокупность обнаруженных здесь находений, следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с Ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты.

На месте уничтожения трупов найдено много предметов, позволяющих без всякого сомнения признать этот факт. В кострищах, около них и в самой шахте обнаружены следующие предметы:

а) драгоценности и части драгоценностей:

одна из жемчужных серег (с бриллиантом наверху) Государыни Императрицы;

раздавленные и подвергшиеся действию огня части жемчужины от другой серьги;

изумрудный крест Государыни Императрицы, осыпанный бриллиантами;

большой бриллиант прекрасных свойств и большой стоимости, входивший в состав другого большого украшения Государыни Императрицы;

малые круглые жемчужины от ниток жемчуга;

осколки рубинов, аметиста и сапфира, причем последние весьма напоминают формой и цветом камень в перстне Государя;

б) части одежды, обуви и принадлежности одежды и обуви:

– кусочки шинели, весьма напоминающие своим цветом и добротностью шинель Алексея Николаевича;

– много кусков обгорелой обуви, причем в этих кусках обнаружено много винтиков, признающихся экспертами за принадлежность дорогой обуви благодаря их качеству;

– пуговицы, петли, кнопки, крючки, причем некоторые из пуговиц индивидуальны: принадлежат к верхнему костюму Государыни Императрицы; кнопки – прекрасной французской работы; крючки и петли – типичные предметы, ставившиеся на их костюмы портным Бризак;

– металлические части уничтоженных огнем корсетов: передние планшеты числом шесть; кости, пряжки и крючки от подвязок, шелк от корсетов; причем следствием установлено, что Государыня Императрица, носившая обыкновенно корсет, требовала этого неукоснительно и от Княжон, считая отсутствие его распушенностью; носила корсет и девушка Демидова; пряжки от корсетов (от подвязок) типичны по своим свойствам, они хорошей работы;

– пряжка от пояса Государя Императора;

– пряжка от пояса Алексея Николаевича, весьма индивидуальная;

– три пряжки от туфель, из коих одна – от туфель Государыни Императрицы, а две парные – от туфель одной из Великих Княжон;

в) предметы и части их, принадлежавшие Августейшей Семье:

– портретная рамочка, дорожная, складная, в которой хранился у Государя Императора портрет Государыни;

– три образочка: Спасителя, Николая Чудотворца и Святых Мучеников Гурия, Авива и Самона, причем самые лики почти уничтожены кощунственными действиями, а на одном из образков сохранилась и подушечка с колечком для ношения его на груди;

– серебряная рамочка от образочка работы петроградского мастера;

– остатки рамочки другого образа;

– Уланский юбилейный значок Ее Величества;

– маленький флакончик с английскими солями;

– типичный флакон зеленого стекла с Царской короной в разбитом на части виде;

– множество стекол от других флакончиков с солями, от рамок и украшений, имевших стекла;

– прекрасно сохранившийся, несмотря на большой период времени, благодаря низкой температуре в шахте труп собачки Анастасии Николаевны – Джеми, любимой собачки Государыни, подаренной Анастасии Николаевне в 1915–1916 годах одним из офицеров; эта собачка – очень маленькая, ниппонской породы; ее Анастасия Николаевна обычно носила на руках.

Кроме того, в кострищах и около них найдены: револьверные пули системы «наган», оболочки от пуль и множество расплавленного в огне свинца.

Наконец, найден человеческий палец и два кусочка человеческой кожи. Научная экспертиза признала, что палец этот отрезан от руки и принадлежит женщине средних лет, имевшей тонкие, длинные, красивые пальцы, знакомые с маникюром.

Перед самым оставлением г. Екатеринбурга в сем году, прервавшим, к сожалению, дальнейшие розыски, найдено много рубленых и, возможно, пиленых костей, природу

коих надлежит определить в ближайшем будущем в условиях существующей возможности. Все кости подверглись разрушительному действию огня, но, возможно, и кислот.

Нахождение на руднике драгоценностей, частей их и пуль представляется следственной власти ясным.

Как видно из вышеизложенного, в момент отъезда Августейших Детей из г. Тобольска драгоценности были зашиты в лифчиках, в костюмах, в шляпах и частью были надеты Ольгой Николаевной на шею в сумочке. Представляется маловероятным, чтобы драгоценности вынимались из потайных мест в Екатеринбурге: самые условия ужасного режима в доме Ипатьева не могли позволить этого. Полагая, что Они отправляются из дома и города, Августейшая Семья и имела их при Себе в том самом виде, как они были спрятаны в Тобольске. В момент убийства трупы не осматривались; злодеи спешили до рассвета увезти их из города. На руднике же, когда трупы были раздеты и одежда осматривалась (лифчики бросились в глаза своей тяжестью, так как в двух только лифчиках было весу девять фунтов), драгоценности, бывшие в лифчиках, были обнаружены. Лифчики разрывались. В то время наиболее мелкие драгоценности затерялись, были втоптаны в глиняную площадку, и, когда разрубались трупы, большая часть их была раздавлена и разрублена, как лежащая в верхних слоях площадки. Бриллианты, бывшие пришитыми вместо пуговиц, видимо, сгорели. Сохранившийся бриллиант был найден на самой грани костра втоптаным в землю. Он (его оправа) слегка подвергся действию огня.

Пули, оболочки от них и расплавленный свинец — результат выпадения некоторых из пуль, сохранившихся в организмах, на землю при расчленении трупов; некоторые из них попадали в огонь, и здесь свинец вытапливался из пуль, а оболочки сохранились.

Когда шло уничтожение трупов, охрана не снималась с постов при доме Ипатьева. Когда же все трупы были уничтожены, охрана была снята и большевики объявили в своих газетах и путем особых объявлений о «расстреле» Государя

Императора и об «эвакуации» Августейшей Семьи в «надежное место», охрана была уже не нужна, так как уничтожением трупов они отнимали возможность опровергнуть их ложь.

С того времени они тщательно поддерживают, особенно в зарубежной прессе, версию об «увозе» Августейшей Семьи из России.

Сей доклад, по приказанию Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, лично мне переданному Гвардии капитаном Павлом Булыгиным, составлялся мною, судебным следователем по особо важным делам Соколовым, по подлинным актам предварительного следствия, производимого мною согласно требованиям науки, совести и закона.

Я познаю, сколь горька истина о мученической кончине Августейшей Семьи. И я осмеливаюсь молить у Ее Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни Ее ко мне милости простить мне сию горечь: тяжелое дело следователя налагает на меня обязанность найти истину, и одну только истину, как бы горька она ни была.

Не могу также умолчать перед Ее Императорским Величеством, что совесть моя и великое значение сего дела властно требуют от меня почтительнейше доложить Ее Императорскому Величеству, что сведения сии совершенно секретны. Сего требует, по разумению моему, благо нашей Родины: лучшими сынами Ее уже поднят стяг за честь Родины, но настанет великий час, когда поднимется и другой стяг.

Ему нужен будет добытый предварительным следствием материал, и его лозунгом будет: «За честь Императора!»

Судебный следователь по особо важным делам
Соколов

ПРОТОКОЛ

1920 года, января 21 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Чите, в порядке 443 ст. Уст, угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Иван Матвеевич Сретенский, 49 лет, личный дворянин, проживаю сейчас временно в г. Чите, по случаю захвата большевиками территории Урала, где я служил в момент февральского переворота уездным исправником (в последнее время в Пермском уезде), православный, не судился.

Работая по Вашим поручениям по настоящему делу, я агентурным путем получил сведения, что в дни убийства Царской семьи из комиссариата снабжения отправлялись к Ипатьевскому дому и к лесу за Верх-Исетский завод какие-то предметы. Работая в этом направлении, я установил дознанием следующее.

Комиссариат снабжения помещался у большевиков (летом 1918 года) в доме главного начальника Уральских горных заводов на Гимназическо-Набережной улице. Главным комиссаром снабжения был большевик Войков, его товарищем был Быков¹. Секретарем Войкова был некто Свирчин, а секретарем Быкова (на 20 июля) – Зимин. Расспрашивая по делу швейцара дома главного начальника Михаила Григорьева Злоказова, служившего при этом доме многие годы, я узнал от него, что незадолго до оставления Екатеринбурга большевиками, часов в 9 вечера, вышел он во двор и увидел там названного выше Зими́на. Тут же было два экипажа, запряженные один в одну лошадь, а два – парой. И экипажи эти и лошади принадлежали дому главного начальника. Около них возился Зимин. Увидев

---

¹ Виктор Михайлович – брат Павла Михайловича, автора статьи: «Последние дни последнего царя»././Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921, и книг «Последние дни Романовых». Свердловск, 1926, «Последние дни Романовых», М.,-Л., 1930.

Злоказова, Зимин попросил его переставить с экипажа, запряженного в одну лошадь на двуконный экипаж какой-то ящик. Злоказов указал его, приблизительно, размеры: длина и ширина ящика была вершков 7 или 8, а высота около $\frac{3}{4}$ аршина. Ящик был забит. Когда Злоказов стал брать ящик и немного наклонил его на себя, из него полилась кислота. Она тут же сожгла материю на его штанах. Увидев это, Зимин и сам сказал Злоказову, что в ящике — кислота и что ему надо помочить штаны водой, чтобы кислота не сожгла его тела.

В этот момент вышел из дома Войков, позвал, видимо, зачем-то Злоказова в дом, а сам пошел к Зимину. Дальнейшей судьбы этого ящика сам Злоказов не видел, но он припомнил, что у него по этому случаю был разговор с кучером при доме Волковым и дворником Черных. Волков говорил Злоказову, что он, очевидно, по приказанию кого-либо из комиссаров или секретарей, отвез ящик на двуконном экипаже в аптекарский магазин на Златоустовской улице, под названием «Русское Общество». Впрочем, он говорил, что этот ящик Волков отвозил вместе с Зиминим. Черных же, по словам Злоказова, говорил ему, что он ночью позднее Волкова ездил в простой телеге в этот самый аптекарский магазин, брал там какие-то ящики и куда-то возил их, проехав с ними довольно долго. Вот к чему сводились сведения, сообщенные мне Злоказовым. Еще он мне сказал, что садовник Полков, также живший при доме, выдавал Войкову три лопаты и их также куда-то увозили.

После этого я отыскал садовника Полкова и кучера Волкова и расспросил их.

Показание Волкова особенно ценно в том отношении, что он точно определил день, когда проделывались все эти манипуляции с кислотой. Это было в среду и безусловно 17 июля, как Вы увидите потом сами. Волков припомнил, что в этот именно день вечером он отвозил с Зиминим ящик с кислотой (именно этот самый ящик, про который говорил Злоказов) в Русское Общество на двуконном экипаже. Подъехав к дому, Зимин позвонил. Дверь открыла какая-то девушка. Зимин ей

что-то сказал. Она ушла, закрыв дверь. Спустя некоторое время открылись ворота. Волков, вероятно, еще с кем-либо из лиц, служивших в этом обществе, а может быть, и один, составили с экипажа ящик на тротуар около ворот и уехали домой.

Впоследствии я сам лично был в этом обществе и смотрел самый склад: для того чтобы доставить туда ящик, нужно было непременно нести его через ворота, а не через парадное крыльцо, через которое нет сообщения со складом с улицы.

Больше никуда в эту ночь Волков не ездил. Он не мог мне сообщить, ездил ли куда в эту ночь дворник Черных: он не знал этого.

На другой день, т. е. в четверг, он ездил днем с Войковым по городу и, вернувшись домой часа в 3—4 дня, увидел, что их одноконный рессорный экипаж стоит весь в грязи, в глине преимущественно, и одно его крыло помято. Спустя с час после этого какой-то пленный «австриец» (я точно воспроизвожу его слова) принес три лопаты. Они, как и рессорный экипаж, были запачканы глиной. У Волкова был по этому случаю разговор с садовником Полковым и последний, по словам Волкова, сказал ему, что лопаты куда-то увозились в среду в этом самом рессорном экипаже. На другой день, т. е. в пятницу утром, он подал лошадь для Зимины, и, когда тот садился в экипаж, Волков сказал ему про испорченный экипаж, выразившись приблизительно так: «Какой-то черт ездил куда-то в экипаже, колесо смял, экипаж весь в грязи». На это Зимин, по словам Волкова, сказал ему: «Ездили публику на тот свет отправлять». В ночь на субботу¹ Войков и другие большевики покинули Екатеринбург.

Таким образом, показанием Волкова момент времени удалось установить точно: большевики тогда действительно начали бежать с 20 июля, а 25 Екатеринбург был уже взят чехами. Не следует удивляться тому, что кучер Волков не знал, ездил ли куда в телеге дворник Черных и кто и когда отвозил лопа-

---

¹ На 20 июля.

ты: двор там при доме большой, хозяйство разбросано, и при той безалаберщине, какая царила тогда у большевиков, он действительно мог этого не знать.

Садовник Полков показал мне при допросе, что в эти же дни, т. е. за несколько дней до бегства большевиков из Екатеринбурга, его позвал Войков и секретно спросил (т. е. спросил его так, что на Полкова его вопрос произвел характер именно секрета), есть ли у них и сколько лопат. Полков сказал, что найдется лопаты три. Лопаты Полков готовил. Это были, по его словам, обыкновенные железные садовые лопаты. Войков дал ему новую рогожу и велел завернуть их в рогожу.

Около полночи Войков же сам приказал кому-то запрячь надежную лошадь в экипаж «покрепче», объяснив при этом, что «придется, быть может, ездить всю ночь»¹. Эти слова Войкова Полков категорически удостоверил. Скоро приехал к дому какой-то мужчина, довольно полный, с черной бородкой, в непромокаемой желтой накидке. Он приехал верхом на лошади. Личности этого человека Полков не знал, а я сам не выяснял, знает ли он Юровского. Этот человек сел в приготовленный рессорный экипаж и куда-то уехал, захватив с собой лопаты. На его же лошади сел и сын Полкова Павел, мальчик лет 13. Они подъехали к дому Ипатьева, откуда вышли еще двое каких-то мужчин. Они сели также в экипаж к неизвестному и втроем поехали по направлению к Главному проспекту (т. е. как раз в ту именно сторону, где надо ехать по направлению к Верх-Исетскому заводу). У Павла же верховую лошадь взял какой-то охранник при доме Ипатьева, а сам он пришел домой.

После этого я допросил мальчика Павла. Он удостоверил, что с Зиминим за ящиком с кислотой ездил именно он за кучера и ящик они привезли в дом главного начальника. Здесь ящик швейцар Злоказов (у меня в дознании ошибочно указан кучер) стал снимать с экипажа и ожег себе штаны.

---

¹ Это было в ночь на 18 июля.

В тот же день на втором иноходце приехал к ним какой-то неизвестный с черной бородкой. Он сел в экипаж, запряженный особо для него, и увез с собой лопаты, завернутые в рогожу. Павел же поехал за ним на его верховой лошади. Доехали они так до дома Ипатьева. Здесь в экипаж к неизвестному сели еще двое каких-то мужчин, вышедшие из дома Ипатьева, а на верховую лошадь сел какой-то молодой, по его словам, человек, в военной одежде. Они все поехали по одному направлению: в сторону Главного проспекта.

Черных мне допросить не удалось: он ушел с большевиками. Но, пытаясь установить место именно его поездки, я расспрашивал прислугу при том же доме главного начальника Евфимию Ивановну Спасскую, служившую в этом доме при большевиках горничной. Она показала, что дворник Черных незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга возвратился домой поздно ночью, мокрый и грязный. Он ворчал по этому поводу, и она слышала, что он говорил при этом, что он доехал до леса, а дальше его не пустили.

Получив эти сведения, я отправился в аптекарский магазин «Русское Общество», которым заведывал Максимилиан Данилович Мецнер, и расспросил его. Он мне сказал, что действительно как-то незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга к нему вечером, кажется, прибыл какой-то неизвестный ему господин (очевидно — Зимин) и, предъявив требование комиссара Войкова, в резких и настойчивых выражениях потребовал выдачи ему пяти пудов серной кислоты. Мецнер отпустил ему ящик с серной кислотой, и Зимин расписался на требовании в получении ее. Несколько позднее сам Войков звонил ему по телефону и потребовал, чтобы было приготовлено еще три бидона с серной кислотой. Мецнер приготовил кислоту. Около полночи на простой телеге к складу приехало несколько человек красноармейцев с винтовками, взяли от него кислоту и увезли в сторону Главного проспекта. Мецнер отыскал и самые требования Войкова на кислоту и выдал мне их. Я Вам их тогда же представил при дознании. Именно они и изобра-

жены на предъявленных мне Вами фотографических изображениях (предъявлены эти фотографические изображения)¹.

Сопоставляя, таким образом, показания всех вышеуказанных лиц, я прихожу к следующим выводам. По приказанию Войкова Зимин получил первый ящик с серной кислотой и привез ее в дом главного начальника. Она немного пролилась. К тому времени, вероятно, уже выяснилось, что этого количества кислоты мало, какое привез Зимин. Так как остальное количество все равно нужно было брать из склада, то туда и был доставлен первый ящик с кислотой, может быть, там более прочно упакованный, а может быть, смененный: сам Мецнер об этом не мог дать сведений, чему также не следует удивляться, так как склад самый громадный, служащих много, а сам Мецнер мог всех обстоятельств и не знать. В эту же ночь Черных отвез кислоту по направлению к руднику, куда он, конечно, допущен сам не был.

Я сам осматривал кислоту на складе. Она была в японских глиняных кувшинах, а кувшин помещался в ящике. Я категорически удостоверяю, что ящики эти были из красного леса, а не из черного. Они были довольно толстые: толщина стенок была не менее $\frac{3}{4}$ вершка: иначе они и не могли быть сделаны, так как кувшин кислоты весил два пуда.

Выясняя обстоятельства, происходившие в эти дни вблизи рудника у д. Коптяков, я расспрашивал верх-исетских жителей Семена Федора Карлукова и его жену Афанасию Степанову. Карлуковы за «Четырмя братьями» ближе к Коптякам имели покос. Они сдали его тогда под работу австрийцам. Австрийцев они отвели на покос и поставили на работу 15 июля в понедельник. 16 и 17 июля они беспрепятственно навещали их и ничего особого около рудника не замечали. 18 июля они отправились опять на покос и, не доходя верст двух до «Четырех братьев», встретили почти один за другим два автомо-

---

¹ Документы доступны для исследователей. ГА РФ. Ф.1837. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–3.

бия: сначала грузовой, а потом легковой с «шарами». В них ехали какие-то красноармейцы. В первом автомобиле было две или три черные железные бочки, в каких возят керосин. Прошли они еще с полверсты и встретили двоих известных верхисетских большевиков: Ермакова и Ваганова. Они ругались на них и вернули их назад. На следующий день они снова пошли на покос. Приблизительно в том же месте, где они накануне встретили два автомобиля, им опять попался автомобиль с «шарами», в котором сидело 4—5 красноармейцев. Пройдя еще с полверсты от «Четырех братьев», они увидели в леске лошадь, запряженную в «фаэтон». Около нее было два каких-то господина, совершенно прилично одетых: в черных шляпах и черных пиджаках. У одного из них был в руке какой-то длинный сверток, завернутый, как будто бы, в скатерть длиной так около $\frac{1}{2}$ аршина. Эти два господина сели в фаэтон и поехали к Верх-Исетску. Кучером у них был какой-то человек, лет 30, с русой бородой. Пройдя еще несколько, они увидели красноармейца на лошади. Он не позволил пройти им; сказал, что он голоден, что их не кормили два дня и что теперь им велено идти в город, проходя по 20 шагов в час. Я прекрасно помню, что именно так говорили Карлуковы. Они пожалели красноармейца и дали ему что-то из своей провизии. В этот же день Карлуковы видели еще каких-то женщин в лесу, ходивших в лес за черникой. Они им говорили, что проходя около заимки Зубрицкого, они видели там около городьбы красноармейцев.

Когда Карлуковы пошли на покос в субботу¹, они уже прошли беспрепятственно.

После этого я допрашивал коптяковских крестьян: Настасью Зыкову, Петра Зубрицкого, Николая Швейкина, Николая Папина, Николая Алферова, Александру Зубрицкую и Михаила Бабинова. Из их показаний видно было, что действительно красноармейцы оцепляли рудник в продолжение 17—19, а может быть, и 20 июля, и не пропускали здесь никого. Зуб-

---

¹ 20 июля 1918 г.

рицкая, в частности, показала мне, что один из грузовых автомобилей, возвращавшихся тогда с рудника, она видела в Верх-Исетске, когда он шел из города: одно колесо у него было повреждено и обмотано веревкой.

Я проверял также и поездку красноармейцев по Верх-Исетскому озеру из города. Эта поездка не имела, видимо, отношения к убийству Царской Семьи: она была раньше этого и связи никакой с работами в руднике не имела.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Ив. Мат. Сретенский
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

8 февраля 1920 года Судебному Следователю по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколову Гвардии Капитан П.П. Булыгин представил брошюру Руднева, имеющую название «Правда о ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ», переданную ему для вручения Судебному Следователю Генерал-майором С.А. Домонтовичем. Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный Следователь *Н.А. Соколов*
Гв. капитан *Павел Булыгин*

ПРОТОКОЛ

7 февраля 1920 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Харбин получил от Гвардии Капитана П.П. Булыгина 5 фотографических снимков, относящихся к жизни Царской Семьи в период Ее заключения, переданные ему Генерал-Лейтенантом М.К. Дитерихсом и П.А. Жильяром. Настоящий акт составлен в двух экземплярах¹.

Судебный Следователь *Н.А. Соколов*
Гв. капитан *Павел Булыгин*

---

¹ Фотографии хранятся в РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 7. Л. 171–173.

ПРОТОКОЛ

7—8 февраля 1920 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Харбин производил фотографирование при помощи объектива Буша отпечатков, представленных к следствию П.П. Булыгиным, обработку сделанных негативов и отпечатание их.

Из представленных Булыгиным отпечатков к следствию были приобщены два, а остальные возвращены ему.

Отпечатки изображают:

- 1) Вид дома в г. Тобольске, в котором проживала Августейшая Семья.
- 2) Вид комнаты Великих Княжон в г. Тобольске.
- 3) Государя Императора и Великую Княжну Татьяну Николаевну за пилкой дров в г. Тобольске.
- 4) Государя Императора около четверки дров под караулом солдата-охранника.

К акту приобщаются отпечатки в порядке их обозначения.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

ПРОТОКОЛ

Чита. 29 февраля 1920 г.

29 февраля 1920 г.

Я, прокурор Казанской судебной палаты Н. Миролубов, в порядке дознания, допрашивал в г. Чите в гостинице «Даурия» (№ 22) гражданку *Александру Кривошекову*, временно живущую в Чите, по делу об убийстве б. царя Николая II и чле-

нов семьи в качестве свидетельницы, которая показала и собственноручно записала следующее:

1919 г. в начале января я познакомилась в Екатеринбурге с полковником Никифоровым, который был назначен в Пермь начальником военного контроля. Он предложил поехать с ним в Пермь. В дороге много было разговоров об убийстве царя и царской семьи. Я спросила о в.к. Михаиле Александровиче — жив ли он? Никифоров сказал, что жив и здоров. Между прочим сказал, что недаром ему пришлось бежать из Перми пешком, где он был народным судьей. В конце всех разговоров Никифоров предложил мне, не желаю ли я служить у него именно по царскому делу. Я согласилась, насколько хватит моих сил. По приезде в Пермь принялась за это дело. В половине января была в з./аводе/ Мотовилиха в одном доме, услышала разговор про белье с короной и метками Николая А/лександровича/ и спросила, где же такое белье? Они мне говорят, разве вы не знаете, что царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления. Жиды, наверное, убили и поделили все, и все-таки кто же видел белье? Они мне указали прачку, которая подтвердила, что действительно стирала белье одному доктору-еврею, белье с короной и метками: рубашки и кальсоны. Фамилию доктора не знает, но дом, где он жил, по Монастырской улице, дом Кусаткина. Я передала Никифорову лично, как было условлено с ним, что касается царской семьи должна была говорить только с ним. В конце января прихожу к Никифорову в назначенный час, он мне говорит, пройдемте в кабинет, взял сверток, в кабинете замкнул дверь на ключ и тогда развернул сверток, а в нем вещи. Но меня особенно заинтересовали серьги дамские овальной формы в середине сапфир крупный, а кругом бриллианты. Я долго смотрела и говорю: «Эти серьги царицы?» Он сказал: «Да». На остальные вещи я только взглянула и перечислить их не могу. Никифоров говорит, что тут вещей миллиона на два, а то и больше. Спрашиваю, где он их достал. Никифоров говорит, что пока не скажет. А меня просил, чтобы не оставляла этого дела и больше работала, что нам заплатят хорошо, сумма отпущена крупная.

У меня в квартире была конспиративная квартира. Собирались офицеры — сотрудники военного контроля. Были заведующий и помощник. Помощник прапорщик Дягилев Эраст Алексеевич в разговоре рассказал, что недавно нашли у одного еврея золотые и бриллиантовые вещи, фамилия их Кобчик. Я спросила, где же теперь Кобчик? Дягилев сказал, что отправлен туда, откуда возврата нет. Прошло несколько времени, встретила Никифорова, спрашивает как дела? Плохо, прихожу в отчаяние, слышу в публике много разговоров, а определенных и положительных нет, и дело не идет вперед. Он сказал: «Лучше бы вы занялись другим делом, гораздо выгоднее». Спрашиваю: «Каким?» Он: «Вы местная жительница и знаете, где и у кого произвести реквизицию» — на этом разговор кончился. Мой брат скрывался от большевиков, жил в Перми в доме Пантелеевых, приходит ко мне и рассказывает, что жена Пантелеева говорила: «Есть у нее двоюродный брат в Екатеринбурге, служит машинистом в пассажирском поезде, фамилия его Логинов. Приезжал в Пермь и был у них и говорил, что царя убили и увезли комиссары на станцию Богданович». Пантелеева спрашивает его: «Как он знает?» Логинов говорит, что он-то и увозил тело, а обратно, — когда возвращались, пьянствовали. Пантелеева возмущена сказанным. После ухода тайного гостя Пантелеева рассказала моему брату, а он мне. Да, она, передавая разговор, сказала, что донесла бы кому следует или бы вызвали ее в свидетельницы, она с удовольствием все бы рассказала. Я сообщила Никифорову, что было сделано по этому делу, мне неизвестно. Весной Логинов опять приехал в Пермь, был у Пантелеевой, опять говорил про то же. Она очень возмущалась. Мой брат ей говорил, что весь разговор, который был передан куда следует, а ее не допрашивали. А Логинов служил все время, ездил машинистом от Екатеринбурга до Омска.

В начале марта узнаю про одну сестру милосердия Мутных, которая говорила своим при сослуживцах, что она знает и много раз бывала в доме, где находилась царская семья, читала дневники наследника Алексея Николаевича удивлялась их терпению и выдержке, особенно отзывалась о Анастасии Николаевне. Я передала Никифорову не лично, а написала записку, когда

пришла к нему, его не застала дома. В тот же день приехал ко мне господин, отрекомендовавшись Кирста Александр Федорович. Показывает записку и спрашивает: «Я ли писала?» — «Да, я». Он говорит, что царское дело передано ему. Полковник Никифоров и прислал, а что он говорит правду, представил мне доказательства. Я рассказала ему, что знала. Он говорит, что надо познакомиться с ней и вы это сделаете. Я сказала, что сегодня же пойду туда. Повидавши ее должна сообщить все сказанное. Часов в пять пошла к Мутных в лазарет. Она меня приняла у себя в дежурной комнате. Там никого не было. Я ей назвала вымышленную фамилию и говорю, что пробралась от красных и пробираюсь в Екатеринбург к дочери, назвала фамилии некоторых комиссаров пермских, которых я знала, и указала одного, который мне советовал в случае чего обратиться именно к ней. Объяснила, что мне, пробираясь через фронт белых, пришлось изорвать свой паспорт, а дальше ехать без документов опасно. Она поверила и говорит, что достанет мне таковой. Есть у нее знакомый в военном контроле человек, который даст, и называет фамилию Кирста А.Ф. Он уже дал ее гражданскому мужу таковой и деньги сто пятьдесят тысяч разрешил провести в Сибирь для пропаганды. Спрашивает, где я остановилась? Я сказала, что только сегодня приехала, и квартиры нет, и не знаю у кого могу ночевать. Она ответила, что с удовольствием бы предложила у себя ночлег, но не может, потому что у нее есть тоже приезжий, который ночует у ней, и дала адрес Малковых по 2-ой Загородней улице. Дальше шел разговор о царской семье. Когда она бывала у них, удивлялась, что они слишком горды и завидовала их стойкости. Я говорю: «А Вы не боитесь, может быть что-нибудь иметь у себя, за что Вас могут арестовать?» — «Нет, все спрятано, что было в надежных руках, да вам вот расскажут Малковы». Вдруг спрашивает меня, знаю ли я Ираиду? Я сказала, что совершенно не знаю таковой.

Она вздохнула и говорит: «Вы не провокатор?» — «Почему?» — спросила ее. — «Да тут приходили таковые и спрашивали». Правда, когда Кирста давал мне совет, что я должна была

говорить то, попросил спросить про Ираиду, а кто она, я не знаю, но я не спрашивала, разговаривать больше не пришлось, ей нужно было идти в палаты к больным солдатам. При прощании с ней просила зайти к ней за паспортом.

Вечером Кирста вызывает к телефону и спрашивает, была ли я или нет, отвечаю, что была. Наверное провал? Не знаю, что вы называете провал. Я нахожу, что по телефону говорить неудобно. Он отвечает, что приедет. Приехал, рассказываю ему весь разговор, умолчала, что он дал паспорт ее мужу, сказала, что пойду по данному адресу завтра. Утром узнаю, что был обыск у Мутных и арестованы были Березина и Мутных. Утром пошла к Малковым, но дома их не было. Они оба служат в Земледелии государственных имуществ. Прихожу туда. Там еще никого не было. Поздоровалась и передала ей поклон от ее сына Рафаила. Она очень обрадовалась и спрашивает, где он. Я назвала место, где видела его. А разве Рафаил не уехал с царской семьей? Он все время около них. Да, кажется, собирались уехать скоро. Говорю ей, что Рафаил просил спрятать царские вещи подальше, чтобы их не нашли. Малкова говорит, что салфетки с метками и короной у ее снохи старшего сына — Николая. Советовала ей спрятать. Она спрятала их, а стаканы у ней спрятала. Был обыск, ничего не нашли. Малков сам занимал место при управлении сторожа. Вещи им удобно были спрятаны на вышке здания, а обыск был в их личной квартире.

Я не говорила, что была у Мутных, и передала тоже, что не имею паспорта. Малкова сказала: «Это пустяки — достанем, есть человек хороший в контроле, который даст. — «Кто же этот человек?» — «Кирста А.Ф. приходит сегодня в пять часов вечера, где вы познакомитесь с Матросом, у которого есть вещи царские. С ним поговорите, что заказывал Рафаил». Я пообещала быть непременно, спросила меня когда уезжаю? Как достану паспорт и поеду в Екатеринбург, а дальше буду пробираться в Казань. Она просила увезти письма сыну Рафаилу и Николаю. Разговаривать больше не пришлось. Служащие стали собираться. Рассказала весь разговор с Малковой Кирста. Он ничего не сказал на это. Иду вечером в установленный час

к Малковым, чтобы ехать в новую деревню познакомиться с Матросом. Прихожу, Малкова очень сердито встретила и говорит что был у них в 2 часа обыск, нашли одну салфетку и больше ничего. Я прошу поехать туда. Она говорит нет и больше ничего не скажет. У ней явилось подозрение. Пошла к Кирста, не застала его, а вечером узнаю, что он уехал в Омск. Когда вернулась, я написала ему, что провалил все дело. Больше с ним не виделась и работать не стала. Никифоров перешел в штаб Пепеляева и Кирста тоже. Заменял Петелин, а я ему не доверяла и не работала. Дня за четыре перед эвакуацией Перми Кирста приехал ко мне и говорит, что будем работать вместе, я заплачу Вам двадцать тысяч. Я говорю, что уезжают все, и мне тоже надо уехать, а он говорит: «Не оставим Вас». Больше я его не видела.

Вернусь к Малковой, когда говорили о царской семье. Малкова много раз бывала у них и приносила разные мелкие вещи на память, хотела мне показать после поездки к Матросу, говорила, что Анастасия Николаевна убита за то, что хотела бежать, спросила, где похоронена, а где-то около Мотовилихи, а хорошо не знает, слышала от сына Рафаила, он-то хорошо все знает, все был с ними.

Кривошекова Александра Вас. 1920 года, 28 февраля.

Кривошекова добавляла, что Никифоров говорил ей, что был там тем вечером, когда увозили Михаила Александровича из Перми /.../¹.

Прокурор Казанской судебной палаты
Н. Миролубов

---

¹ Коллекция документов Н. Миролубова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

ПРОТОКОЛ

1920 года, марта 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Харбине в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал: *Ростислав Михайлович Политковский*, 28 лет, потомственный дворянин Ковенской губернии, капитан, православный, не судился.

В г. Екатеринбург я прибыл в апреле месяце 1918 года в качестве слушателя Академии Генерального Штаба¹.

Августейшая Семья прибыла в Екатеринбург, когда я был уже там. Факт перевоза Ее я сам не наблюдал. Перевоз Ее в Екатеринбург вызвал толки: пытались объяснить причину этого события и говорили двояко: одни говорили, что Августейшая Семья перевезена в Екатеринбург потому, что к Ней хорошо относилось население Тобольска, другие говорили, что Ее везли не в Екатеринбург, а в Москву, но уральские большевики, проявив свой сепаратизм вообще, не допустили Ее проезда в Москву и задержали Ее в Екатеринбурге. Говорили, что по этому поводу шел из Москвы на Екатеринбург карательный отряд, но почему-то не дошел до Екатеринбурга.

До меня не доходило никаких сведений об условиях, в которых содержалась Августейшая Семья. Я не слышал, чтобы там существовали какие-либо организации или группы, имевшие целью спасение Ее. Иногда приходилось проходить мимо дома Ипатьева, где содержалась Семья. Дом был закрыт забором. Он производил впечатление тюрьмы. Приблизительно за неделю до взятия Екатеринбурга войсками Сибирской армии распространились по городу слухи об убийстве Государя Императора. Были расклеены объявления по этому поводу. Я читал их. Там, как мне помнится, говорилось о «расстреле» Государя Императора. Смысл объявления был тот именно, что

---

¹ Академия Генерального штаба была эвакуирована из Петрограда в Екатеринбург в апреле 1918 г.

Он расстрелян по «суду». Про Семью, как мне помнится, ничего не говорилось в объявлениях. За несколько дней до падения Екатеринбурга я в составе отряда полковника Румши ушел к чехам и вошел в Екатеринбург вместе с ними. В доме Ипатьева после этого я не был и вообще никогда в нем не был. Спустя несколько дней я был в штабе гарнизона и познакомился здесь с поручиком Шереметевским. Он рассказывал, что он производил у крестьян д. Коптяков обыск и нашел драгоценный крест и разные обгорелые принадлежности уничтоженной огнем одежды. По его словам, эти вещи были найдены крестьянами где-то в лесу, в районе шахт, в кострищах. Сам я тогда этих вещей не видел. Но все это связывалось определенно с убийством Государя и Его Семьи.

Составилась тогда компания лиц, которая должна была отправиться на это место и осмотреть его. В эту компанию вошел и я. Я помню, что несколько человек офицеров, из которых я могу назвать только капитана Малиновского, капитана Бафталовского, в числе которых был и я, заехали за судебным следователем (фамилии его не знаю)¹, чтобы и он ехал с нами, так как мы отдавали себе отчет, что без специалиста не можем мы произвести осмотра. К нему входили Малиновский и Бафталовский, а мы долго их ждали. Тогда среди нас было большое возмущение действиями судебного следователя, так как он проявлял упорство и не желал ехать. С нами же тогда ездил доктор Деревенко и камердинер Государя Чемодуров. Мы ехали по железной дороге через Верх-Исетское озеро. Затем мы шли пешком, ехали на лодках по озеру, кажется, затем опять шли пешком до д. Коптяков и дальше ехали на лошадях уже к руднику. Мы ехали версты 3 по большой дороге, затем свернули по какой-то глухой дорожке и выехали к озеру, вблизи которого была шахта. Около этой шахты была глиняная площадка. На ней был один костер, а недалеко от него на лесной дорожке — другой костер. Мы думали сразу легко найти трупы или остатки трупов Августейшей Семьи. Между тем мы видели перед со-

---

¹ А.П. Наметкин.

бой одни голые костры, в которых на первый взгляд ничего не было видно. Это нас сразу обескуражило и понизило нашу энергию. Судебный следователь держал себя совершенно инертно. Стали мы копаться в кострах. Были найдены два осколочка драгоценных камней: изумруда и еще какого-то камня. Я копался в костре на дорожке. Со мной копался какой-то крестьянин. Он заметил блеск стекла и предупредил меня, чтобы я этим предметом не порезал себе рук. Я ковырнул этот предмет. Это оказался большой бриллиант в серебряной или платиновой оправе. Я нашел его втоптаным в землю.

Это обстоятельство несколько приподняло нашу энергию, но в общем мы тогда не пришли ни к каким выводам и уехали с рудника. Я помню, что в одном кострище еще был найден обгорелый кошелек, кусок полотнища защитного цвета, с кольцом, напоминающий обрывок от палатки.

Старик Чемодуров признал бриллиант принадлежащим к украшениям Императрицы: подвес от колье, а кусок полотнища за обрывок от вещевого мешка Наследника. Я помню хорошо, что обрывок этот тогда пах сильно керосином.

Мы осматривали только один большой колодец шахты. В нем был толстый слой льда, пробитый в одном углу.

Дорогой мы расспрашивали Чемодурова про жизнь Августейшей Семьи в Екатеринбурге. Чемодуров рассказывал, что режим был скверный. Он говорил, например, что Августейшая Семья обедала вместе с прислугой, что во время обеда входили разные «товарищи», лезли через голову Императора в миску своими ложками и капали при этом или на Государя или на Государыню.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Капитан *Ростислав Политковский*
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

14 марта 1920 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Харбине в порядке 443 ст. уст. Угол. Суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Петр Андреевич Жильяр — сведения о личности см. л.д. 81 том I-й.

Я уже Вам объяснял, что в Екатеринбурге мы все получили одну бумагу, в которой было сказано, что мы все должны выехать из пределов Пермской губернии. Мы все приехали в Тюмень. Я пошел просить бумагу, чтобы мы все могли поехать в Тобольск, в оперативный штаб. Со мной обращались очень плохо. Комиссар Шебалдин на меня кричал, грозил мне револьвером и собирался всех нас арестовать. Несколько дней мы все не выходили из вагона. Нам было очень плохо, так как в Тюмени мы жить не могли без разрешения. Тогда я узнал, что в Тюмени есть шведский красный крест. Я знал, что в Екатеринбурге есть шведский консул, и я пошел в Тюменский красный крест, чтобы отсюда посылалась консулу телеграмма, потому что он обязан был меня защищать как иностранца. В красном кресте я нашел человека по фамилии Фишер. Имея несколько раз общение с ним, я узнал, что он занимал «не главную» должность в кресте, но играл главную роль там. Он пользовался большим весом у большевиков и все мне сделал: мы получили от штаба все бумаги, благодаря чему и удалось нам избежать неприятностей от большевиков. Из разговоров с Фишером я узнал потом, что он немец и военнообязанный.

На Ваши вопросы я могу отвечать следующее.

Я вот так сам себе представляю Ее Величество со стороны Ее нервной системы и Ее натуры в психологическом отношении. Уже до рождения Алексея Николаевича Ее Величество была очень нервная. Она уже тогда поддавалась «страшным увлечениям» в людях, в своих проектах и предприятиях.

Вероятно, Ее Величество страшно желала рождения сына, Наследника. Кажется, в 1902 году француз Филипп предсказал Ее Величеству рождение сына. Вероятно (я так сам себе это объясняю) в связи с этим предсказанием у Ее Величества было очень редкое явление, что наблюдается, кажется, только у очень нервных натур: ложная беременность. Таким образом, ко времени рождения Алексея Николаевича Ее Величество уже страдала сильной нервозностью. Родился мальчик, сын, которого Она так страстно ждала. Вот тут-то и произошло большое несчастье: в первый же день стало известно, что мальчик тяжело болен ужасной болезнью – гемофилией, которую передала ему Она.

Все дальнейшее понятно: Она из нервной стала больной. Ее болезненность была заметна. Она целыми днями, иногда по несколько дней лежала, никого не принимая, или принимая у Себя. У Нее стало страдать сердце. Боткин мне говорил, что сердце у Нее действительно не в порядке. Она мало двигалась, мало стояла, стараясь лежать или сидеть. Она была раздражительна и страшно восприимчива. Но в то же время, благодаря своему воспитанию, своему положению и сознанию этого положения, Она страшно владела собой, производя наружно впечатление холодной, гордой, замкнутой. Ей это стоило, конечно, не малых страданий, потому что на самом деле в душе своей Она была очень добрая. Она никого не пускала в свою душу, терпеть не могла, чтобы в Ее душе копались, но когда другие страдали и Она узнавала это, Она сейчас же шла на помощь. Вот в такие минуты и видна была Ее душа. Я не доктор, я не знаю, как называется то ощущение своего собственного «я», которое было у Ее Величества, но, наблюдая Ее в продолжение многих лет, я думаю по этому поводу следующее. Ее Величество любила окружать себя людьми, которые бы всецело отдавали Ей самих себя, которые бы всецело отдавались Ей и почти отказывались от своего «я». Она считала таких людей преданными Ей. На этой почве и существовала Вырубова¹.

---

¹ В 2005 г. опубликована книга: «Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария». Санкт-Петербург, «Царское дело».

Вырубова была неумная, очень ограниченная, добродушная, большая болтушка, сентиментальная и мистичная. Она была очень неразвитая и имела совершенно детские суждения. Она не имела никаких идей. Для нее существовали только одни личности. Она была совершенно не способна понимать сущность вещей: идеи. Просто были для нее плохие и хорошие люди. Первые были враги, вторые — друзья. Она была до глупости доверчива, и к ней проникнуть в душу ничего не стоило. Она любила общество людей, которые были ниже ее, и среди таких людей она чувствовала себя хорошо. В некоторых отношениях она мне представлялась странной. Мне она казалась (я наблюдал такие явления у нее) женщиной, у которой почему-то не достаточно развито чувство стыдливости женской. Но больше этого я не хочу и не могу сказать про нее ничего необыкновенного или плохого.

Ее Величество считала Вырубову очень преданной. Это был самый близкий из посторонних Ей человек.

С Распутиным Вырубова была очень близка. Но я убежден, что между ними не было половой связи. Я убежден, что Распутин никогда не пошел бы на это: он был очень умный мужик и прекрасно понимал, что скрыть этого было бы нельзя и тогда он потерял бы всякое влияние при Дворе.

Из таких же побуждений могла исходить и Вырубова: она мало-помалу вошла в свою роль и очень ревниво оберегала свое положение.

Вырубова, как я убежден, была нужна Распутину для другой цели: он узнавал через нее то, что нужно было ему. Я Вам уже объяснял, что Распутин появился на почве болезни Алексея Николаевича. Он убедил Ее Величество, что его только молитва может помогать Алексею Николаевичу. Он действительно помогал ему. Я убежден, что этот человек пользовался для этих своих целей услугами Вырубовой. Надо знать картину болезни Алексея Николаевича. Болезнь всегда имела только одну причину: травму, ушиб. Потом шло несколько дней кровотечение, потом появлялась опухоль, потом наступал кризис: опухоль начинала рассасываться. Весь этот процесс

страшно мучителен и Алексей Николаевич страдал ужасно. После кризиса страдания уменьшались. Он начинал испытывать облегчение. Распутин был близок с Бадмаевым. Я убежден, что, зная через Вырубову течение болезни, он, по уговору с Бадмаевым, появлялся около постели Алексея Николаевича как раз перед самым наступлением кризиса, и Алексею Николаевичу становилось легче. Ее Величество, не зная ничего, была, конечно, не один раз поражена этим и Она поверила в святость Распутина. Вот где лежал источник его влияния. Сначала влияние Распутина не выходило за пределы интересов семьи. Но потом он приобрел страшное влияние и сохранил его до самой смерти. Он имел действительно большое влияние на управление страной, и я имею определенный факт. Я знаю положительно, что Протопопов был назначен благодаря Распутину. Распутин влиял на дела управления через Императрицу, но он имел значение и в глазах Его Величества. Вероятно, действительно Его Величество перед войной обменивался телеграммами с Распутиным, находившимся тогда в Тюмени, прося у него совета и утешения. В Тюмени некая особа (Аграфена Семеновна Ивановская) (она там служит в союзе кредитных товариществ) имеет у себя копии телеграмм Государя к Распутину, полученные ею на телеграфе, как мне кажется.

Я не знаю, получали ли Их Величества денежную помощь через зятя Распутина Соловьева¹. Относительно вообще этой стороны дела, т. е. денежной, я могу Вам сказать следующее. У Его Величества никаких сбережений не оказалось. У Него не было денег. У Ее Величества оказалось сбережений на 75 000 рублей. В Тобольске Они получили от Вырубовой 30 000 рублей (не знаю способа получения), еще от кого-то небольшую сумму и от одного человека крупную сумму в 200 000 рублей. Имени этого человека я назвать не имею

---

¹ О роли Б. Соловьева в оказании помощи Царской Семье см. Протокол допроса 28 декабря 1919 г. Н.А. Соколовым М.Г. Соловьевой. Российский архив. Вып. VII. С. 189.

права¹. О судьбе этих денег я могу Вам сообщить совершенно секретно и прошу Вас составить об этом особый акт, который должен быть совершенно секретен.

Петр Жильяр

Судебный Следователь *Н. Соколов*

С подлинным верно.
Судебный Следователь по особо важным делам
Н.А. Соколов

ПРОТОКОЛ

14 марта 1920 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Харбин в порядке 443 ст. уст. Угол. Суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Петр Андреевич Жильяр — сведения о личности (см. л.д. 81, том 1).

Я забыл Вам еще сказать следующее:

В период заключения Царской Семьи в Царском Селе ко мне как-то зашел в мой кабинет Боткин и мы имели с ним разговор про Августейшую Семью. Я хорошо помню, Боткин сказал мне тогда фразу: «Как врач, я смотрю на Ее Величество как на не совсем нормальную женщину». Оснований такого утверждения он не приводил, но его взгляды в общем совпадают с моими. По моей просьбе, Боткин написал для меня

---

¹ Деньги Царской Семье передавал в Тобольске фон Штейн. См. Протокол допроса Н.А. Соколовым Кривошеина А.В. 6 февраля 1921 г. Российский архив. Вып. VII. С.262.

психологическую характеристику Ее Величества, но у меня ее сейчас нет.

Я очень хорошо помню, когда возвратились кучера, отвозившие Их Величества из Тобольска в Тюмень (они везли до первой станции), среди нас были тогда разговоры вот на какую тему. Кучер, который вез Государя и Яковлева, рассказывал, что Государь с Яковлевым вели беседы на политические темы, спорили между собой и Государь не бранил большевиков. Кучер говорил, что Яковлев «вертел» Государя, но Он ему не «поддавался».

Прочитано. *Петр Жильяр*

Судебный Следователь *Н. Соколов*

Верно.

Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

СПРАВКА

Как видно из содержания предложения Министра Юстиции от 7 февраля 1919 года за № 25/а 2437, сим предложением было возбуждено производством у того же Судебного Следователя по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколова дело об убийстве отрекшегося от Престола Российского Государства Государя императора Николая II, его Семьи и находившихся при Ней лиц (дело № 20).

Ввиду уничтожения большевиками трупов Царской Семьи и крайней сложности следственных действий, направленных на доказательство факта убийства Царской Семьи при отсутствии трупов, работа Судебного Следователя протекала

главным образом по делу об убийстве Царской Семьи в г. Екатеринбурге и на руднике, где были уничтожены трупы.

11 июля 1919 года за № 294 Главнокомандующий Фронтом Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс передал Судебному Следователю повеление Верховного Правительства выехать, в целях спасения следственных актов, на Восток России.

7 февраля 1920 года, в момент падения власти Верховного Правительства Адмирала Колчака и убийства его в этот день большевиками в г. Иркутске, Судебный Следователь находился в пределах Маньчжурии, в г. Харбине.

Вследствие развития анархии в стране и невозможности сохранения актов следствия в местонахождении Судебного Следователя, последний, по соглашению с бывшим Главнокомандующим Генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом, решил вывезти акты следствия в Европу. Ввиду полной физической невозможности для Судебного Следователя вывезти с собой ящик с находящимися в нем предметами за №№ 1—28 включительно, значащийся в пункте 5 протокола 30 июля 1919 года, таковой был оставлен Судебным Следователем в г. Харбине состоящему при нем, (по распоряжению Главнокомандующего Фронтом Генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса), Гвардии Капитану Павлу Петровичу Булыгину для помещения ящика на хранение у купца в г. Харбине Ивана Тихоновича Щелокова.

20 марта 1920 года Судебный Следователь выбыл из г. Харбина и прибыл 4 июня того же года в Венецию (Италия) и 16 того же июня в г. Париж (во Франции).

Означенный ящик с находящимися в нем предметами был помещен капитаном Булыгиным у названного Щелокова через Гвардии Есаула Александра Александровича Грамотина, расписка коего от 24 марта 1919 года за принятие ящика с вещами для доставления его Щелокову при сем прилагается в опечатанном конверте.

Расписка Гвардии Есаула Александра Александровича Грамотина от 24 марта 1920 года в получении ящика с вещами для доставления его на хранение Ивану Тихоновичу Щелокову.

Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов
(Надпись на конверте)

РАСПИСКА

Принятые от гвардии капитана Булыгина для передачи на сохранение Ивану Тихоновичу Щелокову вещи по делу № 20.

Собственно ЕЯ Императорского Величества конвоя
Есаул Грамотин

Марта 24 дня 1920 г.
Г. Харбин

СПРАВКА

С 19 декабря 1919 года подлинное следственное производство и все вещественные доказательства находились на хранении у генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса.

Следственные действия с этого момента производились по дубликату предварительного следствия, остававшегося у судебного следователя. Эти меры были вызваны тревожным положением общего политического характера в Забайкальской области.

4 января 1920 года судебный следователь выбыл из Читы в г. Верхне-Удинск¹, где нашел подлинное дело и все вещественные доказательства в полной сохранности у генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса.

21 января судебный следователь с делом, находящимся под охраной американских войск, выбыл в г. Харбин. Следственное производство было помещено на хранение к консулу Великобритании г. Сляи. По приведении в порядок всех актов и вещественных доказательств, семь томов подлинного следственного производства и восьмой том в дубликate с частью вещественных доказательств было передано Главнокомандующему соединенными силами союзников французскому генералу Жанену для доставления дела в Европу.

Семь томов дубликата и восьмой том подлинного дела со всеми остальными вещественными доказательствами оставлены были судебным следователем у себя.

20 марта 1920 года судебный следователь выбыл из России за границу для следования в Европу.

Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА

4 июня 1920 года Судебный Следователь прибыл в г. Венецию, 11 июня – в г. Рим, 16 июня – в г. Париж.

Судебный Следователь *Н. Соколов*
Верно. Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

---

¹ Сейчас – Улан-Удэ.

ПРОТОКОЛ

1920 года июля 6 – 30 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Князь Георгий Евгеньевич Львов¹, 59 лет, православный, проживаю в настоящее время в г. Париже, Avenue Elisee Reclus, 3. На Ваши вопросы показываю следующее.

В составе Временного правительства, воспривавшего верховную власть в России после отречения Императора Николая II от Престола, я был Председателем Совета министров.

В самый момент революционного переворота в Петрограде, принятого в ближайшие к этому событию дни во всей России, Император, как известно, был в Ставке. Семья Его в это время была в Царском. Временное правительство не могло, конечно, не принять некоторых мер в отношении главы государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая в отношении Императора и Его супруги по постановлению Временного правительства, состояла в лишении Их свободы. Я бы сказал, что принятие ее в тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока.

Доставление Царя из Ставки в Царское было поручено члену Государственной Думы Вершинину. Установление же са-

---

¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь. В Думах – председатель комиссии по делам Русской Православной Церкви. После Февральской революции – обер-прокурор Синода. В январе 1920 г. выехал в Японию, затем во Францию, после признал Советскую власть и в 1922 г. вернулся в Москву. Был арестован и выслан в ссылку в Томск, где и поселился.

мого режима в отношении Царской Семьи, наблюдение за ним и вообще разрешение многих иных вопросов, вытекавших из самого факта лишения свободы, принадлежало министру юстиции Керенскому, на которого была возложена правительством вся сторона этого дела.

Я сам лично не осведомлен о роли, которую играл Корнилов в Царском, и ничего не могу Вам сказать, бывал ли он в Царском, когда и для чего¹. Могу лишь сказать, что Корнилов в то время был командующим войсками Петроградского округа и мог, конечно, принимать то или иное участие в установлении известных распоряжков в Царском, вероятно, по соглашению с Керенским. Время от времени Керенский представлял доклады Временному правительству о тех или иных мерах, принимавшихся в Царском.

Были приняты некоторые ограничения для Царской Семьи, сводившиеся, в конце концов, к пресечению для Нее возможности сношения с внешним миром без ведома правительственных агентов. Эти меры вовсе не были направлены на создание ненужных стеснений для Царской Семьи и не создавали для Нее состояния «ареста», так как власть во внутренний уклад жизни Царской Семьи совершенно не вмешивалась. Царская Семья у себя дома жила так же, как Она жила и раньше. Внутренних, например, постов совершенно не было.

Кроме этой задачи — установления известного режима в отношении Царской Семьи — перед правительством была еще другая цель. Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего Царя и Царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией, в этих целях, т.е. для обследования деятельности всех вообще высших лиц, игравших роль в жизни государства, поскольку их деятельность прико-

---

¹ Корнилов Л.Г. по приказу Временного правительства арестовывал Императрицу 8 марта 1917 г. в Царском Селе.

вывала к себе внимание общества и возбуждала его недовольство, была создана Верховная следственная комиссия¹. В организации ее главная роль принадлежала Керенскому, как министру юстиции. Председателем этой комиссии был назначен присяжный поверенный Муравьев. Керенским тогда было принято в отношении Императора две меры: во-первых, Он в ближайшее после прибытия из Ставки время был отделен на какой-то, как мне помнится, очень короткий промежуток времени от своей супруги, а во-вторых, у Него была взята Его переписка. Эти меры принимались Керенским, как министром юстиции, чтобы верховная следственная комиссия могла разрешить возложенную на нее задачу. В свое время Керенский о принятии этих мер представлял доклады Временному правительству.

Работы следственной комиссии не были закончены. Но один из самых главных вопросов, волновавший общество и заключавшийся в том подозрении, а может быть, даже убеждении у многих, что Царь, под влиянием своей супруги, немки по крови, готов был и делал попытки к сепаратному соглашению с врагом, Германией, был разрешен. Керенский делал доклады правительству и совершенно определенно, с полным убеждением утверждал, что невиновность Царя и Царицы в этом отношении установлена.

Разрешался также вопрос о средствах, принадлежавших Царской Семье. Семья, конечно, должна была жить на свои личные средства. Правительство должно было нести лишь те расходы, которые вызывались его собственными мероприятиями по адресу Семьи. Их личные средства были выяснены. Они оказались небольшими. В одном из заграничных банков, считая все средства Семьи, оказалось 14 миллионов рублей. Больше ничего у Них не было.

---

¹ Верховная следственная комиссия была создана по приказу Временного правительства 11 марта 1917 г. — ЧСК, для расследования злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. Стенографические отчеты допросов в ЧСК опубликованы в книге «Падение царского режима». Ленинград, 1924.

Из всех лиц в составе правительства бывал в Царском и имел общение с Царской Семьей только один Керенский. Поскольку я мог наблюдать Керенского во время его докладов правительству о его поездках в Царское и во время вообще беседы с ним по вопросам о Царской Семье, я убежден, что их отношения с Царем были с первых же дней корректны, а впоследствии были безусловно окрашены тоном взаимного доброжелательства.

Я помню, что только один раз, кажется, кроме Керенского, выезжал в Царское Гучков. Он ездил туда, как военный министр. Делал ли он тогда доклад по поводу своей поездки, я не помню; с кем он там имел общение, я не знаю.

Я удостоверяю, что между лицами, входившими в состав правительства, были тогда разговоры по поводу отъезда Царской Семьи за границу. Оценивая положение в стране к лету 1917 года, находили, что Ей лучше будет уехать из России. Называли тогда Англию и Данию¹. Доклада по этому вопросу не было. Но министр иностранных дел Милюков, кажется, выяснял эту возможность, причем, как мне помнится, самая инициатива в этом вопросе принадлежала некоторым из Великих Князей и, в частности, Николаю Михайловичу и Михаилу Александровичу. Почему из этого ничего не вышло, я сказать не могу.

Летом в первой половине июля правительство пришло к убеждению, что нахождение Царской Семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на правительство со стороны Советов делался все сильнее. Я удостоверяю, что он был со стороны Петроградского совета и в отношении Царской Семьи. Я совершенно не помню, как это было, но я помню, что именно отсюда исходило желание заключить Царя в Петропавловскую кре-

---

¹ Подробно вопрос о возможном отъезде Царской Семьи в Англию изложен в Протоколах допросов Н.А. Соколовым П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. См. Российский архив. Вып. VII. Док. 57 и 107.

пость¹. Делались ли в этом отношении какие-либо реальные попытки, я положительно не помню, и про полковника Масловского я ничего не слышал. Ясно было, что Царскую Семью для Ее благополучия нужно было куда-то увезти из Царского. Обсуждение всех вопросов, связанных с этой необходимостью, было поручено Керенскому. Он делал тогда доклад правительству. Было решено перевезти Ее в Тобольск. Сибирь тогда была покойна, удалена от борьбы политических страстей, и условия жизни в Тобольске были хорошие: там удобный, хороший губернаторский дом. Юг не мог быть тогда таким местом: там уже шла борьба. Решение вопроса о перевозке Семьи в Тобольск состоялось при мне. Но самый Ее отъезд имел место уже после моего ухода из состава правительства, что произошло в конце первой половины июля месяца по старому стилю. Поэтому о самом перевозе Царской Семьи в Тобольск я ничего Вам рассказать не могу.

Выйдя из состава правительства, я некоторое время пробыл в санатории, был в Оптиной пустыни, а затем в августе месяце я приехал в Москву. В сентябре месяце я уехал в Крым, откуда вернулся снова в Москву 25 октября. В ноябре месяце оставаться в Москве мне стало рискованным, и я уехал в Сибирь, поселившись в Тюмени. В самых последних числах февраля месяца 1918 года я был арестован карательным отрядом латыша Запуска, присланного в Сибирь для карательной деятельности из Центра. Меня повезли в Екатеринбург и в марте месяце заключили в уголовную тюрьму. Заподозрив мои сношения с волей, меня перевезли в апреле месяце в земскую тюрьму.

Я был схвачен большевиками просто за то, что я - князь Львов, глава бывшего правительства. Они, конечно, старались обосновать мою вину, «создать» ее, и поэтому, во время допросов меня комиссией, они говорили мне, что у них имеются

---

¹ Представители Петроградского совета требовали от Временного правительства содержать всех членов Дома Романовых под надежной охраной революционной армии. См. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

различные материалы, изобличающие меня как контрреволюционера. Я в глаза говорил им, что это — неправда, что у них таких материалов нет и быть не может, что они не имеют права держать меня в тюрьме, и требовал свободы как для себя, так и для заключенных вместе со мною Николая Сергеевича Лопухина и Александра Владимировича Голицына, работавших в Земском союзе, во главе которого я стоял. После долгих усилий нам удалось, кажется, в первых числах июля месяца по старому стилю выбраться из тюрьмы. Тут же я уехал из Тюмени и вернулся туда уже после освобождения ее от большевиков.

Меня допрашивала, как я уже сказал, комиссия. Я имел с ней дело раз 5—6. В первый раз в ее состав входили комиссары: юстиции Поляков, просвещения Чуцкаев и военный Голощекин. Во второй и последующие разы были Поляков и Чуцкаев. В последний раз были те же Поляков, Чуцкаев и комиссар снабжения Войков. Я с полным убеждением утверждаю, что в составе этой комиссии Поляков и Чуцкаев были пешками. Никакой роли они не играли и власти, видимо, не имели. Самыми главными в ней лицами были Голощекин и Войков. Так, впрочем, про них и говорили и тюремная администрация, и красноармейцы. Как говорили, Голощекин вообще был в Екатеринбурге самое властное лицо. Про Войкова говорили, что он связан какими-то личными отношениями (чуть ли даже не родства) с самим Лениным. Я не знаю национальности Войкова. Голощекин же — безусловный еврей. Мне тогда казалось, что Голощекин как будто бы в то время был в отсутствии, и Войков заменял его: был призван окончательно решить вопрос о нашей судьбе.

В апреле месяце, когда я уже сидел в земской тюрьме, разнесся по тюрьме слух, что в тюрьму доставлен Великий Князь. Называли имя Михаила Александровича. Это был в действительности князь Долгоруков, состоявший при Царской Семье. Я видел сам в окно, когда он шел в тюрьму. Числа его заключения я не помню, а было это часов в 12 дня. Спустя приблизительно недели две в нашу тюрьму были доставлены лакей Царской Семьи Седнев и дядька Наследника Нагорный.

Я встречался с ними постоянно в тюрьме во время прогулок, во время работ в огороде. Лично от них у меня осталось такое впечатление. Долгоруков – человек, видимо, недалекий от природы; был сильно потрясен всем случившимся с ним; Царской Семье предан. Седнев и Нагорный – прекрасные ребята, неглупые, отдающие себе отчет во многом, здоровые и телом и духом; были весьма преданы Семье. Естественно, я расспрашивал Долгорукова, Седнева и Нагорного про положение Царской Семьи. Вот к чему сводились их рассказы.

В Тобольске Царской Семье жилось хорошо. Недостатка ни в чем у Нее не было, жилось спокойно, никто Их не трогал, ничем не докучал. Царь занимался физическим трудом: пилил дрова и много работал в саду и в огороде, развел образцовый огород. В апреле месяце вдруг приехал из Москвы какой-то комиссар (уже потом я от Жильяра услышал его фамилию: Яковлев) и крайне спешно потребовал: уезжать немедленно без всяких отговорок. Требование немедленного отъезда «во что бы то ни стало» произвело в Тобольске на всех впечатление совершенно ошеломляющее. Но комиссар требовал настойчиво и не дал даже времени собрать все вещи, какие нужно было. До Тюмени ехали на лошадях. Была самая распутица. Но комиссар не обращал внимания, гнал, невзирая ни на что, без всяких остановок. Кажется, только и была одна остановка, на которой он позволил выпить чаю. Я помню, что Седнев удивлялся и говорил: «И как только Государыня вытерпела?» Из Тюмени Их повезли поездом, но совершенно нельзя было понять, куда же Их везут. Они сами не знали этого и благодаря обстановке не могли об этом ни у кого спросить. Между тем они видели, что возят Их в обратные стороны: то на восток, то на запад. Долгоруков говорил мне, что у Царской Семьи было предположение, что Их увозят в Германию либо в какой-нибудь русский город, близкий к Германии. Определенно передавая мне такое мнение Царской Семьи, Долгоруков не говорил мне, у кого именно из Царской Семьи было такое мнение. Я сам должен сказать, что ввиду состояния Долгорукова от него трудно было добиться чего-либо путного. В конце

концов Их привезли в Екатеринбург. Как я понял Долгорукова и Седнева, Их привезли или ночью или рано утром. Поезд несколько часов стоял на станции, пока Семью не перевезли в дом Ипатьева, а Долгорукова от дома Ипатьева прямо доставили в тюрьму. Как они говорили, шторы в окнах вагона были опущены. Я не знал тогда хорошо, кого именно из Семьи, кроме Царя и Царицы, привезли в Екатеринбург. Мне кажется, я в то время думал, что привезли всю Семью.

Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках. По их словам, сначала охрана состояла из латышей. Латыши хорошо относились к заключенным. (Я не помню, может быть, об этом факте говорили они и не оба, а который-нибудь один из них.) Латышей заменили русскими, и русские стали проявлять себя худо. Они начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылал: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что Он — арестант и распоряжаться больше не может. Самое обращение с Ними вообще было грубым. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева «ужасным». Становилось, по их словам, постепенно все хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали все уменьшать это время и дошли до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься. Наследник был болен. К Нему просили пропустить доктора Деревенко, но просьба уважена не была. (Я помню, Нагорный рассказывал, что Деревенко не жил с Ними в Тобольске и его часто заменял Нагорный, привыкший ухаживать за Наследником.) В частности, дурно обращались с Княжнами. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда Они шли туда, Их до уборной провожал обязательно красноармеец. По вечерам Княжон заставляли играть на пианино. Стол у Них был общий с прислугой. Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами. Седнев и Нагорный ссорились в доме Ипатьева из-за царских вещей: как предан-

ные Семье люди, они защищали Ее интересы. В результате они попали в тюрьму.

Их рассказы подтверждали и красноармейцы, которые караулили нашу тюрьму. Эти красноармейцы по очереди караулили то у нас, то в доме Ипатьева. Они со мной разговаривали. Их рассказы во всем сходились с рассказами Седнева и Нагорного. Они — я это помню — подтверждали, что Княжон заставляли играть на пианино, и вообще говорили, что с Семьей обращаются худо. Фамилий этих красноармейцев я не помню. Помню, что среди них был, вероятно, насильно мобилизованный сын директора народных училищ в Екатеринбурге, по фамилии мне не известный. Он говорил то же, что и остальные красноармейцы.

Из разговоров о Царской Семье у меня осталось в памяти, что дом Ипатьева посещали председатель областного совета Белобородов и какой-то комиссар Юровский. Фамилии Дидковского при этом я не слышал. Какую там роль играли Юровский и Белобородов, я не знаю. Насколько вообще был властен у большевиков Белобородов, я не могу сказать. Но я знаю, что его большевики сажали в тюрьму за кражу, кажется, 30 000 рублей, выпустили, и он после этого снова был председателем областного совета. Князь Долгоруков, сидя в тюрьме, сильно убивался по поводу отобрания у него комиссаром нашей тюрьмы царских денег в сумме 78 или 87 тысяч рублей. В отобрании у него этих сумм ему была выдана комиссаром (кажется, фамилия его была Самохвалов, низенький, рябой, уволенный, как говорили, за кражу каких-то денег) безграмотная расписка. Долгоруков писал, как я знаю, Полякову, хотел писать даже Царю. Ничего, конечно, из его писаний не выходило. Как мы себе представляли в тюрьме, была возможность добиться какого-нибудь улучшения положения Царской Семьи у консула Великобритании г. Престона¹. Получая от жены Голицына газеты, мы возвращали ей эти газеты, ставя

---

¹ Престон Томас Хилдебранд (1886—1976) — великобританский консул в Екатеринбурге с 1916 г. до июля 1919 г.

над известными буквами точки, так что в результате можно было прочесть, что мы хотели сказать. Вот об этом мы тогда и хлопотали. Голицына обращалась к Престону, но из этого также ничего не вышло.

После Самохвалова, если только я не ошибаюсь в его наименовании, комиссаром нашей тюрьмы был Кабанов, лет 40, среднего роста и питания, черноватый, с маленькими усиками, бритый, лицо красное, разговорчивый¹.

Я совершенно не могу Вам сказать, существовали ли весной-летом 1918 года где-либо в России и, в частности, в Москве политические организации или группы, конечно, конспиративные, которые бы имели целью свержение власти большевиков и установление монархии и в связи с этим имели бы целью увоз Царя из Тобольска. Что означал увоз Его из Тобольска, куда именно Его везли, я совершенно не знаю. Словам Долгорукова ввиду его душевного состояния я, признаться, в то время не придавал значения. Также не могу Вам объяснить, почему, если только Царя действительно везли дальше Екатеринбурга, Екатеринбург не пропустил Его. Но в связи с этим обстоятельством я могу сказать следующее. Когда большевики арестовали меня и указанных мною лиц и доставили в Екатеринбург, мы решили требовать, чтобы нас отправили в Москву, рассчитывая, что там мы скорее добьемся свободы. При первом же допросе меня комиссией, я и заявил об этом. Я прекрасно помню ответ мне Голошкекина: «У нас своя республика. Мы Москве не подчиняемся».

Находясь в Тюмени до моего ареста, я слышал по молве, что существует офицерская организация, имеющая целью увоз Царя из Тобольска. Говорили, что офицеры, в целях разведки, находятся и в Тобольске, и в Тюмени, и в Омске, и в Троицке, и в Челябинске, являвшемся будто бы центральным пунктом организации. Кто именно говорил мне об этом, я положительно не помню. Сколько серьезно все это было, я сказать не могу. В связи с этими слухами фамилии офицера Соловьева я не слышал.

---

¹ Кабанов Михаил, старший из братьев.

В апреле месяце в нашу тюрьму был доставлен офицер Мидэ. Он был лет 19—20, низенький, плотный, шатен, с небольшими усиками. Мидэ притворялся глупеньким, и большевики ничего не могли от него добиться. Со мной он имел разговор. Он мне сознался, что притворяется, и рассказал, что в Харбине имеется какая-то организация, имеющая целью спасение Царской Семьи. Эта организация послала его вести разведку в Тобольск. Там, когда он высматривал расположение дома и двора и был около загороди, он был схвачен и доставлен в Екатеринбург. Кто именно его поймал, он не говорил. Фамилии Соловьева он не называл. Также я не помню, кто именно входил в состав харбинской организации. Впоследствии Мидэ, безусловно, был расстрелян. Одновременно со мною содержался в нашей же тюрьме и епископ Гермоген¹. Я также имел общение с ним. Он мне говорил, что его арестовали по подозрению в связи с Царем, что для обнаружения этой связи у него, как он говорил, отобрали всю переписку. Гермоген при разговорах со мною отрицал всякую свою связь с Царем, и, в частности, про передачу Царю денег он не говорил ни слова. Сам он мне не рассказывал ни про какого офицера Соловьева. Я же сам его об этом не спрашивал, так как вообще о существовании такого лица не знал. Однако я должен сказать, что все рассказы Гермогена не производили на меня впечатления его искренности. Он говорил, что его арестовал матрос Хохряков. Впоследствии, как я слышал, из тюрьмы он был выдан тому же Хохрякову и был потоплен последним в Тавде.

Мне, как общественному деятелю, приходилось иметь общение с Императором, беседовать с Ним, делать Ему доклады. Учитывая мои личные впечатления в результате этого общения на протяжении многих лет и события жизни государ-

---

¹ Архиепископ Гермоген (в миру Долганов Георгий Ефремович) (1858—1918) был арестован П.Д. Хохряковым в Тобольске 28 апреля 1918 г. После ареста был увезен в Екатеринбургскую тюрьму, в июне бойцами отряда Хохрякова был сброшен с камнем на шею в р. Туру, вместе с ним были утоплены другие священнослужители.

ства, я так представляю себе Его личность. Он был человек неглупый, даже, быть может, более в этом отношении одаренный, чем многие другие люди, безусловно хитрый, весьма скрытный, в высшей степени сдержанный и молчаливый, не без лукавства в «византийском духе». По духу это был безусловный самодержец, питавший, вероятно, в глубине этой мысли идею мистицизма. У Него были прекрасные глаза, приятный голос, мягкие манеры. Многих людей Он очаровывал. Самый крупный Его недостаток заключался в Его бесхарактерности. Он не имел своей воли. Для Него такой волей была воля Императрицы. Ее над Ним преобладание обуславливалось, видимо, всем соотношением Их личных индивидуальных свойств. И существовало оно давно. Я могу Вам указать в этом отношении факт из области далекого прошлого. Я лично хорошо знал князя Святополк-Мирского. С именем этого человека, как известно, связывается целая эпоха: попытки русских патриотов, ясно видевших назревшую необходимость замены абсолютизма конституционным строем, дать возможность русскому обществу высказать свободно свое мнение. Это была эпоха общественного подъема, расцвет надежд, когда общественные деятели верили, что власть попытается сблизиться с обществом. Мирский работал тогда над этим вопросом с ведома и согласия Императора и, наконец, приготовил указ Сенату, в коем, кроме установления известных принципиальных начал, предписывалось Сенату приступить к целому ряду чисто реальных заданий: созыва съезда земских и городских деятелей и указания самой организации работы. Эти конкретно-реальные меры составляли в указе Мирского последний пункт. После неоднократных бесед с Императором Мирский получил Его согласие на обнародование указа. Он сказал свое «да», но не решился дать подпись без воли Императрицы. Она тогда же пришла к ним. Она выслушала указ, одобрила его, все трое расцеловались, крестились. Император был рад. Он взял указ к себе. Указ вышел на следующий, кажется, день, но... без последнего пункта. Вся работа Мирского пропала. Указ ничего не разрешал, никаких определенных мер не предписывал,

никого ни к чему не обязывал. Этот факт я знаю со слов самого Мирского.

Если Вы обратитесь к изучению многих таких актов Императора Николая II, которые предшествовали созванию первой Думы, Вы увидите в них одну и ту же черту: недоговоренности. Они о чем-то трактуют, рассуждают, но ничего реального, осязаемого не устанавливают. Безвольный человек Николай II, будь Он окружен иной обстановкой, может быть, под влиянием такой обстановки и пошел в своем царствовании иными путями. Но около Него была иная, более сильная воля Его жены, самодержицы по своим взглядам. Если Она действительно была религиозна, как об этом говорили, и при том же мистична, Она, конечно, эту идею самодержавия еще более в Нем укрепляла. Вот отсюда все и шло: слова и, как будто какие-то проблески, питавшие надежды, но на деле — ничего.

В 1916 году я встречался с Императором как председатель комитета Земского союза. В то время различные общественные организации силой вещей принуждены были взять на себя осуществление таких задач, которые были настоятельно необходимы Родине в условиях войны, но с которыми не могло справиться правительство. А так как с возникновением Государственной Думы по существу старый порядок управления страной не изменился: по-прежнему на одном полюсе стояла верховная власть, считавшая себя самодержавной, и на другом — общество, то эти общественные организации, в сознании неисчислимых бед, коими грозил такой порядок стране в дни величайшего напряжения ее сил, пытались сблизиться с верховной властью, найти один общий язык для одной цели: спасения Родины. Я помню, мы устраивали выставку работ земского и городского союза, военно-промышленного комитета и других организаций. Выставку (это было в Москве) посетил Император. Я публично делал Ему доклад, показывал наши работы. По поводу одной какой-то работы я сослался в чем-то на Шуваева, главного интенданта, присутствовавшего тут же. При этом мне пришлось упомянуть что-то о совместной работе Зем-

ского союза с интендантством. Николай II поразил тогда многих своей феноменальной памятью. Он сейчас же вспомнил соответствующий нашей теме разговора доклад Шуваева (интендантства), год издания доклада и обнаружил явное знакомство с содержанием доклада. Это многих поразило, и Он своими манерами держаться с нами многих очаровал. После этого мы устраивали в Москве выставку работ на поле битвы одного из наших отрядов. Выставка привлекла внимание населения. Император также посетил ее. Положительно всех очаровал, даже лиц, враждебно к Нему настроенных. Казалось, глядя на Него, что Он всей своей душой сочувствует нам, ценит нашу работу, совершенно готов идти с нами, с обществом. В одно из таких свиданий с Ним я, оставшись с Ним наедине, в кратких словах выразил Ему свою радость по поводу наших общих переживаний и надежд. Он горячо жал мне руку, благодарил меня, говорил мои же мысли, совершенно обнадеживал. В результате — ничего. Очевидно, Он в последние годы совсем не жил своей волей, совсем не принадлежал себе и, усвоив манеру наружно соглашаться, говорил совсем не то, что в действительности думал. У Него в этом отношении выработалась определенная манера «поддакивания». Он соглашался, говорил «да», но в глубине у Него была иная мысль: не знаю, как поступлю.

Я не знаю, где лежали причины влияния Распутина на Императрицу и имел ли влияние Распутин только на Нее или же и на самого Николая II, но самый факт его большого у Них веса вряд ли можно отрицать. Когда оба явления: влияние Императрицы на Императора и влияние Распутина на Императрицу, соединились в одно целое, крах стал неизбежным. Это понимали к концу 1916 года уже все: не одни только общественные учреждения, но и такие, как Государственный Совет, совет объединенного дворянства. Просьбы стали уже переходить в предупреждения, носившие по существу характер требований. Однако все оставалось по-старому. Верховная власть не шла ни на какие уступки. Но мало этого: она стала облекать некоторые свои действия уже оболочкой явного кри-

водушия. Я говорю о последних назначениях ответственных лиц на министерские посты — Хвостова, Протопопова. Несомненно тут была идея: мы идем навстречу обществу, мы берем наших министров из рядов избранников народа. Всем было, конечно, понятно, что в действительности это было совсем не так, потому что оба названных мною лица вовсе не пользовались в самой Думе таким положением, чтобы она могла бы от себя послать их на такие ответственные посты. В частности, Протопопов, очевидно, был больной человек. Я не знаю, чем он был болен, но факт болезненного его состояния, в результате чего с ним в Думе серьезно не считались, не вызывал ни у кого сомнений. Говорили, впрочем, что у него прогрессивный паралич.

Я не могу сказать, что именно побудило Царя взять на Себя верховное командование¹. Априорно можно, конечно, думать, зная Его отношения с Императрицей, что, вероятно, это была Ее воля. Несомненно же в этом отношении то, что после такого акта управление страной совсем оказалось в Ее руках. Горемыкин, Протопопов и Штюмер (последние двое определенно в думских кругах считались ставленниками Распутина, что мне, в частности, подтверждал и Родзянко) стали уже делать доклады Императрице как правительнице, на что ни Она, ни они не имели ни малейшего права.

В Ставке Царь жил с Наследником. Но Императрица постоянно там бывала и довлела повсюду. Я знаю вот какой факт.

Генерал Алексеев тщательно, долго, около, кажется, пол-года разрабатывал законопроект об устройстве Польши и об установлении ее отношений к России. Ясно, какое колоссальное значение имел этот проект, затрагивая не только наши интересы, но и интересы наших союзников. Царь одобрил проект. Осталось только его подписать. Но вот приехала Императрица в Ставку, познакомилась с проектом и решительно его отверг-

---

¹ 23 августа 1915 г. Император Николай II принял на себя Верховное Главнокомандование. См. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2477. Л. 1.

ла. Характерны Ее слова Алексею: «В какое положение Вы ставите Наследника? Вы не подумали о Нем?» Мне об этом рассказывал в 1917 году незадолго до революции Алексей. Много тогда Алексей приводил фактов такого же рода. Он рассказывал, что в Ставке Царь не решает совсем никаких вопросов без Нее; даже решенный уже вопрос, даже после подписи Императора, перерешался часто в диаметрально противоположном принятому решению смысле, раз Она так хотела. Рассказы Алексея представляли жалобы, что дальше нельзя работать, что Императрица совсем поработила Императора и, не будучи способной к управлению страной, губит все.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Князь *Георгий Евгеньевич Львов*
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 11 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал: *Владимир Львович Бурцев*¹, 57 лет, дворянин Уфимской губернии, православный, проживаю в г. Париже, 49, Boulevard Saint-Michel.

---

¹ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – историк, публицист, издатель. За границей издавал журнал «Былое». В годы Первой мировой войны вернулся в Россию. После Февраля работал в ЧСК, допрашивался в ЧСК. Весной 1918 г. эмигрировал во Францию.

Многие годы тому назад я был вынужден эмигрировать из России и жить вне ее пределов, с небольшими перерывами. Причиной, побудившей меня уехать из России, является борьба, которую я вел за благо нашей Родины в сфере ее государственно-политической жизни. При царском режиме я боролся с идеей самодержавия и личностью Императора Николая II. При большевиках я боролся прежде всего за целостность самой Родины, считая систему их действий по осуществлению власти прежде всего предательством России.

Средством моей борьбы, которую я вел и веду уже многие годы, всегда было публичное, открытое печатное слово.

Таким образом, принадлежа в продолжение многих лет существования царской власти к революционной среде, я хорошо изучил ее. Но в этом отношении я несколько специализировал мою деятельность. Основная идея моей деятельности заставила меня вести борьбу и в самой революционной среде с теми ее элементами, которые являются в ней предателями в отношении самой идеи — борьбы за благо Родины. Выясняя такие элементы путем моих наблюдений, при помощи имеющихся у меня больших связей, я беспощадно разоблачал их печатным словом. Эта сторона моей деятельности известна достаточно всему миру.

Я готов по настоящему делу дать Вам ответы на все Ваши вопросы, но в некоторых отношениях я принужден ограничиться лишь констатированием фактов, так как, в силу самого существа моей работы, я не всегда могу идти дальше этого.

На Ваш вопрос о сущности явления, именуемого у нас большевизмом, в действиях отдельных лиц, игравших в нем наиболее видную роль, я могу сказать следующее.

Совершенно определенно заявляю Вам, что самый переворот 25 октября 1917 года, свергнувший власть Временного правительства и установивший власть Советов, был совершен немцами через их агентов, на их деньги и по их указаниям. Собственная позиция немцев в этом вопросе совершенно ясна. Не боясь сами развития у себя «русского больше-

визма» благодаря их высокому общему культурному уровню, немцы прибегли в 1917 году к этому средству как к способу развала России, выводя ее из рядов борющихся с ними врагов. Такова была в тот момент их ближайшая задача. Существовали, конечно, у них при этом и другие цели, но уже более отдаленные: прежде всего, захват территории России, богатой материальными и природными ресурсами, для возможности продолжения борьбы с Западом. Констатируя этот факт совершения ими переворота 25 октября, я не считаю возможным сказать более этого по данному вопросу. Я не могу этого сделать в настоящий момент потому, что меня интересует в этом отношении роль некоторых наиболее ответственных за судьбу Родины лиц, в каком направлении я и работаю в настоящий момент.

Совершенно определенно заявляю Вам, что главой немецкой агентуры был Ленин. Его окончательное соглашение с немцами произошло еще в 1916 году в г. Берне. Тогда он получил от немцев крупные деньги и окончательно «нанялся» к ним, согласившись работать по их указаниям. Я считаю нужным сказать несколько слов лично о нем как о человеке. Хотят видеть в нем самую особую, так сказать, сущность; стараются найти в его деятельности со времени переворота 25 октября самодовлеющую цель, обособленную от деятельности немцев в России или от деятельности их агентуры на них. Я говорю в данном случае не об этой «самодовлеющей сущности», т.к. это не его сущность: не Ленин породил учение «социализма» и, во всяком случае, он не создал в этой области, как теоретик, ничего нового. Я говорю о нем лично как о человеке и хочу отметить эту индивидуальную сущность. Ленин в полном смысле «циник духа». Это нечто большее, чем иезуитизм. Там требуется наличность цели, и только превосходство ее оправдывает средства. У него раз навсегда решен этот вопрос: все средства хороши, все дозволено. В результате теряется все: и общечеловеческая мораль, и простое сострадание к человеку, и самое ощущение Родины. От него и его адептов отдает духом «палачества».

Прибыв в Россию в 1917 году с целым сонмом наварбованных им агентов, в чем ему открыто помогли немцы, он повел энергичную борьбу на развал России в самом широком масштабе. Первая его попытка к организованному, открытому выступлению, как известно, имела место в июле месяце 1917 года¹. Она окончилась неудачей. Благодаря этому правительственная власть получила возможность обследовать ее. Это было сделано путем назначения предварительного следствия, которое тогда производил судебный следователь по особо важным делам при Петроградском окружном суде Александров². Я тогда был в курсе этого дела. Меня допрашивал Александров как свидетеля по делу. Я был в курсе этого дела благодаря моим отношениям также и к министру юстиции Переверзеву. По этому делу я получил очень ценный материал: копию рапорта прокурора судебной палаты Карчевского на имя министра юстиции, представляющую собой сводку материалов, установленных предварительным следствием. Но так как роль собственно Ленина в этом деле меня нимало не интересовала, потому что его роль как немецкого ответственного агента для меня давно была известна, а интересовала роль Керенского, в действиях которого я усматривал пособничество большевикам, то я и воспользовался этим документом значительно позднее, имея в виду вызвать на объяснения Керенского. Для этой цели я опубликовал некоторые места рапорта Карчевского. Керенский обратился после этого с письмом ко мне как к редактору газеты «Общее Дело». Я опубликовал и его письмо. Из сопоставления обоих этих документов Вы увидите, таким образом, что юридическое значение рапорта Карчевского признает сам Керенский. Представляю Вам номера названной газеты 62 и 66, в которой опубликованы оба названные документа (свидетелем были представлены эти номера газеты «Общее Дело»).

---

¹ См. документы: РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д.д. 41–43.

² Материалы «Дела...» следователя Петроградского окружного суда П.А. Александрова опубликованы в книге «Следственное дело большевиков», М., 2012 г.

В октябре месяце немецкий план осуществился, и немцы мало-помалу захватили Россию, установив повсюду власть Советов. В сущности, это их способ борьбы с Антантой, глубоко продуманный план. Вы его увидите, может быть, более ясно, если посмотрите на это дело с другой стороны: с точки зрения той борьбы, которая велась и сейчас ведется лучшими сынами России с так называемыми большевиками. Именно об этом на весь мир закричал Корнилов, когда пошел против Временного правительства: «Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба...» Совершенно такой же характер борьбы с немцами носила и вся последующая борьба с большевиками, организованная в Сибири и на юге России. В Москве было ничем уже неприкрытое содружество с немцами, имевшими там свое официальное представительство. В Сибири и на юге России было содружество национальных элементов с союзниками.

Зимой 1918 или 1919 года здесь в Париже я получил сведения, что к покойному Императору Николаю II, за некоторое время до Его убийства, был послан немцами один генерал, чтобы склонить его на переговоры с ними, но Николай II не принял посланца и вообще отклонил немецкие предложения. Я не могу Вам в настоящее время назвать этот источник, но он безусловно достоверен. Понимая, в чьих руках в действительности была власть над той территорией, где находился Николай II, отдавая себе отчет в самом характере этого дела, жертвой которого стал бывший глава государства, я не мог тогда же обойти молчанием этого факта и назвал убийцей Императора Николая II императора Вильгельма II как главу немецкого народа. Я хотел сказать этим, что если действительно поступок Николая II имел место, то ответственным за него является Вильгельм II, в конце концов, официальный источник того зла, которое затопило Россию. К сожалению, я не знал тогда самой обстановки, при которой по-

гиб Николай II, и поэтому я не мог выяснить тогда всех обстоятельств, о которых мне было сообщено. Я не настаиваю на достоверности деталей моего сообщения по этому вопросу, как я его тогда сделал в номере 28-м газеты «Общее Дело», выпущенном 20 октября 1918 года (представляю Вам этот номер на французском языке; конечно, сведения эти я получил не в 1919 году, а в 1918 году и не зимой, а, вероятно, поздней осенью). Возможно, что к Николаю II обращался и не генерал, а какое-либо другое лицо в образе большевистского посланца. Я не выяснял, был ли принят этот посланец Николаем или же нет. Возможно, может быть, мне было сообщено об этом и в иной форме, т.е., может быть, посланец и был принят Николаем, но Он отказался принять немецкие предложения. Не могу также сказать, когда именно это было и где именно. Возможно, что обращение к Нему имело место и не за месяц до Его смерти, а значительно ранее. Я только констатирую самый факт такого обращения к Нему и отказа Его от предложения врага. Я лично всю мою жизнь боролся с идеей самодержавия в России и с личностью Императора Николая II. За это меня и преследовали в России. Но я не мог не отметить в моем сообщении, что этот поступок Императора Николая II простит много Его прегрешений за Его царствование.

Я знаю хорошо Якова Свердлова. Это величина большая у большевиков и немцев. Еще в 1910 году он был членом ЦИК партии большевиков. В своей партии он «адепт» Ленина, его последователь. К этому, ввиду вышеприведенной характеристики самого Ленина, я более ничего не могу прибавить. Он не только немецкий агент по его положению в партии, но и агент их личный. Совершенно определенно заявляю Вам, что Свердлов был агентом немцев еще до самого переворота 25 октября, получая от них деньги и директивы.

Я знаю Голощекина и узнаю его на предъявленной мне Вами фотографической карточке (была предъявлена фотографическая карточка Исаия Голощекина). Это тоже типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это

человек, которого «кровь» не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации.

И Свердлова и Голощекина я знаю лично. Между собой они в близких отношениях и на «ты».

Я не знаю лично ни Сафарова, ни Войкова. Но знаю их по их положению. Оба — видные члены партии большевиков. Оба они прибыли как агенты Ленина, а, следовательно, немцев, в 1917 году в зампломбированных вагонах через Германию. Я имею списки всех лиц, прибывших тогда с Лениным. В этих списках Войков значится под номером 11-м, а Сафаров — под номером 5-м. Эти списки я получил в свое время из официальных источников.

В настоящий момент я ничего не могу Вам сказать про Юровского и про Василия Васильевича Яковлева. Имя Юровского я слышал. Он — большевик; если не ошибаюсь, был где-то за границей, потом где-то на юге России. Больше о нем ничего сказать не могу. Яковлевых я многих знаю, но ничего в настоящий момент не могу сообщить про Василия Васильевича Яковлева. Если мне удастся собрать сведения об обоих названных мною лицах, я их Вам сообщу.

Я знал банкира Карла Иосифовича Ярошинского. Познакомился я с ним с лета 1917 года. На меня он произвел впечатление человека мало уравновешенного, весьма самомнительного, с большим размахом. Больше о нем я ничего сказать не могу. Его связей и его общественного положения до революции я не знаю. В 1917 году я встретился с ним однажды у Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова. Помню хорошо, Ярошинский сказал тогда, что он послал Царю в Тобольск 35 000 рублей. Сказано им это было как-то так, что вышло это как будто бы в «порядке хвостовства». Он этим, как заметно было, хотел похвалиться. Вышеприведенную же цифру я хорошо помню.

Опубликованная мною версия об убийстве Распутина в номерах 34, 35, 37, 40 и 43 моей газеты «Общее Дело» есть выдержки из дневника покойного члена Государственной

Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича¹. Я имел в своем распоряжении весь его дневник, и опубликованные данные есть часть его дневника, вышедшего на юге России в очень ограниченном количестве экземпляров².

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

С кем именно и каким вообще способом Ярошинский посылал Царю деньги в Тобольске, я не знаю. Он этого, как мне помнится, не говорил фамилии при этом Соловьева, Вырубовой он не называл.

Прочитано. *Владимир Львович Бурцев*

Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), землевладелец. Член II, III и IV Гос. Дум. В 1916 г. – участник убийства Г. Распутина. После Февральской революции выступал против Временного правительства за восстановление монархии. В октябре 1917 г. возглавил контрреволюционный заговор в Петрограде. Открытым судом Петроградского ревтрибунала 3(16) января 1918 г. был приговорен к 4 годам принудительных работ. Амнистирован, затем вновь арестован. 1 мая 1918 г. уехал на юг, умер в Новороссийске от сыпного тифа.

² См. Копия Дневника В.М. Пуришкевича хранится в одном из томов следствия Н.А. Соколова. См. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 7. Л. 190–212.

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 11–12 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Париже (во Франции), в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр трех номеров газеты «Общее Дело», предоставленных к следствию Владимиром Львовичем Бурцевым.

По осмотру найдено следующее:

Три номера газеты «Общее Дело» на русском языке: № 28 от 20 октября 1918 года, № 62 от 10 декабря 1919 года и № 66 от 23 марта 1920 года. Газета издается и редактируется Бурцевым в Париже.

1) № 28 газеты от 20 октября 1918 года.

В этом номере имеется за подписью Бурцева на французском языке статья, имеющая заголовок «Вильгельм II — убийца Николая II». Содержание этой статьи вполне соответствует содержанию, описанному в протоколе 25 октября 1919 года. 2) № 62 той же газеты от 10 декабря 1919 года. В этом номере под заголовком «Обвинение Ленина, Зиновьева и других в государственной измене» напечатано, как значится в газете, «в сокращенном виде официальное сообщение прокурора Петроградской судебной палаты», дословно следующего содержания:

«В настоящее время могут быть сообщены без нарушения тайны предварительного следствия лишь некоторые данные, установленные свидетелями и документами, послужившие основанием для привлечения Ульянова (Ленина), Апфельбаума (Зиновьева), Коллонтай, Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Козловского, Суменсон, прапорщиков Семашко и Сахарова, мичмана Ильина (Раскольников) и Рощаля в качестве обвиняемых по 51, 100 и 108 ст. ст. угол. улож. в измене и организации вооруженного восстания»¹.

¹ См. док. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 42-43.

Расследование фактов вооруженного восстания, имевшего место 3 и 5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства, и обстоятельств, при которых это восстание произошло, показало, что оно возникло и протекало по указанию р. с.-д. р. партии.

Все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями «штабом Ленина», где и помещался главный комитет.

В доме Кшесинской были обнаружены бланки военной организации при центральном комитете р.с.-д.р. партии. На таких же именно бланках отдавались в воинские части письменные распоряжения о вооруженном выступлении.

В ночь с 4-го на 5-ое июля в военную петроградскую автомобильную мастерскую на таком же бланке было прислано предложение названной мастерской привести в боевую готовность броневые машины с пулеметами, шоферами и опытными пулеметчиками и предоставить их в распоряжение военной организации. На таком же бланке был написан приказ о присылке в Кронштадт крейсеров.

Кроме того там же найдены: 1) Заметки о распределении воинских частей и «вооруженных рабочих» по районам, о распределении между отдельными лицами обязанностей по заведыванию вооруженными силами, по разведке и внешнему караулу, по сношению с частями, по Петропавловской крепости и сведения о воинских частях, входящих в группу Выборгской и Петроградской стороны и Марсова поля, и об установлении связи с различными полками. 2) Резолюция, принятая на заседании общегородской конференции р.с.-д.р.п. и делегатов воинских частей 3 июля в 11 час. 40 мин. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили: Центральный Комитет и В. (военная) О. (организация). 3) Телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества. Обязательно прошу контроли-

ровать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный контакт». 4) Литература «Союза русского народа» и большое количество открытых писем издания журнала «Паук» с изображением ритуального убийства в Венгрии 1882 года.

Помимо документальных данных, связь вооруженного восстания с деятельностью Центрального комитета р.с.-д.р.п., при котором была образована военная организация, устанавливается также тем фактом, что выступившие вооруженные части, как петроградского гарнизона, так и прибывшего из Кронштадта, направились к дому Кшесинской, где и получили указания от Ульянова (Ленина) и других лиц. Оттуда же исходили предложения в воинские части о приведении в боевую готовность броневых машин и пулеметов, и, наконец, там же собирались вооруженные пулеметами грузовики и автомобили.

Усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев, повлекшая за собой восстание 3-5 июля, была произведена с целью благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внеся разложение в некоторых частях на фронте.

По этому поводу следствием добыты данные, которые указывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии.

Не имея возможности по самому характеру этого преступного деяния (измены) и в интересах следствия сообщить более подробные сведения по этому обвинению, приходится по необходимости ограничиваться в настоящее время сообщением лишь следующих данных.

Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверил, что в начале 1917 года Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом (он же Гельфанд), имеющим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин посещал лагеря, в которых

находились пленные украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России. В связи с его приездом в Германии не стесняясь открыто говорили: «Ленин — это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги».

В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента, и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели.

Сношения с Германией через Стокгольм, который является крупным центром германского шпионажа и агитации в пользу сепаратного мира России с Германией. В апреле этого года из Стокгольма была сделана попытка издавать вне Петрограда газету с целью агитации против Англии и Франции. У германских агентов в Копенгагене и Стокгольме в первые дни революции появились крупные деньги и началась широкая вербовка агентов для России среди наших дезертиров и некоторых эмигрантов. При этом переводились крупные суммы (800 000, 250 000 и др.) в Россию из Стокгольма через один из банков, который получал на это ордера из Германии.

Выяснилось также, что Ленин и Зиновьев, проживая в октябре 1914 года в Австрии близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где и стали издавать журнал «Социал-демократ», в котором распространяли идею о необходимости поражения России в настоящей войне. В одном из номеров этого журнала содержался призыв к русским гражданам фактически содействовать поражению России.

В освобождении Ленина и Зиновьева большую роль сыграл Ганецкий, который по словам, сказанным одному из свидетелей, «прервал» допрос Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Впоследствии выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из-под австрийского

ареста по личному предписанию графа Штрюка – австрийского премьера.

Следствием установлено, что Ганецкий-Фюрстенберг Яков (уменьшительное Куба), проживая во время войны в Копенгагене, был очень близок и связан денежными делами с Парвусом – агентом германского правительства.

В апреле 1917 года в швейцарской социал-демократической газете, издающейся на немецком языке в Сан-Галене, а немного позже и в других журналах появились разоблачающие деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковом Фридманом из Базеля и бывшим членом Государственной Думы Алексинским.

Деятельность Парвуса как германского и австрийского агента была направлена к поражению России и отделению от нее Украины. Следствием установлено, что Козловский ездил в Копенгаген, где называл себя юрисконсультom крупного капиталиста. Парвус (Гельфанд) предлагал субсидировать одно крупное предприятие России.

По наведенным представителями пароходного предприятия справкам в одном из банков в Копенгагене в распоряжении Гельфанда находилось свыше миллиона рублей.

Ввиду того что для представителей пароходного общества стало ясно, что коммерческая деятельность Гельфанда (Парвуса) служит лишь прикрытием его деятельности в пользу Германии, всякие переговоры с ним были прерваны.

Попутно с этим выяснилось, что Гельфанд (Парвус) приехал летом 1915 года из Швейцарии в Копенгаген через Берлин при содействии Фюрстенберга, что вместе с Фюрстенбергом и Козловским он совершил поездки из Копенгагена в Берлин и обратно; что во время пребывания Гельфанда-Парвуса в Копенгагене к нему приезжали из Берлина некоторые лица, посещающая также и Козловского с Фюрстенбергом.

Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживавшими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским, с одной стороны, и Фюр-

стенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом) — с другой, существовала постоянная и обширная переписка. Хотя переписка эта и имеет указания на коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собою сношения шпионского характера. Тем более что это один из обычных способов сокрытия истинного характера переписки, имеющей шпионский характер.

По имеющимся в деле данным видно, что некоторые русские банки получали из скандинавских банков крупные суммы, выплаченные разным лицам; причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета сняла 750 000 руб., внесенных на ее счет разными лицами, и на ее счету в настоящее время числится остаток в 180 000 рублей.

При расследовании настоящего дела следственная власть руководствуется материалами, добытыми только следственным путем. И материал этот дает вполне достаточно оснований для суждения как о наличии преступного деяния, так и для установления многих лиц, принимавших участие в его совершении.

Предстоящие же многочисленные допросы свидетелей, осмотры найденных при обысках вещественных доказательств, детальные обследования денежных операций — вся эта сложная работа будущего должна дать еще больший материал для раскрытия преступной организации шпионажа и его участников.

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гейш Аронов Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщики Семашко и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, по предварительному между собой уговору в целях содействия находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против них действи-

ях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольные оставления позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий. Июль 1917 г.»

В номере газеты впереди только что приведенного текста имеется заметка Бурцева, в которой он обвиняет Керенского в пособничестве большевикам и требует от него объяснения его действий. 3) № 66 той же газеты от 23 марта 1920 года.

В этом номере имеется объяснение Керенского по поводу заметки Бурцева и самого содержания вышеописанного документа. Объяснение Керенского изложено в виде его письма к редактору газеты «Общее Дело».

По поводу описанного текста Керенский пишет в своем письме: «Статья эта состоит из сокращенного изложения официального сообщения прокурора С.П.Б. судебной палаты, опубликованного с моего ведома около 10–12 июля 1917 года».

Из текста объяснения Керенского видно: а) что в распоряжении Временного правительства имелся более обширный материал по обвинению Ленина и других лиц в шпионаже и измене и вышеприведенные данные есть лишь часть этого материала, собранного, главным образом, Керенским и Терещенко; б) что Ленин успел тогда скрыться в самый момент принятия против него мер к его аресту.

Остальные места письма не отмечают, как имеющие отношение лично к Керенскому и не имеющие значения для настоящего дела.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.
Судебный следователь *Н. Соколов*

Поняты:
Генерал-лейтенант *Сергей Николаевич Розанов*
Подъесаул *Артур Персильевич Левиз оф Менар*

СООБЩЕНИЕ

Я лично находился при Мирбахе в Москве. Мне известно, что Мирбах по приказу Германской царствующей семьи и по просьбе Испанской королевы старался войти с отношения с ЦИК для спасения Царя. Копию приказа на имя Свердлова я Вам дать не могу, так как у меня его нет. Все же дела графа Мирбаха находятся в руках особой комиссии. Обещаю Вам посодействовать, чтобы Вы получили право доступа ко всем актам о смерти Государя Николая II. Мне известно, что приказ Мирбаха был написан в чрезвычайно категоричной форме. Ответ, полученный Мирбахом от Свердлова, был приблизительно следующего содержания: «...сделаю все, чтобы довести царя до Петрограда, но отвечать за результаты не могу, так как власть на местах, не дает возможности настаивать». Мне также известно, что по настоянию Мирбаха ЦИК было разрешено посылать Царю деньги. Вильгельм лично очень беспокоился о Николае II и постоянно запрашивал графа Мирбаха о положении вещей. Убийство Николая II было для немецкого правительства полной неожиданностью. Могу Вам сообщить также, что из личной частной беседы с Радеком мне известно, что (по мнению Радека) царь убит наверно, что же касается семьи, то его

мнение — некоторым из них удалось скрыться. Что касается до брата Михаила Александровича, то мне определенно известно, что он жив. Документальные доказательства я постараюсь Вам доставить. Мне также известно, что убийство Государя Николая II было сделано если не с согласия ЦИК и Свердлова, то во всяком случае с ведома его.

В. Бурцев

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 14—20 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде, Н.А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

*Александр Федорович Керенский*¹, 39 лет, православный, проживаю в г. Париже, rue de Presburg, 4.

На Ваши вопросы по настоящему делу показываю следующее. В составе Временного правительства, воспринявшего верховную власть после отречения Николая II, я был:

---

¹ Керенский Александр Федорович (1882—1970), в 1912 г. избран в IV Гос. Думу от Саратовской губернии. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Думы, избран товарищем председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. С 5 марта по май — министр юстиции Временного правительства, с 6 мая по сентябрь — военный и морской министр, с августа 1917 г. — Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами государства. 25 октября 1917 г. бежал в Гатчину, Псков и в мае 1918 г. выехал в Архангельск, а оттуда на корабле в Великобританию. В эмиграции жил в Берлине, во Франции, с 1940 г. — в США.

с момента образования Временного правительства по 2—3 мая министром юстиции, являясь также заместителем председателя совета министров; военным и морским министром со 2—3 мая и председателем совета министров с 7—8 июля.

Сообщение об отречении Николая II, имевшее место в Пскове 2 марта, было сообщено Временному Комитету Государственной Думы и Временному правительству по прямому проводу в ночь на 3 марта. Отрекаясь от Престола, Царь обратился в то же время к князю Львову с письмом, в коем Он отдавал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства.

В первые дни революции не было принято решительно никаких мер ни в отношении самого Николая II, ни в отношении Александры Федоровны. Это объяснялось теми настроениями, какие были тогда в отношении Их у Временного правительства. Старый строй рухнул столь решительно, факт этот был столь быстро и общепринят всей страной, без малейшей попытки со стороны кого бы то ни было защищать его, что личность Николая II совершенно не внушала каких-либо опасений Временному правительству. Он настолько был кончен, что Его личность как политическая величина совершенно не существовала, и Временное правительство не интересовалось Им. Ему было разрешено выехать в Могилев проститься с войсками, как Он желал.

Но скоро Временное правительство принуждено было изменить в этом вопросе линию своего поведения. Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, состоявшемуся 7 марта¹. Было две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните мое выступле-

---

¹ Постановление Временного правительства о лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги см. ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 15.

ние 7 марта в пленуме Московского совета. Там раздались требования казни Его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд¹. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что здесь дело гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее «царизма», пробуждавшей злобу и чувство мести. Протестуя, я, за свой страх, вынужден тогда был искать выхода этим чувствам и сказал про Англию: если суд не найдет Его вины, Временное правительство вышлет Его в Англию, и я сам, если нужно будет, буду сопровождать Его до границы России. Никаких оснований в действительности в то время у меня не было полагать, что этот вопрос будет фактически разрешен в этом смысле, так как к этому времени он еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось. Не полагая, что возможен в этом отношении отказ Англии, я высказал эту мысль, борясь со злобой рабочих масс и не желая допустить пролития крови. Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы Царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая Их свободы, создавало этим охрану Их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и Его правительства, то интеллигентно-буржуазные массы и, в частности, высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и

---

¹ Идею суда над Николаем II поддерживал и Ленин. По его предложению выездное заседание суда готовили Л.Д. Троцкий и И.З. Штейнберг, министр юстиции. Сохранились повестки заседаний ВЦИК и СНК от 29 января 1918 г.: «Правительство постановило: «Поручить Комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова».

внешней политике Царя и в особенности в действиях Александры Федоровны и Ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего, в конце концов, целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Федоровны и Ее кружка в этом направлении. Постановлением Временного правительства от 4 марта была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны. Эта комиссия и должна была обследовать также и роль Николая, Александры Федоровны и Ее кружка. Необходимость такого обследования указывалась в самих мотивах постановления Временного правительства об учреждении комиссии. Для того чтобы эта комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения Их свободы.

Установление известного режима в отношении Николая II, Его жены и всех вообще лиц, которые пожелали остаться с Ними, было возложено Временным правительством на меня. Мне же принадлежало и наблюдение за выполнением режима.

В первые дни марта месяца я не мог попасть в Царское <Село>, будучи занят в эти дни делами исключительной важности. Приведение в исполнение постановления Временного правительства от 7 марта было возложено в отношении Николая II на членов Государственной Думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина, а в отношении Александры Федоровны на генерала Корнилова, командовавшего в то время Петроградским военным округом. Арест Царя, названными лицами фактически состоялся в г. Могилеве, где была в то время Ставка, 9 марта, и Он тут же был доставлен в Царское. Даты ареста Корниловым Александры Федоровны я не

знаю¹. Никакого режима в Царском Корнилов не устанавливал и никаких инструкций не издавал и не утверждал. Он привел в исполнение постановление Временного правительства и, конечно, установил в порядке экстренности некоторые необходимые меры, главным образом воинского характера.

В первый раз я посетил Царское через несколько дней после доставления туда Царя. Это было в конце первой половины марта месяца, пожалуй, 10–12 числа. Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и Детей, познакомился с Ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание в этот раз было коротким. После обычных слов знакомства, я спросил Их, не имеют ли Они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передал Им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, дал некоторые указания руководящего характера.

Вторично я был в Царском вместе с полковником Коровиченко, которым я заменил коменданта дворца, кажется, Коцебу.

Согласно воле Временного правительства я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко. Инструкция, установленная мною, не касаясь подробностей, вводила:

- а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею, от внешнего мира;
- б) полное запрещение свиданий со всеми заключенными без моего согласия;
- в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Ко-

---

¹ Императрица была арестована 8 марта 1917 г. См. Дневники Александры Федоровны. ГА РФ, Ф. 640. Оп. 1. Д. 333. Л. 34 об.—35. Автограф (на англ. языке).

былинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. Коровиченко, как лицо, назначенное мною, который был уполномочен Временным правительством, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала полнота власти.

Вводя указанный режим, я установил в то же время как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны. Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с Нею черт джентльменства.

Во время пребывания Семьи в Царском я был там приблизительно, 8—10 раз, выполняя мои обязанности, возложенные на меня Временным правительством. В эти посещения я видел Николая иногда одного, иногда вместе с Александрой Федоровной.

Переписка действительно была отображена у Царя в Царском. Этот факт, мне известный, прошел, однако, мимо меня. Произошло это таким образом. Когда я прибыл во дворец в первый раз, мне было доложено тогда же кем-то из дворцовой прислуги, что в тот именно промежуток времени, когда Временное правительство не принимало еще никаких мер в отношении Царя и Александры Федоровны, т.е. до ареста последней, Она вместе с Вырубовой сожгла в печах комнат Вырубовой много документов. Это заявление тогда же было проверено и нашло себе в допросах многих дворцовых служителей и в осмотрах печей полное подтверждение. Установив это, я тогда совершенно безразлично отнесся к намерению следственной комиссии произвести у Них выемку бумаг, считая это упущенным и бесцельным. Поэтому распоряжение об отображении бумаг, я думаю, исходило непосредственно от председателя следственной комиссии Муравьева и было выполнено там, вероятно, Коровиченко. Во всяком случае вся отображенная

переписка поступила в распоряжение следственной комиссии. Это я утверждаю. Отобрание переписки, как мне помнится, имело место в первые числа марта месяца. Кроме этой меры, была принята еще вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Федоровны, разделение Их. Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанного мне по Их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос Их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с Ними в Царском: Бенкендорф, статс-дама Нарышкина. Разделение Их не было абсолютным. Они сходились за столом, но при этом присутствовал Коровиченко, и Они обязались вести только общие разговоры, что в действительности и выполнялось ими. Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал приблизительно с месяц. Затем надобность в нем исчезла и он был отменен.

Причиной, побудившей Временное правительство перевести Царскую Семью из Царского в Тобольск, была все более и более обострявшаяся борьба с большевиками. Сначала проявлялось большое возбуждение в этом вопросе вообще со стороны солдатско-рабочих масс. Мое упоминание 7 марта в Москве про возможный отъезд Царской Семьи из Царского вызвал «налет» на Царское со стороны Петроградского совета. Совет тут же отдал распоряжение по линиям не выпускать никаких поездов из Царского, а потом в Царское явился с броневыми машинами член военной секции совета Масловский (левый эсер, библиотекарь Академии Генерального Штаба) и пытался взять Царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту Масловский растерялся. Царское было для нас, для Временного правительства, самым больным местом. Для большевиков это было бельмом на глазу.

Кронштадт и Царское: два полюса. Они вели сильнейшую агитацию против Временного правительства и лично против меня, обвиняя нас в контрреволюционности. Они усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Бывая в Царском и узнавая там о разных беспорядках, я должен был реагировать на это, иногда прибегая к резким выражениям. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шофера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрение и толки, что Царя хотели увезти. Все это создавало дурную атмосферу, мешало Временному правительству продуктивно работать и отнимало у нас реальную силу: Царскосельский гарнизон, настроенный до того лояльно по отношению к Временному правительству, гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда. Учитывая все эти обстоятельства, Временное правительство решило попытаться выяснить у английского правительства возможность отъезда Царской Семьи в Англию.

Министр иностранных дел (вначале, возможно, Миллюков) стал вести об этом переговоры с английским послом Бьюкененом¹. В результате Бьюкененом был передан следующий ответ правительства Англии Терещенко, бывшему тогда министром иностранных дел, сообщившему его мне и князю Львову: «Правительство Англии, пока не окончена война, не

---

¹ П.Н. Миллюков встречался с английским послом Д.У. Бьюкененом и выразил желание получить от правительства Англии официальное предложение дать убежище Царской Семье. В своих воспоминаниях он писал, что уже 10/23 марта сообщил Миллюкову о том, что «король Георг, с согласия министров, предлагает Царю и Царице гостеприимство на британской территории...» Позже «английское правительство взяло назад свое согласие». См. *Миллюков П.Н. Воспоминания*. М., 1991. С.488–489.

считает возможным оказать гостеприимство бывшему Царю». Ответ этот обсуждался Временным правительством в совершенно секретном заседании, без журнала заседания.

Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место, и все разрешение этого вопроса целиком было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти Их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто невыносим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Невыносимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске. Отдаленность Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его удаленности от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нем я и остановился. Первоначально, как я припоминаю, я посылал в Тобольск комиссию, в которую, кажется, входили Вершинин и Макаров, выяснить обстановку в Тобольске. Они привезли хорошие сведения. О необходимости отъезда я предупредил Царя приблизительно недели за две или дней за 10. Я не мог Ему в то время указать новое место Их жительства, опасаясь каких-либо эксцессов, если это станет заранее известным, и сказал Ему, что Им не следует по этому поводу беспокоиться. Государь мне ответил: «Я не беспокоюсь. Мы Вам верим. Если Вы говорите, что надо ехать, то, значит, надо. Мы Вам верим». Дня за 3—4 я предупредил Их, что надо с собой взять побольше теплых вещей. В самый день отъезда я сам лично проводил Их и усадил в поезд. Их сопровождали Вершинин и Макаров. О прибытии в Тобольск ими был составлен протокол, подписанный и Николаем, потом мне представленный. Главным лицом, представлявшим в Тобольске власть Временного правительства, был Панкратов, назначенный мною. Затем по его ходатайству и по его рекомендации ему был назначен помощником Никольский, мне неизвестный.

Царю не делалось никаких стеснений в выборе тех лиц, которых Он хотел видеть около себя в Тобольске. Я хорошо помню, что первое лицо, которое Он выбрал, не пожелало быть с Ним и отказалось. Я положительно это удостоверяю. Кажется, таким лицом был флигель-адъютант Нарышкин. Тогда Царь выбрал Татищева. Татищев согласился. Я нахожу нужным, чтобы было Вами, г. следовательно, отмечено следующее: Татищев держал себя вообще с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде бывших придворных было редким исключением.

Панкратов должен был представлять мне из Тобольска донесения. Он прислал, кажется, одно. Я не могу отметить никаких фактов, которые бы в этом отношении заслуживали внимания.

Действительно, по поводу приезда в Тобольск Маргариты Хитрово было произведено по моему телеграфному требованию расследование. Вышло это таким образом¹. Во время московского государственного совещания были получены сведения, что к Царю пытаются проникнуть 10 человек из Пятигорска. Это освещалось как попытка увезти Царскую Семью. В силу этого и производилось расследование. Однако эти сведения не подтвердились. Ничего серьезного тут не было.

Г. Вырубову я видел лично один или два раза. В первый раз я видел ее во время моего первого посещения Царского. Она тогда значилась больной и приняла меня в постели, сама пожелав, чтобы я пришел к ней. Обстановка, в которой она меня приняла, ее костюм не свидетельствовали, чтобы у этой женщины была стыдливость и уважение к себе. Она была в

---

¹ Маргарита Хитрово по распоряжению А.Ф. Керенского была арестована 22 августа 1917 г. и отправлена в Москву, так как она подозревалась в организации «монархического заговора». Допрос вел следователь П.А. Александров. За отсутствием вины была освобождена, эмигрировала в США, скончалась в Нью-Йорке в 1952 г. Подробно см. статью В.М. Хрусталева в кн. «Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова». С. 563—637.

скором времени после этого арестована и отправлена в Петропавловскую крепость. Верховная следственная комиссия действительно свидетельствовала ее. Действительно она оказалась девственницей. Эти обстоятельства мне известны из докладов мне следственной комиссии.

Я не имею сведений о посещении Царского Гучковым. Если это было, то, очевидно, это было до моего первого посещения Царского, так как позднее этого не могло случиться без моего разрешения. Банкира Ярошинского я лично не знаю. Его роль до революции мне не известна. В революцию же он обращался к нам, к Временному правительству, с предложением своих финансовых услуг. Самое больное наше место были финансы. Он и предлагал тогда нам какой-то весьма широкий финансовый проект. Сам он тогда выступал как человек, весьма сочувствующий и преданный идеям Временного правительства, и предлагал к нашим услугам свои личные средства. Но его проект не был принят министром финансов Бернацким, который, быть может, больше Вам расскажет про Ярошинского.

В первые дни революции в Государственной Думе была военная комиссия ее временного комитета. Это был революционный штаб. Действительно, в составе этого штаба был генерал Потапов. Он был заместителем председателя. Мы на него смотрели как на человека, весьма неуравновешенного, вряд ли вполне нормального. Он был склонен к «демагогическим» приемам. Это замечалось в отношении, какое у него было к образовавшемуся тогда военному министерству во главе с Гучковым.

Фамилии офицера Соловьева, который был бы причастен к этому революционному штабу, я не помню.

Я присутствовал при последнем свидании Государя с Михаилом Александровичем в ночь отъезда из Царского. Это свидание происходило в кабинете Государя. Больше ни с кем я не мог тогда допустить свидания Михаила Александровича, опасаясь возможности каких-либо осложнений при отъезде¹.

---

¹ В. кн. Михаил Александрович вскоре был арестован и выслан в г. Пермь. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. был расстрелян.

Я отошел от Них в сторону к окну, когда Они беседовали, не слушая содержания Их разговора. Но я думаю, что ничего особенного не было в Их беседе.

Я знаю содержание документа, оглашенного Бурцевым в его газете «Общее Дело» 10 декабря 1919 года, в номере 62. Этот документ действительно есть официальный документ, представляющий собой ту сводку следственного материала, которую составил, по требованию министра юстиции Перверзева, прокурор Петроградской судебной палаты Карчевский для печати. Вся фактическая сторона, изложенная в этом документе, бесспорна. Я должен по этому вопросу, т.е. по вопросу о роли немцев в попытке произвести переворот в июле месяце 1918 года и в перевороте 25 октября сказать следующее.

Роль Ленина, как человека, связанного в июле и октябре 1917 года с немцами, их планами и их деньгами, не подлежит никакому сомнению. Но я должен также признать, что он не агент их в «вульгарном» смысле — он имеет свои цели, отрицая в то же самое время всякое значение морали в вопросе о средствах, ведущих его к цели. Как лицо, которому принадлежала в те дни власть в самом широком ее масштабе и применении, я скажу, что роль немцев не так была проста, как она казалась, может быть, даже судебному следователю Александрову, производившему предварительное следствие о событиях в июле месяце 1917 года. Они работали одновременно и на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание на фронте наступление (Тарнополь), в тылу — восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления приблизительно 2—4 июля в газете «Товарищ», изданной в Вильне немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде (первое выступление Ленина), которые случились позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через

них воевали с Россией. Точно так же не так прост и факт переворота 25 октября. Германия сама вынуждена была в ходе войны бороться с Антантой приемами большевизма. Она избрала для этой цели Россию, как соперника, наиболее слабого в этом отношении. В ее союзе было в 1917 году совсем не благополучно. Австрия готова была выйти из союза с Германией и искать сепаратного мира. Германия поэтому и спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт. 24 октября 1917 года мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы «форсировали» ход событий. Конечно, совершая этот переворот, они через большевиков делались в России господами положения.

Вы спрашиваете, что было установлено работой Верховной чрезвычайной следственной комиссии по вопросу о роли Николая II и Александры Федоровны в попытке выйти из состояния войны с Германией путем сепаратного мира с врагом, как их подозревало общество? Я могу сказать по этому вопросу следующее. Верховная следственная комиссия, возникшая по постановлению Временного правительства от 4 марта 1917 года, состояла из пяти или восьми лиц, представлявших собой элементы: государственный и общественный. Рабочий аппарат ее составляли судебные следователи, товарищи прокуроров и адвокаты, имевшие наибольший опыт. Я помню в составе комиссии лишь некоторые имена: председатель ее присяжный поверенный Муравьев, члены – академик Ольденбург, сенатор Иванов. Других не помню. Судебным следователем, производившим расследование о роли Николая, Александры Федоровны и Ее кружка, был Руднев. Я сам его до этого времени лично не знал. Он был привлечен к работе в комиссии как талантливый и энергичный следователь, как его мне рекомендовали члены комиссии, сходявшиеся, кажется, все в такой оценке. Рудневу было дано определенное задание: он должен был обследовать роль Николая II и Царицы по вопросу

о наличии в Их действиях 108-й ст. уголовного уложения, т.е. государственной измены. В результате работы комиссии в этом направлении мне было доложено, что в действиях Николая II и Александры Федоровны комиссия не нашла этого преступления. Об этом я тогда же докладывал и Временному правительству.

Я сам лично мыслю по этому вопросу таким образом. Я убежден, что Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру и ни в чем не проявил наличия у Него такого желания. Я убежден в этом не только в результате работ комиссии, но и в результате вообще моего наблюдения Его за период Его заключения в Царском и в результате моего пребывания у власти, что вообще давало мне большие возможности. Я считаю должным установить в этом отношении следующий факт. Было обнаружено в документах письмо императора Вильгельма к Государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал Николаю заключение сепаратного мира. Был обнаружен ответ на это письмо, остававшийся в виде отпуска в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу припомнить, кем именно) по-французски было сообщено Вильгельму, что Государь не желает отвечать на Его письмо. Этот факт, известный и следственной комиссии, я считаю нужным категорически установить. Он имел место в 1916 году, но я теперь не могу припомнить более точно даты и указать, к какому именно месяцу относится эта переписка.

Но я совсем иначе смотрю на этот вопрос относительно Александры Федоровны. Я столь же категорически скажу, что работа следственной комиссии, разрешившей и этот вопрос отрицательно, меня не убедила и не устранила у меня подозрения в отношении Ее.

Прежде всего, я признаю, что самый способ установления истины таким приемом, к которому прибегло Временное правительство, был неправилен. Я это уже потом и сам сознавал. Я говорю про следственную комиссию. Нужно было пользоваться старым в этом отношении аппаратом. Нужно было, чтобы опытный следователь чисто криминальными мето-

дами производил предварительное следствие, как это обыкновенно делалось, не будучи связан в проявлении своей единоличной власти-инициативы. Вместо этого был создан сложный, громоздкий аппарат, приводивший прежде всего к проволочке и потере доказательств. Действия комиссии носили научно-анкетный характер, а эти действия должны были носить быстрый, энергичный характер деятельности следователя, как инквизиционного судьи. Но что же можно было сделать в этом отношении? Таковы были обстоятельства. Немыслимо было бы в те дни предлагать какому-нибудь следователю «по особо важным делам» производство такого следствия. Кроме того, мне кажется, что вопрос этот о наличии 108-й статьи в действиях Александры Федоровны весьма сложен. Эти преступления вообще трудно устанавливаются документальными данными, так как обычно в таких делах не прибегают к документам или в самих документах затемняют эти вопросы посторонним содержанием. Здесь же этот элемент был особенно труден для его установления благодаря особому положению Александры Федоровны.

Мне кажется, что выяснение этого вопроса в порядке производства предварительного следствия должно было бы обнимать очень широкие явления, чего, повторяю, не делалось и не могло делаться при научно-анкетном построении самого аппарата.

Мои личные подозрения, повторяю, несколько не устраненные в результате работы верховной комиссии, сводятся в конце концов вот к чему.

Что Распутин лично был немецкий агент, или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германofilы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению. Я не сомневаюсь, что все эти Манасевичи-Мануйловы, Рубинштейны, Симановичи и прочие господа, бывшие около него и им руководившие, были агентами немцев.

Пребывая у власти, я имел возможность читать многие документы Департамента полиции и другие документы Ми-

нистерства внутренних дел особенно эпохи Хвостова в связи с личностью Распутина. Читая эти документы, поражаешься их внутренним духом, их чисто шпионским стилем. Что чувствовалось, например, в словах Распутина, когда он настойчиво до самого конца своего в неоднократных документах писал Царю про Протопова: «Калинина не гони, он наш, его поддержи». Я говорю в данном случае только про самого Распутина и хочу сказать, что его именно роль для меня не подлежит сомнению. Кого видел в нем Пуришкевич, убивший его? Он несколько не скрывал, что в его лице он убивал прежде всего изменника. Вспомните про Хвостова. Я лично не питаю положительных чувств к личности Хвостова. Но он открыто боролся с Распутиным как центральной фигурой немецкой агентуры. Как ожесточенно с ним боролся Распутин при помощи окружавших его лиц, того же Манасевича-Мануйлова. Так вот, я хочу сказать, что в результате знакомства моего с указанными документами у меня сложилось полное убеждение о личности Распутина как немецкого агента, и будь я присяжным заседателем, я бы обвинил его с полным убеждением. Вся роль Распутина была именно такова: за немцев и на пользу немцев. Он выступал перед войной «за немцев». Вспомните ту эпоху. Правительство как таковое, в частности Сазонов, как определенно утверждал и в Государственной Думе, так сказать, вырывали войну. Говорили, что Великий Князь Николай Николаевич даже увез с собой автомобиль Государя, чтобы получить от Него указ о мобилизации. Я не знаю, правда ли это. Передавалось об этом как о факте. Но вот факт, как положительно известный как бывшему главе власти. Царь перед самым объявлением войны посылал Распутину в Тюмень телеграммы, спрашивая его совета по поводу объявления войны. Распутин отвечал Ему приблизительно в таких выражениях: «Крепись, войны не объявляй. Плохо будет тебе и Алеше». Вот была роль Распутина. Перед войной он был за немцев. Я бы хотел знать, говорил ли он, этот полуграмотный мужик, свои мысли. Конечно, он был сам проводником чужой воли и чужих директив.

В войну Распутин работал на немцев. Для кого теперь секрет, что Штюмером и Протопоповым Россия была обязана ему? Теперь многое забыли. Но пусть вспомнят прошлое. Сазонов и известная эпоха. Можно ли себе представить его имя в известной комбинации сепаратического соглашения с немцами? Нашли, вероятно, какую-нибудь его вину и убрали, заменив Штюмером. Этот человек был — создание Распутина и был ему близок. Его можно представить в такой комбинации.

Я больше могу Вам сказать про Протопопова, которого я хорошо знал по Государственной Думе. Это был хитренький человек, приспособливающийся легко ко всякой обстановке, старавшийся быть приятным. Я убежден, что для него все его прохождение по общественно-государственной лестнице было вопросом его личной карьеры. Благодаря своим индивидуальным свойствам он пролез из симбирских трущоб в Государственную Думу и незаметно для других лез все выше и выше. В этом государственном учреждении он оставался тем же, по существу, «обывателем из Симбирска» и в государственном отношении представлял собой пустое место. Так к нему и относились. Но благодаря своим указанным свойствам он приспособился и здесь. Родзянко считал его своим, а для оппозиции он был всегда «наименьшим злом». Его честолюбие особенно разожгла карьера Хвостова. Через Распутина он попал в министры. Интересно, весной 1916 года он в составе парламентской группы, посланной в союзные страны, и в Стокгольме попался в неосторожных сношениях с немцами. Он оправдывался, но его совершенно детские объяснения никого не убедили. От него отвернулись в дворянских симбирских кругах и забаллотировали в предводители. От него отвернулись в Государственной Думе. Был большой скандал. Но никто не понимал, что все это только и было ему на руку. Чем ниже падал его авторитет, как государственного деятеля, избличенного в сношениях с немцами, тем выше его авторитет делался в глазах немецкого кружка Александры Федоровны. Он был человек этого кружка. Тут он уже не считал нужным и скрывать самого себя. Я — в кабинете Протопопо-

ва, уже министра внутренних дел (по старому знакомству я за чем-то зашел к нему тогда). И знаете, что я там видел? Перед ним на столе стояла огромных размеров икона Спасителя. Я не утерпел и посмеялся. Не было уже прежнего, ласковенького, приспособливающегося Протопопова. Он так напыщенно ответил мне: «Знаете, Александр Федорович, без Божьей помощи...» Не такой он был там у себя, внутри себя. Это был фокус. Кто он был по своим взглядам на войну? Все положительно знали, что он не принадлежал в этом отношении к группе прогрессивного блока и не был сторонником его отношения к войне. Он также был «за немцев».

Вы вдумчиво отнеситесь к быстро летевшим тогда событиям. Вот их ход в ту эпоху. Великий Князь Николай Николаевич был, как это всем было известно, сторонник войны с немцами. Факт, что Распутин боролся с ним отчаянно. Он победил, и Великий Князь был убран. Я не Его сторонник, но я понимаю, каким деморализующим образом это подействовало тогда на фронт и тыл. Я вижу полную аналогию, те же самые приемы педантичного немецкого духа, как и в 1917 году. В октябре месяце немцы форсировали события. Так же форсировали они их и здесь. Мало-помалу Николай II отталкивается от управления страной и фактически в 1916 году правительницей делается Александра Федоровна. Сообщаю Вам, как непреложный факт: министры делали доклады уже Ей. Это было установлено нами в эпоху революции осмотрами гофкурьерских книг.

Между тем усиленная работа, направленная прямо и непосредственно на «развал» страны шла вовсю. Правительство, возглавляемое Александрой Федоровной, преследовало общественные элементы, отталкивало их от участия во власти и в работе на государство. Оно развалило и еще до революции разваливало хозяйственную жизнь и создавало планомерную дезорганизацию продовольствия как в тылу, так и на фронте. В то же время правительство, обрушиваясь и подвергая преследованиям революционные элементы, считавшие необходимым продолжение войны, не преследовало и не прекращало

пораженческих течений в революционной среде. Я категорически утверждаю эти обстоятельства, т.к. к революционной среде я был близок.

Таковы были факты общественно-государственной жизни страны. Во главе именно их стояла Александра Федоровна, а они все были направлены на одно: на развал страны. Я хочу сказать несколько слов о Ней лично в этом вопросе. Что они сожгли с Вырубовой? Для чего они это сделали? Другой штрих. Следственная комиссия доложила мне, что состава 108-й статьи она не находит в действиях Ее. Но Муравьев выразил при этом желание допросить Ее. При таком положении дела я признал допрос Ее следственной комиссией совершенно не допустимым. Но я попробовал сам поговорить с Ней. И эта попытка не только не разубедила меня в Ее виновности, но наоборот - усилила мои подозрения. Я начал разговор очень издаleка, ни единым словом даже не обмолвившись о немцах, а сказал только несколько фраз о Ее кружке. Она крайне нервно перебила меня и быстро, быстро заговорила, все больше и больше, с весьма малыми перерывами, впадая в тон обиженной женщины, без всяких с моей стороны поводов — о немцах. Я передам Ее слова Вам довольно точно: «Я знаю... Я понимаю... До Вас дошли слухи, что Я сочувствую (или помогаю) нашим врагам. Это сушая клевета. Вы же должны знать, что я по традициям и по воспитанию англичанка. Я англичанка! Я англичанка». Все больше и больше повышая тон, Она явно шла на «истеричку». Я прекратил разговор, попросил к Ней Нарышкину и удалился. Вот что Она этим нашим разговором сделала для меня очевидно-ясным: Она знала, что Распутина около Нее русские люди связывали с немцами, и не выдержала своей роли в беседе со мной. Эти минуты для моего понимания Ее личности для меня останутся навеки.

Это люди, более или менее посвященные в дела государства, и чувствовали и понимали. Фактически на фронте Великого Князя сменил Алексеев. Сообщаю Вам, как факт мне положительно известный, что Алексеев в октябре месяце 1916 года должен был «арестовать» Александру Федоровну,

как лицо, явно работавшее на развал страны и в пользу врага. Он не успел этого сделать, так как заболел и ушел тогда с фронта. Позднее возник заговор. В него входили члены Государственной Думы, члены Государственного совета, общественные деятели, высшее офицерство. Заговор имел в виду отречение Николая II в пользу Алексея с регентством Михаила. Я хочу сообщением этих фактов указать, что роль Александры Федоровны так именно понималась большинством людей, стоявших тогда около событий. Революционерами стали люди, от которых никак нельзя было ожидать этого.

Подлинными революционными элементами, в среде которых был я, мы знали это. Мы ожидали таких событий, и мы решили поддерживать их.

Так мы смотрели на этот вопрос даже 26 февраля, когда у меня было заседание бюро левых фракций.

В чем же, в конце концов, было дело? Чего именно добивалась Александра Федоровна? Она прекрасно понимала состояние страны в конце 1916 года. Я должен признать факт, что в конце 1916 года мы были уже не боеспособны. Транспорт, продовольственное дело столь были разрушены, что мы фактически воевать не могли. Но самое главное — солдатские массы не желали и уже «по духу» не могли воевать. Это было ясно совершенно для меня во время моей работы в 1917 году и как члена Государственной Думы и позднее как главы правительства. Иначе к этому вопросу относились буржуазно-интеллигентные круги и командный состав. Заключение мира было бы охотно признано именно народными массами. Это Она понимала. Это на многие годы сохранило бы династию. Она на это и шла. Какими путями?

Прежде всего, нужно понять Ее и Николая. Что Они представляли собой оба в Их взаимоотношениях? Я видел Их, я наблюдал Их. Вот что это было.

Он был человек, очень ушедший в себя, скрытный, недоверчивый к людям и бесконечно их презиравший; человек ограниченный, не интеллигентный, но с каким-то чутьем жизни и людей. Он не ценил и не любил ничего и никого, кроме

сына и, быть может, дочерей. В нем поражало полное равнодушие ко всему внешнему, претворившееся в какой-то болезненный автоматизм. Когда я взгляделся больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядывало что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность. Он действительно мог быть и был мистиком. Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостылело, было безразлично. Всмотревшись в эту живую маску, понял я, почему так легко выпала власть из его рук: он не хотел бороться за нее. В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь. «Как я рад, — говорил Николай II старухе Нарышкиной, — что больше не надо подписывать этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми». Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч и стало свободнее, легче. Вот и все.

А рядом мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня, не могла примириться с многим больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие, как Она, никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают.

Такой был Он, и такая была Она. Я вхожу впервые к ним. Вдали стоит, сбившись в кучу, как бы испуганная Семья. Ко мне идет нерешительно, как-то робко полковник. Скромная фигура, какая-то неловкая, одетая как будто бы в костюм с чужого плеча. Мы сошлись. Было смущение. Он не знал, подавать ли мне руку, подам ли руку я. Я протянул ему руку и назвал-ся: «Керенский». Он сразу вышел из неловкого положения, заулыбался приветливо, повел к Семье.

Там рядом с Ним стояла передо мной женщина, в которой сразу же чувствовался человек с колоссальным честолюбием, колоссальной волей, очень упрямый, совершенно Его подавлявший своим волевым аппаратом.

Вот каковыми Они представляются оба вместе и в Их отношениях. Он сам, Он один. Он Николай II не был изменником. Он сам не пошел бы на сепаратный мир. Я в этом глубоко уверен. Каждый раз при свидании со мной Он спрашивал меня про фронт: «Что на фронте? Как там дела?» Это было каждый раз. Но я уверен, что, не случись такого конца в феврале, было бы иначе. Александра Федоровна шла к своей цели. Она устранила Его и правила Сама. Ее правительство всей системой своих действий, главным образом в продовольственном вопросе, вызывало «беспорядки», т.е. провоцировало их. В то же время оно готовилось к подавлению их. Петроград принимал меры так называемой военной обороны столицы против не существовавшего перед столицей внешнего врага. Эти пулеметы, конечно, были не «полицейские», как признает это Руднев: полицейских пулеметов и не было. Но они предназначались не против немцев, а против своих же. Подавление беспорядков — базис для сепаратного мира. Я не знаю, в какой форме это Она преподнесла бы Николаю, но Она самое главное в этом отношении уже сделала. Я категорически заявляю Вам, что в декабре месяце, уезжая на фронт, Николай оставил подписанный уже Им бланк о роспуске Думы. А ведь все только в этом и заключалось. Только и существовало одно препятствие для сепаратного мира: она, Дума.

Но ошиблись все: ошиблась Александра Федоровна, ошиблись и буржуазные революционеры. Искусственно созданные системой правительства «хвосты» неожиданно для них вылились в бунты. Они очень быстро приняли форму революционной вспышки. Гучков и Шульгин опоздали. Николай сразу понял характер случившегося, и, когда они приехали за Манифестом в пользу Алексея, Он не дал им сына. Начавшаяся революция смыла все.

Конечно, Временное правительство принимало на себя содержание самой Царской Семьи и всех, кто разделял с Ней заключение. О том, что Они терпели в Тобольске нужду в деньгах, мне никто не докладывал. Их личные средства по сравнению с тем, как говорили, оказались невелики. У Них

оказалось всего в Англии и в Германии не свыше 14 миллионов рублей.

За все время существования Временного правительства никогда не существовало комиссии приемки особо важных заказов обороны государства. Документ, содержание которого Вы мне сейчас прочли (прочтен документ, описанный в пункте 11-м протокола 2 января 1920 года), безусловно подложный¹.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно. Но я прошу Вас внести некоторые изменения в текст протокола. Я хотел Вам сказать, что действия Александры Федоровны объективно затрудняли дело борьбы с немцами, но я не хочу вовсе сказать о Ее субъективной виновности и допускаю, что Она таким образом хотела, быть может, спасти династию, не имея никакого общения с какими-либо немецкими комбинациями. Скорее я полагаю, что Она, быть может, инстинктом матери не чувствовала иного выхода из тупика, кроме сепаратного мира.

В число фактов, убеждающих меня, что Распутин вольно или невольно играл роль центра германской агентуры, телеграммы его, удерживавшие Царя от вступления в войну, не входят: Вы меня не так поняли. Этим телеграммам я даю иное объяснение. Добавляю, что во время войны за спиной Распутина, по моему убеждению, стояла какая-то иная фигура, которой, к сожалению, мы не вскрыли.

Необходимо уточнить для меня лично: Великий Князь Николай Николаевич был явлением, сам лично деморализовавшим армию, но, к сожалению, широкое общественное мнение подлинных фактов не знало и восприняло увольнение Его как катастрофу. Конечно, мотивы борьбы с Ним Распутина ничего общего со стремлением поднять боеспособность фронта, изъяв из обращения эту дезорганизирующую фигуру, не имели.

Письмо к Львову Царь написал не одновременно с отречением, а после 4 или 5 марта.

---

¹ Документ не обнаружен.

В период разлучения Царя с Царицей за столом за Ними наблюдал обыкновенно не Коровиченко, а дежурный офицер.

Я не хотел сказать, что я не видел Ярошинского. Один раз, как я Вам рассказывал, он являлся ко мне как к министру Председателю с изложением финансового проекта, который сулил правительству чрезвычайные финансовые выгоды. Я направил его с этим проектом к министру финансов. Спустя некоторое время мне было доложено, что этот финансовый проект не заслуживает серьезного внимания. Я принял г. Ярошинского потому, что кто-то из министров (кажется, Терещенко) сообщил мне о желании г. Ярошинского сделать мне личный доклад.

В «Общем Деле» было оглашено особое составленное для печати сообщение по материалам, имевшимся в распоряжении прокурорского надзора. Это сообщение было составлено уже по уходу Переверзева из Временного правительства.

Государь оставил подписанный Им указ о роспуске Государственной Думы без даты не в декабре, а в феврале 1917 года.

В заседании информационного бюро левых партий у меня на квартире вечером 26 февраля о заговорах цензовых элементов и о положительном к ним нашем отношении ничего не говорилось, так как данному бюро как таковому ничего об этом известно не было.

Александр Керенский

Судебный следователь *Н. Соколов*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1920 года августа 25 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов рас-

смотрев предварительное следствие по настоящему делу и приняв во внимание:

1) что в деле имеются семь шифрованных телеграмм, содержание которых приведено в протоколе 23 февраля 1919 года (пункты 2, 3, 5, 7 и 8; л.д. 71–75 об., том 2-й)¹ и в протоколе 24 марта 1919 года (пункты 1, 3; л.д. 37, 38, том 3)²;

2) что до сего времени бывшими в распоряжении судебного следователя средствами сих телеграмм раскрыто не было³;

3) что, между тем, представляется настоятельно необходимым раскрытие такового, так как в сих телеграммах могут оказаться сведения, существенные для дела;

4) что, ввиду отсутствия в распоряжении судебного следователя ключа к сим телеграммам, раскрытие их смысла может быть произведено лишь специалистами;

5) что, по имеющимся у судебного следователя сведениям, таковые имеются в распоряжении разведывательного отдела Морского генерального штаба, главный представитель коего старший лейтенант Абаза ныне находится в Париже, на основании 325 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: означенным шифрованным телеграммам произвести экспертизу через специалистов названного учреждения, для чего надлежащие выписки текста указанных телеграмм выдать названному Абаза.

Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ См. *Росс. Н. Указ. соч.* С. 213–218.

² См. *Росс. Н. Указ. соч.* С. 259–261.

³ 24 февраля 1919 г. Н.А. Соколов передал копии телеграмм для расшифровки начальнику контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего Николаю Павловичу Злобину, который ответил, что на их расшифровку потребуется значительное время. 28 февраля – в МИД. 31 марта 1919 г. из МИД и 3 апреля из штаба Верховного главнокомандующего были получены ответы о нерасшифровке телеграмм. См. *Росс. Н. Указ. соч.* С. 268.

СПРАВКА

Выписки содержания указанных телеграмм были 25 августа 1920 года лично выданы г. Абаза.

Верно.
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов.

Копия

15 сентября 1920
№ 307 Лондон

Судебному следователю
по особо важным делам Н.А. Соколову

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Все полученные мною от Вас телеграммы поддаются расшифрованию. Но из них только одна относится к интересующему Вас делу, а именно та самая, которую Вы таковой и считали, т.е. телеграмма от 17 июля¹.

Все же остальные относятся к военным операциям и к Вашему делу отношения не имеют.

При сем прилагаю текст расшифрованной телеграммы от 17 июля и самый способ расшифрования.

Кроме того, прилагаю тексты трех телеграмм от 26 июня, 2 и 3 июля, не имеющих отношения к Вашему делу. Примите уверения в совершенном уважении.

А. Абаза

---

¹ Телеграмма от 17 июля 1918 г. отправлена из Екатеринбурга в 21 час. в Москву, Кремль, Сексовнаркома Горбунову с обратной

17/VII
Копия

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
П 39	е 34	р 35	е 42	д 29	а 35	и 36	т 49	е 26	С 27	в 37	е 8
р 40	д 33	л 30	о 50	в 27	у 26	ч 23	т 49	о 34	в 13	с 51	е 28
с 41	е 34	м 31	е 42	и 33	с 51	т 45	в 34	о 34	п 25	о 48	с 39
т 42	и 37	г 23	л 47	а 25	т 42	а 28	ж 38	е 26	у 02	ч 30	а 23
с 41	т 46	ч 15	т 54	о 38	и 43	г 31	л 42	а 21	в 13	у 26	о 36
ф 17	ф 21	и 28	ц 31	и 33	а 35	л 38	н 44	о 34	с 27	е 40	м 34
и 33	я 28	п 34	о 50	г 28	и 43	б 29	н 44	е 26	т 28	п 49	р 38
и 33	е 34	в 22	а 37	к 34	у 26	а 28	ц 26	и 29	и 19		

Разделить шифрованный текст на части в 12 двузначных групп каждая, которые подписать одну под другой. Таким образом получится 12 столбцов зашифрованных 12-ю алфавитами, указанными на оборот.

проверкой. На бланке есть отметка: «Проверка верно нач. 18/VII 1-20 и неразборчивая подпись». Подлинник телеграммы был передан Правящим Князем Лихтенштейна Хансом-Адамо в сентябре 1997 г. в ГА РФ в числе других документов следователя Н.А. Соколова, выставленных на аукцион «Сотбис» и приобретенных Правящим Князем.

ПРОТОКОЛ

1920 года сентября 30 дня ко мне, судебному следователю по особо важным делам Н.А. Соколову, в г. Париже (во Франции) явился гвардии капитан Павел Петрович Булыгин и представил мне письменные показания по делу об убийстве Государя Императора и Его Семьи священника о. Иуды Приходько, написанное им собственноручно и врученное им Булыгину для передачи судебному следователю. Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь *Н. Соколов*
Гв. Капитан *Павел Булыгин*. Автограф

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

составлена настоятелем храма в Верх-Исетском заводе
о. Иудой (Приходько) для Н.А. Соколова.

Накануне убийства Царской Семьи 16 июля 1918 г. жители Верх-Исетского завода Екатеринбургского уезда находясь на сенокосении были с утра удалены из леса и сенокосных площадей между названным заводом и деревней Исетской (Коптяки) в местности, под названием четырех братьев (по 4-м сросшимся соснам) в районе разъезда «Шувакиш». Приехавшие мои прихожане Николаевской церкви недоумевая говорили мне, что наверно будут рыть окопы для красной армии, так известно было, что начавшееся наступление чехов со стороны ст. Кузино по Кунгурской ж.д. линии развивается и вот-вот они появятся под Екатеринбургом. Хотя из оцеплений красноармейцами означенной местности удалили всех, но видимо с большой поспешностью, так как некоторые все же неумышленно остались. В свое время называли мне мальчика из моих прихожан, который оставался с отцом на сенокос-

се(неразб.) И найдя (неразб.) отметины от телег лошадей наткнулся недалеко от места сожжения императорской семьи на комиссара (теперь убитого) из моих прихожан Ваганова, который, остановив машины, удивленно спрашивал, каким образом тот появился здесь и приказал ему убираться поскорее, так как они будут бить буржуев. Мальчик, идя к своему месту, встретил до десяти коробков, машины экипажей, в которых было много людей, но кого везли, он не мог знать. В час с четвертью ночи... на указанное число, я и моя семья были разбужены каким-то светом (неразб.) Квартиры на второй. За (неразб.) ул. Верх-Исетского завода и когда я вышел во двор и выглянул из калитки (выходить на улицу нельзя было так как было осадное положение), то увидел стоящих два автомобиля, впереди легковой, двигавшийся исправно, и второй грузовой с массой народа, но трудно было рассмотреть, кто именно таковые. Рано утром 17 июля проехало два грузовика, на которых были три полубочки с какой-то видимо жидкостью, так как были поверх еще железных. Числа 18—19 караул с указанной местности был снят и тогда рано утром моя жена и мать видели возвращающийся из леса легковой оливкового цвета и украшенный зеленью автомобиль, а позади грузовой с катающимися бочками. В первом ряду с шофером сидел человек — блондин, а в кузове четыре человека еврейского типа и все развалившись, спали. Числа 22 того же июля был в фабрике завода митинг рабочих, где прибывший из Екатеринбурга какой-то комиссар, чуть ли не Краснощеков¹, который между прочим заявил, что бывший император расстрелян, а семья его (зачеркнуто: отправ., спрятана) находится в под... месте. Когда один из рабочих сделал вопрос о том, что за поезд был отправлен на днях со ст. Екатеринбург III по направлению в Петроград в строго секретном виде, который не останавливался на станциях, а только на разъездах и паровозы при сменах подавались тоже на разъезды, но их по этим станциям, где обыкновенно должны были ... На это

---

¹ Ошибка, Ф.И. Голошекин.

комиссар ответил в том смысле, что если он желает знать все данные о сем поезде, то он может получить собрания, но было сказано таким тоном, что рабочему почуялось в нем прямая угроза его жизни и он счел за лучшее не ожидать конца митинга и ушел домой. Был слух между моими прихожанами, что Царя расстреляли 61 залпами, после того он совершенно обезумел от страха, но я полагаю, что это было проделано в лесу на описанном месте под из той партии «буржуев» видел поименованный мальчик. Говорили, что много вещей убитой Царской Семьи имели некоторые из семей рабочих, но установить я таковых точно не мог по разным причинам. Сведения эти мною переданы капитану Булыгину для следователя по особо важным делам Соколова.

Священник-настоятель Николаевской церкви
Верх-Исетского завода
Иуда Михайлович Приходько.
25/12 июня 1920 г. г. Владивосток.

Вышеизложенное подписью при мне лейб-гвардии ... полка
Прапорщик ... *Остроумов*
25/12 июня 1920 г. г. Владивосток.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

24 октября 1920 года Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве отрекшегося от Престола Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи и приняв во внимание:

1. что осмотр местности вблизи рудника и, в частности, вблизи шахты № 7, вся совокупность обнаруженных на руднике находений и осмотры найденных предметов приводят Су-

дебного Следователя к объективному выводу — об уничтожении на руднике, вблизи шахты № 7, тел Августейшей Семьи и погибших вместе с Ней лиц;

2. что основанием для такого вывода Судебного Следователя является также вся совокупность показаний свидетелей, устанавливающих продолжительное пребывание на руднике преступников, оградивших рудник заградительными кордонами, доставление к руднику бензина и серной кислоты в значительном количестве¹, и сопоставление этих установленных сими свидетельскими показаниями обстоятельств с объяснениями обвиняемых Павла Медведева и Анатолия Якимова, удостоверявших, что преступники сознательно симулировали факт нахождения Августейшей Семьи в доме Ипатьева уже после убийства в течение как раз того времени, когда продолжались еще их действия на руднике;

3. что основной факт — прямое намерение так называемой «советской власти» скрыть факт убийства Августейшей Семьи, кроме смерти Государя Императора, от народа устанавливается ныне с очевидной и полной непреложностью содержанием шифрованной телеграммы от 17 июля 1918 года;

4. что изложенное, таким образом, достаточно устанавливает объективную возможность для Судебного Следователя признать факт уничтожения трупов Августейшей Семьи и лиц, погибших с Ней, доказанным;

---

¹ Серная кислота была привезена на рудник поздним вечером 17 июля. Крестьяне, первыми разгребавшие костры около шахты и спускавшиеся в шахту, не обнаружили фрагментов глиняных кувшинов, в которых привезли серную кислоту. Следователи А.П. Наметкин и Н.А. Соколов, а также товарищ прокурора Магницкий, который вел фронтальные раскопки местности и шахт на руднике, не нашли глиняные сосуды или их фрагменты. Фрагменты будут обнаружены в 1991 г. при вскрытии первого захоронения останков под мостиком из шпал и большое количество фрагментов сосудов около обнаруженного в июле 2007 г. места захоронения останков Цесаревича Алексея и В. кн. Марии.

5. что это обстоятельство особенно является характерным при рассмотрении фотографических снимков со многих предметов, имеющих при деле;

6. что, в этих целях, представляется необходимым сведения в систему многих фотографических отпечатков и приобщение их к делу в системе;

7. что, кроме того, государственно-исторический характер настоящего дела требует приобщения к делу фотографических отпечатков вообще со всех предметов, подвергавшихся фотографированию в целях сохранения истинных обстоятельств дела, на основании 264 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: все фотографические отпечатки сфотографированных предметов, кроме уже приобщенных, приобщить к делу в системе, снабдив таковую подробной справкой по обстоятельствам дела.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА (см. иллюстрации после с. 288)

Во исполнение постановления от 24 октября 1920 года к делу приобщаются сведенные в систему фотографические отпечатки предметов, о коих приводятся нижеследующие сведения в настоящей справке.

1. *Фотографический снимок № 1-ый*

2. *Фотографический снимок № 2-ый*

На этих снимках изображен человеческий палец.

Он был обнаружен на дне большого колодца шахты № 7, значащейся на фотографическом снимке на листе дела 56 том 5-й, при разработке ее в августе месяце 1918 года (л.д. 67 об., 76 об., том 5-й).

Он значится по акту фотографирования в пункте «а» протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 15 том 2-й); описан он в пункте «а» 7 протокола того же 10 февраля (л.д. 12 том 2-й).

Он подвергался врачебной экспертизе 10 того же февраля (л.д. 17 том 2-й).

Ввиду заключения экспертизы, наиболее вероятным является предположение, что он принадлежит Государыне Императрице Александре Федоровне, имевшей, как это видно из следующих за фотографическими изображениями пальца изображений Государыни Императрицы, «тонкие длинные пальцы, видимо, знакомые с маникюром» и «выхоленные».

Фотографические изображения Государыни Императрицы Александры Федоровны, следующие за фотографическими изображениями пальца, являются фотографическими изображениями снимков, сфотографированных 19 октября 1919 года (л.д. 64 том 7-й).

3). Фотографический снимок № 3-ый

4). Фотографический снимок № 4-ый

На этих снимках изображена искусственная человеческая челюсть. Она описывается в пункте 8-м протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 том 2-й); по акту экспертизы она значится в пункте 1-м протокола того же 10 февраля (л.д. 18 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 4-м протокола 12 того же февраля (л.д. 40 том 2-й).

Показания свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 том 2-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг устанавливают, что доктор Евгений Сергеевич Боткин имел искусственную челюсть (показание Эрсберг — л.д. 181 об. т. 5).

1. Фотографический снимок № 5-й

На этом снимке изображены кости.

Они были найдены на той же глиняной площадке 26 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 41 об., том 5-й) и 1 июня на той же площадке при том же осмотре (л.д. 42 об., том 5-й); они описываются в пунктах 38 и 88 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д.

107 об., 112 об., том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 19-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

6. Фотографический снимок № 6-й

На этом снимке изображена одна из костей, найденных 1 июня 1919 года. Она значится в пункте 19-м протокола фотографирования от 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

1. Фотографический снимок № 7-й

На этом снимке значатся куски сальной массы, найденные при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 8 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й), 9 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й), 10 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й); они описаны в пунктах 26, 27 и 36 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 129–130 об., том 6-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 20-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й). Надписано: «пальца».

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА (см. иллюстрации после с. 288)

Во исполнение постановления от 24 октября 1920 года к делу приобщаются сведенные в систему фотографические отпечатки предметов, о коих приводятся нижеследующие сведения в настоящей справке.

3. Фотографический снимок № 1-ый

На нем изображены три маленьких образа с разрушенными ликами святителей.

Наверху снимка — образ Николая Чудотворца, внизу справа — Святых мучеников Гурия, Сомона и Авива, внизу слева — Ангела Хранителя. Образа, видимо, могли носиться под одеждой на шее или груди; у одного из них (Ангела Хранителя) сохранилось и колечко и подушечка, видимые на снимке, для ношения его и для предохранения тела от трения образом.

Все эти три образа были найдены в траве вблизи шахты № 7 во время разработки ее в августе месяце 1918 года (л.д. 68 об., 77 об., том 5-й); они описываются в пунктах 4—6 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. II об., том 2-й) и значатся в акте фотографирования от того же 10 февраля в пункте «д» (л.д. 15 том 2-й).

Показаниями свидетельниц Александры Александровны Теглевой (л.д. 17 том 5-й) и Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 131 об., том 5-й) устанавливается, что все три образа принадлежат Царской Семье, причем образ Николая Чудотворца принадлежит Великой Княжне Ольге Николаевне, а образ Ангела Хранителя — Анастасии Николаевне; что обыкновенно эти образа висели у Них над кроватями, в дорогу же Они надевали их на себя.

5. Фотографический снимок № 2-й

3. Фотографический снимок № 3-й

На этих снимках изображена складная портретная рамочка.

Она была найдена в густой траве около той же глиняной площадки при разработке шахты № 7 в августе месяце 1918 года (л.д. 68 об., 77 об., том 5-й); она описывается в пункте «а» 1 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 том 2-й) и значится по протоколу фотографирования от того же 10 февраля в пунктах «а» и «г» (л.д. 15 том).

Показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 108 том 2-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 133 об., том 3-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 156 об., том 5-ф), Александры Александровны Теглевой (л.д. 172 об., том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 181 об., том 5-й) устанавливается, что таких рамочек, как изображенная на снимках, было много у Царской Семьи; свидетельница же Мария Густавовна Тутельберг (л.д. 84 об., том 6-й) склонна признать эту рамочку принадлежащей Государю Императору, хранившему в ней портрет Государыни Императрицы Александры Федоровны.

2. Фотографический снимок № 4-й

На этом снимке изображена пряжка от пояса с застежкой, уменьшенного образца.

Она была найдена на той же глиняной площадке у шахты № 7 в костре, значащемся на верхнем фотографическом снимке на листе дела 556 том 5-й, 28 июля 1918 года кр-нами д. Коптяков Михаилом Дмитриевым Алферовым (л.д. 135 том 5-й), Павлом Филаретовым Алферовым (л.д. 139 том 5-й), Гаврилом Егоровым Алферовым (л.д. 142 том 5-й), Михаилом Игнатьевым Бабиновым (л.д. 137 об., том 5-й), Николаем Васильевым Папиным (л.д. 75 том 5-й); она описывается в пункте 4-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 45 об., том 2-й), по акту экспертизы значится в пункте 2-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 том 2-й). Показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 том 2-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 134 том 3-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 73 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 том 6-й), Сергея Иванова Иванова (л.д. 63 том 6-й) и Алексея Андреева Волкова (л.д. 144 том 6-й) устанавливается принадлежность этой пряжки с застежкой к поясу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

При сличении изображения этой пряжки на снимке № 4 с изображением пряжки на поясе Алексея Николаевича, находящимся ниже и представляющим собой изображение снимка, сфотографированного 19 октября 1919 года (л.д. 64 том 7-й), усматривается сходство между пряжками.

Фотографический снимок № 5-й

На этом снимке изображена медная пряжка от пояса.

Она была найдена того же 28 июля, на той же глиняной площадке, в том же костре, теми же кр-нами (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Она описывается в пункте 16-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 том 2-й) и значится по акту фотографирования в пункте 12-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

Показаниями свидетелей Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 об., том 5-й), Сергея Иванова Иванова (л.д. 63 об., том 6-й) и объяснением обвиняемого Анатолия Александрова Якимова устанавливается, что эта пряжка похожа на пряжку, какая была на поясе офицерского образца Государя Императора.

Ниже помещаются три фотографические изображения Государя Императора (л.д. 64 том 7-й). На них видна пряжка Его пояса, видимо, схожая с пряжкой на снимке № 5-й.

2. Фотографический снимок № 6-й

На этом снимке изображена пара пряжек с алмазами, из коих некоторые сохранились в гнездах, а некоторые, видимые на снимке, отделились.

Эти пряжки были найдены того же 28 июля, на той же самой глиняной площадке, теми же крестьянами (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5). Они описываются в пункте 2-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 45 том 2-й); значатся по акту экспертизы в пункте 2-м протокола 20 того же февраля (л.д. 60 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 том 2-й). Экспертизой они определяются как пряжки от туфель хорошей работы, как принадлежность «дорогой» обуви.

Показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 том 2-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 133 об., том 3-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й), Клавдии Михайловны Битнер (л.д. 100 том 6-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 том 6-й), Алексея Андреевича Волкова (л.д. 144 том 6-й) устанавливается, что такие пряжки были на туфлях Великих Княжон.

Нижний фотографический снимок с Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и графини Анастасии Васильевны Гендриковой (л.д. 64 том 7-й) позволяет видеть на туфле правой ноги Ольги Николаевны и на туфле левой ноги Татьяны Николаевны группы камней, белого цвета (видимо, алмазы).

2. Фотографический снимок № 7-й

На этом снимке изображена металлическая пряжка.

Она была найдена на той же глиняной площадке, теми же крестьянами, того же 28 июля 1918 года (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Она описывается в пункте 21-м протокола 15—16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й); значится по акту экспертизы в пункте 2-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 61 том 2-й) и в пункте 13-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 63 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 13-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 58 том 2-й).

Экспертизой она определяется как принадлежность дамского пояса или какого-либо дамского «наряда». Из показаний свидетельниц Александры Александровны Теглевой и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 173 об., 182 том 5-й и л.д. 79 том 6-й) видно, что эта пряжка, видимо, есть принадлежность туфель Государыни Императрицы или Великих Княжон.

2. Фотографический снимок № 8-й

На этом снимке изображен юбилейный значок Уланского полка, шефом которого была Государыня Императрица Александра Федоровна.

Этот значок был найден при промывке засыпки в малом колодце шахты № 7 2 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й); описывается в пункте 13-м протокола 9-13 августа 1919 года (л.д. 128 об., том 6-й) и по акту фотографирования значится в пункте 7-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 70 об., том 8-й). Показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 94 том 6-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 61 том 6-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 61 об., том 6-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 83 об., том 6-й)

устанавливается принадлежность его Государыне Императрице Александре Федоровне.

9). Фотографический снимок № 9-й

Два осколка стекла или стекол.

Эти стекла были найдены на той же площадке, теми же крестьянами, того же 28 июля 1918 года (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 2).

Они описываются в пункте 12-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 47 об., том 2-й); значатся по акту экспертизы в пункте 1-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 59 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 8-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 57 об., том 2-й).

Заключением экспертизы устанавливается, что стекла эти — оптические, из показаний свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 об., том 2-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 134 том 3-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 об., том 6-й) видно, что Государыня Императрица в Тобольске пользовалась очками, стекла коих были большого размера.

б. Фотографический снимок № 10-й

На этом снимке изображены кусочки сукна.

Эти кусочки были найдены по склону старого шурфа, вблизи глиняной площадки, около костра, значащегося на верхнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, 25 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й). Они описаны в пункте 27-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 105 том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

Свидетелями Евгением Степановичем Кобылинским (л.д. 93 об., том 6-й), Сергеем Ивановым Ивановым (л.д. 63 об., том 6-й), Елизаветой Николаевной Эрсберг (л.д. 182 об., том 5-й), Александрой Александровной Теглевой (л.д. 173 об., том 5-й) устанавливается принадлежность этих кусочков сукна шинели Алексея Николаевича.

3. Фотографический снимок № 11-й

На этом снимке изображен кусок материи, защитного цвета, с петлей, видимой на снимке.

Этот кусочек материи был обнаружен 30 июля 1918 года (л.д. 5 том 1-й) в малом колодце шахты № 7 при осмотре ее Судебным Следователем по важнейшим делам Наметкиным.

Она описывается в пункте 2-м протокола 29–30 октября 1919 года (л.д. 111 об., том 7-й) и значится по акту фотографирования в пункте 28-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 об., том 8-й).

Из показания свидетеля Ростислава Михайловича Политковского (д. 180 том 8-й) видно, что этот кусочек материи опознавался свидетелем Терентием Ивановичем Чемодуровым за часть вещевого мешка Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

3. Фотографический снимок № 12-й

На этом снимке изображена серебряная рамочка от образа.

Она была найдена 26 июня 1919 года при извлечении засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 48 том 6-й) и значится по акту экспертизы в пункте 27-м протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 84 том 8-й) и по акту фотографирования в пункте 13-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

Показаниями свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 об., том 5) и Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 183 об., том 5) устанавливается принадлежность ее Царской Семье.

3. Фотографический снимок № 13-й

На этом снимке изображены три пластинки от разломанного образа.

Они были найдены 27 июня 1919 года вблизи шахты № 7 (л.д. 52 об., том 6-й); описываются в пункте 57-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 об., том 6) и значатся по акту экспертизы в пункте 28-м протокола 18 декабря (л.д. 84 том 8-й) и по акту фотографирования в пункте 11-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

Экспертизой устанавливается к образу «старинной» работы. Показаниями свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 об., том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 133 об., том 5-й) устанавливается принадлежность их к образу кого-либо из лиц Августейшей Семьи.

11). Фотографический снимок № 14-й

На этом снимке изображен маленький флакончик с солями.

Он был найден 17 июня 1919 года в старой яме, значащейся на снимке на листе дела 56 том 5-й (нижний снимок, где видны лежащие в яме трубы насоса), вблизи шахты № 7 (л.д. 43 том 5).

Он описан в пункте 115-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 115 том 5-й) и значится по акту фотографирования в пункте 13 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й). Показаниями свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 183 об., том 5-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 82 об., том 6-й) устанавливается, что такие флаконы с солями были в употреблении Государыни Императрицы и Великих Княжон, имевших обыкновение брать их с собой в дорогу.

с. Фотографический снимок № 15-й

На этом снимке изображены осколки английского флакона с солями. Цифрами «1», «2», «3» обозначены осколки такого флакона, найденные 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й) на глиняной площадке и описанные в пункте 34-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 107 том 5-й).

Цифрами «4», «5», «6» обозначены осколки такого же флакона, найденные 10 июля 1919 года (л.д. 49 об., том 6-й) при промывке ила и земли из большого колодца шахты № 7 и описанные в пункте 44-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 131 том 6-й).

Цифрами «7», «8», «9», «10», «11», «12», «13» обозначены кусочки такого же флакона, найденные 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) на глиняной площадке и описанные

в пункте 99-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 113 об., том 5-й).

Цифрами «14» и «15» обозначены два осколка такого же флакона, найденные 26 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й), на той же глиняной площадке и описанные в пункте 59-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 110 том 5-й).

Цифрами «16», «17», «18», «19» обозначены кусочки такого же флакона, найденные при разработке рудника в августе месяце 1918 года (л.д. 10 том 2-й) и описанные в пункте 10-м протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 том 2-й).

Все эти кусочки значатся по акту фотографирования в пункте 29 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81 том 8-й).

Показаниями тех же свидетелей устанавливается, что у Августейшей Семьи были в употреблении такие флаконы с солями.

Цифрами «20», «21» и «22» обозначены на снимке осколочки желтого стекла. Первые два осколочка были найдены 10 июля 1919 года (л.д. 49 об., том 6-й) при промывке ила в большом колодце шахты № 7 и описываются в пункте 43 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 131 том 6-й). Последний осколочек был найден 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) на глиняной площадке и описан в пункте 101-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 113 об., том 5-й).

Оба эти осколочка очень тонкого стекла и принадлежат, видимо, какому-либо очень тонкого стекла флакончику.

4. Фотографический снимок № 16-й

На этом снимке значатся осколки стекол двух пенсне. Они были найдены 28 июля 1918 года в районе костра у шахты № 7, значащегося на верхнем снимке на листе дела 57 том 5-й, теми же крестьянами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описываются в пункте 13-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 47 об., том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 2-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 59 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 8-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

Экспертизой они определяются как оптические стекла от пенсне; при чем стекла эти сами не были в оправе, т. е. оправка не охватывала их со всех сторон, а только у переносицы.

Показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 об., том 2-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 134 том 3-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й) и обвиняемого Анатолия Александрова Якимова (л.д. 121 об., том 4-й) устанавливается, что такой именно формы носил пенсне доктор Евгений Сергеевич Боткин.

4. Фотографический снимок № 17-й

На этом снимке изображена оправка от пенсне.

Она была найдена 27 мая 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) в той же яме, где был найден и сохранившийся флакон с солями. Она описывается в пункте 105-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 114 том 5-й) и по акту фотографирования значится в пункте 8-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

Как видно из акта осмотра оправы, она является именно такой, которая не охватывала стеклов пенсне.

Из показаний свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 об., том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 183 об., том 5) устанавливается, что эта оправка совершенно сходна по виду с оправой пенсне Боткина.

18). Фотографический снимок № 18-й

На этом снимке изображены запонка мужская и держатель галстука. Они были найдены на дне большого колодца шахты № 7 в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 68, 87 том 5-й) (держатель) и при промывке костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й (запонка).

Они описываются в пунктах «а» 2 и 13 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 об., 12 об., том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 12 февраля 1919 года (л.д. 40 том 2).

19). Фотографический снимок № 19-й

На этом снимке изображена обгорелая щеточка для усов, судя по ее малой величине.

Она была найдена 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке, теми же крестьянами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Она описывается в пункте 24-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 об., том 2-й) и значится по акту экспертизы в пункте 15-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 64 об., том 2-й) и в пункте 15-м протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й) по акту фотографирования.

Из показания свидетеля Евгения Степановича Кобылинского видно, что у доктора Боткина была всегда в кармане платья маленькая щеточка, которой он пользовался для усов, бороды (л.д. 134 об., том 3-й). Зачеркнуто: «экспертизы». Исправлено: «19 февраля».

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.
Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА (см. иллюстрации после с. 288)

Во исполнение постановления от 24 октября 1920 года к делу приобщаются сведенные в систему фотографические отпечатки предметов, о коих приводятся нижеследующие сведения в настоящей справке:

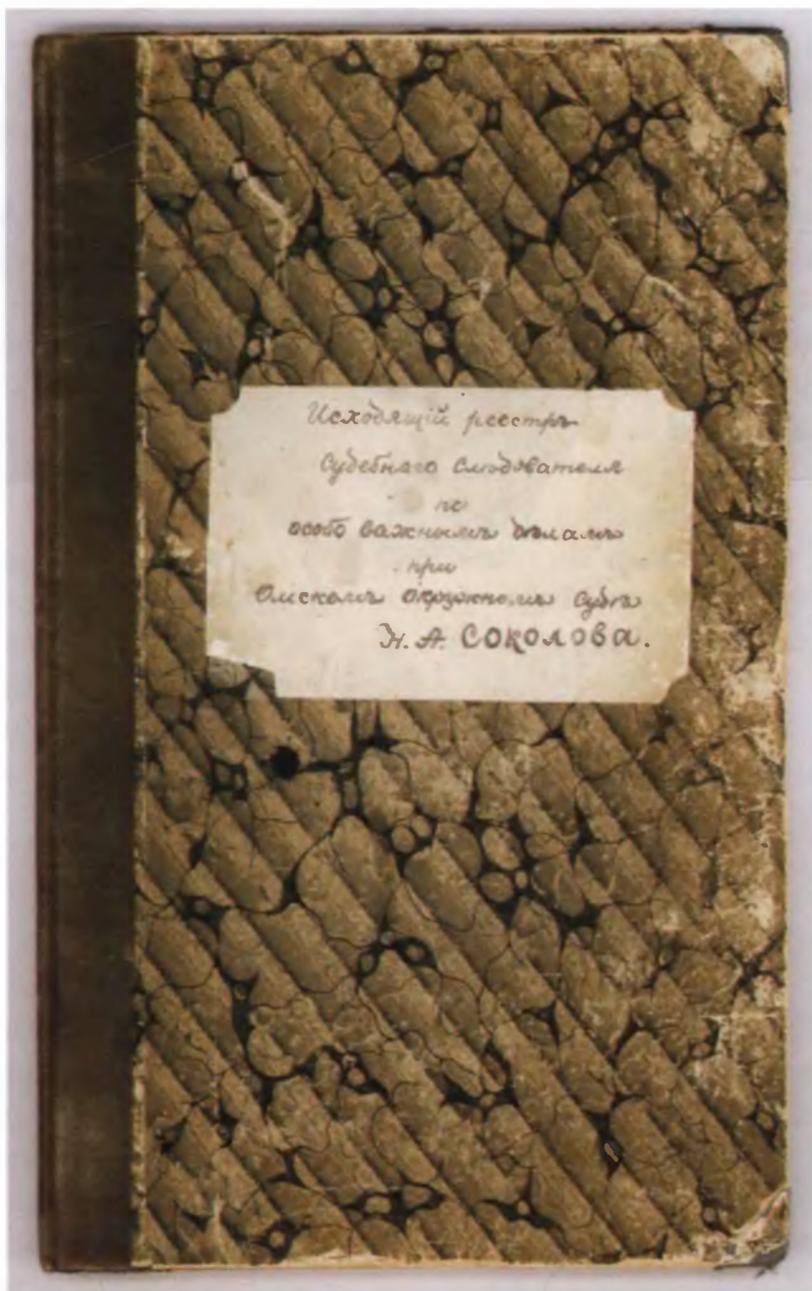
1). Фотографический снимок № 1-й

На этом снимке изображены передние планшетки шести различных корсетов.

Эти планшетки были найдены кр-нами д. Коптяков Михаилом Дмитриевым Алферовым (л.д. 135 том 5-й), Павлом Филаретовым Алферовым (л.д. 139 том 5-й), Гавриилом Егоровым Алферовым (л.д. 142 том 5-й), Михаилом Игнатьевым Бабиновым (л.д. 137 об., том 5-й) и Николаем Васильевым Папиным (л.д. 75 том 5-й) 28 июля 1918 года на глиняной пло-

Н.А. СОКОЛОВ

Исходящий реестр судебного следователя
по особо важным делам Омского окружного суда
Н.А. Соколова

Сундук, в котором находились тома следственного дела
Н.А. Соколова

Областной Исполнительный Комитет Советов Урала.

378		ТЕЛЕГРАММА		ПРЕДАНА	
ЕКАТЕРИНБУРГ		191 г. № 2029			
ПОДАНА					
13	4/6 183	17/10	21	90	

лит В.

МОСКВА Времь Секретаря совнаркомов ГОРЬКОВУ
с обратной проводкой

37343012293536432627672640322010273623493+1351224134314223
614531347548394037234735427835760030034145124338433142211
3253414517631233630443427403423234602642794474264733322422
37343628062919

Белобородов

Шифрованная телеграмма А.Г. Белобородова в адрес Совета народных комиссаров о расстреле семьи императора Николая II. 17 июля 1918 г.

Ганина Яма. Поисковые работы. 1919 г.

Шахта № 7 на Ганиной Яме, куда сначала были сброшены
тела расстрелянных. 1919 г.

Заброшенные шахты в районе рудника. 1919 г.

Н.А. Соколов на месте глиняной площадки. 1919 г.

щадке в районе верхнего костра, значащегося на верхнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й.

Они описываются в пункте 5-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 об., том 2-й); значатся по акту экспертизы в пункте 3-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 2-м того же 19 февраля (л.д. 57 том 2-й).

Из показаний свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 том 6-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 134 том 3-й) и обвиняемого Анатолия Александрова Якимова (л.д. 110 об., том 4-й) видно, что Государыня Императрица, Великие Княжны и Демидова обычно были в корсетах.

2). Фотографический снимок № 2-й

На этом снимке изображены корсетные «боковые кости».

Они были найдены теми же крестьянами, в районе того же костра, того же 28 июля 1918 года (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 2).

Они описываются в пункте 6–8 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 45 об., том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пунктах 3-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 3-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 57 том 2-й).

3). Фотографический снимок № 3-й

На этом снимке изображены такие же корсетные «боковые кости».

Они были найдены 25 и 26 мая 1919 года на глиняной площадке, значащейся на фотографическом снимке на листе дела 56 том 5-й (нижний снимок), при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым.

Они описываются в пунктах 28 и 31 протокола 19-22 июня 1919 года (л.д. 105 об., 107 том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 23-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 об., том 8-й).

На этом же снимке изображена длинная, узкая железная лента, являющаяся той лентой, какие обычно кладутся в фуражки, преимущественно, военного фасона, чтобы поля их держались ровно.

Эта лента была найдена 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й), на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебного Следователя Н.А. Соколова.

При рассмотрении всех фотографических снимков Государя Императора, в коих Он снят с фуражкой на голове, видно, что Его фуражка, в противоположность фуражке Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, должна иметь такую ленту.

4). Фотографический снимок № 4-й

На этом снимке изображен металлический угольничек от корсетной кости. Он был найден 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й) в районе костра, значащегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й; описывается в пункте 45 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 об., том 5-й) и значится по акту фотографирования в пункте 11-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

5). Фотографический снимок № 5-й

На этом снимке изображены пряжки от подвязок при корсетах.

Они были найдены 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке в костре у шахты № 7, значащейся на верхнем снимке на листе дела 57 том 5-й кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 т. 5). Они описаны в пункте 9 «а» — «д» протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 46 том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 4-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 4-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 том 2-й).

Около пряжек соответственно им видны на снимке кусочки шелковой резины от самых подвязок, а один отдельный кусочек — есть шелк вязаный: материя корсета.

6). Фотографический снимок № 6-й

На этом снимке изображены такие же пряжки.

Они были найдены того же 28 июля, на то же площадке, в районе того же костра, теми же самыми лицами (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5). Они описаны в пункте 9 «е» — «и» протокола 15—16 февраля 1919 года (л.д. 46 об., том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 4-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 4-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 том 2-й).

По заключению экспертизы, — все эти пряжки есть принадлежность «хороших» корсетов.

7). Фотографический снимок № 7-й

На этом снимке изображена такая же пряжка.

Она была найдена в костре, значащемся на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; она описывается в пункте 40-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 108 том 5-й) и по акту фотографирования значится в пункте 11-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 2-й).

Из показаний свидетельниц Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 об., том 6-й) видно, что у Княжон при корсетах были такие пряжки.

8). Фотографический снимок № 8-й

На этом снимке изображены застежки и крючки от подвязок при корсетах.

Они все были найдены того же 28 июля 1918 года, на той же глиняной площадке, в районе того же костра, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описываются в пункте 10-м протокола 15—16 февраля 1919 года (л.д. 47 том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 5-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 62 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 6-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

Как устанавливается экспертизой, эти застёжки и крючки «хорошей, французской» работы.

Как видно из показаний Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 182 том 5-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 об., том 6-й), такие застёжки и крючки были у Государыни и Княжон.

9). *Фотографический снимок № 9-й*

10). *Фотографический снимок № 10-й*

На этих снимках изображены застёжка и крючок.

Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 68, 77 об., том 5-й); описываются в пунктах «а» 3 и «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 11 и 13 том 2-й) и значатся по актам фотографирования (застёжка) в пункте «г» протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 15 том 2-й), а крючок в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73, том 8-й).

Застёжка и крючок совершенно тождественны с изображенными на снимке № 8.

11). *Фотографический снимок № 11-й*

На этом снимке изображены 9 блочков от корсетной шнуровки.

Они были найдены того же 28 июля 1918 года (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 т. 5) кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими на той же глиняной площадке в районе того же костра у шахты № 7, значащегося на фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й (верхний снимок).

Они описываются в пункте 22 «г» протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 14-м протокола 20 февраля 1919 года и по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 19 того же февраля (л.д. 64, 58 том 2-й).

12). *Фотографический снимок № 12-й*

На этом снимке изображено одно такое блочко.

Оно было найдено 7 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й) при промывке засыпки в малом колодце шахты № 7; оно опи-сывается а пункте 19-м протокола 19–22 августа 1919 года (л.д. 129 об., том 6-й) и по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й).

13). Фотографический снимок № 13-й

На этом снимке изображены такие же блочки.

На левой стороне снимка видны в одной группе 34 блочка. Они были найдены при промывке костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года при разработке рудника, л.д. 69, 77 об., том 5-й): они описываются в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и в пункте 1-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 32 том 8-й).

Справа от этой группы видна группа тех же блочков, которые сняты на снимке № 11.

Под ними видны в отдельной группе 3 блочка. Они были найдены 18 июня 1919 года при просыпке почвы костра у шахты № 7, значащегося на верхнем снимке на листе дела 57 том 5-й; они описываются в пункте 51 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й) и в пункте 5 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 32 том 8-й).

Справа от них видны два блочка. Они были найдены 28 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым на той же глиняной площадке; они описываются в пункте 81-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 112 том 5-й).

По акту фотографирования все они значатся в пункте 1-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

14). Фотографический снимок № 14-й

На этом снимке изображены 5 больших и 1 малая пуговицы офицерского образца.

Они все были найдены 28 июля 1918 года в районе того же костра у шахты № 7, значащегося на верхнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, теми же крестьянами

Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описываются в пункте 14-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 7-м протокола 20 того же февраля (л.д. 63 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 9-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й). При изучении одежды Государя Императора и Алексея Николаевича по имеющимся в деле фотографическим снимкам можно полагать, что эти пуговицы могут принадлежать к костюмам Государя Императора или Алексея Николаевича.

15). Фотографический снимок № 15-й

На этом снимке изображены пуговицы и части их.

В первом ряду значатся 8 пуговиц. Первая была найдена 26 мая 1919 года в районе костра, находящегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); описана в пункте 42-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 том 5-й). Вторая была найдена 28 июня 1918 года в районе одного из костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, на глиняной площадке крестьянами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Она описывается в пункте 22 «а» протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й) и в пункте 22 «?» протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 35 том 8-й). Третья была найдена при просыпке почвы из костра у шахты № 7, значащегося на верхнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, 18 июня 1919 года; она описывается в пункте 52-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й). Четвертая была найдена 28 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й) на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; она описывается в пункте 83-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8-й). Пятая была найдена при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 10 июня 1919 года (л.д. 49 том 6-й); она описана в пункте 32 протокола 9–13 августа

1919 года (л.д. 130 об., том 6-й) и в пункте 31 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8-й). Шестая бала найдена вместе с седьмой и восьмой на глиняной площадке 27 мая 1919 года (л.д. 42 том 5) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; они описываются в пункте 64-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 110 об., том 5-й) и в пункте 27-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 35 об., том 8-й).

Ниже первого ряда занимают на снимке место 12 пуговиц и три части разрушенных пуговиц. Три части разрушенных пуговиц и 11 пуговиц из числа 12 были найдены 28 июня 1918 года на глиняной площадке кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5); они описываются в пункте 22 «а» протокола 15-16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й); одна же пуговица из числа 12 была найдена 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5-й) в районе костра, значащегося на нижнем снимке на листе дела 57 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; она описывается в пункте 41 протокола 19-22 июня 1919 года (л.д. 108 том 5-й) и в пункте 23 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 35 об., том 8-й).

Ниже этой группы на снимке видна у края большая пуговица. Она была найдена 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; она описывается в пункте 97 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 113 том 5) и в пункте 30 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8-й). Рядом с ней — группа из двух пуговиц и остатка третьей. Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года при разработке рудника; они описаны в пункте «а» 15 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 об., том 8-й).

Рядом с этой группой видна белая пуговка. Она была найдена 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; она описана в пункте 96 протокола

19–22 июня 1919 года (л.д. 113 том 5-й) и в пункте 29 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8-й).

Рядом с ней пуговица и часть пуговицы. Они были найдены 26 мая 1919 года на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 41 об., том 5-й); они описываются в пунктах 57 и 45 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 109 об., 108 об., том 5) и в пунктах 26 и 25 11 ноября 1919 года (л.д. 35 об., том 8-й). Ниже большой пуговицы, находящейся на снимке с левой стороны у края, видна пуговица и часть ее (а также металлический осколочек гранаты). Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 69, 77 об., том 5-й); они описаны в пункте «а» 3 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 11 том 2-й) и в пункте 18 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 том 8-й).

Рядом с ними изображены на снимке четыре пуговицы. Они были найдены 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5); они описаны в пункте 15 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 том 2-й) и в пункте 21 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 об., том 8-й). Все эти пуговицы значатся по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

16). Фотографический снимок № 16-й

17). Фотографический снимок № 17-й

18). Фотографический снимок № 18-й

На первом из сих снимков изображена жестяная пробка, а на двух пуговицы. Они были найдены в районе шахты № 7 в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 10 том 2-й).

Они описаны в пунктах 10 и 11 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 том 2-й), а пуговицы – также и в пункте 19-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 об., том 8-й).

Они значатся по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

19). Фотографический снимок № 19-й

На этом снимке изображена одна пуговица. Она была найдена при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й (л.д. 69, 77 об., том 5-й); она описана в пункте «а» 3 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 11 том 2-й) и значится по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 февраля 1919 года (л.д. 40 том 2-й).

20). Фотографический снимок № 20-й

21). Фотографический снимок № 21-й

На этих снимках значатся 12 пуговиц и часть пуговицы (колечко от разрушенной пуговицы), описанные в пункте 22 «а» протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й). Они значатся по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й). Эта группа уже значится на снимке № 15.

22). Фотографический снимок № 22-й

23). Фотографический снимок № 23-й

На этих снимках изображены пуговицы, описанные в пункте 15 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 том 2-й). Они же значатся на снимке № 15. По акту фотографирования эти выделенные в особую группу пуговицы значатся в пункте 10 и 11 протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

Показаниями свидетельниц Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 183 об., том 5-й) и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 об., 79 том 6-й) Некоторые из пуговиц на снимках за №№ 15, 21, 22 и 23 устанавливаются индивидуально; 6 больших пуговиц на снимке № 15 и такие же пуговицы на снимках № 22 и 23 признаются ими принадлежащими к костюмам Государыни Императрицы; одна разрушенная пуговка на снимке № 15 (слева внизу) – к подвязкам Императрицы, две белые перламутровые пуговки на снимке № 15 – к блузкам Великих Княжон. Все такие пуговицы обозначены на снимках крестиками.

Некоторые из пуговиц «Лидваля в Петербурге». Они обозначены на снимках черточками. Показаниями тех же лиц

устанавливается, что на дворцовую прислугу шил портной Лидваль.

24). Фотографический снимок № 24-й

На этом снимке изображены пряжки от брюк, жилетов.

Они все были найдены 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке, теми же крестьянами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5);

Они описываются в пункте 11-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 47 об., том 2-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 6-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 63 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 7-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

По заключению экспертизы, все эти пряжки хорошей работы, французского изготовления, кроме одной, выделяющейся своим внешним видом от других и на снимке.

25). Фотографический снимок № 25-й

На этом снимке изображена пряжка от женского кушака-пояса.

Она была найдена того же 28 июля, на той же глиняной площадке, теми же крестьянами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5);

Она описана в пункте 21-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й) и значится по акту экспертизы в пункте 13 протокола 20 того же февраля (л.д. 63 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 13 протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й).

Показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 134 том 3-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 об., том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 79 том 6-й) и обвиняемого Филиппа Полиевктова Проскуракова устанавливается, что с такими пряжками были пояса у Великих Княжон или у Демидовой.

26). Фотографический снимок № 26-й

На этом снимке изображена пряжка от женского пояса.

Она была найдена при промывке почвы костров на глиняной площадке и у старой березы, значащихся на фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 69, 77 об., том 5-й).

Она описана в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и значится по акту экспертизы в пункте 5-м протокола того же 10 февраля (л.д. 21 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

Экспертизой устанавливается принадлежность ее к дамскому поясу.

27). Фотографический снимок № 27-й

На этом снимке изображена пряжка от мужских помочей.

Она была найдена того же 28 июля 1918 года, на той же глиняной площадке, в том же костре у шахты № 7, значащемся на верхнем фотографическом снимке на лист дела 57 том 5-й, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Она описывается в пункте 21-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й) и значится по акту экспертизы в пункте 13-м протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 63 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 13-м протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й).

28). Фотографический снимок № 28-й

На этом снимке изображены крючки, петли и кнопки.

Три большие крючка на снимке (крайние) были обнаружены того же 28 июля 1918 года, в районе одного из двух костров, значащихся на фотографических снимках на листе дела 57 том 5-й, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., том 5-й).

Они описываются в пункте 18 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. том 2-й) и в пункте 10 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 33 том 8-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 11 протокола 20 февраля 1919 года (л.д. 63 об., том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 10 протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

Рядом с ними выделен один крючок. Он был найден 26 мая 1919 года в районе костра, значащегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 41 об., том 5-й). Он описывается в пункте 44 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 том 5-й) и в пункте протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 33 том 8-й).

Рядом с ним видны на снимке крючок и петелька. Они были найдены на глиняной площадке 1 июня 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 об., том 5-й). Они описываются в пункте 94 и 95 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 113 том 5-й) и в пунктах 9 и 16 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 33, 34 том 8). Рядом с ними видны три крючка и две петельки. Они были найдены того же 28 июля 1918 года, в районе одного из тех же костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описываются в пункте «д» 22 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 том 2-й) и в пунктах 7 и 12 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 32 об., 33 об., том 8-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 14 протокола 20 того же февраля (л.д. 54 том 2-й) и по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й).

Ниже описанных на снимке два ряда занимают 14 крючков и 14 петель. Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 69, 77 об., том 5-й). Они описываются в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и в пунктах 6 и 11 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 32 об., 33 том 8-й). Они значатся по акту экспертизы в пунктах 4 и 6 протокола 10 того же февраля (л.д. 21 об., том 2-й).

В следующем ряду слева у края видна маленькая петелька. Она была найдена 6 июня 1919 года при просыпке и промывке почвы глиняной площадки (л.д. 45 об., том 5-й). Она описывает-

ся в пункте 5 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 127 об., том 6-й) и в пункте 17 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 том 8-й).

Рядом в ней видна английская застёжка. Она была найдена 1 июня 1919 года в районе костра, значащегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 об., том 5-й). Она описывается в пункте 48-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 об., том 5-й).

Рядом с ней видны две больших одинаковых петли. Они были найдены того же 1 июня, в том же месте и при том же осмотре (л.д. 42 об., том 5-й) и 26 мая того же года на глиняной площадке при том же осмотре (л.д. 42 том 5-й). Они описываются в пунктах 47 и 63 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 об., 110 об., том 5-й) и в пунктах 13 и 14 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 том 8-й).

Рядом с ними видна на снимке одна петелька. Она была найдена 28 мая 1919 года на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й). Она описана в пункте 82-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 112 том 5-й) и в пункте 15 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 34 том 8-й).

В следующем ряду на снимке видны 12 кнопок. Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 69, 77 об., том 5-й); они описываются в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и в пункте 33 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8); по акту экспертизы они значатся в пунктах 5 и 6 протокола 10 того же февраля (л.д. 21 об., том 2-й).

В нижнем ряду видны слева 4 кнопки. Они были найдены 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке, в районе тех же костров, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описываются в пункте «в» 22 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. ? том 2-й) и в пункте 34-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 том 8-й).

Далее видны три пары кнопок (всего шесть, соединенных попарно); они были найдены 26 мая 1919 года в костре, значащемся на нижнем снимке на листе дела 57 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 412 об., том 5-й); они описаны в пункте 43 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 108 том 5-й) и в пункте 35 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 36 об., том 8-й).

За ними далее видна одна кнопка. Она была найдена 5 июля 1919 года при промывке костра у старой березы, значащегося на нижнем снимке на листе дела 57 том 5-й (л.д. 52 том 5-й); она описана в пункте 50 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й) и в пункте 37 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 том 8-й). Все они значатся по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й); кроме того, четыре кнопки (слева во втором ряду) значатся по акту экспертизы в пункте 14-м протокола 20 того же февраля (л.д. 64 том 2-й).

29). Фотографический снимок № 29-й

На этом снимке значатся те же самые крючки, которые видны и на снимке № 28 первыми слева. Они отдельно фотографировались по акту от 19 февраля 1919 года в пункте 10-м (л.д. 57 об., том 2-й).

30). Фотографический снимок № 30-й

На этом снимке изображены те же самые три крючка и две петли, которые значатся на снимке № 28 справа крайними. Они отдельно фотографировались по акту от 19 февраля 1919 года в пункте 14-м (л.д. 38 том 2-й).

31). Фотографический снимок № 31-й

На этом снимке значатся те же самые четыре кнопки, которые видны и на снимке № 28 слева внизу. Они отдельно фотографировались по акту от 19 февраля 1919 года в пункте 14-м (л.д. 58 том 2-й).

32). Фотографический снимок № 32-й

На нем изображены 2 кнопки.

Они из числа 14 кнопок, описанных в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и из коих 12 кнопок изображены на снимке № 28.

33). Фотографический снимок № 33-й

На этом снимке изображена 1 кнопка.

Она была найдена 7 июля 1919 года при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 49 том 6-й) и описана в пункте 20-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 129 об., том 6-й) и в пункте 36-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 том 8-й).

Эти три кнопки, изображенные на снимках №№ 32 и 33, значатся по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

Как видно из актов осмотра и экспертиз всех предметов, значащихся на снимках №№ 28–32, и показаний свидетельницы Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 77 об., том 6-й), — из трех больших крючков и двух петель, значащихся на снимке № 28, один крючок — заграничной работы, два других — кустарной работы, как и парные с ними петли; все крючки эти относятся к поясам брюк.

Большинство всех остальных крючков — от дамских платьев, причем к таковым могут относиться и самые большие крючки из остальных. Все эти крючки — хорошей работы и опознаются Тутельберг за такие именно крючки, какие ставились к костюмам Государыни и Великих Княжон Их портным Бризаком. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из крючков и петель (все они носят следы огня) имеют вытянутые части, как будто бы вытянувшиеся при разрыве одежды. Одна же петелька так и не разъединилась с крючком, сохранившись в таком виде после сожжения одежды.

Из всех кнопок выделяются своей величиной четыре кнопки. Все остальные — относятся, видимо, к дамским костюмам. Все кнопки — хорошей работы; некоторые имеют следы французских клейм.

При изучении одежды Государя Императора и Наследника Цесаревича по имеющимся при деле фотографическим снимкам ясным представляется, что эти четыре мужские кнопки относятся к Их гимнастеркам, будучи пришиты к внутренней стороне карманов гимнастерок.

34). Фотографический снимок № 34-й

На этом снимке изображены обгорелые предметы, найденные 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Они описаны в пункте 24-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 об., том 2-й) и в протоколе 18 декабря 1919 года (л.д. 49 том 8-й) и значатся по акту экспертизы в протоколе 12 ноября 1919 года (л.д. 85 том 8-й) и по акту фотографирования в пункте 15-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 58 том 2-й).

35). Фотографический снимок № 35-й

На этом снимке изображены предметы, однородные с предметами, значащимися на предыдущем снимке № 34.

Они были найдены 26 мая 1919 года на склоне старого шурфа около той же глиняной площадки при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й). Они описаны в пункте 30-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 106 том 5-й) и в протоколе 12 ноября 1919 года (л.д. 40 том 8-й) и значатся по акту экспертизы в протоколе 18 декабря 1919 года (л.д. 85 том 8-й) и по акту фотографирования в пункте 26 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 30 об., том 8-й).

Как видно из заключения эксперта, все предметы, изображенные на снимке № 34 и на снимке № 35, есть обугленная обувь, причем эксперт признал, что эти остатки есть части «механической» обуви, хорошей работы «на пробке». На снимке видны обгорелые гвоздики и винтики, причем винтики эти — медные, что, по заключению эксперта, также есть признак хорошей обуви.

36). Фотографический снимок № 36-й

На этом снимке изображены 2 гвоздика и винтика, видимые в верхней части снимка (между ними видна английская застежка).

Они были найдены при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 69 том 5-й). Они описаны в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и в пункте 42 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 об., том 8-й) и в пункте 48-м того же протокола. Английская застежка была найдена вместе с ними и значится в числе предметов, описанных в пункте «а» 15 протокола того же 10 февраля. Внизу снимка изображены головка гвоздика и два гвоздика; они были найдены при просыпке и промывке почвы глиняной площадки 6 июля 1919 года (л.д. 45 том 6-й); они описаны в пункте 4 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 127 об., том 6-й) и в пункте 46 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 об., том 8-й).

Далее на снимке виден 1 гвоздик; он был найден 27 мая 1919 года на глиняной площадке (л.д. 42 том 5-й) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; он описан в пункте 65 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 110 об., том 5-й) и в пункте 43 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 об., том 8-й).

Далее на снимке видны 2 винтика, 1 тонкий гвоздик и 2 обломка гвоздика; они были найдены 7 июля 1919 года при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 49 том 6-й) и описаны в пунктах 21—23 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 129 об., том 6-й) и в пунктах 44—45 протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 об., том 8-й).

По акту фотографирования все они значатся в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

37). Фотографический снимок № 37-й

На этом снимке изображены 4 винтика.

Они были найдены 8 июля 1919 года при просыпке и промывке почвы глиняной площадки (л.д. 45 об., том 6-й) и описаны в пункте 8-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 128 том 6-й) и в пункте 49-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 38 том 8-й).

Они значатся по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

38). Фотографический снимок № 38-й

На этом снимке изображен винтик. Он был найден в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 10 том 2-й) и описан в пункте «а» 12 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 об., том 2-й) и в пункте 47-м протокола 11 ноября 1919 года (л.д. 37 об., том 8-й). По акту фотографирования он значится в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

Все эти гвоздики и винтики, изображенные на снимках 36—38, совершенно одинаковы с таковыми же на снимках №№ 34 и 35 и являются также принадлежностью обуви.

39). Фотографический снимок № 39-й

На этом снимке изображен предохранитель для каблука сапога.

Он был найден в августе месяце 1918 года (л.д. 10 том 2-й) при разработке рудника и описан в пункте 11-м протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 об., том 2-й).

По акту фотографирования он значится в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

40). Фотографический снимок № 40-й

На этом снимке изображен кусочек кожи от обуви.

Он был найден при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 10 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й) и описан в пункте 38 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 130 об., том 6-й); по акту фотографирования он значится в пункте 11 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

41). Фотографический снимок № 41-й

42). Фотографический снимок № 42-й

На первом из этих снимков изображена застежка, а на втором — угольничек, видимо, оба предмета от какой-либо сумочки или портмоне.

Застежка была найдена при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 68, 77 об., том 5-й); она описана в пункте «а» 3 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 11 том 2-й) и значится

по акту фотографирования в пункте «г» протокола того же 10 февраля (л.д. 15 том 2-й). Обломочек был найден 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке в районе костра у шахты № 7 теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5); они описаны в пункте «а» 22 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 том 2-й) и значится по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 19 того же февраля (л.д. 58 том 2-й).

43). Фотографический снимок № 43-й

На этом снимке изображено кольцо, видимо, от зонтика.

Оно было найдено того же 28 июля 1918 года на той же глиняной площадке, теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5).

Оно описывается в пункте «б» 22 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 49 том 2-й) и значится по акту фотографирования в пункте 14-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 58 том 2-й).

44). Фотографический снимок № 44-й

На этом снимке изображены револьверная пустая гильза, американский ключ и две медные монетки двухкопеечного достоинства.

Они были найдены того же 28 июля 1918 года на глиняной площадке теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5)

Они описываются в пунктах 19, 20 и 23 протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 об., том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 12 протокола 19 того же февраля (л.д. 57 об., том 2-й).

45). Фотографический снимок № 45-й

46). Фотографический снимок № 46-й

На первом из этих снимках изображены три, а на втором — один гвоздь.

Два гвоздя на снимке первом были обнаружены 28 мая 1919 года на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); они описаны в пункте 80-м протокола 19–22 июня 1919 года

(л.д. 111 об., том 5-й). Один гвоздь был найден при промывке почвы костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года и описан в пункте «а» 12 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 об., том 2-й).

Гвоздь на снимке № 46 был найден 1 июня 1919 года на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 об., том 5-й) и описан в пункте 98 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 113 об., том 5-й).

Все эти гвозди значатся по акту фотографирования в пункте 2-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 том 8-й).

47). *Фотографический снимок № 47-й*

48). *Фотографический снимок № 48-й*

На этом снимке изображены кусочки свинцовой бумаги (приколотые для их фотографирования булавками).

Кусочки на снимке № 47 были найдены 26 мая 1919 года на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 58-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 110 том 5-й).

Кусочек на снимке № 48 был найден 10 июля 1919 года при промывке ила и почвы из большого колодца шахты № 7 (л.д. 49 об., том 6-й) и описан в пункте 42 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 131 том 6-й).

По акту фотографирования все эти кусочки значатся в пункте 30-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81 том 8-й).

Значащиеся на снимках за №№ 46—48 гвозди и свинцовая бумага, как будто бы не имеющие отношения к вещам Августейшей Семьи, в действительности, видимо, принадлежат Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу: показаниями свидетелей Сергея Иванова Иванова (л.д. 63 об., том 6-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 158 том 5-й), Александры Александровны Тегловой (л.д. 174 том 5-й) устанавливается, что гвозди, свинцовую бумагу любил собирать Алексей Николаевич и набивал себе такими предметами карманы.

Ввиду показания Сергея Иванова Иванова (л.д. 63 об., том 6-й) к числу таких же предметов может относиться и револьверный патрон на снимке № 44.

49). Фотографический снимок № 49-й

На этом снимке изображены обрывки шнура.

Он был найден 27 мая 1919 года вблизи шахты № 7 в старой яме, на дне которой лежат трубы, значащейся на нижнем фотографическом снимке на листе дела 56 том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 об., том 5-й) и описан в пункте 106 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 114 том 5-й) по акту фотографирования он значится в пункте 80-м (?) протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81 том 8-й).

Первоначально, в момент его нахождения, он был принят за шнурок.

26 мая 1919 года на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 55 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 109 об., том 5-й); пять осколков были найдены 20 июня 1919 года в третьем костре (уничтоженном при разработке рудника в августе месяце 1918 года) (л.д. 52 об., том 6-й) и описаны в пункте 55-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й); семь осколков были найдены 26 мая 1919 года на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 60 того же протокола (л.д. 110 об., том 5-й); 22 осколка были найдены 27 мая 1919 года при том же осмотре на той же глиняной площадке (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 67-м того же протокола (л.д. 110 об., том 5-й); два осколка были найдены 28 мая 1919 года на той же площадке при том же осмотре (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 86 того же протокола (л.д. 112 об., том 5-й); одиннадцать осколков были найдены 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й) при том же осмотре на той же площадке и описаны в пункте 100 того же протокола; два осколка были найдены 4 июня 1919 года у самой шахты № 7 (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пункте 108 того же протокола; пять осколков были найдены 5 июня 1919 года между шахтой № 7 и глиняной площадкой (л.д. 42 об., том 5-й) при том же осмотре и описаны в пункте 112 того же протокола (л.д. 114 об., том 5-й).

Все эти осколки стекол, по существу их, являются осколками от разбитых флакончиков с солями, от простой бутылки, при чем, как видно из показаний свидетельниц Александры Александровны Теглевой и Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 174 том 5-й и л.д. 83 том 6-й) у Августейшей Семьи в простых бутылках была святая вода.

51). Фотографический снимок № 51-й

На этом снимке изображена аптечная этикетка от какого-либо лекарства.

Эта этикетка была найдена 5 июля 1919 года при промывке костра, значащегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5, и описана в пункте 48 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 131 об., том 6-й).

Осколки стекла, значащиеся на снимке № 50, и этикетка на снимке № 51 значатся по акту фотографирования в пунктах 30 и 31 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81, 81 об., том 8-й)

52). Фотографический снимок № 52-й

На этом снимке изображены кусочки эмали.

Они были найдены 28 мая 1919 года (первые два кусочка) на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым и при промывке почвы костров, значащихся на фотографических снимках на листе дела 57 том 5-й, в августе месяце 1918 года (л.д. 10 том 2-й); первые два описаны в пункте 85 протокола 19 — 22 июня 1919 года; последние в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й); дополнительно все они описаны в протоколе 11 ноября 1919 года (л.д. 26 том 8-й).

По акту фотографирования все они значатся в пункте 31-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81 об., том 8-й).

Все эти осколочки эмали произошли от разрушения образцов, изображенных на снимке за № 1.

Вторую линию снимка занимают 16 кусочков белого воска.

Эти кусочки белого воска были найдены 10 июля 1919 года при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7

(л.д. 49 том 6-й) и описаны в пункте 34-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 130 об., том 6-й).

Далее на снимке виден обломок стеариновой свечи. Он был найден того же 10 июля при той же промывке (л.д. 49 том 6-й) и описан в пункте 33 того же протокола (л.д. 130 об., том 6-й).

Далее на снимке видны кусочки цинкового предмета. Первый кусочек был найден при той же промывке 10 того же июля (л.д. 49 том 6-й) и описан в пункте 25 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 129 об., том 6-й); второй был найден при той же промывке 10 того же июля (л.д. 49 том 6-й) и описан в пункте 37 того же протокола (л.д. 130 об., том 6-й).

Самую нижнюю линию снимка занимают кусочки красного воска.

Эти кусочки были найдены 26 мая 1919 года при исследовании верхних видимых частей открытой шахты № 7 (л.д. 42 об., том 5-й) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7: 8 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й) и 10 июля 1919 года (л.д. 49 том 6-й); они описываются в пунктах 104 и 109 протокола 19-22 июня 1919 года (л.д. 114, 114 об., том 5-й) и в пунктах 24 и 35 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 129 об., том 6-й), (л.д. 130 об., том 6).

Из данных следствия видно, что в числе вещей, отобранных у охранника Царской Семьи в Екатеринбурге Летемина, были из числа Царских вещей стеариновые свечи и восковые свечи белого воска (л.д. 189 том 6-й).

Из данных следствия видно, что в числе вещей, отобранных у охранника Царской Семьи в Екатеринбурге Старкова, были из числа Царских вещей восковые свечи красного воска, причем из показания свидетеля Алексея Андреевича Волкова видно, что такие красные свечи были у Августейшей Семьи в обиходе и в Тобольске (л.д. 191 об., том 6-й), (л.д. 144 том 6).

Показанием свидетельницы Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 83 об., том 6-й) устанавливается, что кусочки цинка

есть обломки образочков Государыни Императрицы Александры Федоровны.

53). Фотографический снимок № 53-й

54). Фотографический снимок № 54-й

На этих снимках изображены куски угля. Угли, на первом снимке изображенные, были найдены 10 июля 1919 года при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 49 том 6-й) и описаны в пункте 39 протокола 9-13 августа 1919 года (л.д. 131 том 6-й). Угли, изображенные на втором снимке, были найдены 10 того же июля (л.д. 49 об., том 6-й) при промывке ила из большого колодца шахты № 7 и описаны в пункте 46 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 131 об., том 6-й). Эти угли, видимо, были выброшены из костра, значащегося на снимке (верхний снимок) на листе дела 57 том 5-й, когда костер тушился.

55). Фотографический снимок № 55-й

На этом снимке изображены перочинный нож и английская булавка.

Они были найдены: перочинный нож 26 июня 1919 года при выемке засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 48 том 6-й); английская булавка — 10 июля 1919 года при промывке этой засыпки (л.д. 49 том 6-й), описанная в пункте 30-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 130 том 6-й).

Предметы, изображенные на снимке 52 значатся по акту фотографирования в пункте 31-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 81 об., том 8-й); предметы, изображенные на снимке 53 и 54, в пунктах 12 и 13 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й); предметы, значащиеся на снимке 55, значатся в том же пункте 13-м.

56). Фотографический снимок № 56-й

На этом снимке изображены кусочки разбитого предмета из гипса.

Они были найдены на глиняной площадке 26 мая 1919 года (л.д. 41 об., том 5) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым и описаны в пункте 36 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 107 об., том 5-й).

Они значатся по акту фотографирования в пункте 6-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

57). Фотографический снимок № 57-й

На этом снимке изображена саперная лопата, малого образца: «носимая».

Она была найдена в большом колодце шахты № 7 в августе месяце 1918 года при разработке рудника (л.д. 67 об., том 5-й); она описывается в пункте «б» протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 об., том 2-й) и значится по акту фотографирования в пункте 3-м протокола 12 того же февраля (л.д. 40 том 2). Из объяснения обвиняемого Анатолия Александрова Якимова (л.д. 121 об., том 4) видно, что такая лопата, какая изображена на сем снимке, до убийства Августейшей Семьи находилась в комендантской комнате дома Ипатьева.

58). Фотографический снимок № 58-й

59). Фотографический снимок № 59-й

60). Фотографический снимок № 60-й

61). Фотографический снимок № 61-й

На всех этих снимках изображены части гранат.

Части гранат, значащиеся на снимках за №№ 58 и 59, были найдены 28 июля 1919 года в районе глиняной площадки теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135 и др. том 5-й); они описаны в пункте 17-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 48 том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 12 протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 57 об., том 2-й).

Части гранаты, значащиеся на снимке № 80, были найдены в августе месяце 1918 года в большом колодце шахты № 7 (л.д. 67 том 5-й); они описаны в пункте «а» 12 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12(?) том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 2 протокола 12 того же февраля (л.д. 40 том 2-й).

Части гранаты, значащиеся на снимке № 61, были найдены там же, при той же разработке (л.д. 68 об., том 5-й); они описаны в пункте 14-м протокола того же 10 февраля (л.д. 13 том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 12 того же февраля (л.д. 4 том 2-й).

62). Фотографический снимок № 62-й

На этом снимке в верхнем ряду значатся те же осколки гранаты, что и на снимке за № 61.

Далее виден металлический стержень гранаты. Он был найден 27 июня 1919 года при разработке рудника вблизи шахты № 7 (л.д. 52 об., том 6-й) он описан в пункте 53-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й).

Кольца гранаты и всех вообще железных предметов, описанных в пункте «а» 12 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 12 об., том 2-й), часть коих изображена на снимке за № 60.

Ниже этих предметов на снимке виден один осколочек гранаты. Он был найден при осмотре местности Судебным Следователем по важнейшим делам Наметкиным 30 июля 1918 года (л.д. 5 том 1-й); описан в пункте 1-м протокола 29—30 октября 1919 года (л.д. 111 том 8-й). Несколько ниже его виден на снимке маленький осколочек гранаты. Он был найден 1 июня 1919 года на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 об., том 5-й) и описан в пункте 98 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 113 том 5). Из частей гранаты дале видны на снимке стакан, стержень и три железных пластинки. Стакан и стержень были найдены 13 июня 1919 года вблизи Ганиной ямы при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 43 том 5-й) и описаны в пункте 114 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 115 том 5-й). Три пластинки были найдены 10 июля 1919 года при промывке ила в большом колодце шахты № 7 (л.д. 49 об., том 6-й) и описаны в пункте 41 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 131 том 6-й).

Далее на снимке видны два винтовочных и два револьверных патрона. Винтовочные патроны были найдены 25 и 26 мая 1919 года на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й) и описаны в пунктах 37 и 48 (нижний на снимке) протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 108 об., 107 об., том 5-й).

Револьверные патроны были найдены 25 мая 1919 года на той же площадке, при том же осмотре (л.д. 42 том 5-й) и

описаны в пунктах 49 и 50 того же протокола (л.д. 108 об., 109 том 5-й).

63). *Фотографический снимок № 63-й*

64). *Фотографический снимок № 64-й*

65). *Фотографический снимок № 65-й*

66). *Фотографический снимок № 66-й*

67). *Фотографический снимок № 67-й*

68). *Фотографический снимок № 68-й*

На этих снимках изображены какие-то обгорелые пружинки.

Три пружинки на снимках за №№ 63–65 были найдены при промывке костров, значащихся на снимках на листе дела 57 том 5-й (л.д. 68 том 5-й); они описаны в пункте «а» протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 об., том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте «а» протокола 10 того же февраля 1919 года (л.д. 15 том 2-й).

Семь остальных пружинок на снимках за №№ 66–68 были найдены 28 июля 1919 года на той же глиняной площадке в районе костра у шахты № 7 теми же кр-нами Михаилом Дмитриевым Алферовым и другими (л.д. 135, 139, 142, 137 об., 75 том 5);

Они описаны в пункте 3-м протокола 15–16 февраля 1919 года (л.д. 45 том 2-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 1-м протокола 19 того же февраля (л.д. 57 том 2-й).

69). *Фотографический снимок № 70-й*

На этом снимке изображены пять сосновых палочек, отделившиеся от них части дерева (на бумажке) и обрывки веревки.

Они были найдены 23 мая 1919 года около кострища вблизи ямы с бревном, — кострище и эта яма значатся на двух снимках, находящихся на листе дела 57 том 5-й, — при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 4 том 5-й); они описаны в пунктах 10–12 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 102 об., том 5) и значатся по акту фотографирования в пункте 16 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 3-й).

Как установлено следствием, по распоряжению комиссара Войкова, к руднику была доставлена в количестве 11 с лишним пудов серной кислоты в упаковке, которую составляли ящики, сделанные из красного леса. Костер около ямы с бревном служил, видимо, делом окуривания данного места от комаров. Вероятным является предположение, что ненужными ящиками пользовались для разжигания костров.

Из показаний свидетелей Александры Гавриловны и Николая Ивановича Зубрицких видно (л.д. 122, 123 том 6-й), что после снятия заградительных кордонов вокруг рудника оттуда проходил грузовой автомобиль с поврежденным задним колесом, обмотанным толстой веревкой.

70). Фотографический снимок № 71-й

На этом снимке изображен топор.

Он был найден при разработке шахты № ? 15 июня 1919 года (л.д. 50 том 6-й) и описан в пункте 17-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 131 об., том 6-й); он значится по акту фотографирования в пункте 24 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 об., том 6-й).

71). Фотографический снимок № 71-й

На этом снимке изображен обрывок материи.

Он был найден 12 июня 1919 года (л.д. 47 том 6-й) при разработке шахты № 2; он описан в пункте 56 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 132 об., том 6-й) и значится по акту фотографирования в пункте 7 протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

72). Фотографический снимок № 72-й

На этом снимке изображен обрывок материи.

Он был найден 20 июля 1918 года (л.д. 5 том 1-й) между шахтой № 7 и костром, значащимся на нижнем фотографическом снимке на листе дела том 5-й, при осмотре местности Судебным Следователем по важнейшим делам Наметкиным; он описан в пункте 3-м протокола 29—30 октября 1919 года (л.д. 112 том 7-й) и значится по акту фотографирования в пункте 13 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 об., том 8-й).

73). Фотографический снимок № 73-й

На этом снимке изображены обрывки материи.

Они были найдены 25 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й) на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым; они были описаны в пункте 29 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 106 том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 8-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 74 том 3-й)

74). Фотографический снимок № 74-й

На этом снимке изображены обрывки материи.

Они были найдены 24 мая 1919 года вблизи шахты № 7 при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 41 том 5-й) и описаны в пунктах 20—21 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 104 об том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 9 протокола 13 декабря 1919 года (л.д. 77 том 8-й). Они обозначены на снимке цифрами «1» и «2».

На бумажке лежат кусочки материи (скорее всего, шелковой резины от корсетных подвязок), найденные 26 мая 1919 года в районе костра, значащегося на нижнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й; они описаны в пункте 39-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 107 об., том 5) и значатся по акту фотографирования в пункте 9-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 74 том 8-й). Они обозначаются на снимке цифрой «3».

Внизу снимка видны три кусочка материи, найденные 1 июня 1919 года (л.д. 42 том 5-й) на глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); они обозначены на снимке цифрами «4», «5», «6». Они описаны в пункте 103 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 114 том 5-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 9-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 74 том 8-й).

Все остальные кусочки были найдены 10 июля 1919 года при промывке засыпки в малом колодце и при промывке ила в большом колодце шахты № 7 (л.д. 49 том 6-й); они описываются в пунктах 31 и 40 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 130—131 том 6-й); по акту фотографирования они значатся в пункте 9-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 74 том 8-й).

Свидетелями Александрой Александровной Теглевой и Елизаветой Николаевной Эрсберг (л.д. 61–61 об., том 6-й) из кусочков материи на этом снимке опознаются некоторые за кусочки от юбки Государыни Императрицы и пальто Боткина. Они отмечаются крестиками, причем самый верхний кусочек, отмеченный крестиком, – от пальто Боткина.

75). Фотографический снимок № 75-й

На этом снимке изображен носовой платок.

Он был найден в июне 1919 года при разработке шахты № 3, он описан в пункте 9-м протокола 9-13 августа 1919 года (л.д. 12 том 6-й) и значится по акту фотографирования в пункте 6-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й). Зачеркнуто: - «При осмотре местности»; «На глиняной».

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.
Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА (см. иллюстрации после с. 288)

Во исполнение постановления от 24 октября 1920 года к делу приобщаются сведенные в систему фотографические отпечатки предметов, о коих приводятся нижеследующие сведения в настоящей справке: -

1). Фотографический отпечаток № 1-й

На нем изображены изумрудный крест и бриллиант.

Изумрудный крест был обнаружен 28 июля 1918 года кр-нами д. Коптяков Михаилом Дмитриевым Алферовым (л.д. 135 том 5), Павлом Филатеровым Алферовым (л.д. 139 том 5-й), Гавриилом Егоровым Алферовым (л.д. 142 том 5-й), Михаилом Игнатьевым Бабиновым (л.д. 137 об., том 5-й) и Николаем Васильевым Папиным (л.д. 75 том 5-й). Он был найден ими на глиняной площадке около шахты № 7, в районе ближайшего к этой шахте костра, каковая площадка и костер значатся на фотографических снимках, находящихся на листах дела 56–57 том 5-й (площадка – нижний снимок и костер – верхний снимок).

Этот крест описывается в пункте «г» протокола 10 февраля 1919 года по протоколу экспертизы – в пункте 2-м 10 того же февраля и по протоколу фотографирования – в пункте «ж» 10 того же февраля (л.д. 13 об., 19, том 2-й)

Принадлежность его Государыни Императрице Александре Федоровне устанавливается показаниями свидетелей Марии Густавовны Тутельберг и Александра Андреевича Волкова (л.д. 78, 144 том 6-й).

Бриллиант был обнаружен 30 июля 1918 года при осмотре района шахты Судебным Следователем по важнейшим делам Наметкиным (л.д. 5 том 1).

Он был найден в районе костра, значащегося на фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й (нижний снимок). Он описывается в пункте «в» протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 об., том 2-й); по протоколу экспертизы – в пункте 1-м 10 того же февраля 1919 года (л.д. 19 том 2-й) и по протоколу фотографирования – в пункте «ж» 10 февраля того же года (л.д. 15 том 2-й).

Принадлежность его Государыни Императрице Александре Федоровне устанавливается показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 109 том 2-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 181 об., том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 78 том 6-й).

2). Фотографический отпечаток № 2-й

На этом снимке изображен обгоревший жемчужный шарик с двумя маленькими бриллиантовыми камешками наверху.

Он был обнаружен при промывке почвы из костров, о коих упоминается выше в пункте 1-м сего протокола-справки, при разработке рудника в августе 1918 года (л.д. 68, 77 том 5-й).

Он описывается в пункте «а» 2 протокола 10 февраля 1919 года под именем «овального предмета», по протоколу фотографирования – в пункте «в» 10 февраля 1919 года и по протоколу экспертизы – в пункте 3-м протокола того же 10 февраля (л.д. 10 об., том 2-й), (л.д. 19 об. и 15 том 2).

Как видно из протокола экспертизы, этот шарик есть обгоревшая часть креста, изображенного на снимке № 1. На этом последнем виден такой же шарик, сохранившийся на одной из игол креста.

3). Фотографический отпечаток № 3-й

На этом снимке изображена жемчужно-бриллиантовая серьга.

Она была обнаружена в большом колодце шахты № 7 при разработке ее в августе 1918 года (л.д. 67 об., 76 об., том 5-й).

Она описывается в пункте «а» 1 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 том 2-й), по протоколу фотографирования — в пункте «б» протокола того же 10 февраля (л.д. 15 том 2-й) и по протоколу экспертизы — в пункте 3-м протокола 10 того же февраля (л.д. 19 об., том 2-й).

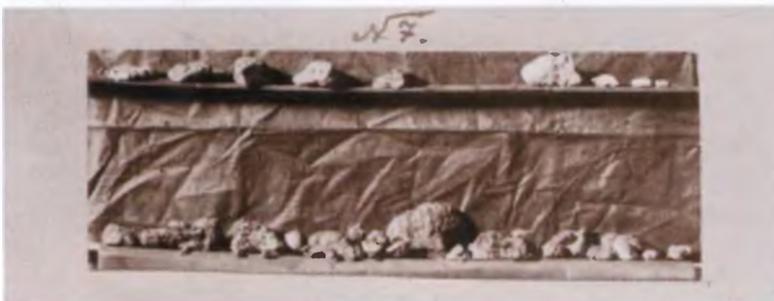
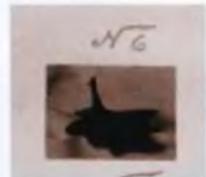
Принадлежность этой серьги устанавливается — Государыне Императрице Александре Федоровне — показаниями свидетелей Петра Андреевича Жильяра (л.д. 86 том 1-й, 109 том 2-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 172 об., том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 181 об., том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 76 том 6-й), Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 133 об., том 3-й).

Эта принадлежность также обнаруживается при сличении этой серьги с изображениями серег в ушах Императрицы на имеющихся при деле фотографических снимках (л.д. 79—80 том 7-й).

4). Фотографический отпечаток № 4-й

На этом снимке изображена другая серьга, парная к серьге, значащейся на снимке № 3. Она состоит из трех осколков жемчужины и золотой дужки серьги.

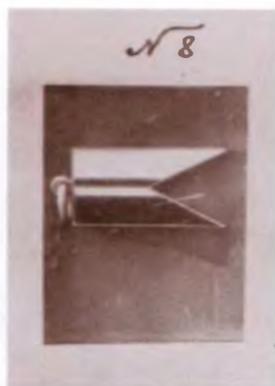
Эти части серьги были обнаружены при промывке двух костров районе шахты № 7 в августе 1918 года (л.д. 68, 77 том 5-й), каковые костры находятся на фотографических снимках на листе дела 57 том 5. Они описываются в пункте «а» 2 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 об., том 2-й); по протоколу фотографирования в пункте «а» того же 10 февраля

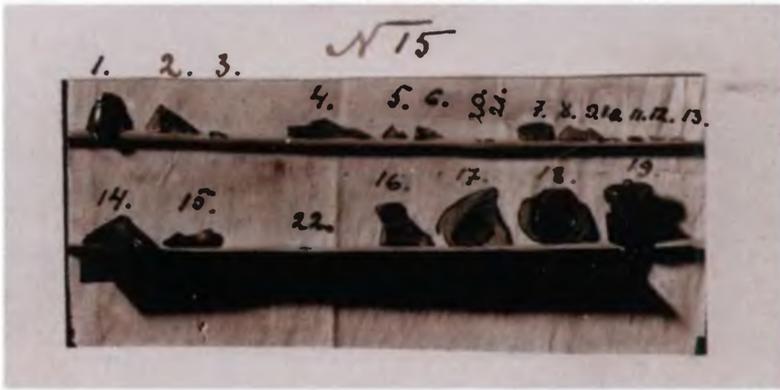
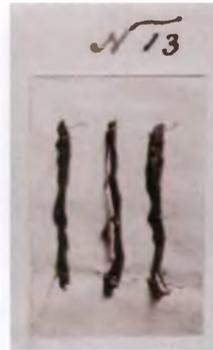
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 244-246)

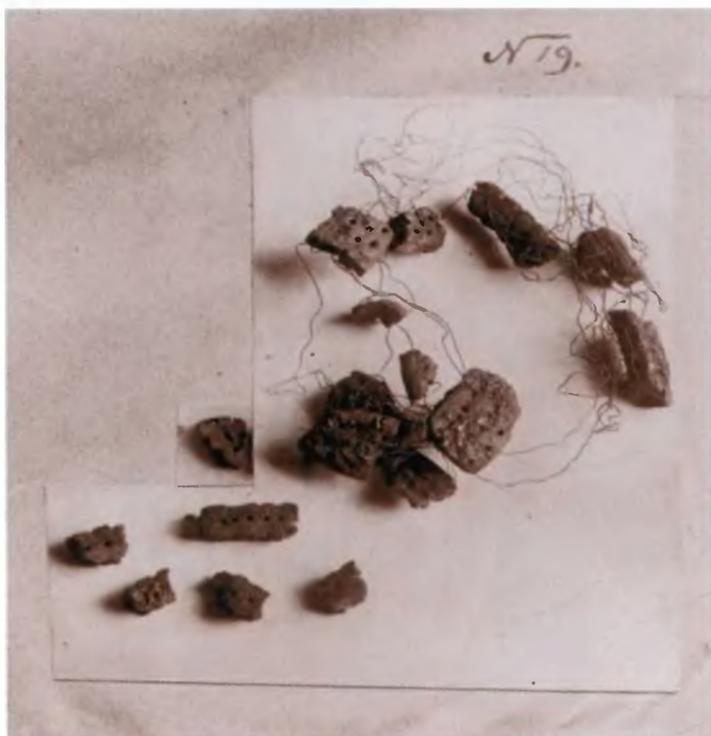
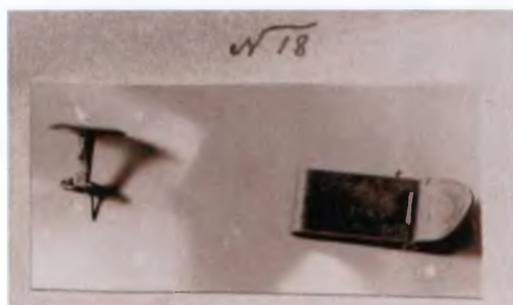
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 246-247)

Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 248-256)

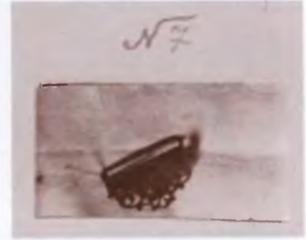
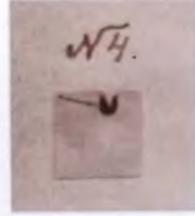
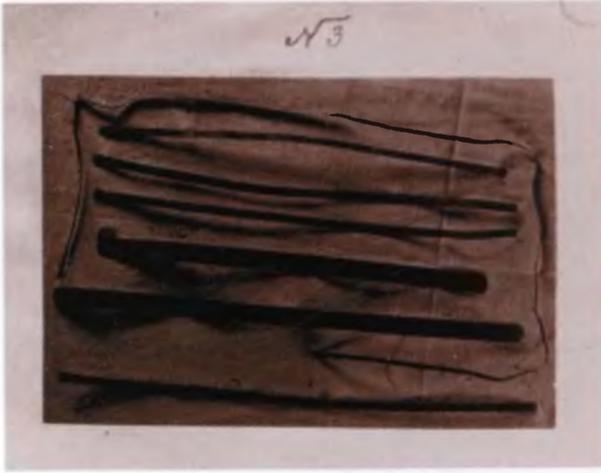
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 248-256)

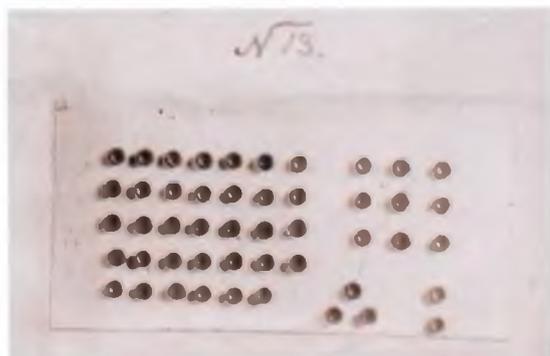
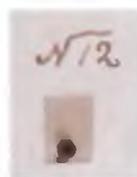
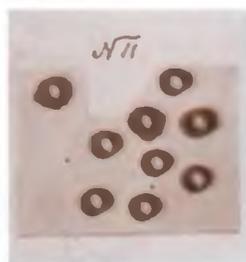
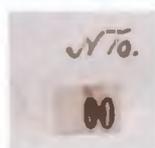
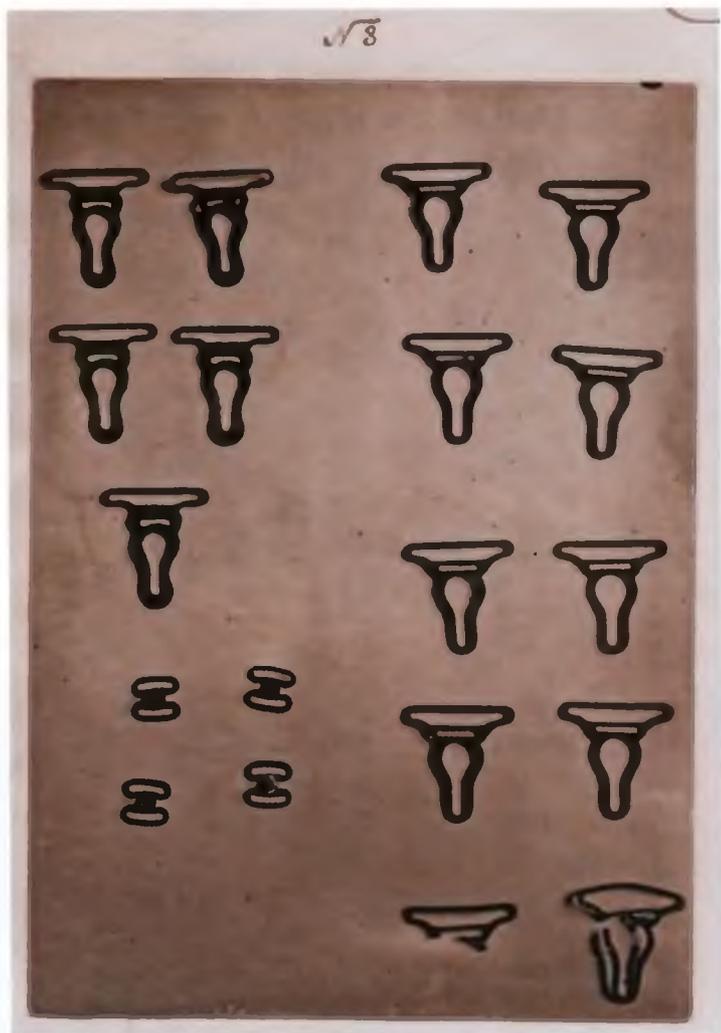
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 248-256)

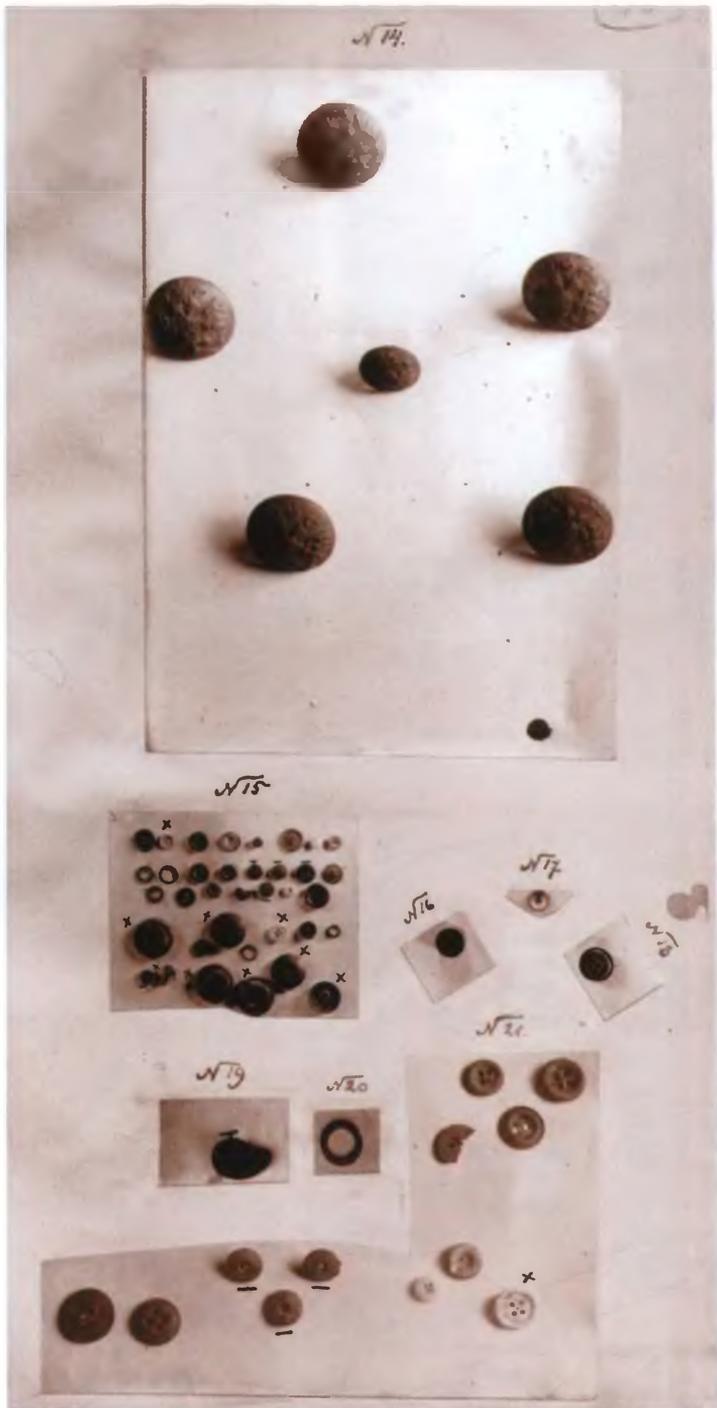
Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

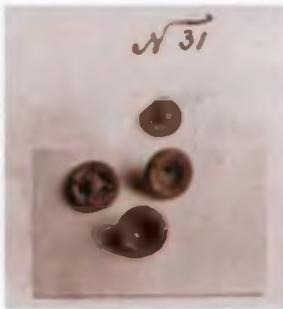
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

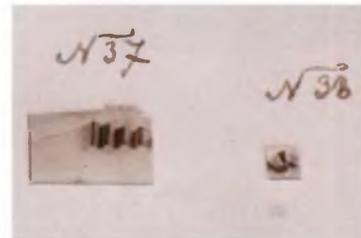
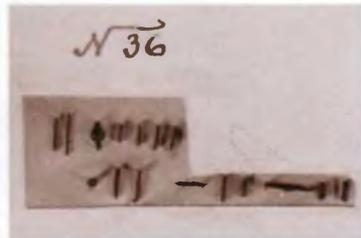
Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические
отпечатки предметов,
приобщенные к делу
(см. Справку
на сс. 256-286)

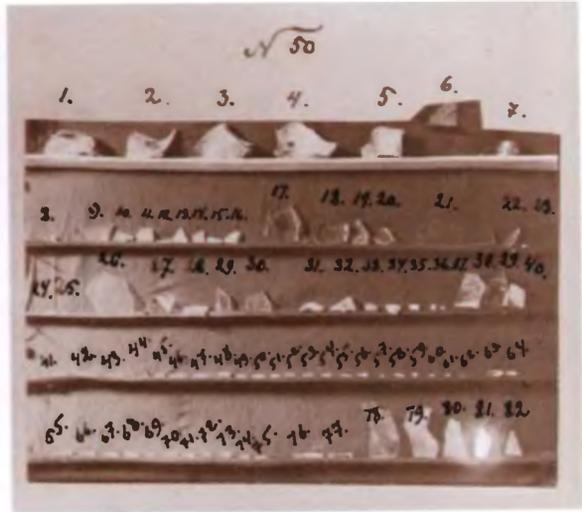
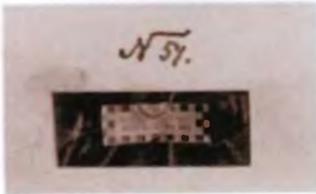
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

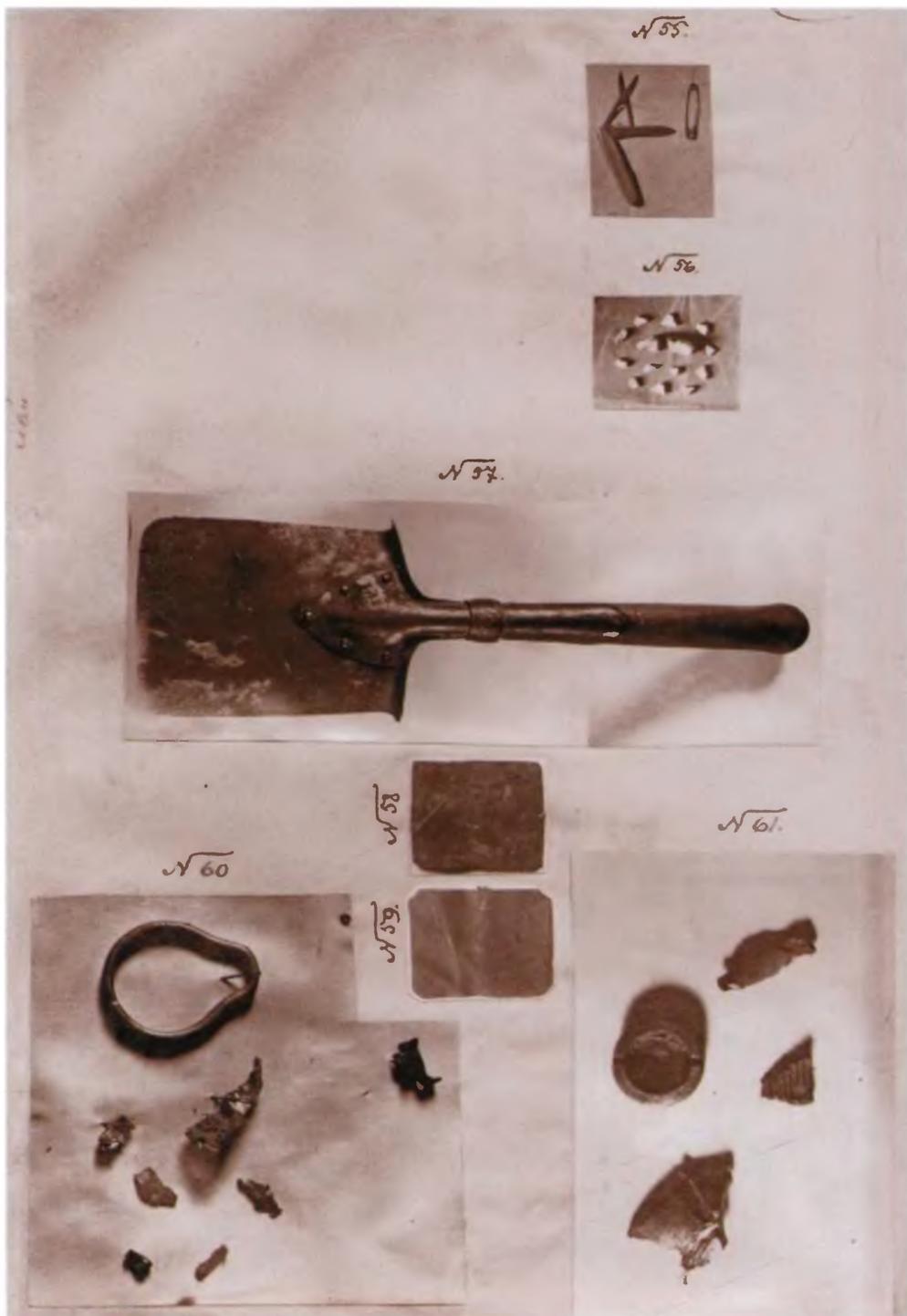
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

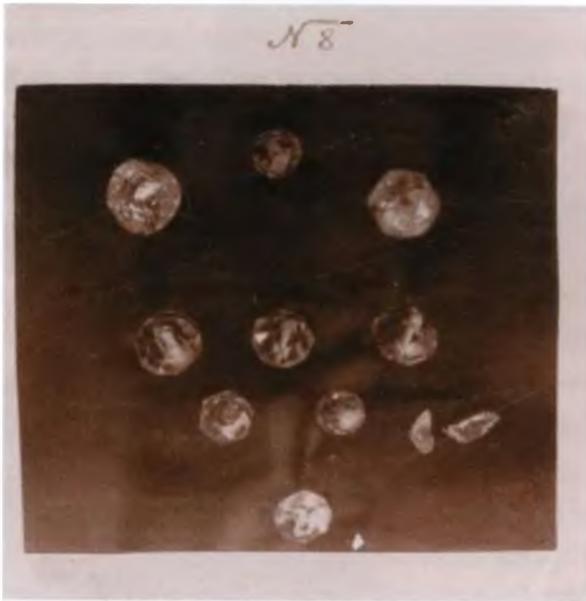
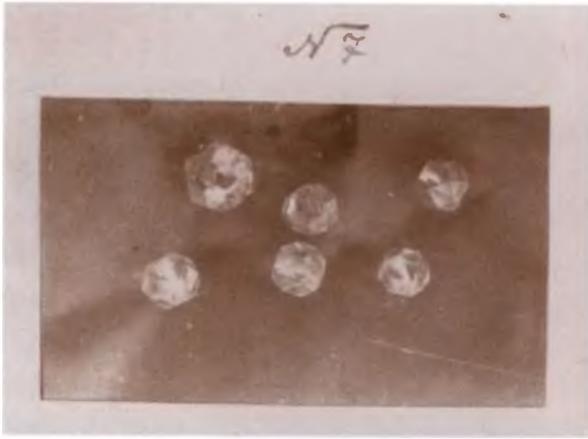
Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

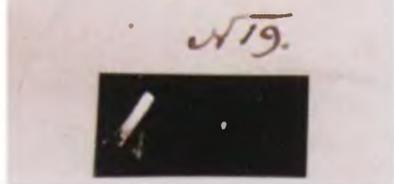
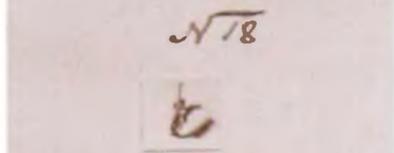
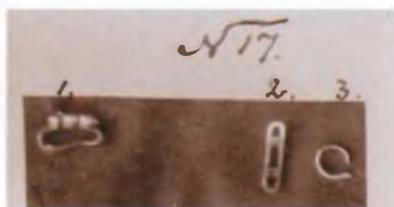
Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 256-286)

Фотографические отпечатки предметов, приобретенные к делу
(см. Справку на сс. 286-294)

Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 286-294)

Фотографические отпечатки предметов, приобщенные к делу
(см. Справку на сс. 286-294)

(л.д. 15 том 2-й) и по протоколу экспертизы — в пункте 3 того же 10 февраля (л.д. 19 об., том 2-й).

5). Фотографический отпечаток № 5-й

На нем изображены три топаза.

Эти три топаза были найдены 29 июля 1918 года кр-нами д. Коптяков Михаилом Дмитриевым Алферовым (л.д. 135 том 6-й), Павлом Филаретовым Алферовым (л.д. 139 том 5-й), Гавриилом Егоровым Алферовым (л.д. 142 том 5-й), Михаилом Игнатьевым Бабиновым (л.д. 137 об., том 5-й) и Николаем Васильевым Папиным (л.д. 75 том 5-й). Они были найдены на той же глиняной площадке в районе одного из двух костров, значащихся на фотографических снимках на листе дела 57 том 5-й. Эти три топаза описываются в пункте 1-м протокола 15-16 февраля 1919 года (л.д. 45 том 2-й), по протоколу фотографирования — в пункте 1-м протокола 19 февраля 1919 года (л.д. 57 том 2-й) и по протоколам экспертиз — в пункте 1-м протокола 20 февраля 1919 года и в пункте 23 протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 60 том 2-й и 83 об., том 8-й).

6). Фотографический отпечаток № 6-й

Один топаз и осколок топаза.

Они были найдены при промывке почвы тех же костров, значащихся на фотографических снимках на листе дела 57 том 5-й во время разработки рудника в августе 1918 года (л.д. 68, 77 том 5-й). Они описываются в пункте «а» 2 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 0 об., том 2-й), по протоколу фотографирования — в пункте «а» 10 того же февраля (л.д. 15 том 2-й).

7). Фотографический отпечаток № 7-й

На этом снимке изображены шесть топазов.

Они были обнаружены на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым 27 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й), описываются в пункте 69 протокола 19-22 июня 1919 года (л.д. 111 том 5), по протоколу фотографирования — в пункте 2-м 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й) и по протоколу экспертизы — в пункте 22-м 18 декабря 1919 года (л.д. 33 об., том 8-й).

8). *Фотографический отпечаток № 8-й*

На этом снимке изображены 9 топазов. В верхней части отпечатка значатся те же три топаза, которые находятся и на отпечатке за № 5, снятые в остальными в целях системы.

Ниже их в отдельной группе значатся 5 топазов. Эти пять топазов были найдены на той же глиняной площадке при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым 26 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й), описываются в пункте 53-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 109 том 5-й), по протоколу фотографирования в пункте 1-м 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й) и по протоколу экспертизы в пункте 21-м 18 декабря 1919 года (л.д. 83 об., том 8-й). Рядом с ними сняты два осколочка, принятые в момент их нахождения за осколки топазов, но оказавшиеся от простого стекла (л.д. 109 том 5-й).

Внизу снимка один топаз. Он был обнаружен 7 июля 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 49 том 5-й), описывается в пункте 16-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 129 том 6-й), по протоколу фотографирования – в пункте 1-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й).

Показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского (л.д. 133 об., том 3-й), Петра Андреевича Жильера (л.д. 109 том 2-й), Сиднея Ивановича Гиббса (л.д. 157 том 5-й), Александры Александровны Теглевой (л.д. 173 том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 181 об., том 5-й) и объяснением обвиняемого Анатолия Александрова Якимова устанавливается, что Великие Княжны все носили на шеях ожерелья из таких топазов; (Якимов – л.д. 121 об., т. 4).

9). *Фотографический отпечаток № 9-й.*

Фотографический снимок этот изображает 13 жемчужин.

На верхней части снимка изображены 11 жемчужин. Они все были обнаружены на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й), описаны в пункте 72-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 111 том 5-й) и по протоколу экспертизы значатся в пункте 2 акта 18 декабря 1919 года (л.д. 82 том 8-й).

Ниже на снимке значатся две жемчужины, из коих одна была обнаружена на той же площадке при том же осмотре местности 1 июня 1919 года (л.д. 42 об., том 5-й), описана в пункте 9 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 112 об., том 5-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года (л.д. 82 том 8-й) в пункте 3-м; другая – обнаружена при просыпке почвы костра у шахты № 7, значащегося на верхнем фотографическом снимке на листе дела 57 том 5-й, (л.д. 52 том 6-й), описана в пункте 53 протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 132 том 6-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 4-м (л.д. 82 том 8-й).

По акту фотографирования все эти 13 жемчужин значатся в пункте 4-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й).

Показаниями свидетелей Александры Александровны Теглевой (л.д. 174 об., том 5-й), Елизаветы Николаевны Эрсберг (л.д. 183 том 5-й), Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 81 об., том 6-й) устанавливается, что Государыня Императрица и Великие Княжны имели много нитей из таких жемчужин.

10). Фотографический отпечаток № 10-й

На этом снимке изображены 13 осколков изумруда.

В верхней части снимка находятся два осколка изумруда. Они были найдены при промывке почвы тех же костров, находящихся на снимках на листе дела 57 том 5-й, при разработке рудника в августе 1918 года (л.д. 10, 10 об., том 2-й). Они описываются в пункте «а» 2 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 об., том 2-й) и в протоколе 10 ноября 1919 года (л.д. 22 том 8-й); по акту экспертизы они значатся в пункте 1-м акта 18 декабря 1919 года (л.д. 82 том 8-й). Остальные одиннадцать осколков были найдены при осмотре той же глиняной площадки Судебным Следователем Н.А. Соколовым 27 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й); они описываются в пункте 78 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 111 об., том 5-й) и значатся в протоколе экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 14-м (л.д. 83 том 8-й).

Все 13 осколков значатся по акту фотографирования от 17 декабря 1919 года в пункте 3-м (л.д. 79 том 8-й).

11). Фотографический отпечаток № 11-й

На этом снимке изображены шесть осколков жемчуга.

Один осколок жемчуга, обозначенный цифрой «1», был найден при промывке тех же костров, обозначенных на снимках на листе дела 57 том 5, во время разработки рудника в августе 1918 года (л.д. 68, 77 том 5-й). Они описаны в пункте «а» 15 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 13 том 2-й) и значатся по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 5-м (л.д. 82 том 8-й).

Два осколка жемчуга, обозначенные цифрами «2» и «3», были найдены на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й). Они описываются в пункте 74 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 111 том 5-й) и значатся по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 7-м (л.д. 82 об., том 8-й).

Два осколка жемчуга, обозначенные цифрами «4» и «5» были найдены 18 июня 1919 года при просыпке почвы костра у шахты № 7, значащегося на верхнем снимке на листе дела 57 том 5-й (л.д. 52 том 5-й). Они описываются в пункте 54 протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 132 том 5-й) и значатся по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 6-м (л.д. 82 об., том 6-й).

Ввиду заключения экспертизы, признающей все эти осколки принадлежащей одной жемчужине крупного размера, можно полагать, что они от раздавленной жемчужины в сережке, значащейся на снимке № 4.

Один осколок жемчуга, обозначенный цифрой «6», был найден 7 июля 1919 года при промывке засыпки из малого колодца шахты № 7 (л.д. 49 том 6). Он описан в пункте 14-м протокола 9—13 августа 1919 года (л.д. 129 том 6-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 8-м (л.д. 82 об., том 6).

По заключению экспертизы, — этот осколок от другой жемчужины при сравнении его с прежними пятью.

По акту фотографирования, все они значатся в пункте 5-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й).

12). Фотографический отпечаток № 12-й

На нем изображены семь камней.

Цифрами «1» и «2» обозначены два диаманта. Они были найдены на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й): описываются в пункте 73-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 111 том 5-й) и значатся по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 20 (л.д. 83 об., том 8-й).

В виду заключения экспертизы и показания свидетельницы Марии Густавовны Тутельберг (л.д. 81 об., том 6-й), оба они входили, видимо, в состав браслета Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Цифрами «3» и «4» обозначаются два бриллианта. Они были найдены на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й) при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым: описываются в пункте 70-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 111 том 5) и по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года значатся в пункте 9 (л.д. 82 об., том 8-й).

Цифрой «5» обозначается осколок альмандина. Он был найден в районе костра, значащегося на верхнем снимке на листе дела 57 том 5-й, на той же глиняной площадке 26 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); он описывается в пункте 36 протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 10, том 5-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 13-м (л.д. 83 том 8-й).

Цифрой «6» обозначается осколок рубина. Он был найден на той же глиняной площадке 26 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); он описывается в пункте 54-м протокола 19—22 июня 1919 года (л.д. 109 том 5-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 11-м (л.д. 82 об., том 8-й).

Цифрой «7» обозначается альмандин. Он был найден на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); он описывается в пункте 76 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 111 об., том 5-й) и значится по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года в пункте 12-м (л.д. 82 об., том 8-й). По акту фотографирования все эти камни значатся в пункте 6-м протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 79 том 8-й).

13). Фотографический отпечаток № 13

На этом снимке обозначены два осколка сапфира.

Они были найдены на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); они описываются в пункте 75-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 111 об., том 5-й) и значатся по акту экспертизы в пункте 10-м протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 82 об., том 8-й).

14). Фотографический отпечаток № 14

На нем изображена часть разрушенного украшения с бриллиантовыми камнями, обозначенные цифрой «1».

Она была найдена на той же глиняной площадке 28 мая 1919 года при осмотре местности Судебным Следователем Н.А. Соколовым (л.д. 42 том 5-й); описывается в пункте 84-м протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 112 том 5-й) и значится по акту экспертизы в пункте 16-м протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 83 том 8-й).

Кусочек серебра, значащийся под цифрой «2», был найден на той же глиняной площадке 27 мая 1919 года (л.д. 42 том 5-й); описывается в пункте 79 протокола 19–22 июня 1919 года (л.д. 111 об., том 5-й) и значится по акту экспертизы в пункте 17-м протокола 18 декабря 1919 года (л.д. 83 том 8-й).

Кусочек серебра, значащийся под цифрой «3» был найден на той же глиняной площадке при просевке и промывке почвы 6 июля 1919 года (л.д. 45 об., том 5-й); по акту экспертизы от 18 декабря 1919 года он значится в пункте 18-м (л.д. 83 том 8-й); он описан в пункте 6-м протокола 9–13 августа 1919 года (л.д. 127 об., том 6-й).

Кусочки серебра, обозначенные цифрами «4» и «5», были найдены при просевке и промывке засыпки малого колодца шахты № 7 7 июля 1919 года (л.д. 49 том 5-й); они описаны в пункте 15-м протокола 9—13 августа 1919 года фотографировавшиеся 10 февраля 1919 года (л.д. 15 том 2-й) в пункте «г».

19. Фотографический отпечаток № 19-й

На этом снимке изображены металлическая часть запора от какого-то украшения (цифрой «1») и часть какого-то золотого предмета, слабо заметная на снимке (цифрой «2»).

Они были найдены при разработке в августе 1918 года (л.д. 68 том 5-й) рудника; описываются в пункте «а» 2 протокола 10 февраля 1919 года (л.д. 10 об., том 2-й) и значатся по акту экспертизы от 10 февраля в пункте 3-м; по акту фотографирования в пункте «а» протокола 10 февраля (л.д. 15 том 2-й). Зачеркнуто: «и по протоколу том 8».

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.
Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА (см. иллюстрации после с. 288)

Во исполнение постановления от 24 октября 1920 года к делу приобщаются сведенные в систему фотографические отпечатки предметов, о коих приводятся нижеследующие сведения в настоящей справке: -

1). Фотографический отпечаток № 1-й

На этом фотографическом отпечатке изображены ленточка от ордена Святого Георгия Государя Императора и военный галстук доктора Боткина с перерезанной лентой ордена Святого Владимира.

Эти предметы были обнаружены в помойной яме при доме Ипатьева, где содержалась Августейшая Семья (л.д. 107 об., том 1-й).

2). Фотографический отпечаток № 2-й

3). Фотографический отпечаток № 3-й

На этих снимках изображены две иконы, причем на первом снимке они изображены с лицевой, а на втором — с задней стороны.

На первом снимке едва заметны следы изображений, на втором снимке (больший образец) виден едва след карандашной надписи.

Эти иконы были найдены в той же помойной яме (л.д. 107 об., том 2-й); как видно из протокола осмотра их, на маленьком образе уцелело из надписи слово: «скорбящих», а на втором (большем) имеется надпись: «Спаси и Сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск».

4). Фотографический отпечаток № 4-й

На этом снимке изображена черная шелковая дамская сумочка.

Она была найдена в той же помойной яме и принадлежит Анне Степановне Демидовой (л.д. 107 том 1-й).

5). Фотографический отпечаток № 5-й

Фотографический снимок № 5 изображает белую дамскую кофточку. Она была найдена в той же помойной яме и принадлежит той же Демидовой (л.д. 107 том 1-й).

6). Фотографический отпечаток № 6-й

На этом снимке изображен носовой платок.

Он был найден в той же помойной яме (л.д. 107 том 2-й).

7). Фотографический отпечаток № 7-й

На этом снимке изображена розовая ленточка.

Она найдена в той же помойной яме дома Ипатьева. Она принадлежит той же Демидовой (л.д. 107 том 1-й).

Все эти предметы описываются в протоколе 14 марта 1919 года и значатся по акту фотографирования от того же числа.

8). Фотографический отпечаток № 8-й

На этом снимке изображены три полотенца.

Они были найдены в августе 1918 года в доме Ипатьева (л.д. 180 том 6-й).

Они описаны в пунктах 8—10 протокола 29—30 октября 1919 года (л.д. 113 том 7-й) и значатся по акту фотографирова-

ния в пункте 3-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

На полотенцах имеются пятна, подозрительны на кровь.

9). *Фотографический отпечаток № 9-й*

10). *Фотографический отпечаток № 10-й*

На этих снимках изображены две тряпки. Они были найдены в августе 1918 года в доме Ипатьева (л.д. 180 том 6-й). Они описаны в пунктах 11 и 12 протокола 29–30 октября 1919 года и значатся по акту фотографирования в пунктах 4 и 5 протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

На тряпках имеются такие же пятна, как и на полотенцах.

11). *Фотографический отпечаток № 11-й*

На этом снимке изображена шкатулка.

Она была найдена в августе 1918 года в доме Ипатьева (л.д. 180 том 6-й).

Она описана в пункте 27-м протокола 29–30 октября 1919 года и значится по акту фотографирования в пункте 7-м протокола 12 декабря 1919 года (л.д. 73 об., том 8-й).

12). *Фотографический отпечаток № 12-й*

На этом снимке слева виден наверху пузырек и мензурка (последняя выше пузырька).

Рядом с мензуркой виден ободок от шкатулочка, а рядом с ним железная пластинка от календаря.

Рядом с пузырьком видна крышечка от шкатулки; рядом с ней металлическая ручка от шкатулочка, а далее — стеклянная трубочка с пуговками.

Под крышечкой — зубная щетка.

Под пузырьком видны шесть осколков стекла и металлическая пластина в середине.

Все эти предметы были извлечены из печей дома Ипатьева в августе 1918 года при осмотре дома Судебным Следователем по важнейшим делам Наметкиным (л.д. 24 том 1-й и л.д. 180 том 6-й). Они описываются в пунктах 13–21, 25–26 протокола 29–30 октября 1919 года и значатся по акту фотографирования в пункте 28 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 об., том 8-й).

13). Фотографический снимок № 14-й

На этом снимке изображены: — три осколка фарфора, клочок телеграммы, клочок газеты, клочок конверта и клочок бумаги.

Все эти предметы были найдены в августе в доме Ипатьева (л.д. 180 том 6-й).

Они описаны в пунктах 4 — 7 протокола 29—30 октября 1919 года (л.д. 112 об., том 8-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 2 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 об., том 8-й).

14). Фотографический снимок № 15-й

На этом снимке изображены доски, взятые из будки при доме Ипатьева при осмотре этого дома 15—25 апреля 1919 года (л.д. 190 об., том 8) с надписями и рисунками.

Они значатся по акту фотографирования в пункте 21 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8).

Благодаря слабому рисунку на снимке едва заметны следы некоторых надписей и признаки кровати (ножки ее).

15). Фотографический снимок № 16-й

На снимке изображен текст официального объявления большевиков о «расстреле» Государя Императора и об «эвакуации» Семьи.

Этот документ был найден в июле 1919 года (л.д. 187 том 5) в г. Екатеринбурге.

Он описан в протоколе 29 октября 1919 года (л.д. 110 том 7-й) и значится по акту фотографирования в пункте 22 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

16). Фотографический снимок № 17-й.

На этом снимке изображены иконы, поднесенные Царской Семье Григорием Распутиным.

Они были представлены к следствию Генерал-Лейтенантом М.К. Дитерихсом; они описаны в протоколе 19 мая 1919 года (л.д. 157 том 4-й) и значатся по акту фотографирования в пункте 15 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

17). Фотографический снимок № 18-й.

На этом снимке изображены надписи на обратных сторонах этих икон, принадлежащие Распутину.

По акту фотографирования этот снимок значится в пункте 15 протокола 17 декабря 1919 года (л.д. 80 том 8-й).

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.
Судебный следователь *Н. Соколов*

1921 год

РАСПИСКА

18 января 1921 года от Судебного Следователя по особо важным делам Н.А. Соколова мною принято на хранение подлинное следственное производство об убийстве отрекшегося от Престола Государя Императора Николая II, его Семьи и бывших при Ней лиц в десяти (10) томах с вещественными по делу доказательствами, каковое дело именуется по описям на внутренних сторонах крышек ящиков «дело № 20».

Михаил Гирс
Российский посол в Риме
(подпись)

ПРОТОКОЛ

1921 года, января 27 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр. *Дмитрий Борисович Нейдгарт*¹, 59 лет, православный, временно проживаю в Париже.

До отречения Государя Императора от Престола я состоял членом Государственного Совета и сенатором.

После большевистского переворота я проживал в Петрограде и в Москве. В январе месяце 1918 года национально-государственные элементы пытались уже создать организации в целях спасения Родины от постигшей ее государственной разрухи. Я входил в группу членов Государственного Совета, представляющую собой правые течения. Если не ошибаюсь, в январе месяце или, быть может, несколько позднее в Москве уже возникла организация, носившая наименование «Правый Центр» куда от нашей группы были делегированы член Государственного Совета Алексей Петрович Рогович и два других лица.

Наша группа беспокоилась о благополучии Царской Семьи и решила узнать, в каких условиях Она пребывала в своем заключении в г. Тобольске. В этих целях я постарался, если не ошибаюсь, в январе месяце видеть в Петрограде обер-гофмаршала Высочайшего Двора графа Бенкендорфа. Он высказывал беспокойство о судьбе Царской Семьи, но никаких сведений о Ней он мне дать не мог. Тогда наша группа решила послать верного человека в Тобольск, чтобы получить верные и точные сведения о жизни Царской Семьи, о Ее нуждах и т.п. Таким человеком мы избрали Владимира Николаевича Штей-

---

¹ Нейдгарт Дмитрий Борисович (1861—1942), сенатор, занимался проведением ревизий, так в 1915 г. ему поручена ревизия снабжения углем империи. В эмиграции жил в Германии и Франции.

на, бывшего воронежского вице-губернатора. Он поехал в Тобольск в первый раз, как мне кажется, в январе месяце и скоро вернулся назад. Ему удалось видаться с князем Долгоруким и Татищевым. Он привез нам сведения безотрадные: часть отряда, находившегося при Царской Семье в Тобольске, была очевидно сильно развращена и отравляла покой Семьи; в денежном отношении Августейшая Семья испытывала недостаток.

Тогда наша группа решила прийти на помощь Царской Семье и послать Ей денежную сумму. Ввиду моих добрых отношений к Александру Васильевичу Кривошеину, возглавлявшему тогда «Правый Центр», я обратился к нему. Кривошеин довольно скоро после моего разговора с ним вручил мне денежную сумму в 100 000 рублей. Тогда наша группа собрала еще 150 000 рублей, и Штейн снова отправился в Тобольск.

Я помню он приехал в Тобольск во второй раз как раз тогда, когда Государь постился. Это было безусловно на первой неделе Великого Поста. Целью поездки Штейна во второй раз было вручение денежной суммы. Больше мы никакой помощи оказать реально не могли.

По своему возвращении Штейн доложил нам о результатах своей поездки. Он виделся с князем Долгоруким и Татищевым и передал им деньги. Он доставил нам за их общей подписью расписку в получении ими денег и представлении их Его Величеству, каковую расписку мы в целях предосторожности тогда же и сожгли.

Мы получили от Ее Величества выражение Ее признательности нам: шейные образки.

Положение личное Царской Семьи продолжало оставаться все таким же, каким его застал Штейн и в первый раз. Общее же положение государства продолжало все более и более ухудшаться. Поэтому мы решили иметь в Тобольске постоянных своих людей, которые бы нас извещали о всем, что происходит в Тобольске по отношению Царской Семьи. Для этой цели от нас были посланы в Тобольск флигель-адъютант Мандрыка и офицер уланского Его Величества полка Бор-

зенко. Скоро мы стали получать от них условные телеграммы, из которых мы могли понять только одно, что Государя и Семью куда-то увозят. Кто увозит и куда увозит, этого нельзя было установить из содержания осторожных телеграмм. Затем мы получили от Мандрыки сведения, что Царская Семья задержана в Екатеринбурге. Ему удалось доехать тогда вслед за Семьей до Екатеринбурга. Он даже доставил нам рогожку, которая была послана на сиденье в экипаже Императора.

Ввиду того положения, которое занимали немцы с весны 1918 года в России, наша группа, в целях улучшения положения Царской Семьи, пыталась сделать все возможное в этом отношении через немецкого посла графа Мирбаха. По этому вопросу я сам лично обращался к Мирбаху раза три. В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъезде Царской Семьи из Тобольска. В общей форме я просил Мирбаха сделать все возможное для улучшения Ее положения. Мирбах обещал мне оказать его содействие в этом направлении, и, если не ошибаюсь, он употребил выражение «потребую». Когда мы узнали об увозе Семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. На меня произвело впечатление, что остановка Царской Семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли. Исходило ли от него приказание о самом увозе Семьи из Тобольска куда-либо в целях Ее спасения, я сказать не могу.

Мне не известен факт присылки Долгоруким или еще кем-либо из лиц, находившихся при Семье, телеграммы, в которой бы говорилось о вынужденном отъезде Государя. Такой телеграммы мне Штейн не показывал, и об этом я ничего не знаю.

Обещая мне сделать все возможное для улучшения положения Царской Семьи, граф Мирбах сказал мне приблизительно так: «Я не только от них (большевиков) потребовал, но и сопроводил требование угрозой». При моих настоятельных просьбах к Мирбаху облегчить судьбу Царской Семьи я, помнится, в разговоре задал ему даже вопрос, что он собой представляет в Москве: диктатора, посла или просто пленника большевиков».

В состав нашей группы входили, кроме меня, князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов¹, Алексей Петрович Рогович, Александр Дмитриевич Самарин², князь Борис Мещерский, исполнявший обязанности московского губернского предводителя, и Александр Александрович Римский-Корсаков³. Все эти лица – члены Государственного Совета, кроме Мещерского.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Дмитрий Борисович Нейдгарт
Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930), князь, сенатор, член Гос. Совета. С 1906 г. – обер-прокурор. В эмиграции с 1920 г.

² Самарин Александр Дмитриевич (1869–1931), действительный статский советник, член Гос. Совета, правая группа. С 5 июля по 20 сентября 1915 г. – исполняющий дела обер-прокурора Синода.

³ Римский-Корсаков Александр Александрович (1850–?), член Гос. Совета, группа правых. Умер в эмиграции.

ПРОТОКОЛ

1921 года января 29 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр. *Дмитрий Борисович Нейдгарт* — сведения о личности см. л.д. 3, том II.

В дополнение к моим показаниям, которые я Вам дал 27 января, я считаю необходимым показать следующее.

Я вспомнил, что во время двукратного пребывания фон Штейна в Тобольске он установил связь нашей группы с Татищевым и Долгоруковым. Я точно не могу сказать, каким именно способом было обусловлено установление этой связи. Она была секретна и условна. Незадолго до отъезда Государя из Тобольска Штейном была получена или от Татищева или от Долгорукова условная телеграмма, в которой указывалось, что предлагают «ехать на курорт». Кажется, в телеграмме еще было: «сомневаемся, выдержит ли здоровье отца». Эта телеграмма обсуждалась в нашей группе, и, как мне помнится, ответ был послан предостерегающий. Помнится, были такие выражения: «подчинитесь лишь категорическому требованию врачей». Затем было прибавлено: «высылаем доктора». Для выяснения того, что происходит в Тобольске, нами были посланы Мандрыка и Борзенко, а я сам пошел к Мирбаху, который меня успокоил, что опасаться нечего.

Упоминание в телеграмме о «курорте» рождало у нас представления о благополучии для Царской Семьи. Но так как в телеграмме указывалось в то же время о «вынужденности» отъезда, то нами для выяснения того, что происходит в Тобольске, и были отправлены Мандрыка и Борзенко. Кроме того, ввиду того положения, которое тогда занимали в Москве немцы, нами была сделана попытка выяснить этот вопрос у Мирбаха. Он не дал мне прямого, определенного ответа, но в общей форме дал мне совершенно успокаивающие заверения.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Припоминаю еще следующее. Поручая фон Штейну передать нам признательность Его Величества, Государю Императору угодно было сказать нам: «Помогите и Матушке. Знаю, что Ей плохо». Во исполнение этой Высочайшей воли, нам переданной фон Штейном, я немедленно же принялся за сбор тайных пожертвований, причем опять услышал от Кривошеина, что он даст столько же, сколько я соберу. Возник вопрос о способе доставления этих денег Государыне Императрице в Крым, с которым сообщения в то время уже были прерваны. Я решил воспользоваться отъездом в Алушту, по случаю окончания Поместного Собора, с южными иерархами алуштинского протоиерея Сербинова, которого я знал по делам Комитета снабжения больных и раненых воинов одеждой, председателем которого я в то время состоял. Этот Комитет был прежде под председательством Великой Княгини Марии Павловны, и мне удалось продолжить деятельность Комитета и при большевиках, сохранив его автономность благодаря независимости в денежных средствах Комитета, за которыми не пришлось обращаться к большевикам, и благодаря обильным запасам одежды, которая требовалась для снабжения возвращаемых из плена солдат. Протоиерей Сербинов обещал мне переданные ему мною, насколько помнится, тридцать пять тысяч рублей доставить ливадийскому духовнику Ее Величества для передачи Ее Величеству. Скорый отъезд протоиерея Сербинова лишил меня возможности набрать большую сумму.

Прочитано, *Дмитрий Борисович Нейдгарт*
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1921 года февраля 6 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр. *Александр Васильевич Кривошеин*, 62 лет, православный, временно проживаю в г. Париже.

С 1908 года я занимал пост министра земледелия, в конце 1915 года оставил эту должность и отправился на театр военных действий в качестве главноуполномоченного Красного Креста. После переворота 1917 года я в марте месяце удалился от государственных дел и в начале мая переехал на жительство в Москву, где оставался до августа 1918 года, когда, ввиду предъявленного мне ордера об аресте, вынужден был скрыться на юг России. Там я скитался свыше двух лет и, между прочим, принимал участие в составе правительств генерала Деникина и генерала Врангеля.

В Москве зимой 1917—1918 года до меня стали разными путями доходить тревожные слухи о тяжелых материальных условиях, в которых находилась Царская Семья, перевезенная из Царского Села в Тобольск. В конце зимы 1917 года в столицах начали возникать антибольшевистские группы, вылившиеся впоследствии в определенные политические организации. Я имел косвенное общение, между прочим, с группой членов Государственного Совета, вошедшей впоследствии в «Правый Центр». Эта группа тогда же признала необходимым послать в Тобольск верного человека и прийти на помощь Царской Семье. Решено было отправить туда бывшего вице-губернатора Ковенской губернии Штейна, зятя члена Государственного Совета Бориса Дмитриевича Нейдгарта, входившего, в числе других, в указанную мною группу членов Государственного Совета. Штейну было поручено возможно полнее ознакомиться с условиями жизни Царской Семьи, постараться выяснить Ее моральные и материальные нужды,

ближайшие перспективы и установить способ общения с Ней на будущее время.

Штейн прекрасно выполнил данное ему поручение, побывал в Тобольске и вполне подтвердил дошедшие до нас сведения о тяжелом положении Царской Семьи. Тогда было собрано около 250 000 рублей, и Штейн был послан в Тобольск вторично для их передачи. Если память мне не изменяет, это было в конце февраля месяца 1918 года. Вернувшись, Штейн сообщил нам о результатах поездки. В Тобольске он видел князя Долгорукова, генерала Татищева и других лиц, находившихся при Царской Семье. Как мне помнится, привезенные им деньги он передал князю Догорукову и генералу Татищеву и получил от них расписку. Нужда в деньгах действительно была весьма велика: не было денег для уплаты жалованья служащим, для самых необходимых расходов, и были уже значительные долги разным поставщикам.

Кроме лиц, находившихся при Царской Семье, Штейн установил еще общение с духовником Ее о. Васильевым, к которому, как говорил Штейн, Семья питала доверие.

Кроме подтверждения слухов о стеснениях в денежном отношении и общем тяжелом душевном состоянии Семьи, Штейн не сообщил нам ничего особо тревожного. Он видел Государя, но издали, не имея непосредственного общения с Ним. По желанию Государя Штейн прошел мимо дома в условленное время. Государь, находясь или во дворе или в доме у окна, ласково ему поклонился. Государь и Государыня прислали нам через Штейна Их глубокую сердечную благодарность за нашу заботу о Них и подарили нам шейные образки.

Посылая Штейна в Тобольск, мы не преследовали политических целей. Главная задача была обеспечить возможность быть в курсе того, что делается с Царской Семьей, облегчить в той или иной степени и форме условия Ее жизни и, в этих целях, установить способы постоянного общения с Ней на будущее время. Через лиц, находившихся при Семье, и в частности через священника Васильева, Штейн выра-

ботал особый условный язык для сношения с Ней нашего кружка.

Эти сношения вскоре выразились в получении двух телеграмм. Они обе были отправлены из Тобольска незадолго до отъезда оттуда Царской Семьи и были получены по условному адресу Штейном.

Совершенно точно, дословно я не могу передать этих телеграмм, но содержание первой из них было приблизительно таково: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». Эту телеграмму я читал сам. Смысл ее был тогда для нас совершенно не ясен, но несомненно тревожен. Наш ответ был примерно такого содержания: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей».

После отправления этой телеграммы из Тобольска вскоре была получена тем же способом вторая, приблизительно такого содержания: «Необходимо подчиниться врачам».

Обе эти телеграммы нас до крайности смутили и встревожили, но в чем именно состояла угроза, которой Государь вынуждался выехать из Тобольска, от кого именно она исходила и какая при этом преследовалась цель, нам в то время было, конечно, не ясно. Ввиду этого тотчас же было решено снова отправить в Тобольск какое-либо доверенное лицо, но не Штейна, ибо мы опасались, что появление его в Тобольске в третий раз может показаться подозрительным и вызвать опасные осложнения не только для него, но и для лиц, соприкасающихся с Царской Семьей, и даже для самой Семьи. Выбор остановился на бывшем нижегородском вице-губернаторе Мандрыке и Борзенко. Оба они ездили, но результатов никаких не достигли, ибо Царская Семья выехала уже из Тоболь-

ска. Мучительно ища выхода и сознавая свое бессилие помочь Царской Семье, мы решили обратиться к той единственной тогда силе, которая могла облегчить положение Семьи и предотвратить опасность, буде она Ей угрожала, – в германское посольство. Мы не преследовали при этом никаких общеполитических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности Семье. От нашей группы обращались к графу Мирбаху два или три лица. Я помню сейчас только членов Государственного Совета Нейдгарта и Роговича. Затем, как я случайно знаю, с графом Мирбахом говорил не входивший в группу князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Граф Мирбах принимал их весьма сухо, и сказанное им в ответ на просьбу обратить внимание на необходимость принять меры для ограждения безопасности Царской Семьи сводилось приблизительно к следующему: «Все происходящее с Россией есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии».

Повторяется обычная история – горе побежденным. Если бы победа была на стороне союзников, положение Германии, несомненно, стало бы гораздо худшим, чем положение России теперь. В частности, судьба русского Царя зависит только от русского народа. Если о чем надо подумать, это об ограждении и безопасности находящихся в России немецких принцесс».

Независимо от изложенных мною попыток выяснить положение Царской Семьи весной 1918 года я лично помог офицеру Булыгину (офицер гвардейского стрелкового полка) организовать поездку с той же целью, если не ошибаюсь, в июне месяце, но как я узнал впоследствии, он приехал в Екатеринбург поздно и ко времени злодеяния был арестован и находился в Екатеринбургской тюрьме. Его последующие объяснения не дали ничего существенного.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Александр Васильевич Кривошеин
Судебный следователь Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1921 года мая 23 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр., и он показал: *Петр Андреевич Жильяр* — сведения о личности (см. л. д. 88 т. 1).

Представляю Вам фотографию с изображением Детей. На руках у Анастасии Николаевны изображена Ее собачка Джемми, которую Она, конечно, взяла с собой при отъезде из Тобольска. Вы видите на фотографии, что Джемми всегда держала язык снаружи рта.

Я хорошо помню, что за некоторое время до прибытия в Тобольск Яковлева там появился отряд под командой какого-то Заславского, который и добивался заключения Царской Семьи в тюрьму. Я удостоверяю, что об этом мы знали тогда в Тобольске и беспокоились. Сам я этого Заславского ни разу не видел.

Я положительно удостоверяю, что при Яковлеве находился также какой-то Дидковский. Кто он такой, я не знаю. Мне помнится, что, кажется, он и был тем телеграфистом, который находился при Яковлеве.

Я смотрел в окно вагона, когда увозили Детей в Екатеринбург. Я не могу припомнить, в каком порядке и кто увозил Детей. Я совершенно не представляю себе физиономий лиц, которые Их увозили. Фамилий этих лиц я также не помню.

Про Чемодурова я могу сказать следующее. После допроса его Сергеевым он приехал ко мне в Тюмень. Он мне рассказывал, что его допрашивал Сергеев. Чемодуров мне говорил, что он не сказал всей правды Сергееву. Он был недоволен не лично Сергеевым, а самим фактом допроса его. У него была вера, что Царская Семья жива, и он мне говорил, что, пока он не убедился в Ее смерти, он не скажет правды при допросе. Со мной он был откровенен.

Он называл мне Авдеева как главное лицо в доме Ипатьева. Он говорил, что Авдеев относился к Семье отвратительно.

Я точно и хорошо помню следующие случаи, о которых он рассказывал. Чемодуров говорил, что вместе с Царской Семьей за одним столом обедали и прислуга, и большевистские комиссары, которые находились в доме. Однажды Авдеев, присутствуя за таким обедом, сидел в фуражке, без кителя, куря папиросу. Когда ели битки, он взял свою тарелку и, протиснув руку между Их Величествами, стал брать в свою тарелку битки. Положив их на тарелку, он согнул локоть и «ударил» локтем Государя в лицо. Я передаю Вам точно слова Чемодурова.

Когда Княжны шли в уборную, Их там встречал постовой красноармеец и заводил с Ними «шутливые» разговоры, спрашивая, куда Они идут, зачем и т.д. Затем, когда Они проходили в уборную, часовой, оставаясь снаружи, приклонялся спиной к двери уборной и оставался так до тех пор, пока ею пользовались.

Вот эти случаи издевательства над Ними я хорошо помню из рассказов Чемодурова.

Почему он не сказал о них Сергееву? Это понятно. Чемодуров был человек, усвоивший известную психологию за время его службы при Семье. Считая Их живыми, он не считал удобным говорить про все это при допросах.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Петр Андреевич Жильяр

Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 10 дня в г. Берлине (в Германии) судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, прибыв в Комиссариат по охране государственного порядка и спокойствия в Германии, просил состоящего в сем Комиссариате г. *Бартельса* принять его по делу службы.

Г. Бартельс принял судебного следователя и в беседе с ним, каковая велась в присутствии полковника Эрика Георгиевича Фрейберга¹ (представителя атамана Семенова в Германии), сообщил следующее.

Он, Бартельс, со времени возникновения большевистской власти в России, находился сначала в Петрограде, а потом в Москве в качестве германского консула. Ему положительно известно, что за несколько времени до убийства графа Мирбаха между королем Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение русского Царя и Его Семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание «комиссаров», в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства противилась другая партия во главе с Свердловым, причем г. Бартельс, на-

---

¹ Фрейберг Эрих Георгиевич — участник Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1917 г. — штабс-ротмистр Русской Императорской армии в отставке. Организатор и первый командир Ачинского конно-партизанского отряда, действующего на стороне белых в Енисейской губернии. С 1918 г. — в Особом Маньчжурском отряде. В 1921 г. — представитель атамана Семенова в Германии.

зывая ее, употребил выражение: «еврейская партия». Ему, Бартельсу, известно, что после того, как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи.

На вопрос судебного следователя, в чем выразилась во вне попытка вышеназванных Августейших Особ спасти Государя Императора и Его Семью и когда таковая имела место, г. Бартельс объяснил, что он не может сообщить этих сведений, так как не помнит фактических обстоятельств, и указал, что более подробные сведения по делу может сообщить доктор Рицлер, входивший в состав германского посольства при графе Мирбахе. На вопрос судебного следователя, известна ли ему, г. Бартельсу, личность г. Соловьева, зятя Распутина, г. Бартельс дал уклончивый ответ.

От дачи формального показания по делу и подписи своих показаний Бартельс отказался.

Эрих Георгиевич Фрейберг

Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 14 дня в г. Берлине (в Германии) судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, прибыв совместно с полковником Эрихом Георгиевичем Фрейбергом к доктору Рицлеру, входившему в состав германского посольства в России в 1918 году, просил его сообщить имеющиеся у него сведения по делу об убийстве Государя Императора и Его Семьи.

Доктор Рицлер объяснил, что он прибыл в Москву в конце апреля 1918 года и не может сообщить никаких сведений по вопросу о перевозе Царской Семьи из г. Тобольска в г. Екатеринбург.

После этого он предъявил судебному следователю ряд документов на немецком языке, из содержания которых видно:

1) что между Кюльманом и Рицлером, с одной стороны, Чичериным и Иоффе и иногда Радеком — с другой, велись переговоры, причем германское правительство настаивало на ограждении жизни Царской Семьи;

2) что эти переговоры велись в июне и июле месяцах 1918 года;

3) что они имели место и после 17 июля 1918 года;

4) что большевики после 19 июля признавали перед немецкими представителями факт убийства Государя Императора, объясняя его убийство опасением, что Он будет спасен чехами;

5) что они скрывали перед немецким представительством факт убийства ими остальных Августейших Особ.

Доктор Рицлер выразил согласие выдать судебному следователю копии со всех предъявленных им документов в особо секретном порядке и просил судебного следователя вместо этого выдать ему копию документа, коим бы до-

казывался факт убийства Августейшей Семьи. Ввиду большого значения документов, предъявленных доктором Рицлером, судебный следователь изъявил согласие выдать доктору Рицлеру фотографический отпечаток шифрованной телеграммы Белобородова от 17 июля с ключом к ней, обусловив содержание таковой держать в тайне.

Доктор Рицлер объяснил, что он о состоявшемся соглашении доложит германскому правительству и, буде последует его согласие, передаст документы полковнику Фрейбергу для судебного следователя.

Судебный следователь выразил согласие передать отпечаток телеграммы тому же Фрейбергу.

Эрих Георгиевич Фрейберг
Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 29 дня в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов получил от поручика русской армии князя Николая Владимировича Орлова¹ фотографическое изображение Государыни Императрицы Александры Федоровны в жемчужных серьгах.

Это изображение было представлено князем Орловым в виде негатива, размером пластинки 13 на 18. Сей акт составлен в двух экземплярах.

Николай Владимирович Орлов
Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ Орлов Николай Владимирович, князь, сын Владимира Николаевича Орлова (1868–1927), который в эмиграции помогал следователю Н.А. Соколову. Умер в Париже.

ПРОТОКОЛ

1921 года июля 3 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, рассмотрев настоящее дело и имея в виду:

1) что в этом деле, при наличии факта уничтожения трупов, событие преступления может быть доказываемо только установлением обстоятельства, коими выявляется факт их уничтожения;

2) что это обстоятельство в широкой форме устанавливается теми явлениями, какие были констатированы следственной властью, между прочим, в доме Ипатьева и на руднике, где имели место убийство и уничтожение трупов;

3) что в установлении как убийства, так и уничтожения трупов чрезвычайно важное значение имеют фотографические изображения, констатирующие явления в том самом виде, как они были обнаружены следственной властью;

4) что в настоящем деле фотографические изображения вообще имеют сугубо важное значение, ввиду самого характера дела;

5) что эти фотографические изображения, в форме негативов, по существу дела являются вещественными доказательствами;

6) что следственной властью должны быть приняты все меры к наилучшему их сохранению;

7) что, хотя участие сведущих людей на предварительном следствии в принятии мер к таковому охранению и предусматривается законом в одном лишь частном случае (ст. 374 уст. угол. суд.), но из общего разума 325, 371 и 372 ст. ст. уст. угол. суд. несомненно явствует, что все разрешение этого вопроса в каждом данном случае составляет право и обязанность следственной власти;

8) что при настоящем положении дела представляется чрезвычайно полезным привлечение сведущего лица к

принятию мер для охраны фотографических изображений в негативах, каковым следственная власть находит возможным признать подданного Французской республики бывшего заведующего картографическим отделом 7-й французской армии фотографа г. Берри, на основании 264 и 325 ст. ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: для принятия мер к охране фотографических изображений в негативах, имеющих по делу, привлечь специалиста-фотографа г. Берри.

Настоящее постановление составлено в двух подлинных экземплярах.

Судебный следователь *Н. Соколов*

СПРАВКА

9 сентября 1921 года в г. Фонтенбло (во Франции) судебным следователем были получены чрез особое лицо, посланное полковником Э.Г. Фрейбергом, копии документов, предъявлявшихся 14 июня 1921 года в г. Берлине (в Германии) судебному следователю доктором Рицлером.

Ввиду невозбуждения при получении сих документов вопроса о выдаче фотографического отпечатка телеграммы Белобородова от 17 июля 1918 года таковая выдача не имела места.

Судебный следователь *Н. Соколов*

1922 год

ПРОТОКОЛ

1922 года марта 3–5 дня в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, в порядке 325–333 ст. уст. угол. суд., производил осмотр документов, полученных судебным следователем от доктора Рицлера (л.д. 89, том II).

По осмотру найдено следующее:

Документы по своему внешнему виду представляют собой копии, писанные на пишущей машине, на немецком языке. Они не заверены, но содержание копий тождественно с теми документами, которые были предъявлены 14 июня 1921 года доктором Рицлером судебному следователю. В переводе на русский язык документы имеют следующее содержание¹:

1. Донесение датской миссии в России датскому правительству, 9 июня 1918 года.

Господин Иоффе² высказал барону фон дер Буше уверенность, что никому из Императорской Фамилии не будет причинено вреда и что все члены последней будут достаточно снабжаться всем необходимым для существования.

2. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 21 июня 1918 года.

---

¹ Оригиналы на немецком языке хранятся в ГА РФ. Ф. 1837. Оп.1. Д. 5 Л.1–6.

² Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – член Петроградского Военно-Революционного Комитета. В 1918 г. председатель делегации на переговорах с немцами в Брест-Литовске. Полпред в Германии, Китае и Австрии.

Я сегодня определенно заявил Чичерину, что я имею основания предполагать, что во время боев у Екатеринбурга пострадала Императорская Фамилия. В случае если это известие, которое вносит столько возмущения и ожесточения в самые широкие круги, неверно, то я не понимаю, почему большевики в своих личных самых близких интересах не выступят немедленно с решительным опровержением.

Чичерин лишь слабо защищался, утверждал, что имеется столько ложных известий, что не стоит опровергать каждое.

Вообще в комиссариате продолжают относительно боев с чехословаками держаться прежнего официального оптимизма. Хотя и признают потерю Кузнецка, но зато отрицают потерю Пензы, Тамбова, Козлова и Рязани.

Мирбах

3. Министерство иностранных дел представителю Министерства иностранных дел при Его Величестве, 22 июня 1918 года.

Развитие событий на Урале, к сожалению, дает основания к самым серьезным опасениям за судьбу Царской Семьи. По этому поводу я сегодня говорил с русским представителем Иоффе.

Последний ответил, что он не имеет никаких сведений, но одержим самыми дурными опасениями. Сообщение Екатеринбурга с Москвою прервано находящимися между этими пунктами частями чехословаков. На Кавказе с некоторого времени идет борьба между частью местного населения и чехословаками. Последние открыто заявляют, что они борются за и от имени Царя. Это обстоятельство вызвало сильное ожесточение против Царской Семьи в низших слоях населения. Поэтому он считает очень вероятной катастрофу, особенно в случае победы чехословаков.

Я указал ему на то отвращение, которое подобное событие возбудит во всем цивилизованном мире против настоящего русского правительства.

Русский представитель ответил, что он себе отдает в этом полный отчет и неоднократно указывал в телеграммах, как важно заботиться о безопасности Царской Семьи и содержать Ее соответственным образом. Принципиально уже было принято решение перевезти Ее в Москву, когда перерыв железной дороги чехословаками отрезал сообщение. В настоящее время советская республика не в состоянии что-либо сделать в тех краях.

Кюльман

4. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 26 июня 1918 года.

Сегодня Чичерин передал мне в разговоре, что контрреволюционные попытки в Екатеринбурге подавлены и что правительство ныне имеет сведения, что Царь невредим. Подробности ему неизвестны, так как телеграфное сообщение плохо функционирует. По сведениям из обывательских источников, Царь и Царица помещены в железнодорожном поезде вблизи Перми.

Мирбах

5. Товарищ министра иностранных дел графу Мирбаху, 2 июля 1918 года.

Согласно словесному сообщению Иоффе слухи об убийстве Царя и Императорской Семьи оказались неосновательными. Однако, принимая во внимание беспорядки на Урале, положение Императорской Семьи все-таки небезопасно. Я очень определенно указал ему на то, что общественное мнение всего света сделает советское правительство ответственным за жизнь и безопасность Царя и Его Семьи, а также на то, что безусловно необходимо соответственное размещение и уход за Высочайшими Особами. Иоффе обещал побудить свое правительство сделать все возможное.

Фон Стумм

6. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 19 июля 1918 года.

Во вчерашнем первом заседании Центрального исполнительного комитета Свердлов прочитал полученное от областного Уральского совета телеграфное сообщение об расстреле бывшего Царя Николая Романова. В последние дни столица красного Урала Екатеринбург находилась в серьезной опасности вследствие приближения чехословацких банд. Одновременно был обнаружен новый заговор контрреволюционеров, который имел целью вырвать из рук советского правительства коронованного палача. Ввиду этих обстоятельств президиум Уральского областного совета решил расстрелять Николая, что и было исполнено 16 июля. Супруга и сын Николая II перевезены в безопасное место. О дочерях Свердлов ничего не упоминал. Документы относительно обнаруженного заговора посланы в Москву с особым курьером.

После этого сообщения Свердлов напомнил историю перевозки Царя из Тобольска в Екатеринбург, каковая также обнаружила подобную же организацию белогвардейцев с целью содействовать побегу. В последнее время было предположено предать бывшего Царя суду за все его преступления против народа, и лишь совершившиеся ныне события помешали осуществлению этого предположения.

После этого центральный исполнительный комитет в лице своего президиума признал решение Уральского областного совета правильным.

Затем Свердлов сообщил, что в руках Центрального исполнительного комитета находятся чрезвычайно важный материал и документы Николая Романова. Его личные дневники, которые Он вел с юншества до последнего времени, дневники Его Супруги и Детей, рисунки Романовых, между прочим, также письма Распутина и т.д. Все эти материалы будут рассмотрены и в ближайшем времени опубликованы.

Рицлер

7. Миссия в Москве Министерству иностранных дел,
19 июля 1918 года.

Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к Царице... как к германской принцессе?

Распространять представление и на Цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план Цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова.

8. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 20 июля 1918 года.

Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел Царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Воровский ответил, что Царь был расстрелян лишь потому, что в противном случае Им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявляем особый интерес к дамам Царской Семьи, которые германской крови, то, может быть, можно было бы предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить Царицу и Цесаревича (последнего как неотделимого от матери), как компенсацию в вопросе батальона с гуманитарным обоснованием.

Рицлер

9. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 23 июля 1918 года.

Сделал соответствующее представление в пользу Царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние царубийства на общественное мнение. Чичерин молча слушал мои представления.

10. Министерство иностранных дел поверенному в делах в Москве, 20 июля 1918 года.

С представлением в пользу Царской Семьи согласен.

Буше

11. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 24 июля 1918 года.

Чичерин мне вчера сказал на мой запрос, можем ли мы считать обеспеченной жизнь германских принцесс, включая Царицу, что, насколько ему известно, Царица перевезена в Пермь. Чрезвычайно маловероятно, чтобы Чичерин в этом вопросе говорил правду. Чичерин избегал всяких уверений, но лишь высказал мнение, что если за Ними не будет вины, с Ними ничего не случится. В этом вопросе правительство по отношению к нам более предубеждено, чем ранее. Было бы опасно для принцесс выказывать в этом вопросе больший интерес. Относительно местопребывания Великой княгини Елизаветы Федоровны ничего не известно.

Рицлер

12. Товарищ министра иностранных дел принц Генрих Прусский Киль, 28 июля 1918 года.

Вашему Королевскому Высочеству почтительно докладываю, что на сделанное нашим дипломатическим представителем в Москве представление в пользу Царицы и всех принцесс германского происхождения русское правительство ответило уклончиво. Я сделал также представление господину Иоффе относительно Ее Величества Царицы и Детей. Царица, как утверждается, привезена в Пермь. Однако это известие мало правдоподобно. Императорский поверенный в делах в Москве, как он доносит, попытается доставить приветы Вашего Королевского Высочества Царице. Путь через посредство советского правительства может быть опасным для Царицы и поэтому должен быть избегнут.

Буше

13. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 31 июля 1918 года.

По сообщению советского правительства, Великая Княгиня Елизавета Федоровна находится в Перми. Гельферих.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года марта 5 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, принимая во внимание, что описанные в протоколе 3—5 сего марта документы, полученные от доктора Рицлера, имеют существенное значение для дела, на основании 372 ст. уст. угол. суд.

ПОСТАНОВИЛ: документы эти признать вещественными по делу доказательствами.

Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1922 года июля 12 дня ко мне, судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколову, в г. Париже (во Франции) явились лично мне известные подданный России князь Николай Владимирович Орлов и подданный Американских Соединенных Штатов мистер Вильям Астор Чанлер, проживающие в г. Париже, и предъявили следующие предметы:

1. Письмо Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II, написанное перед объявлением войны в 1914 году¹;

---

¹ Подлинник письма находится сегодня в библиотеке редких книг Байнеке в Йельском университете в США. См. Ричард Фома Бэттс. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г.Е. Распутине. Российское отделение Валаамского общества Америки. М., 1997. С. 78.

2. Письмо его же к Государю Императору Николаю II с поздравлением со днем Ангела;
3. Записка его же к неизвестному лицу;
4. Изображение Святителя Софрония епископа Иркутского с надписью на обороте Григория Распутина;
5. Портрет Григория Распутина.

Представляя сии предметы, означенные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер объяснили мне, судебному следователю, что, интересуясь делом об убийстве Царской Семьи, они через майора американского Красного Креста мистера Бекмана, находящегося в Вене в составе американского Красного Креста, вошли в сношения с проживающей в том же городе Матреной Григорьевной Соловьевой и приобрели у нее перечисленные предметы за сто пятьдесят (150) американских долларов.

При этом означенные лица объяснили, что Матрена Григорьевна Соловьева, продавая им перечисленные предметы, сообщила, что письмо, значащееся в пункте 1-м, было написано ее покойным отцом Григорием Ефимовичем Распутиным перед началом Великой европейской войны 1914 года; что это письмо хранилось Государем Императором у себя и было возвращено Им ее мужу Борису Николаевичу Соловьеву через камердинера Государыни Императрицы Волкова в г. Тобольске, когда там находился Соловьев, доставивший для Семьи некоторые вещи.

По рассмотрении всех представленных предметов, судебным следователем было признано имеющим значение для дела письмо, значащееся в пункте 1-м сего протокола. Названные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер изъявили полную готовность представить этот документ к следствию.

Все остальные предметы, ввиду состоявшегося соглашения между названными лицами, были переданы князю Николаю Владимировичу Орлову.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах, причем содержание таковых было сообщено мистеру Чанлеру на

английском языке князем Николаем Владимировичем Орловым.

Судебный следователь *Н. Соколов*

Николай Владимирович Орлов
Вильям Астор Чанлер

ПРОТОКОЛ

1922 года июля 12 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Париже (во Франции), в порядке 315-324 ст. уст. угол. суд., производил осмотр письма Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II, значащегося в пункте 1-м протокола сего числа (л.д.133, том II).

По осмотру найдено следующее:

Письмо написано на листе белой писчей бумаги, имеющем размеры 34,6 и 21,6 сантиметра. Бумага — несколько сероватого оттенка, местами грязноватая. У самого края листа — часть сального пятна. В непосредственной близости с текстом — сальное пятно, круглой формы, имеющее в диаметре 2,6 сантиметра.

Этот лист бумаги не является частью, отрезанной от листа. Он имеет цельную форму и, видимо, в таком виде вышел с фабрики. Он сложен вчетверо и имеет изгибы давнего происхождения; в области этих изгибов бумага — грязноватая, шероховатая.

Содержание текста писано чернилами черного цвета. С дословным сохранением текста, орфографии и самого расположения текста содержание письма представляется в следующем виде:

*«милый друг есче раз
скажу грозна туча нат
рассей беда горя много
темно и просвету нету, слес
то море и меры нет а крови?
что скажу? слов нету неописуем
мый ужас. знаю все от тебя
войны хотят и верные не
зная что ради гибели, тяжко божье наказание когда ум
отымет тут начало конца.
ты царь отец народа не
пусти безумным торжествовать
и погубить себя и народ
вот германию победят а
рассея? подумать так воистину
не было от веку горшей
страдальницы вся тонет
в крови велика погибель
без конца печаль
Григорий».*

При осмотре этого письма не обнаружено ничего, что указывало бы на его апокрифичность¹.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ Апокрифичность — здесь в смысле неверно, ложно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года августа 6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве отрекшегося от Престола Государя Императора Николая II и Его Семьи, нашел следующее:

При отношении от 20 января 1919 года за № 374 начальником Екатеринбургской телеграфной конторы были присланы к следствию подлинные телеграммы агентов так называемой «советской власти», передававшиеся по назначению в 1918 году.

При осмотре сих телеграмм на предварительном следствии 23 февраля 1919 года оказалось, что в числе их имеются две телеграммы, исходившие от председателя Уральского областного совета Белобородова и принятые к отправлению от 18 июля 1918 года в 18 часов 30 минут.

Первая из сих телеграмм адресована в г. Алапаевск председателю Алапаевского совета Абрамову и имеет следующее содержание: «Выезжайте немедленно для доклада».

Вторая телеграмма адресована Совету народных комиссаров и председателю ЦИКа Свердлову в Москве, Зиновьеву и Урицкому в Петрограде. Содержание ее следующее: «Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие Великие Князья Игорь Константинович Константин Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович Палей точка Несмотря на сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка»¹.

---

¹ Сергей Михайлович Романов – великий князь, другие перечисленные лица – князья императорской крови.

В развитии предварительного следствия по сему делу об убийстве Царской Семьи возбудил внимание вопрос, почему Царская Семья, лишенная свободы Временным правительством и водворенная на жительство в г. Тобольск, была впоследствии привезена в г. Екатеринбург, где и была убита.

При обследовании фактов в сем направлении было установлено показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского, Николая Александровича Мунделя, Петра Андреевича Жильяра, Алексея Андреевича Волкова и других и ныне представляется доказанным, что присланный из Москвы для увоза Царской Семьи из г. Тобольска комиссар, именованный членом ЦИКа Василием Васильевичем Яковлевым, имел полномочия на выполнение этого поручения не от Уральского областного совета, а от председателя ЦИКа Якова Мовшева Свердлова.

Теми же данными предварительного следствия установлено, что, выполняя это поручение, Яковлев обнаружил в г. Тобольске опасение, что ему будет оказано препятствие в выполнении его поручения, и принимал в сем отношении необходимые меры, причем эти его мероприятия были направлены на устранение препятствий к увозу Царской Семьи не только со стороны отряда солдат, составлявших охрану Семьи, но и большевистских элементов в Тобольском совдепе, представлявших интересы именно екатеринбургских большевиков в лице их посланца Заславского.

Яковлев обнаружил при этом чрезвычайную торопливость в выполнении возложенного на него поручения.

Как видно из показаний названных лиц, на него было возложено увезти всю Царскую Семью из г. Тобольска. Факт болезни в момент его прибытия в г. Тобольск Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и невозможность увоза Его из Тобольска повлекли за собой переговоры Яковлева с Москвой, каковые он вел по телеграфу через особого привезенного им с собой телеграфиста. Представляется установленным, что он получил из Москвы соответствующие ука-

зания при этих переговорах, и он увез 26 апреля 1918 года из г. Тобольска Государя Императора.

Из показаний вышеназванных свидетелей представляется совершенно очевидным, что из всех Особ Августейшей Семьи Яковлева интересовали лишь личности Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Хотя в силу возложенного на него поручения он и был обязан увезти из Тобольска всю Семью, но из вышеприведенных данных представляется очевидным, что, установив факт болезни Наследника Цесаревича и невозможность увоза Его из Тобольска, он имел намерение увезти одного Государя Императора, относясь к вопросу о том, поедет ли с Ним кто-либо из членов Семьи, или нет, совершенно безразлично.

Теми же данными предварительного следствия установлено, что, прибыв в Тюмень в 9 часов вечера 27 апреля, Яковлев в особом поезде поехал по направлению к Екатеринбург. Но дорогой он осведомился, что Екатеринбург его не пропустит далее, и он поехал обратно по направлению к Тюмени. Оттуда он отправился по направлению к Омску, полагая через Омск проехать в Европейскую Россию. Однако омские большевики, предупрежденные из Екатеринбурга, не пропустили поезд в Омск, и Яковлев, после переговоров из Омска, куда ездил один со станции Куломзина, ближайшей к Омску, на каковой оставался состав его поезда, с Москвой, поехал снова на Екатеринбург¹.

---

¹ Комплекс документов, раскрывающий переговоры В.В. Яковлева с Я.М. Свердловым, руководителей Уралоблсовета — с Я.М. Свердловым и В.И. Лениным, позволяет сделать вывод, что В.В. Яковлев выполнял поручение советского правительства о перевозе царской семьи в Москву, но уральцы заставили руководство страны, В.И. Ленина и Я.М. Свердлова доставить царскую семью в Екатеринбург. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 16 об.; Ф. 601. Оп. 2. Д. 34. Л. 97—104; а также *Лыкова Л.А.* В.И. Ленин и судьба царской семьи. Исторический архив. 2005. № 5.

По собственному желанию с Государем Императором выехали из Тобольска Государыня Императрица и Великая Княжна Мария Николаевна. Они все были задержаны в г. Екатеринбурге.

В силу источника самых полномочий Яковлева представляется несомненным, что его переговоры с Москвой из Омска, как и из Екатеринбурга, по поводу болезни Наследника Цесаревича, велись с председателем ЦИКа Яковом Мовшевым Свердловым.

Из существа показаний приведенных свидетелей, из показаний свидетельницы Татьяны Евгеньевны Мельник и свидетеля графа Капниста, а также из записи показаний, данных последнему проводником вагона, Чехом, в коем Яковлев вез Августейших Особ, видно, что обращение его с Государем Императором носило характер почтительности, и Государь еще в Тобольске высказался о нем как о человеке «не плохом, прямом».

Ввиду всей совокупности приведенных обстоятельств и особенно ввиду того, что Яковлевым была проявлена в Тобольске определенная борьба с Заславским как представителем интересов екатеринбургских большевиков, добивавшимся заключения всей Царской Семьи в тюрьму, следственная власть признала доказанным, что увоз Государя Императора из Тобольска Яковлевым вовсе не имел в виду простой перевоз Августейших Особ в Екатеринбург, а был попыткой увоза Их за Екатеринбург.

Пытаясь возможно полнее осветить на предварительном следствии поставленный выше вопрос о попытке увоза Государя Императора из Тобольска, следственная власть обратила внимание на освещение этой стороны дела самими большевиками.

29 декабря 1918 года при обыске в г. Екатеринбурге у врача Кенсорина Сергеевича Архипова, близкого к Якову Михайловичу Юровскому, одному из наиболее главных виновников убийства Царской Семьи, начальником уголовного розыска был обнаружен номер газеты, судя по шрифту,

большевистской газеты «Уральский Рабочий». В этой газете напечатана статья центральных большевистских «Известий» под названием «К переводу быв. Царя из Тобольска в Екатеринбург».

Это сообщение большевиков в их главном органе прессы представляется не соответствующим действительности. Преследуя определенную цель осветить попытку увоза Государя Императора из Тобольска как простой перевод Его из Тобольска в Екатеринбург, сообщение большевиков имеет характер явного и при этом сознательного извращения фактов.

В нем указывается, что Яковлев прибыл в Тобольск, имея целью перевезти Царскую Семью в Екатеринбург, 26 апреля, будучи еще до своего прибытия в Тобольск осведомлен о болезни Наследника Цесаревича; что он отбыл из Тобольска с Августейшими Особами 27 апреля ранним утром и прибыл в Тюмень 28 апреля вечером. Даты же прибытия его в Екатеринбург совсем не указано.

Наконец, в этом сообщении скрывается попытка Яковлева проникнуть в Европейскую Россию через Омск, куда он поехал после того, как получил сведения, что Екатеринбург, через который он первоначально выехал с поездом из Тюмени, его не пропустит, ибо в сообщении лишь значится: «Путь от Тюмени до Екатеринбурга был совершен без каких-либо инцидентов».

Преследуя указанную цель, большевистское сообщение, дабы скрыть факт продолжительного пребывания Яковлева в Тобольске с 22 апреля, когда именно он прибыл в Тобольск, как это точно установлено следствием, и в период какого времени он проверял факт болезни Наследника Цесаревича, до того не известный как ему, так и Москве, указало дату его действительного прибытия в Екатеринбург.

Расстояние от Тюмени до Екатеринбурга составляет 304 версты, т.е., требует в специальном поезде приблизительно 10 часов езды. Прибыв в Тюмень из Тобольска в 9 часов вечера 27 апреля, как указывалось выше, Яковлев

после его неудачной попытки прорваться в Европейскую Россию через Омск прибыл в Екатеринбург только 30 апреля.

В намерении осветить обстоятельства как простой перевоз Августейших Особ из Тобольска в Екатеринбург большевистское сообщение, дабы уменьшить количество времени, проведенное Яковлевым в пути от Тобольска до Екатеринбурга, переносит момент отъезда его из Тобольска с 26 апреля на 27 апреля, момент прибытия его в Тюмень с 27 апреля на 28 апреля, совсем не указывая момента его прибытия в Екатеринбург.

И помимо приведенных данных, точно установленных предварительным следствием, большевистское сообщение находится в явном противоречии с некоторыми иными фактами.

Как указано выше, отношение Яковлева к Государю Императору носило характер почтительности, и в беседе с Государем Императором Яковлев указывал, что за неприкосновенность Его личности он, Яковлев, отвечает своей жизнью. Он не чинил никаких препятствий в выборе Государем Императором тех лиц, которых Он и Государыня Императрица сочли нужными взять с собой при отъезде из Тобольска.

Как из показаний приведенных выше свидетелей, так и из осмотра дневника покойной графини Анастасии Васильевны Гендриковой видно, что никто из лиц, находившихся при Царской Семье в г. Тобольске, не сомневался, что Яковлев с добрыми намерениями увозит Государя Императора из Тобольска. В основе такого всеобщего мнения лежали факты, проявленные в Тобольске всем поведением Яковлева. Ими и обусловлен был выбор тех лиц, которые отправились с Августейшими Особами: князь Василий Александрович Долгоруков, доктор Евгений Сергеевич Боткин, камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, комнатная девушка Государыни Анна Степановна Демидова и детский лакей Иван Дмитриевич Седнев.

Таким образом, из прислуги были взяты лишь те лица, которые несли обязанности лакеев, и никто не был взят из большого штата поваров, оставшихся в Тобольске.

Этот факт сам по себе свидетельствует, что увоз Яковлевым Августейших Особ вовсе не являлся простой переменной местожительства Семьи, ибо подбор прислуги не был рассчитан на такое предположение, а сообразовался лишь с необходимостью передвижения.

Кроме того, проверка этой же стороны дела на предварительном следствии установила, что в г. Екатеринбурге большевиками не было принято заранее никаких мер для приспособления к их целям дома Ипатьева, куда была помещена впоследствии Царская Семья, и меры эти впервые были приняты только тогда, когда Яковлев был уже в пути.

Приняв во внимание совокупность приведенных обстоятельств, следственная власть, считаясь с явно выраженным большевиками намерением скрыть от народа характер фактов, имевших место в связи с попыткой Яковлева увезти из Тобольска Царскую Семью, пришла к выводу, что самое поручение, которое выполнял Яковлев, по существу исходило не от центральной советской власти, хотя полномочия Яковлева и имели подписи председателя ЦИКа Якова Мовшевича Свердлова.

Пытаясь разрешить этот вопрос, следственная власть не могла игнорировать общих условий, в которых имели место вышеприведенные факты.

В сих целях на предварительном следствии выяснялся вопрос о взаимоотношениях немцев с большевиками с момента отречения Государя Императора от Престола.

Ввиду обстоятельств, установленных показаниями свидетелей Александра Федоровича Керенского, Владимира Львовича Бурцева, Павла Николаевича Переверзева и других, осмотром книги немецкого генерала Людендорфа, в коей помещены его «Воспоминания» о Великой европейской войне, и осмотром представленной свидетелем Бурцевым к следствию сводки по данным предварительного следствия судеб-

ного следователя по особо важным делам при Петроградском окружном суде Александрова по обвинению Ульянова и других лиц в государственной измене, представляется доказанным, что как попытка к свержению власти Временного правительства в июле месяце 1917 года, так и самый переворот 25 октября 1917 года имели в своей основе помощь немцев и их интересы.

Ввиду доказанности этих обстоятельств и принимая во внимание общую политическую обстановку, в которой находилась Россия со времени переворота 25 октября 1917 года, нельзя не признать, что возможность со стороны немецкой власти, представленной в России в 1918 году послом Германии графом Мирбахом, попытки увоза из г. Тобольска Государя Императора путем требования, предъявленного к названному Якову Мовшевичу Свердлову, могла иметь место.

При допросе на следствии в качестве свидетеля вышеупомянутого Бурцева последний представил к следствию запись его беседы с одним из лиц, бывших в составе посольства графа Мирбаха в Москве, причем в ответах этого лица Бурцеву совершенно определенно значится, что граф Мирбах обращался с категорическим требованием к вышеназванному Свердлову о привозе Государя Императора в Петроград.

Принимая во внимание:

а) что в тех же ответах значится, что этому лицу входившему в состав посольства графа Мирбаха, было известно, что Августейшей Семье могут быть передаваемы денежные суммы, что действительно и имело место и притом исключительно в Тобольске, а не в Екатеринбурге,

б) что требование графа Мирбаха состояло именно в том, чтобы Государь Император был увезен из того места, где Он пребывал, что именно соответствовало действительности в то лишь время, когда Царская Семья находилась в Тобольске, а не в Екатеринбурге,

в) что, как видно из тех же ответов, самое требование графа Мирбаха имело категорически-решительный характер, что именно и соответствовало действиям Яковлева,

судебный следователь признает абсолютно доказанным, что поручение, возложенное на Яковлева, по существу исходило от немецкого посла в Москве графа Мирбаха.

Обращаясь к выяснению тех мотивов, которые лежали в основе этого требования, судебный следователь останавливается прежде всего на выяснении их в документе, представленном к следствию Бурцевым. В нем значится, что действия графа Мирбаха, имея своей основой желание Германского Императора и Испанской Королевы, обуславливались гуманитарными мотивами, желанием указанных Особ спасти жизнь Царской Семьи.

Обсуждая эти указания мотивов требования графа Мирбаха в связи с данными предварительного следствия, представляется очевидным, что такие указания не соответствуют действительности.

Прежде всего обстановка в г. Тобольске сама по себе, как таковая не угрожала благополучию Царской Семьи.

Затем непереносимое желание немецкой власти спасти жизнь Царской Семьи, основанное на гуманитарных началах, неизбежно должно было бы повлечь за собой факты иного рода, а не те, какие имели место в Тобольске в связи с поведением там Яковлева.

Будучи почтителен к Государю Императору и указывая, что за Его благополучие он, Яковлев, сам отвечает своей жизнью, Яковлев, однако, предъявил Государю Императору не просьбу об отъезде, а решительное требование и, не взирая на определенное выражение Государем Императором нежелания уезжать куда-либо из Тобольска, ввиду болезни Наследника Цесаревича, санкционировал свое требование угрозой.

Показание свидетеля Кобылинского, единственного очевидца беседы Государя Императора с Яковлевым, находит себе полное подтверждение в показаниях свидетелей Александра Васильевича Кривошеина и Дмитрия Борисовича Нейдгарта, удостоверивших, что за несколько дней до отъезда Государя Императора из Тобольска, т.е. во время именно пре-

бывания там Яковлева, Государь Император в условной телеграмме указывал на принуждение Его к отъезду из Тобольска, и названные свидетели, читавшие эту телеграмму и последующую, говорят на предварительном следствии об «угрозах» и «насилии».

Таким образом, представляется несомненным, что указанная выше мотивировка действий графа Мирбаха никоим образом действительности не соответствовала и поручение, которое выполнял Яковлев, имело какую-то иную цель.

Пытаясь установить ее данными предварительного следствия, судебный следователь не мог не обратить внимания прежде всего на согласованность в этом вопросе действий немецкой и советской власти. Объяснение действий графа Мирбаха гуманитарными началами является по самому существу попыткой обоснования этого явления принципами морали. Объяснение пребывания в Тобольске Яковлева со стороны большевиков также представляется по существу попыткой обоснования этого явления революционными, т.е. условно моральными, принципами. Самые способы и тех и других в данном случае одни и те же: сокрытие истины.

В обследовании обстоятельств дела в этом направлении следует иметь в виду, что Государь Император и Государыня Императрица, как это точно устанавливается показаниями вышеприведенных свидетелей, окружавших Семью в Тобольске, в лице Яковлева видели по самому существу явления посланца немцев, а в попытке увоза Государя Императора — положительную политическую цель.

Данными предварительного следствия установлено, что с конца 1917 года в Петрограде и в Москве существовали русские общественные группировки, пытавшиеся в целях свержения советской власти прийти к соглашению с немцами.

Имея в виду найти в этой области разрешение указанного вопроса, следственная власть допросом свидетеле-

лей Владимира Иосифовича Гурко, Александра Васильевича Кривошеина, Дмитрия Борисовича Нейдгарта, князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова, Николая Евгеньевича Маркова, Виктора Павловича Соколова, Николая Дмитриевича Тальберга, Александра Федоровича Трепова и других установила:

а) что переговоры русских общественных групп не привели ни к каким результатам и оборвались на вопросах самого общего характера, при обсуждении каковых совершенно не затрагивались вопросы если не о форме государственного устройства в России, то во всяком случае о личности будущего Монарха;

б) что действия русских патриотов, пытавшихся оказать в той или иной форме помощь Царской Семье, были конспиративны и не связаны с действиями немецкой власти;

в) что отношение графа Мирбаха к просьбам групп и отдельных лиц спасти жизнь Царской Семьи было отрицательное, причем свидетель Кривошеин удостоверил, что граф Мирбах в ответ на такие просьбы заявил в конце концов, что обязанностью немецкой власти он считает <не> спасение Царя, которого должен спасать сам русский народ, а «немецких принцесс», причем из сопоставления показаний свидетелей Кривошеина, Нейдгарта и Трепова определенно видно, что такой ответ последовал уже тогда, когда вся Царская Семья была в Екатеринбурге.

Следствием установлено, что отъезд из Тобольска в Екатеринбург всех остальных лиц Царской Семьи имел место 20 мая 1918 года, причем главная роль в этом принадлежала особому лицу — матросу Павлу Хохрякову, имевшему уполномочия от ЦИКа и Уральского областного совета.

При сопоставлении фактов, связанных с действиями Яковлева, с фактами, связанными с действиями Хохрякова, представляется очевидным, что Хохряков, как и Яковлев, обращал исключительное внимание на особу Наследника Цесаревича, помимо Особы Государя Императора, уже находившегося в Екатеринбурге; что, как и Яковлев, Хохряков

проявлял крайнюю поспешность в увозе Его из Тобольска; что, как и Яковлев, Хохряков постоянно прибегал к тем же приемам: убедиться, действительно ли болен Наследник Цесаревич и можно ли Его увезти.

При этом нельзя не заметить, что если Яковлев имел основания опасаться противодействия солдат охраны к увозу Государя Императора, то Хохряков свою поспешность такими соображениями уже не мог объяснять, ибо самый вопрос о перевозе Детей туда, где были уже Их Родители, представлялся совершенно естественным и такого противодействия встретить не мог.

Также установлено данными следствия, что, увозя из Тобольска Царских Детей, Хохряков взял из губернаторского дома всю обстановку дома, не принадлежавшую Царской Семье.

Принимая во внимание всю совокупность приведенных фактов и имея ввиду:

а) что данными следствия устанавливается, что Хохряков, видимо, был связан с Яковлевым старыми узами,

б) что Царские Дети сопровождалась особым отрядом, состоявшим почти исключительно из одних латышей, причем из показания Владимира Иосифовича Гурко видно, что некоторые латышские отряды, находившиеся на службе у большевиков, были в подчинении немецкой власти,

в) что во главе этого отряда стоял Родионов, в коем Илья Леонидович Татищев, состоявший многие годы при германском императоре и проживавший в Берлине, опознал лицо, которое он часто там видел, а графиня Гендрикова или баронесса Буксгевден опознала в нем чина жандармской полиции на пограничной к Германии станции Вержболове,

— следственная власть полагает, что мотивы, побудившие немецкую власть пытаться увезти из Тобольска Государя Императора и Наследника Цесаревича, имели действительно политическую, но не положительную, а отрицательную цель, обусловливавшуюся общей политической обстановкой. Создав для себя через большевиков благоприятное положение

в России, немцы, в условиях мировой войны, опасались начинавшегося в Сибири национального движения, направленного к свержению власти большевиков, т.е. выгодного для их положения, и боялись оставления в такой обстановке для своих интересов Государя Императора и Наследника Цесаревича.

Будучи удален большим расстоянием от железной дороги, Тобольск в этом отношении представлял опасность немецким интересам, в ограждение коих Яковлев, выполняя поручение графа Мирбаха, и пытался, видимо, увезти Государя Императора в место, где подобная опасность овладения личностью Государя Императора и Наследника Цесаревича русскими национальными силами не могла бы иметь места.

Как видно из показаний свидетеля князя Георгия Евгеньевича Львова, князь Василий Александрович Долгоруков, находившийся при Государе Императоре до самого момента прибытия Его с Яковлевым в Екатеринбург, указывал князю Львову, что Яковлев вез Государя Императора в Ригу, т.е. в такой пункт, где немецкие интересы в указанном отношении были наиболее гарантированы.

Оставляя в настоящий момент без обсуждения вопросы о причинах задержания Государя Императора в г. Екатеринбурге, последующих фактов и самого факта убийства Царской Семьи, судебный следователь останавливает внимание на событии, имевшем место в связи с этим убийством в Москве 18 июля 1918 года.

9 июля 1919 года при предложении прокурора Екатеринбургского окружного суда за № 6196 к судебному следователю поступили две телеграммы «Бюро Печати» за № 6153 и 6154, адресованные из Москвы в Екатеринбург «Председателю областного совдепа» и обнаруженные в г. Екатеринбурге по освобождению его от большевиков 25 июля 1918 года Екатеринбургской военно-следственной комиссией.

Эти телеграммы были осмотрены на предварительном следствии 28 октября 1919 года.

Как видно из их содержания, они воспроизводят содержание того доклада, который был сделан в Москве 18 июля Яковом Мовшевым Свердловым президиуму ЦИКа¹. В этом докладе названный Свердлов, констатируя факт «расстрела» Государя Императора Николая Александровича, удостоверял, что Государыня Императрица Александра Федоровна и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич живы и «отправлены в надежное место», умолчав о судьбе Великих Княжон.

Как видно из данных предварительного следствия, делая такое сообщение, Свердлов имел у себя в этот момент телеграмму председателя Уральского областного совета Белобородова следующего содержания: «Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участь что и главу официально семья погибнет при эвакуации»².

В задачу предварительного следствия, обязанного к принятию мер для раскрытия всех существенных обстоятельств дела, входило и выяснение вопроса, почему именно Свердлов, умалчивая о судьбе Великих Княжон, как бы подчеркивал благополучие Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича.

Принимая во внимание, что:

а) ст. 270 уст. угол. суд. возлагает на всех лиц обязанность, содействуя ходу предварительного следствия, представлять следственной власти возможность выполнения лежащих на ней обязанностей в форме исполнения ее законных требований,

б) что, таким образом, по смыслу закона на судебном следователе лежит не только право требования к лицам о представлении к следствию сведений или предметов, имеющих значение для дела, но, по силе 264 и 266 ст. ст. того же устава, подобное его право составляет и его обязанность,

---

¹ См. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6643. Л. 1; ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

² Эта телеграмма была получена в Кремле ночью 18 июля 1918 г. Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

в) что в законах нигде нет запрета судебному следователю личного обращения к лицам, личного получения от них необходимых сведений и предметов,

г) что при этом судебный следователь обязан лишь принять меры к устранению всяких возможностей, которые могли бы обусловить представление к следствию ненадлежащих сведений или предметов в смысле их тождества,

судебный следователь нашел возможным и, за силой указанных и основанных на разуме закона соображений, необходимым пытаться получить сведения, имеющие значение для дела об убийстве Царской Семьи, от лиц, входивших в состав немецкого посольства графа Мирбаха в Москве.

14 июня 1921 года судебный следователь имел свидание в г. Берлине с доктором Рицлером, входившим в состав названного посольства и заменившим графа Мирбаха после его убийства в Москве.

Того же числа доктором Рицлером были оглашены документы, имевшиеся в распоряжении немецких властей по делу об убийстве Царской Семьи, судебному следователю и выражена была готовность, с согласия немецкого правительства, представить к следствию нужные документы.

Таковые были получены в копиях судебным следователем 9 сентября 1921 года.

При осмотре сих документов на предварительном следствии 3—5 марта 1922 года оказалось, что 19 июля 1918 года германская миссия в Москве запрашивала Министерство иностранных дел в Берлине: «Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к Царице... как к германской принцессе? Распространить представление и на Цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план Цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова».

20 июля 1918 года миссия в Москве доносила Министерству иностранных дел в Берлин: «Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел Царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Боровский ответил, что Царь был расстрелян лишь потому, что в противном случае им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявляем особый интерес к дамам Царской Семьи, которые германской крови, то, может быть, можно было бы предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить Царицу и Цесаревича (последнего, как неотделимого от матери) как компенсацию в вопросе батальона с гуманитарным обоснованием. Рицлер».

20 июля 1918 года Министерство иностранных дел в Берлине сообщало поверенному в делах в Москве: «С представлением в пользу Царской Семьи согласен. Буше».

23 июля 1918 года Миссия в Москве сообщала Министерству иностранных дел в Берлине: «Сделал соответствующее представление в пользу Царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние цареубийства на общественное мнение. Чичерин молча выслушал мои представления. Рицлер».

Обсуждая содержание приведенных документов, представленных к следствию доктором Рицлером, в связи с совокупностью приведенных выше обстоятельств, судебный следователь находит, что особое упоминание Якова Мовшева Свердлова в судьбе Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича в его сообщении от 18 июля 1918 года находит именно в этих документах свое обоснование.

Из смысла только что приведенных документов видно, что немецкая власть, согласно с показанием свидетеля Кривошеина, находила для себя возможным указывать в дипломатическом порядке на необходимость ограждения безопасности не Русской Императорской Фамилии, а исключительно «принцесс германской крови».

Как видно из донесения миссии от 19 июля, этому донесению (запросу) предшествовало уже представление в пользу Царицы. Из него же видно, что у лиц, входивших в состав миссии, существовала уже до 19 июля мысль, не следует ли распространить представление и на Цесаревича, о чем доктор Рицлер того же 19 июля говорил наиболее ответственным агентам так называемой советской власти. Представляется несомненным, что если эта мысль не скрывалась в немецкой миссии, то она была известна большевикам, причем ее осуществление связывалось с отказом миссии от требования ее о вводе в Москву немецкого батальона, каковое требование, как известно, было предъявлено немцами к советской власти после убийства графа Мирбаха.

Делая свое сообщение 18 июля, Яков Мовшев Свердлов удостоверял благополучие Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича, т.е. тем самым отнимал всякую возможность поддержания немцами их требования о вводе их немецкого батальона.

Представляется совершенно понятным его умолчание о судьбе Великих Княжон. Так как, с одной стороны, в самом содержании его сообщения лежит идея «казни» Царя по воле народа за Его «преступления» против народа, а с другой стороны, удостоверяется, что Государыня Императрица и Наследник Цесаревич живы, то тем самым удостоверяется и меньшее, т.е. вопрос о благополучии Великих Княжон.

Как видно из настоящего дела, таковое было возбуждено у судебного следователя предложением министра юстиции от 7 февраля 1919 года за № 25/а 2437.

Из содержания этого предложения видно, что сим же предложением у того же судебного следователя возбуждено производство предварительного следствия об убийстве в г. Алапаевске Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Михайловича, Князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича, графа Владимира Павловича Палея и лиц, при Них находившихся.

Обращаясь к обсуждению фактов предварительных следствий по сим делам в их общем сопоставлении и принимая во внимание:

а) что Царская Семья была убита в г. Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года, причем Она была заманена из комнат верхнего этажа дома Ипатьева, в коем Она проживала, в подвальную комнату нижнего этажа того же дома, выбранную из всех помещений дома, как это видно из акта осмотра дома Ипатьева, совершенно сознательно, под обманым предлогом необходимости оставления комнат, занимавшихся Царской Семьей;

б) что трупы Царской Семьи были уничтожены при помощи огня и серной кислоты, причем местом, где были сокрыты останки Ее, был выбран рудник, т.е. такое место, где особенно трудно было обнаружить уцелевшие остатки;

в) что большевики прибегли затем к сокрытию истины путем лживого сообщения о жизни Царской Семьи, кроме Государя Императора;

г) что Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, Князь Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович, граф Владимир Павлович Палей были убиты вблизи г. Алапаевска в ночь на 18 июля 1918 года, т.е. через одни сутки после убийства Царской Семьи;

д) что трупы Их были сокрыты в одной из шахт рудника, т.е. для сей цели было избрано место, однородное с тем, где были сокрыты остатки трупов Царской Семьи;

е) что большевики прибегли к обману при увозе Августейших Особ из г. Алапаевска под предлогом необходимости переезда в Синячихинский завод и в целях сокрытия факта убийства прибегли к ложному сообщению о похищении Августейших Особ,

— следственная власть усматривает в деле убийства Царской Семьи и в деле убийства Августейших Особ в Алапаевске одну волю.

Из приведенного выше текста телеграммы Белобородова от 18 июля видно, что он в своем сообщении о похищении Августейших Особ не упоминает имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Данными предварительного следствия по сему последнему делу установлено, что в 3 часа 15 минут 18 июля участники убийства Абрамов, Перминов и Останин известили Белобородова о похищении Августейших Особ, причем персонально они хотя и никого не указывали, но из смысла телеграммы явствует, что они указывали на похищение всех алапаевских узников.

Предстояло разрешить на предварительном следствии вопрос, является ли умолчание Белобородова об имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны случайностью или же это умолчание является сознательным действием Белобородова и, буде оно является именно таковым, чем надлежит объяснить поступок Белобородова.

3—5 октября 1919 года при допросе по настоящему делу об убийстве Царской Семьи в качестве свидетеля прокурора Пермского окружного суда Петра Яковлевича Шамарина последним был представлен к следствию 145-й номер официальной газеты большевиков «Известия Пермского губернского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов».

При осмотре этой газеты на предварительном следствии 26 октября 1919 года в ней оказалось «объявление» от председателя Уральского областного совета Белобородова дословно следующего содержания.

«Похищение князей.

Алапаевский Исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие Великие Князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей.

Несмотря на сопротивление стражи, князя были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся. Председ. Областного Совета Белобородов»¹.

В этом объявлении также отсутствует упоминание имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Принимая во внимание, что: а) дословные тексты телеграммы Белобородова от 18 июля и текста объявления различны, б) телеграмма и объявление отделены промежутком в 8 дней, нельзя представлять, что объявление механически воспроизводило в печати ту же самую телеграмму Белобородова. Таким образом, представляется очевидным, что составление телеграммы 18 июля и текста объявления от 26 июля — два различных деяния Белобородова.

Буде бы и представлялось возможным объяснить отсутствие имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны в телеграмме от 18 июля случайностью, такое объяснение не может быть принято при толковании текста объявления и особенно ввиду того, что, как видно из текста телеграммы Белобородова от 18 июля на имя председателя Алапаевского совета Абрамова, последний вызывался Белобородовым «для доклада».

Сопоставляя факт умолчания Белобородовым имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны с особым упоминанием Свердловым имени Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича, следственная власть усматривает в обоих этих фактах однородное явление, обуславливающееся одним и тем же мотивом и объясняющееся содержанием документов, представленных к следствию доктором Рицлером.

Немцы указывали на необходимость ограждения безопасности принцесс «германской крови». Свердлов в сво-

---

¹ Такого же содержания телеграмма Белобородова, отправленная 18 июля 1918 г. в 18 часов 30 минут в Москву — Ленину и Свердлову и Петроград — Зиновьеву и Урицкому. См. Росс Н. указ. соч. С. 218—219.

ем сообщении от 18 июля, Белобородов в своей открытой, нешифрованной телеграмме от того же числа и своем объявлении от 26 июля, в силу их взаимоотношений с немецкой властью, выбрали положение, для них более удобное.

Принимая во внимание:

что производство предварительных следствий по делу об убийстве Царской Семьи и по делу об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске, вне взаимного сопоставления фактов по обоим делам, было бы неправильным, что в настоящий момент представляется, однако, желательным раздельное производство следствий по сим делам, на основании 264 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: обстоятельства, относящиеся к убийству Августейших Особ в г. Алапаевске, копией сего постановления и иных следственных актов в извлечениях или копиях выделить из настоящего дела (№ 20) об убийстве Царской Семьи и приобщить к делу (№ 21) об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске¹.

Настоящее постановление – в двух актах.

Судебный следователь *Н. Соколов*

---

¹ Документы по «Делу об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске» составили один том, который в настоящее время находится в ГА РФ и подготовлен к изданию.

НАСТОЛЬНЫЙ РЕЕСТР
СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
ПРИ ОМСКОМ ОКРУЖНОМ СУДЕ
Н.А. СОКОЛОВА¹

№ по порядку исходящ. Время вступления дела	Реестра № 20 – 1919 года 7 февраля 1919 года
Повод к возникновению дела	Предложение Министра Юстиции от 7 февраля 1919 года № 25/в 2437
Предмет дела	Об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая II, Его Семьи и бывших при Ней лиц

---

¹ Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–45.

ДВИЖЕНИЕ ДЕЛА

Кому, когда и по какой ст. Уст.
Угол. Суд. Дело направлено

---

30 июля 1918 года – постановление Судебного Следователя по важнейшим делам Екатеринбургского Окружного суда Наметкина о начатии следствия за силой предложения Прокурора сего суда от 30 июля 1918 года.

Того же числа – осмотр им рудника.

31 июля 1918 года – получены от помощника начальника гарнизона полковника Лабунова (г. Екатеринбург) вещественные доказательства.

1 августа 1918 года – в д. Коптяки допрошена им свидетельница Евдокия Тимофеева Лобанова.

2 августа 1918 года – им сданы на хранение начальнику гарнизонного отделения капитану Малиновскому (в г. Екатеринбурге) бриллиант и осколки изумруда и жемчуг.

3 августа 1918 года – им допрошены в д. Коптяки крестьяне этой деревни в качестве свидетелей – Михаил Дмитриевич Алферов, Михаил Игнатьевич Бабинов и поручик Андрей Андреевич Шереметевский.

2, 5, 6, 7, 8 августа 1918 года им проводился осмотр дома Ипатьева.

13 августа 1918 года – постановление его о передаче дела для дальнейшего производства следствия Члену Екатеринбургского О. Суда И.А. Сергееву, за силой предписания общего собрания отделений Суда от 7 августа 1918 года, о чем было сообщено представителями сего Суда Наметкину 12 августа 1918 года за № 56.

8 сентября 1918 года им же произведен осмотр бриллианта, переданного на хранение Малиновскому.

11, 12, 14 августа 1918 года Членом Суда Сергеевым проводился дальнейший осмотр дома Ипатьева.

18 августа 1918 года им производилась вырезка частей пола в комнатах дома Ипатьева.

20 августа 1918 года было получено донесение заведующего следственным отделением Верх-Исетского района подпоручика Ермохина по поводу обнаружения вещей Царской Семьи у Феодосьи Илларионовны Балмышевой.

15–16 августа 1918 года Членом Суда Сергеевым в г. Екатеринбурге был допрошен в качестве свидетеля Терентий Иванович Чемодуров.

17 августа 1918 года получено дознание от Начальника Екатеринбургского Уголовного Розыска (№ 1834).

20 августа 1918 года Членом Суда Сергеевым была произведена выемка из стены в доме Ипатьева.

Того же числа получены вещественные доказательства, присланные при отношении Прокурора Екатеринбургского Окр. Суда за № 263.

31 августа 1918 года получена при отношении от 31 августа (без номера) Прокурора того же Суда переписка с документами, представленная Прокурору его Товарищем Остроумовым того же августа.

В августе того же года получена от Начальника Уголовного Розыска переписка о нахождении вещей Царской Семьи у сторожа в областном совете Лылова, в здании В.-Камского Банка.

В сентябре 1918 года получена от Прокурора Суда при отношении от 3 сентября 1918 года № 283 переписка с допросом Членом Следственной Комиссии врача Николая Арсентьевича Саковича.

5 сентября 1918 года Членом Суда Сергеевым был проведен осмотр документов.

Того же числа было получено заявление профессора Диля.

6 сентября 1918 года – постановление Чл. Суда Сергеева об оставлении его ходатайства о допущении его к изучению дела, как ученого историка, без последствий.

В сентябре 1918 года получено дознание Екатеринбургского Уголовного Розыска при отношении Прокурора Суда от 9 сентября за № 879.

12–14 сентября 1918 года в г. Екатеринбурге был допрошен Членом Суда Сергеевым свидетель Петр Андреевич Жильяр.

14 сентября 1918 года им же был произведен осмотр бриллианта.

24 сентября 1918 года им же было произведено опечатывание вещей Царской Семьи в здании Волжско-Камского Банка.

В октябре месяце при отношении от 13 октября 1918 года за № 2034 от Уголовного Розыска поступило дознание по делу.

Поступила и приобщена к делу составленная профессором Дилем опись документов, обнаруженных 5 сентября 1918 года Товарищем Прокурора Остроумовым в здании Волжско-Камского Банка.

8 октября 1918 года Членом Суда Сергеевым составлен акт о занятии дома Ипатьева генералом Гайдой.

8-10 октября 1918 года в г. Екатеринбурге им же был допрошен свидетель св. Иоанн Владимирович Сторожев.

16 октября 1918 года – постановление о выделении из дела обстоятельств обнаружения вещей у Лылова, Балмышевой и Новоселова.

18–19 октября 1918 года им же допрошен в качестве свидетеля в порядке ст. 722 у.у.с. крестьянин Сысертского завода Михаил Иванович Летемин.

20 октября 1918 года – постановление о выделении из дела обстоятельств обнаружения у него вещей Царской Семьи.

22 ноября 1918 года – в Екатеринбурге им же был допрошен свидетель штабс-ротмистр Николай Яковлевич Седов.

22 октября 1918 года там же им же был допрошен свидетель Алексей Андреевич Волков.

В октябре 1918 года при отношении Прокурора Суда от 21 октября № 313 поступила переписка о нахождении вещей у Балмышевой.

В октябре 1918 года поступило донесение Начальника Уголовного Розыска.

24 октября 1918 года в г. Екатеринбурге Членом Суда Сергеевым был произведен осмотр дневника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

1 ноября 1918 года произведен им же осмотр по вскрытию двух трупов мужчин неизвестного звания.

В ноябре 1918 года при отношении начальника Уголовного Розыска от 2 ноября № 2039 поступило дознание.

В том же месяце от него же дознание при отношении от 9 ноября № 2721.

В том же месяце от начальника Военного Контроля при отношении от 2 ноября № 1321 сведения по делу.

11 ноября 1918 года в г. Екатеринбурге Членом Суда Сергеевым допрошены свидетели Мария Григорьевна Стародумова и Васса Осиповна Дрягина.

9–10 ноября 1918 года там же и тем же свидетельница Мария Даниловна Медведева.

11 ноября 1918 года – постановление об освобождении ее из-под стражи.

13 ноября 1918 года им же и там же допрошен свидетель Прокопий Владимиров Кухтенков.

14 ноября 1918 года им же и там же свидетель Петр Порфирьев Богоявленский.

18 ноября 1918 года им же и там же свидетель Семен Васильев Новиков.

Того же числа им же и там же свидетельница Анна Степановна Костоусова.

21 ноября 1918 года им же и там же свидетельница Наталья Николаевна Котова.

22 ноября 1918 года им же и там же – Елена Осиповна Цеберле.

26 ноября им же и там же свидетели: Александр Васильев Самойлов, Федор Иванов Иванов.

27 ноября – Ольга Павлова Демина, Афанасий Кириллов Елькин и Галина Семенова Ощепкова.

30 ноября 1918 года там же и тем же свидетель Николай Николаев Ипатьев.

Того же числа осмотрены им же документы, представленные Ипатьевым.

5–6 декабря 1918 года им же допрошены в г. Екатеринбурге свидетели Михаил Владимиров Томашевский, Григорий Тихонов Агафонов и Капитолина Александровна Агафонова.

25 декабря 1918 года – получено дознание агента розыска Алексеева (№2).

Того же числа – его же документы (№ 3).

31 декабря 1918 года – № 94 послано прокурору Пермского суда требование о задержании означенных лиц.

4 января 1919 года – поступило предложение Прокурора Суда № 76 по делу.

В январе 1919 года поступила от него же переписка об обыске у врача Архипова.

В январе 1919 года поступило дознание от Уголовного розыска.

15 января 1919 года членом суда Сергеевым в г. Екатеринбурге допрошен свидетель Николай Николаевич Магницкий.

16 января 1919 года им же и там же – свидетель Кенсорин Сергеевич Архипов и Самсон Ильич Матиков.

25 января 1919 года им же произведена выемка доски из пола (дома) Ипатьева.

25 января 1919 года Постановление о передаче дела генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу за силой постановления Верховного Правителя по требованию Дитерихса от 23 января 1919 года № 119.

Постановление судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова от 7 февраля 1919 года о начатии следствия.

7 февраля 1919 года принято подлинное производство от Дитерихса.

8 февраля 1919 года – составлен Акт о повреждении шнура в деле.

9 февраля 1919 года – принятие вещественных доказательств от Дитерихса.

10 февраля 1919 года осмотр вещ. доказательств, фотографирование их.

Того же числа – экспертиза пальца и кусочков кожи, челюсти и костей птицы.

Того же числа – экспертиза других вещ. доказательств.

11 февраля 1919 года – осмотр и экспертиза вещ. доказательств.

11 февраля 1919 года за № 42 судебному следователю г. Владивостока требование о допросе свидетеля Виктора Сергеевича Боткина.

11 февраля от Дитерихса приняты показания Томашевского, Товстоухова и рапорт начальника Военного Контроля

в Екатеринбурге № 386 с показаниями Павла Ивановича Логинова.

11 февраля 1919 года – сданы на хранение Дитерихсу некоторые вещ. доказательства.

12 февраля 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

17–18 февраля – то же.

19 февраля – фотографирование их.

20 февраля – экспертиза их.

22 февраля – фотографирование их.

22 февраля 1919 года за № 44 – требование заведующему врачебно-санитарным отделением Акмолинского областного управления об исследовании вещ. доказательств.

23 февраля 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

24 февраля 1919 года – предъявление шифрованных телеграмм начальнику отделения контрразведки при штабе Главнокомандующего Злобину.

24 февраля 1919 года – извлечение пули из кусков дерева в Омском отделении Бактериологического института Уфимского губ. земства.

Того же числа – осмотр вещ. доказательств.

25 февраля 1919 года – фотографирование их.

26 февраля 1919 года – экспертиза.

27 февраля 1919 года – то же и экспертиза.

28 февраля 1919 года – фотографирование и предъявление шифрованных телеграмм заведующему шифровальным отделением М.И. – Д. Куликову.

5 марта 1919 года – предъявление свидетелю Жильяру.

5–6 марта 1919 года – допрос его в г. Омске.

5 марта 1919 года – фотографирование вещ. доказательств.

6 марта 1919 года – то же.

9 марта 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

12 марта 1919 года – то же.

13 марта 1919 г. – то же.

14 марта 1919 года – принятие от члена Суда Сергеева 2 томов следственного производства, в коих имеются акты о следственных его действиях.

В январе 1919 года – при отношении Управления уголовного розыска от 25 января № 2039 дознание по делу.

В январе 1919 года за № 369 от 26 января от Екатеринбургской телеграфной конторы... телеграмм. (Отмечается, что выше упущено было отметить, что таковое же было или это послано при отношении от 20 января за № 374.)

28 января 1919 года – членом Суда Сергеевым производился осмотр телеграмм.

Того же числа – им же в г. Екатеринбурге был допрошен свидетель Николай ... Дубовик.

29 января 1919 года — им же и там же — свидетель Павел Иванов Логинов.

В январе 1919 г. — им же получены два рапорта по делу Михаила Александровича от 28 января № 6 и 30 января № 7.

4 февраля 1919 года им же произведен осмотр вещ. доказательств.

В феврале месяце 1919 года поступил рапорт агента Алексеева от 5 февраля за № 13.

8 февраля 1919 года — в г. Екатеринбурге чл. Суда Сергеевым допрошен свидетель Александр Андреевич Шереметевский.

В феврале месяце 1919 года поступил рапорт агента Алексеева от 30 января № 12.

В феврале 1919 года поступила телеграмма агента Алексеева о задержании в Перми Павла Спиридонова Медведева.

11 февраля 1919 года в г. Екатеринбурге членом Суда допрошен свидетель Иосиф Никитин Мельников.

18 февраля 1919 года допрошена свидетельница Александра Михайловна Пьянкова.

В феврале 1919 года поступило предложение Министра юстиции от 7 февраля 1919 года за № 28а/2623 о передаче дела для дальнейшего производства следствия судебному следователю по особо важным делам Н.А. Соколову.

18 февраля 1919 года — постановление о сем члена Суда Сергеева.

В феврале 1919 года при предложении от 20 февраля 1919 года за № 1540 поступило дознание Екатеринбургского Уголовного розыска.

В феврале 1919 года от агента Алексеева поступило дознание с задержанным Медведевым.

20 февраля 1919 года – Постановление члена Суда Сергеева о привлечении к следствию в качестве обвиняемого Павла Спиридонова Медведева по 13 и 2 и 4 п.п. 1453 ст. Улож. о нак.

21–22 февраля 1919 года – допрос его в г. Екатеринбурге членом Суда Сергеевым.

22 февраля 1919 года – заключение под стражу в Екатеринбургскую тюрьму.

24 февраля 1919 года – им же и там же допрошены свидетельницы Фекла Алексеевна Дедюхина и Прасковья Иванова Морозова.

В марте месяце 1919 года поступило дознание агента Алексеева при рапорте от 2 марта № 14 с задержанным Филиппом Проскураковым.

26 февраля 1919 года – допрошена в г. Екатеринбурге свидетельница Анна Назаровна Швейкина.

В феврале 1919 года – при отношении от 26 февраля 1919 года за № 373 поступила переписка по вопросу пребывания Царской Семьи в Тобольске.

В марте 1919 года – при отношении от 4 марта 1919 года за № 1856 поступила от прокурора Екатеринбургского Округного Суда переписка о розыске Голощекина.

14 марта 1919 года – судебным следователем Н.А. Соколовым произведен осмотр вещественных доказательств.

15 марта 1919 года – то же.

16 марта 1919 года – донесение агента Алексеева при рапорте от 16 марта № 16.

16–18 марта 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

20–22 марта 1919 года – то же.

23–24 марта 1919 года – то же.

19 марта 1919 года за № 45 послано требование Уполномоченному Командующего Сибирской армией о задержании некоторых лиц.

24 марта 1919 года – осмотр вещественных доказательств.

25 марта 1919 года – то же.

Того же числа при отношении от 13 марта за № 20 от прокурора Екатеринбургского О. Суда переписка по делу.

Того же числа – получена лично от члена Суда Сергеева переписка по делу.

27 марта 1919 года – от прокурора Екатеринбургского О. Суда при отношении от 27 марта № 2708 то же.

Того же числа – от члена Суда И.А. Сергеева при отношении от 27 марта за № 146 переписка по делу.

Того же числа – при отношении от 25 марта за № 2669 от прокурора Екатеринбургского О. Суда переписка по делу.

29 марта 1929 года – сообщение начальника Екатеринбургской тюрьмы от 29 марта № 1088 с удостоверением Градо-Екатеринбургской Михаило-Архангельской церкви от 27 марта 1919 года № 20 о смерти 25 марта 1919 года обвиняемого Павла Спиридонова Медведева.

Того же числа – от Уполномоченного Командующего Сибирской армией лично получено требование за № 45 с перепиской.

25 марта за № 50 прокурору Омской Судебной Палаты – требование о производстве дознания по делу.

1 апреля 1919 года – постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого по 13 и 2 ч. 1454 ст. Улож. о нак. Филиппа Полиевкта Проскуракова.

1–3 апреля 1919 года – допрос его по постановлению о заключении под стражу в Екатеринбургскую уездную тюрьму.

2 апреля 1919 года – от прокурора Екатеринбургского Окружного Суда при отношении от 29 марта № 2963 переписка по делу.

2 апреля 1919 года за № 54 – требование коменданту г. Екатеринбурга о задержании Виктора Лугового.

3 апреля 1919 года – от начальника Военного Контроля при Уполномоченном по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губ. отношение от 31 марта № 2054 со списком членов областного совета.

Того же числа от прокурора Екатеринбургского о. Суда при отношении от 1 апреля № 2837 переписка по делу о враче Соковиче.

4 апреля 1919 года — от коменданта г. Екатеринбурга при отношении от 4 апреля № 1003 переписка о Викторе Луговом.

4 апреля 1919 года — начальника Военного Контроля от 3 апреля № 2097 о задержании Валека и др.

Того же числа в г. Екатеринбурге допрошены свидетели Семен Георгиев Логинов, Антон Яковлевич Валек, Самуил Моисеевич Буйвид, Мария Оскоровна Авейде.

Того же числа за № 55 — сему начальнику требование о задержании Ильмера.

6 — 10 апреля 1919 года допрос свидетеля Евгения Степановича Кобылинского.

Судебному следователю при Омском Окружном Суде от 31 марта № 258 требование допроса Клерже (без исполнения) — получено лично 14 апреля.

11 апреля 1919 года — отношение начальника отдела контрразведки при штабе Верховного Главнокомандующего от 3 апреля № 8 с карточкой о задержании в Екатеринбурге Государя Императора.

Того же числа — от М. И. Дузя от 31 марта № 40 сообщение о шифрованных телеграммах.

Того же числа — от начальника отдела контрразведки при штабе Верховного Главнокомандующего отношение от 3 апреля № 7 о том же.

Прокурора Владивостокского О. Суда от 14 марта № 73 исполнение требование № 42 — поступило 11 апреля 1919 года.

Того же числа — поступило отношение агента Алексева с протоколами допроса задержанного Анатолия Александрова Якимова.

13 апреля 1919 года – допрошен свидетель Казимир Петрович Пуйда.

5 апреля 1919 года – прокурора Екатеринбургского О. Суда отношение от 4 апреля № 2972 с перепиской по делу.

Того же числа – от члена Суда Сергеева от 5 апреля № 148 переписка.

6 апреля 1919 года – начальника Военного контроля от 6 апреля № 2144 переписка.

12 апреля 1919 года – дознание агента Алексеева при рапорте от 9 апреля № 26.

14 апреля 1919 года – от генерала для поручений при командующем Сибирской армией переписка по делу при отношении от 14 апреля № 527.

Того же числа работа с телеграммами.

Того же числа – сообщение прокурора Екатеринбургского О. Суда сообщение о Соковиче.

Того же числа – осмотр вещественных доказательств.

15 апреля 1919 года то же.

Того же числа – начальника военного контроля от 15 апреля № 2368 карточки большевиков.

Того же числа – генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии от 14 апреля № 947 переписка.

16 апреля 1919 года – начальника военного контроля при отношении от 16 апреля № 2388 переписка.

Того же числа – начальника Екатеринбургской тюрьмы от 16 апреля № 1548 с перепиской.

15 – 25 апреля 1919 года – осмотр дома Николая Николаевича Ипатьева.

17 апреля 1919 года – коменданта г. Екатеринбурга при отношении от 17 апреля № 1212 переписка по делу.

17 апреля – за № 64 Военному министру требование о розыске комиссара Василия Васильевича Яковлева.

В апреле 1919 года от судебного следователя первого участка Владивостокского О. Суда при отношении от 19 марта № 165 переписка по делу.

19–22 апреля 1919 года – в городе Екатеринбурге допрошен свидетель Василий Николаевич Никольский.

В апреле месяце 1919 года – от начальника штаба Сибирской армии при отношении от 9 апреля № 491 донесение помощника начальника военного контроля Первого Средне-Сибирского корпуса Кирсты.

21 апреля 1919 года – рапорт агента Дузя.

В апреле месяце 1919 года при отношении прокурора Пермского О. Суда от 14 апреля № 49 протокол допроса Витольда Мечиславовича Ромашевского.

26 апреля 1919 года – в городе Екатеринбурге допрошен свидетель Иван Федорович Молотков.

Того же числа – экспертиза надписей на террасе дома Ипатьева.

Того же числа – осмотр вещественных доказательств.

Того же числа – экспертиза их.

Того же числа – от прокурора Екатеринбургского О. Суда отношение от 24 апреля за № 2491 переписка по делу.

27 апреля 1919 года – за № 72 послана Военному Министру подтверждение требования № 72.

28 апреля – за № 75 начальнику Военного контроля в Екатеринбурге требование розыска Стрежнева.

29 апреля 1919 года – допрошены свидетели Петр и Александра Алексеевы Леоновы.

3 мая 1919 года – от прокурора Екатеринбургского О. Суда при отношении от 30 апреля за № 3896 переписка по делу.

8 мая 1919 года – при отношении его же от 7 мая № 4070 – то же.

6 мая 1919 года – постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого по 13 и 2 ч. 1457 ст. Уложения о наказаниях Анатолия Александрова Якимова.

7–11 мая 1919 года – допрос его.

11 мая 1919 года – постановление о заключении его под стражу.

9 мая 1919 года за № 78 – начальнику милиции 8 уч. Екатеринбургского уезда требование о задержании лиц.

13 мая 1919 года – прокурора Екатеринбургского О. Суда переписка при отношении от 13 мая № 62.

14 мая 1919 года – рапорт агента Алексеева от 27 апреля № 92 с допросом Федора Иванова Молоткова.

15 мая 1919 года – счет фотографа Введенского.

Того же числа – от 3 мая № 35 рапорт агента Алексеева.

Того же числа – то же № 34.

Того же числа – то же агента Сретенского от 7 мая.

16 мая 1919 года – осмотр вещественных доказательств.

17 мая 1919 года – допрос свидетеля Федора Иванова Молоткова.

17 мая 1919 года – рапорт агента Сретенского от 17 мая.
Того же числа – то же от него же от 17 мая.

18 мая 1919 года – постановление о дополнительном допросе Капитолины Александровны Агафоновой.

19 мая 1919 года – допрос ее.

Того же числа – принятие от генерал-лейтенанта Дитерихса предметов.

Того же числа – то же.

Того же числа – осмотр вещественных доказательств.

Того же числа – то же.

Того же числа – принятие от г.л. Дитерихса предметов.

Того же числа – осмотр вещественных доказательств.

Того же числа – перевод текста подписи на книжечке с шифром Государя и Государыни.

19 мая 1919 года – принятие от г.л. Дитерихса предметов.

19 мая 1919 года – осмотр вещественных доказательств.

Того же числа – то же.

2 июня 1919 года – Министру Внутренних Дел требование о доставлении к допросу врача Саковича.

4 июня 1919 года – Прокурора Омской Судебной палаты дознание по делу.

Того же числа – рапорт агента Алексеева от 28 мая
№ 41.

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Н.А. СОКОЛОВА ОБ УБИЙСТВЕ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ

Того же числа – то же агента Сретенского от 22 мая.

Того же числа – начальника отделения политических сношений Особой канцелярии штаба Верховного Главнокомандующего от 30 апреля № 157 – переписка.

Того же числа – рапорт поручика Молостова.

6 июня 1919 года – рапорт агента Алексева от 19 мая № 40.

Того же числа – то же его же от 5 июня.

Того же числа – то же его же от 30 мая.

16 июня 1919 года – начальника контрразведывательного отдела и Военного контроля управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего от 6 июня № 2767 переписка.

16 июня 1919 года – получены фотографические снимки от Жильяра.

Того же числа – то же от агента Сретенского.

Того же числа – при отношении Прокурора Омской судебной Палаты от 10 июня № 49 – акты исследования вещ. доказательств.

23 мая – 17 июня 1919 года – осмотр рудника.

9 июня 1919 года – допрос свидетеля Андрея Андреевича Шереметевского.

10 июня 1919 года – допрос свидетелей кр-н д. Коптяки Николая Михайлова Швейкина, Николая Васильевича Папина.

13 июня 1919 года – допрос свидетеля Андрея Андреевича Шереметевского.

14 июня 1919 года – от гл. Дитерихса – письмо тов. прокурора Тихомирова.

14–15 июня 1919 года допрос свидетеля Павла Иванова Уткина.

17 июня 1919 года допрос свидетеля Георгия Владимировича Ярцева и Дмитрия Антонова Малиновского.

18 июня 1919 года допрос его же.

19 июня 1919 года допрос свидетеля Николая Иванова Симбирцева.

21 июня 1919 года допрос свидетеля Михаила Александрова Волокитина.

19–22 июня 1919 года осмотр вещ. доказательств.

25 июня 1919 года осмотр трупа и фотографирование собаки Джемми.

25 июня 1919 года – осмотр чрез врача ее.

26 июня 1919 года – начальник Военного контроля в Екатеринбурге от 16 июня № 4349 переписка.

Того же числа – осмотр вещ. доказательств.

Того же числа – постановление о них.

2 июля 1919 года – Министерств. Вн. Дел от 5 июля № 3025 переписка.

Того же числа – Начальник Военного Контроля в Екатеринбурге от 23 июня №4494 переписка.

27 июня 1919 года вскрытие чрез врача трупа собаки Джемми.

27 июня 1919 года предъявление ее трупа собаки свидетелям Теглевой, Эрсберг и Гиббсу.

Того же числа допрос свидетеля Сиднея Иванова Гиббса.

Того же числа допрос свидетелей Настасьи Павловой Зыковой, Михаила Дмитриева Алферова, Михаила Игнатов Бабинова, Павла Филаретова Алферова, Петра Алексеева Зубрицкого.

28 июня 1919 года – допрос свидетелей Гавриила Егорова Алферова, Веры Федоровой Зворыгиной, Михаила Васильева Бабинова, Федора Палладиева Зворыгина, Степана Иванова Бабинова.

26 июня 1919 года – Начальника Военного Контроля от 25 июня № 8529 переписка.

29 июня 1919 года – осмотр дела о Вере Николаевне Карнауховой.

Того же числа – постановление о нем.

29 июня 1919 года допрос свидетеля Николая Степанова Зыкова.

1 июля 1919 года – сообщение по телеграфу Начальнику Николаевского исправительного арестантского отделения о доставке Комендантова.

Того же числа допрошен свидетель Сидней Иванович Гиббс.

2 июля 1919 года допрос свидетельницы Веры Николаевны Карнауховой.

Того же числа – постановление об освобождении от задержания Александра Семенова Стрежнева.

2 июля 1919 года – допрос его в качестве свидетеля.

3 июля 1919 года – телеграмма от начальника Николаевского арестантского отделения.

5–6 июля 1919 года допрос свидетельницы Александры Александровны Теглевой.

6 июля 1919 года – допрос свидетельницы Елизаветы Николаевны Эрсберг.

6 июля 1919 года – рапорт агента Сретенского от 30 июня 1919 года.

Того же числа – представление начальника Военного Контроля объявления о «расстреле» Государя Императора.

Того же числа от него же при отношении от 3 июля № 4964 переписка.

7 июля 1919 года от Командира 8 армейского корпуса переписка.

Того же числа – осмотр ее.

Того же числа – постановление о ней.

Того же числа – Старшего Помощника начальника Военного Контроля при Военно-Административном Управлении отдела Сибирской Армии переписка. Того же числа – рапорт агента Алексеева от 2 июля № 57.

Того же числа – то же от 2 июля.

Того же числа от 28 июня №4713 – переписка.

Того же числа – от Прокурора Пограничного О. Суда при отношении от 13 июня № 4531 письмо Голицына.

Того же числа – Штаба Сибирской Армии от 5 июля № 1253 копия письма Ходнева на имя Голицына.

Того же числа – рапорт агента Алексеева от 2 июня № 54.

Того же числа – его рапорт от 29 июня № 55.

Того же числа – рапорт агента Сретенского от 27 июня.

Того же числа – рапорт его же от 27 июня.

Того же числа – рапорт его же от 29 июня.

7 июля 1919 года – получены снимки дома Ипатьева.

8 июля 1919 года – допрошен Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий.

9 июля 1919 года – допрошена свидетельница монахиня Августина и послушница Антонина Владимировна Трикина и Мария Львовна Крохалева.

Того же числа – допрошен свидетель Николай Петров Мартынов.

10 июля 1919 года – допрошены свидетели Василий Яковлев Лобухин, Яков Иванов Лобухин, Михаил Федоров Дубровин, Степанида Павловна Дубровина, Екатерина Васильевна Привалова, Иван Александров Привалов.

6–10 июля 1919 года – осмотр дороги в районе рудника.

11 июля 1919 года от Главнокомандующего Войсками г.л. Дитерихса приказ от 11 июля 1919 года № 294.

20 июля 1919 года – прокурора Екатеринбургского О. Суда от 9 июля № 6196 переписка с вещ. доказательствами.

20 июля 1919 года – от него же переписка при отношении от 7 июля № 6164.

17 июля 1919 года – допрошены свидетельницы Александра Александровна Теглева и Елизавета Николаевна Эрсберг.

18 июля 1919 года – допрошен свидетель Сергей Иванов Иванов.

20 июля 1919 года – Начальник Военного Контроля от 7 июля № 5037 переписка.

22 июля 1919 года – допрошены свидетели Анатолий Иванович Белоградский и Виссарион Сергеевич Котенов.

22 июля 1919 года – принятие вещ. доказательств от г.л. Дитерихса.

23–27 июля 1919 года – допрос свидетельницы Марии Густавовны Тутельберг.

30 июля 1919 года – принята переписка от г.л. Дитерихса.

11 июля 1919 года – приняты фотографические снимки с костра от известного лица¹.

30 июля 1919 года – телеграфом сообщено Прокурору Тобольского О. Суда о пересылке в Иркутскую тюрьму арестанта Семенова.

3 августа 1919 года – получен телеграфный запрос от него.

Того ж числа – телеграфно подтверждено исполнение от 30 июля.

4 августа 1919 года допрошены свидетели Евгений Степанович Кобылинский и Клавдия Михайловна Битнер.

Того же числа – допрошен свидетель Василий Гаврилович Редников.

5 августа 1919 года – допрошен свидетель Николай Евграфов Бажов, Александр Романов Зудихин и Матрена Ивановна Леватных.

Того же числа в № 126 – сообщено о розыске красноармейца Ильи Перины г.л. Дитерихсу.

Того же числа – допрошен свидетель Николай Александров Мундель.

---

¹ Фотографии были сделаны Р.А. Вильтоном.

Того же числа Член Екатеринбургского О. Суда И.А. Сергеев от (без даты) №152 – переписка с актами исследования крови.

7 августа 1919 года допрошены свидетели Иван Семенов Зубрицкий, Александра Гавриловна Зубрицкая, Николай Иванов Зубрицкий, Николай Александров Тетенев.

8 августа 1919 года – сообщено Прокурору Тобольского О. Суда телеграфно о переводе в Иркутскую тюрьму арестованных Чумакова, Маринова и Дуракова.

Того же числа – рапорт агента Алексеева от 7 августа за № 58.

9–13 августа 1919 года – допросы свидетелей.

20 августа 1919 года – постановление о дополнительном допросе свидетеля Алексея Андреева Волкова.

20–23 августа 1919 года – допрос его.

27 августа 1919 года постановление о дополнительном допросе свидетеля Петра Андреевича Жильера.

27 августа 1919 года – допрос его.

30 августа 1919 года – допрос свидетеля Кирилла Леонидовича Саковича.

Того же числа – от Начальника Контрразведывательного отделения Штаба Верховного Главнокомандующего от 30 августа № 27834 переписка.

1 сентября 1919 года – от него же отношение от 1 сентября № 29386.

2 сентября 1919 года – получены от Жильера фотографические снимки.

Того же числа – то же от полковника Кобылинского.

2 сентября 1919 года – допрошен свидетель Владимир Александрович Кислицын.

6–14 сентября 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

2 октября 1919 года – допрошен в г. Чите свидетель Василий Владимирович Голицын.

3–5 октября 1919 года там же свидетель Петр Яковлевич Шамарин.

7 октября 1919 года составлено постановление о возбуждении в порядке 314 ст. уг. с. уголовного преследования по делу об убийстве Великого князя Михаила Александровича.

8 октября 1919 года в г. Чита осмотр вещ. доказательств.

8 октября 1919 года в г. Чите – фотографирование вещ. доказательств.

9–12 октября 1919 года – осмотр вещ. доказательств.

15 октября 1919 года – в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

16 октября 1919 года – обработка фотографических снимков.

18 октября 1919 года – фотографирование вещ. доказательств.

19 октября 1919 года – фотографирование вещ. доказательств.

19 октября 1919 года – фотографирование вещ. доказательств.

20 октября 1919 года – в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

22 октября 1919 года – в г. Чите обработка фотографических изображений.

22 октября 1919 года в г. Чите – осмотр их.

23 октября 1919 года в г. Чите фотографирование вещ. доказательств.

23–24 октября 1919 года в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

24 октября 1919 года Прокурора Омской Судебной Палаты от 18 сентября №2509 переписка.

25 октября 1919 года – осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

26 октября 1919 года в г. Чите фотографирование вещ. доказательств.

27 октября 1919 года в г. Чите – осмотр вещ. доказательств.

28 октября 1919 года в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

29 октября 1919 года осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

29–30 октября 1919 года осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

1 ноября 1919 года осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

21 ноября 1919 года от Начальника Читинской тюрьмы переписка при отношении от 4 ноября о смерти Якимова.

2 ноября 1919 года — от Начальника Контрразведывательного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего от 21 октября 1919 года № 260815 по делу.

2 ноября 1919 года от него же при отношении от 22 сентября № 260462 то же.

2 ноября 1919 года — от него же при отношении от 28 сентября № 260383 тоже.

2 ноября 1919 года в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

3 ноября 1919 года в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

4 ноября 1919 года от Начальника Контр-Разведывательного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего при отношении от 13 октября № 260814 дознание.

Того же числа от Начальника Контрразведывательного отдела Восточного Фронта Армии и Военного Контроля при Военно-Административном Управлении Фронта от 1 сентября № 5688 дознание.

Того же числа от него же при отношении от 22 октября № 6823 дознание.

5 ноября 1919 года посланы требования:

а) Прокурору Омской Судебной Палаты за № 153 о переводе в Читинскую тюрьму арестантов Дуракова, Чумакова, Морозова и Семенова;

б) ему же за № 154 о переводе туда же арестанта Комендантова;

в) ему же за № 155 о производстве дознания о смерти Анатолия Александрова Якимова;

г) Начальнику Иркутской губернской тюрьмы за № 156 о присылки метрики о смерти Якимова;

д) Прокурору Казанской Судебной Палаты отчет за № 157 о содействии ко скорейшему исполнению сих требований.

6 ноября 1919 года посланы требования:

а) за № 158 Начальнику Иркутской городской милиции в розыске Александры Васильевны Кривошековой;

б) Прокурору Иркутского О.Суда за № 159 о том же.

5 ноября 1919 года в г. Чите допрошены свидетели Эле-Мейер Хаимов Юровский, Лея-Двейра Юровская, Лейба Хаимов Юровский, Хая Мошкова Фридман, Акулина Николаевна Репет.

Того же числа – постановление об освобождении их из-под стражи.

Того же числа в г. Чите отработка фотографических изображений.

6 ноября 1919 года осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

10 ноября 1919 года – постановление о выделении и осмотре некоторых вещ. доказательств.

Того же числа – в г. Чите осмотр их.

Того же числа – выделение вещ. доказательств.

11 ноября 1919 года в г. Чите осмотр вещ. доказательств.

Тогда же – то же.

12 ноября 1919 года – то же.

13 ноября 1919 года – то же.

19 ноября 1919 года осмотр в г. Чите вещ. доказательств.

20–21 ноября 1919 года допрошены в г. Чите свидетели Парфений Титов Самохвалов, Алексей Федоров Пуцятю, Яков Иванов Зяблицкий и Агафия Емельяновна Абраменко.

21 ноября 1919 года фотографирование Пуцятю.

22 ноября 1919 года постановление о направлении переписки о Самохвалове Начальнику Штаба Читинского военного округа.

6 декабря 1919 года – сообщение Прокурора Иркутской Судебной Палаты от 12 ноября № 239 о Комендантове.

Тогда же – от него же от 12 ноября № 241 переписка.

Тогда же – от прокурора Казанской судебной Палаты от 18 октября № 566 переписка.

8 декабря 1919 года в г. Чите фотографирование вещ. доказат.

10 декабря 1919 года в г. Чите то же.

10 декабря 1919 года протокол явки князя Владимира Алексеевича Вяземского.

11–12 декабря 1919 года допрошен в г. Чите свидетель Роман Михайлов Нахтман.

12 декабря 1919 года в г. Чите фотографирование его.

Тогда же там же фотографирование вещ. доказательств.

13 декабря 1919 года в г. Чите /зачеркнуто: «осмотрены вещ. доказательства»/ фотографирование вещ. доказательств.

14 декабря 1919 года в г. Чите фотографирование вещ. доказательств.

15 декабря 1919 года в г. Чите то же.

Тогда же в г. Чите допрошен свидетель Евгений Христофорович Кристофо.

16 декабря 1919 года в г. Чите фотографирование вещ. доказательств.

17 декабря 1919 года в г. Чите экспертиза вещ. доказательств.

Тогда же фотографирование их.

18 декабря 1919 года в г. Чите экспертиза вещ. доказательств.

20 декабря 1919 года принята переписка от г.л. Дитерихса.

Тогда же от прокурора Казанской Судебной Палаты принята переписка:

а) отношение Прокурора Иркутской Судебной Палаты от 2 декабря № 31538;

б) Начальника Иркутской Губ. тюрьмы от 5 ноября № 156.

24 декабря 1919 года принята от Начальника Военного Контроля при отношении от 12 декабря № 10845 получено дознание о Соловьеве.

25 декабря 1919 года постановление о заключении Распутиной-Соловьевой Матрены Григорьевны под стражу в Читинскую тюрьму.

26—27 декабря 1919 года допрос ее в качестве свидетельницы.

/Зачеркнуто: «27 декабря 1919 года принято об освобождении ее.»/

Того же числа осмотр вещ. доказательств.

28 декабря 1919 года в г. Чите допрос свидетельницы Матрены Григорьевны Соловьевой.

Того же числа за № 178 об освобождении ее Начальнику Читинской Тюрьмы.

29 декабря 1919 года – допрошен в г. Чите свидетель Борис Николаевич Соловьев.

30 декабря 1919 года то же.

31 декабря 1919 года – то же.

1 января 1920 года – то же.

2 января 1920 года – то же.

3 января 1920 года – требование атамана Семенова от 3 января об освобождении Соловьева.

Того же числа допрос в г. Чите Матрены Григорьевны Соловьевой.

Того же числа в г. Чите – допрос Бориса Николаевича Соловьева.

Того же числа – освобождение последнего.

10 января 1919 года¹ в г. Чите от прокурора /зачеркнуто: «Иркутской»/ Казанской Судебной Палаты получена переписка Начальника Военного Контроля Владивостокского района о Борисе Николаевиче Соловьеве при отношении от 27 декабря за № 11035.

---

¹ Так в тексте.

21 января 1920 года в г. Чите допрошен свидетель Иван Матвеевич Сретенский.

7 февраля 1920 года — в г. Харбине получены от капитана Павла Петровича Булыгина фотографические снимки.

8 февраля 1920 года от него же — брошюра Руднева «Правда о Царской Семье».

7–8 февраля 1920 года в г. Харбине фотографирование вещ. доказательств.

21 февраля 1920 года в г. Харбине допрос свидетеля Бориса Михайловича Капниста.

12 марта 1920 года в г. Харбине допрошен свидетель Ростислав Михайлович Политковский.

14 марта 1920 года в г. Харбине допрошен свидетель Петр Андреевич Жильяр.

15 марта 1920 года в г. Харбине допрошен свидетель Алексей Андреевич Волков.

16 марта 1920 года в г. Харбине допрошена свидетельница Елизавета Николаевна Эрсберг.

20 марта 1920 года справка о положении дела и выбытии Судебного Следователя в Европу.

25-30 июня 1920 года в г. Париже осмотр вещественных доказательств.

20 июня — 5 июля 1920 года в г. Париже то же.

6—30 июля 1920 года в г. Париже допрошен свидетель князь Георгий Евгеньевич Львов.

6 июля 1920 года в г. Париже допрошена свидетельница Вера Ивановна Баркова.

11 августа 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Владимир Львович Бурцев.

11—12 августа 1920 года осмотр вещ. доказательств.

14—20 августа 1920 года допрошен в г. Париже свидетель Александр Федорович Керенский.

24 августа 1920 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

25 августа 1920 года в г. Париже постановление о выдаче шифрованных телеграмм для расшифровки лейтенанту Абазе.

4 сентября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель /зачеркнуто: «Влади»/ Карл Иосифович Ярошинский.

10 сентября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Василий Алексеевич Маклаков.

13 сентября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Борис Владимирович Свистунов.

15 сентября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Александр Иванович Гучков.

18 сентября 1920 года — письмо Абазы от 15 сентября № 307 с расшифровкой.

30 сентября 1920 года в г. Париже получена от капитана Булыгина запись показаний о.Иуды Приходько.

2 октября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Владимир Львович Бурцев.

23 октября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Павел Николаевич Милюков.

24 октября 1920 года – постановление о сведении в систему фотографических изображений и приобщении к делу их отпечатков.

11 ноября 1920 года в г. Париже допрошена свидетельница Магдалина Францевна Зинотти.

12 ноября 1920 года в г. Париже фотографирование письма Государыни.

5 ноября 1920 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

20 ноября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Владимир Иосифович Гурко.

25 ноября 1920 года – постановление о вещ. доказательствах.

27 ноября 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Петр Андреевич Жильяр.

28–29 декабря 1920 года в г. Париже допрошен свидетель Дмитрий Николаевич Дубенский.

3–4 января 1921 года допрошены в г. Париже князь Феликс Феликсович Юсупов и граф Сумароков-Эльстон.

Справка о разделении материалов следствия и о передаче 18 января 1921 года части их на хранение Послу в Риме Михаилу Николаевичу Гирсу.

17 января 1921 года обнаружение подлинных писем Государыни Императрицы к графине Анастасии Васильевне Гендриковой.

18 января 1921 года о продолжении следствия по дубликату постановления.

17 января – 6 февраля 1921 года в г. Париже допрошен свидетель Александр Васильевич Кривошеин.

27 января 1921 года допрошен свидетель Дмитрий Борисович Нейдгарт.

28 января 1921 года – постановление о дополнительном его допросе.

29 января 1921 года в г. Париже допрошен свидетель Дмитрий Борисович Нейдгарт.

5 февраля 1921 года в г. Париже допрошен свидетель князь Александр Николаевич Долгоруков.

16 февраля 1921 года в г. Париже допрошен свидетель Александр Федорович Трепов.

30 марта 1921 года в г. Париже представлено капитаном Булыгиным письма Петра Сергеевича Боткина.

2–4 апреля 1921 года в г. Париже осмотр их.

15 апреля 1921 года в г. Париже допрос свидетеля (зачеркнуто: «Александра Ивановича Гучкова») Бориса Александровича Энгельгардта.

Того же числа допрос свидетеля Александра Семеновича Резанова.

16 апреля 1921 года допрос в г. Париже свидетеля Петра Михайлова Кауфмана Туркестанского.

7 мая 1921 года в г. Париже допрос свидетеля Владимира Борисовича Похвиснева.

23 мая 1921 года в г. Париже допрос свидетеля Петра Андреевича Жильяра.

29 мая 1921 года в г. Рейхенгалле (в Германии) допрос свидетеля князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова.

29 мая 1921 года постановление о дополнительном допросе свидетеля Дмитрия Борисовича Нейдгарта.

30 мая 1921 года в г. Рейхенгалле допрос его.

Тогда же и там же допрошен свидетель Николай Дмитриевич Тальберг.

2 июня 1921 года там же допрошен свидетель Николай Евгеньевич Марков.

3 июня 1921 года там же допрошен свидетель Виктор Павлович Соколов.

4 июня 1921 года там же допрошен свидетель Петр Николаевич Попов-Шабельский.

10 июня 1921 года получены в г. Берлине от капитана Булыгина письменные показания Сергея Владимировича Маркова.

10 июня 1921 года в г. Берлине получены объяснения г. Бартельса.

14 июня 1921 года там же — доктора Рицлера.

29 июня 1921 года в г. Париже получил от князя Николая Владимировича Орлова портрет Государыни Императрицы в серьгах.

Тогда же в г. Фонтенбло фотографирование вещ. доказательств.

5—20 июля 1921 года в г. Фонтенбло чрез эксперта приняты меры к сохранению фотографических изображений.

6 июля 1921 года в г. Париже допрошена свидетельница Зинаида Сергеевна Толстая.

8 июля 1921 года допрошен в г. Париже свидетель Павел Николаевич Переверзев.

5—8 августа 1921 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

15 января 1922 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

20 января 1922 года там же то же.

3—5 марта 1922 года там же то же.

16 марта 1922 года в г. Фонтенбло допрошен свидетель Сергей Николаевич Смирнов.

15 мая 1922 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

2—4 июня 1922 года в г. Париже — то же.

10 июня 1922 года постановление о выделении обстоятельств, относящихся к убийству Великого Князя Михаила Александровича.

30 июня 1922 года в г. Париже осмотр вещ. доказательств.

1 июля 1922 года в г. Париже — то же.

3 июля 1922 года в г. Париже допрошен свидетель Александр Сергеевич Лукомский.

12 июля 1922 года в г. Париже от князя Н.В. Орлова и мистера Чанлера получено письмо Григория Распутина к Государю Императору.

Того же 12 июля — осмотр сего письма.

Того же 12 июля — в г. Париже допрошен свидетель Павел Николаевич Милюков.

15 июля 1922 года в г. Фонтенбло осмотр вещ. доказательств.

6 августа 1922 года — постановление о выделении обстоятельств убийства Августейших Особ в г. Алапаевске.

7 того же августа — то же по делу убийства В. Кн. Михаила Александровича.

Того же числа из архива генерала Дитерихса выделена и приобщена к делу переписка по обнаружению «Джоя».

10 сентября 1922 года в г. Париже фотографирование письма Распутина и постановление о признании его вещ. доказательством.

**ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

(правительства А.В. Колчака)

Прошение генерал-лейтенанта С.Н. Розанова
Министру юстиции С.С. Старынкевичу.

Сентябрь 1918 г.
г. Уфа

Милостивый Государь,

Предъявитель сего – Судебный Следователь по важнейшим делам в округе Пензенского Суда Николай Алексеевич Соколов. Г. Соколов с давнего времени мне известен как лично, так и по своей служебно-общественной деятельности. По своей специальности он проводил многие сложные дела, возбуждавшие общественный интерес, и пользовался репутацией опытного Следователя. Будучи Председателем Союза Судебных Следователей Пензенского Суда, г. Соколов со времени большевистского переворота терпел всяческие притеснения от советской власти за его решительный отказ служить в судебных большевистских коллегиях и за моральное в этом направлении воздействие на своих товарищей. Г. Соколов входил в состав возникших в Пензе, как узловом пункте, военно-общественных организаций, имевших целью возрождение Родины, руководимых лично мною, и деятельно помогал установлению связи, отправке офицерских кадров и т.п. Благодаря прекрасному знанию им мест, прилегающих к фронту, он давал нужные маршруты, служа иногда лично проводником курьеров с ответственными поручениями.

В последнее время пребывание его на территории советской власти стало положительно невозможным, и он почти одновременно со мною прорвался через фронт, пройдя расстояние от Пензы до Сызрани пешком под видом нищего.

Ввиду изложенного, я считаю себя морально обязанным просить Вас, Г. Министр, оказать г. Соколову всяческое с Вашей стороны содействие к получению им надлежащего места по судебному ведомству.

Примите уверение в совершенной почтительности и преданности.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего
Генерал-Лейтенант *С. Розанов*¹.

ВЫПИСКА
из приказа министра юстиции
Всероссийского Временного правительства

5 ноября 1918 г.

Товарищу Прокурора Иркутского
Окружного Суда Соколову.
И.д. Начальника 4 Отделения
Министерства Юстиции
№ 105
«....» Октября 1918 г
г. Омск.

И.д. Помощника Делопроизводителя
Назначается Товарищ Прокурора Иркутского Окружного
Суда Николай Соколов Судебным Следователем по особо важ-
ным делам округа Омского Окружного Суда.

Подлинный подписал Вр. Управ. Мин. Юст. Морозов.

С подлинным верно:
И. д. Делопроизводителя
Получил 12 ноября 1918 г. *Н. Соколов*²

---

¹ Документ передан автору-составителю Петром Сарандинаки (Нью-Йорк, США).

² Документ из личного архива П. Сарандинаки.

Докладная записка Н.А. Соколова

Господину Министру Юстиции
И. д. Судебного Следователя по важнейшим делам
в округе Пензенского Окружного Суда
Николая Алексеевича Соколова.

Прошу Вас, Господин Министр, о назначении меня на
должность Товарища Прокурора Иркутского Окружного Суда.
3/15 октября 1918 г.

Николай Соколов

ВЫПИСКА

из приказа министра юстиции
Сибирского правительства

19 октября 1918 г.
№ 95

Назначается И.д. Судебного Следователя по важней-
шим делам округа Пензенского Окружного Суда Николай Со-
колов – Товарищем Прокурора Иркутского Окружного Суда.
Подлинный подписал ВР. Управляющий Министерством Юс-
тиции Морозов.

С подлинным верно:
И. д. Делопроизводителя
Получил 12 ноября 1918 г. *Н. Соколов*¹

---

¹ Там же.

Письмо Н.А. Соколова
Высокому Комиссару Англии¹

Февраль 1920 г.

Ваше Высокопревосходительство. Господу Богу было, в Его неисповедимых для нас путях, вверить моим слабым силам охрану чести нашего покойного монарха и его столь мученически погибшей августейшей семьи — близких родственников его величества короля.

Готовый нести какую угодно ответственность перед кем угодно, я совершенно официально заявляю Вам, господин Высокий Комиссар, что его величество государь император и его августейшая семья погибли потому, что не пожелали изменить Родине и пойти на соглашение с немцами. Истинными виновниками их мученической кончины были немцы.

Повторяю, я имею полное право утверждать это и могу это доказывать данными дела.

В настоящий момент политическая обстановка (общая) и, в частности, обстановка, которая окружает самое дело, столь неблагоприятна для меня, что я вынужден доложить Вам следующее. Я, обязанный хранить нашу национальную святыню: честь покойного императора, ближайшего родственника его величества короля, нахожусь в большой опасности. Немецкие шпионы уже окружили здесь меня, и если я останусь еще здесь, в Харбине, то погибнет все.

Поэтому я почтительнейше прошу Ваше Высокопревосходительство сделать распоряжение, чтобы г. Сляй оказал мне и состоящим при мне господам офицерам капитану Булыгину и есаулу Грамотину, [...] ² ко мне ее величеством императ-

---

¹ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 1 об. Высокий Комиссар Англии — Майлз Лампсон. См.: *Стюарт Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России // Наше наследие. 1995. № 33. С. 42.*

² Вероятно, пропущено слово: направленных, присланных и т.п.

рицей¹, содействие к немедленному нашему отъезду в Пекин, где я имел бы пребывание; чтобы он передал для этого нам имеющиеся у него два предмета, чтобы все предметы с документами и вещами г. Сляи опечатал английскими печатями, дабы они не подверглись в пути осмотрам.

Кроме того, я позволю себе покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство приказать кому следует, чтобы при всех этих вещах с нами следовал бы капитан Воккер, сейчас находящийся в Харбине. Мне очень трудно без помощи английского офицера выходить из затруднений, и я особенно прошу о прикомандировании к делу капитана Воккера, знающего многое по делу.

Я знаю всю опасность, которая сейчас грозит делу и нам здесь, и я покорнейше прошу сделать все возможное в срочном порядке.

Просит принять уверение в совершеннейшей почтительности имеющий честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою»².

---

¹ Вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

² Документ впервые введен в научный оборот; текст напечатан на пишущей машинке на бланке, в левом углу которого штамп: «М.Ю. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов». Дата и другие выходные данные отсутствуют, как и подпись следователя. 23 февраля 1920 г. секретарь посольства информировал Н.А. Соколова, что для получения инструкций была послана телеграмма в Лондон. 19 марта 1920 г. мистер Сляи, британский консул в Харбине, передал Н.А. Соколову ответ английского правительства. Он был отрицательный.

**ВОСПОМИНАНИЯ Я.М. ЮРОВСКОГО,
СВЯЗАННЫЕ С АРЕСТОМ И РАССТРЕЛОМ
ЦАРСКОЙ СЕМЬИ**

Выступление Я.М. Юровского на собрании старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале¹

1/II-34 г.

Тов. Моисеев: Основная задача заключается в том, чтобы выяснить некоторые моменты, связанные с пребыванием здесь Николая Романова. Поскольку т. Юровский был близко связан с этим делом и знает все обстоятельства этого периода, то особенно важно бы было выяснить вопрос о попытках семьи Романовых к побегу, о связи и с близкими им элементами в городе, о наличии в это время белогвардейской организации, пытавшейся освободить Николая Романова. А затем также важно выяснить правдоподобность изложения этих исторических событий в книгах Соколова и Быкова, а также на опыте того, что здесь доказывает Музей Революции, что известно из обмена мнений, которые мы делали, насколько правильно освещают эти события здесь.

Тов. Юровский должен внести коррективы, если то, что мы имеем, не соответствует действительному положению.

Тов. Юровский: Предварительно несколько замечаний. То, что я здесь расскажу, увидит свет через много лет. Я могу в материалах, которые даю для Уральского Истпарта¹, подробно остановиться на моментах, которые немногим известны, о кото-

---

¹ Оригинал документа хранится в Центре Документации Общественных Организаций Свердловской области ЦДООСО (б. Партийный архив Свердловской области – ПАСО). Ф.41. Оп. 1. Д. 151. Л. 1-87; Д. 152. Л. 1-33, вариант, правленный Я.М. Юровским. Копия его в РГАСПИ. Ф.588. Оп.3.Д.10.

² Уральское бюро Истпарта являлось региональным отделением Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), созданного в 1920 г.

рых никто не рассказал или не расскажет, и рассказать не может потому, что одни умерли физически, другие политически.

То, что я буду говорить, поскольку это исходит от меня, как от бывшего коменданта Дома особого назначения (в период 4 – 19 июля 1918 г.), получает силу документа.

1. До революции в ряде стран Европы оглашение этого, прямо или косвенно ничего кроме вреда принести не может. Ведь все то, что известно из белогвардейских источников и в ссылках на эти источники, как скажем в книге Павла Быкова, это одно, совсем другое мой рассказ.

Не менее вредны, кстати сказать, рассказы, которые до последнего времени давались в Музее Революции, и которые лишь в конце 1933 года прекращены (как об этом рассказывал мне директор Музея, в настоящее время т. Чевардин).

А как об этом рассказывалось в Музее, мне говорили товарищи, приезжавшие на Урал из Москвы и побывавшие в Музее Революции г. Свердловска. Причем, рассказывали не только для своих граждан, но и для иностранцев. Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции вместо революции.

Политическая необходимость уничтожения всей семьи (а не зверская кровожадность, как это рисуют враги), была не всем понятна и не всеми понята еще и теперь. Не только за границей, но и у нас. Для чего, дескать, убивать семью, разве они виноваты, разве они опасны. Обыватель и обывательски настроенные люди именно так склонны рассуждать.

Вот почему я считаю совершенно необходимым предупредить всех участников данного нарочито узкосозванного¹ собрания запомнить, что все это только для истории, и без ведома ЦК этот материал использован быть не может и никому ни по секрету, ни архисекрету, не рассказывать, а выйдя отсюда, сейчас же забыть о нем.

2. По части подготовки к побегу: здесь можно сказать, что попытки производились во все время пребывания царской

---

¹ Слово вставлено Я.М. Юровским.

семьи и в Тобольске, и в Екатеринбурге. Наряду с организацией к побегу, была и другая, своего рода, опасность, а именно, настроения немедленного расстрела бывшего царя Николая среди эсеров, входивших тогда в состав Облисполкома. Но что хуже, такие настроения были и среди отдельных ответственных коммунистов, многие из которых позже были, а другие еще и теперь состоят в разных «левых» и др. оппозициях.

Так как это акт был актом сугубой политической важности, то все это дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину, на которого и была возложена ответственность за согласованное решение этого вопроса, т. к. сторонников сепаратного решения этого вопроса в Уральской областной организации было немало в самый начальный период пребывания бывшего царя Николая в Екатеринбурге. Причем, речь, разумеется, шла о принципиально-политическом, а не только и не столько о практическом разрешении этого вопроса.

Политическая обстановка была очень сложна и, если бы не близость фронта, вероятно, с ликвидацией бы не спешили, причем в отношении семьи в особенности. Ведь не случайно же о ликвидации семьи когда, где и как она ликвидирована, нами нигде не сказано. Не говорим мы об этом еще и теперь. А что это так, можно, например, видеть из передовой «Правды» конца 1933 г., относящейся к открытию Уралмаша. Там сказано примерно так: «Завод построен на пустыре, вблизи Екатеринбурга, где был расстрелян бывший царь Николай». И все. О семье ничего, т. е. в 1933 г. по случаю открытия Уралмаша сказано то же, что и в 18 году, только о Николае.

В связи с тем, что бывший царь Николай и его семья были, так сказать, доверены тов. Филиппу Голощекину и персонально, и как военному комиссару, мне вспоминается следующее. В день, когда стало известно, что вместо того, чтобы везти Николая и часть ехавшей с ним семьи в г. Екатеринбург, Яковлев (уполномоченный ВЦИК по замене охраны Николая, состоявшей из приверженцев Временного правительства Керенского нашей советской охраной, а затем и по вывозу семьи

и Николая из Тобольска на Урал), повернул на Омск, а куда он в действительности собирался ее везти и до сих пор, пожалуй, никому неизвестно, а известно, что этот Яковлев в скором сравнительно времени в том же 18 году в Уфе перешел к белым, собрался актив Облисполкома, было это на углу Главного и Вознесенского проспекта в Коммерческом собрании.

На этом активе, где обсуждали вышеуказанное сообщение и изыскивались меры к задержанию поезда с Николаем, ввиду того, что Яковлев был уполномоченным ВЦИК, велись переговоры с Центром, чтобы понудить Яковлева повернуть поезд с Николаем обратно на Екатеринбург, т. к. Яковлев спекулировал на том, что Николая де «уральцы стремятся заполучить, чтобы немедленно его расстрелять». А было такое положение, что начальники уральских отрядов, не доверяя Яковлеву, еще в пути от Тобольска до Тюмени, боясь измены или каких-либо случайных нападений отбить Николая, вероятно и несомненно, были готовы живым его никому не отдавать. Там ведь были такие товарищи, как Заславский, Хохряков, Авдеев и т. д. Наряду с разговорами по прямому проводу¹ с центром было направлено обращение по линии Сибирской ж. д., и, главным образом, Сиб. Зап. Совдепу, находившемуся тогда в Омске. Товарищи, как позже стало известно, крепко приготовились к встрече, но Яковлев «перехитрил», узнав о встрече, оставил поезд, не доезжая Омска, а сам на паровозе отправился в Омск. Напряженность, в связи со случившимся довольно высокая, охватила всех и, так как сказано было выше, обязанность за сохранность и целостность Николая была возложена на Филиппа, то ему стали задаваться в угрожающих тонах вопросы: «А ну-ка, пусть нам расскажет военный комиссар, как это так случилось, что Николая у него из-под носа увезли» и т. д. Наиболее резко и наступательно вели себя товарищи Сафаров, Войков и др.

Нужно сказать, что атмосфера настолько была накалена, что тов. Филиппу было крепко жарко. Тут хотя прямо и не го-

---

¹ Слово вставлено Я. М. Юровским.

ворили, но чувствовалось, что и по отношению к нему проявлялось «недоверие», недоверие в том смысле, что не заодно ли он с Яковлевым и что не содействует ли он тому, чтобы Николая увезти в центр, и, тем самым, он как бы шел против уральской организации. А если принять во внимание, что Яковлев, пользуясь доверием Центра, так информировал Центр, что в результате Центр как будто бы санкционировал привоз Николая в Москву, а так как Филипп тоже доверенное лицо Центра, как партиец и как военный комиссар, то в свете этих фактов станет понятным выступление против Филиппа в той резкой форме, как это имело место, и ругачка его «верноподданным» все время, и до этого к нему отношения людей, настроенных сепаратистко-местнически к нему, центровику-государственнику, сказались с особой силой на этом активе по весьма и весьма тогда актуальному вопросу.

3. Мое непосредственное отношение к дому Особого назначения, где содержался бывший царь Николай с семьей, начинается 4-го июля и 19-го, вернее, даже 16-го уже кончается, т.к. 16-го вечером, точнее, ночью, Николай, семья, а также оставшаяся при них челядь, были расстреляны.

Мое назначение комендантом в дом Особого назначения было вызвано, как я думаю, во-первых, разложением коменданта, ближайших помощников, что не могло не сказаться и сказало на охране внешней и внутренней в особенности. Проявилось разложение в пьянстве, растаскивании вещей и т. д., а отсюда ослабление нужной бдительности.

Один из важнейших моментов, надо полагать, — это все больше и больше утверждавшееся мнение руководства и команды, «что, дескать, тянуть канитель, надо расстрелять и все». Авдеев и другие были арестованы и преданы суду, потом решили, чтобы люди искупили вину на фронте рядовыми бойцами (кара ожидалась вначале очень суровая в отношении их).

Авдеев позже был на ответственных военных постах и, судя по многому, что мне позже стало известно, очевидно, похорошему выправился и временные свои, хотя и очень крупные, промахи искупил.

Вступив в исполнение обязанности коменданта, я обнаружил следующее: кругом настроение полной распущенности и расхлябанности. Насколько разложение зашло далеко, показывает следующий случай: Авдеев, обращаясь к Николаю, называет его Николай Александрович. Тот ему предлагает папиросу. Авдеев берет, оба закуривают, и это сразу показало мне установившуюся «простоту нравов». Нужно, кстати, сказать, что этот факт я как-то особенно ясно теперь впервые вспомнил. Приношения монашек, которые были обильными, перестали, очевидно, уже к этому периоду играть роль, предназначенную им; они приняли характер просто приношений, которые распределялись между бывшей царской семьей и комендатурой, что уже тоже могло служить некоторым источником для разложения. Имевшаяся звоновая сигнализация-связь бездействовала, пулеметы неисправны, для действия непригодны. Дисциплина отсутствовала. Люди жили за двумя заборами и наружной охраной и зажили, так сказать, успокоенной жизнью.

Не помню, по поручению или по собственной инициативе, я повел следствие, и оно обнаружило два разных мира охраны: внутренняя — «привилегированная» часть, наружная охрана совсем другая. Комендатура, как всегда это в таких случаях бывает, думала, что никто ничего не видит, не замечает, а оказалось, что и видели, и знают, и ждали, когда об этом можно будет сказать. Одни по-честному, другие, очевидно, из зависти. Очевидно, что похищенные частично вещи, о которых говорит следствие белых, относятся к указанному выше периоду. Я имею все основания думать, что в мой период никаких вещей ниоткуда никто брать не мог, потому что по приходе я все закрыл и поручал это такому товарищу, что, от него уж ничто никому попасть не могло. Это я говорю о всяких носильных вещах, отобранных белыми (следствие Соколова). Что касается ценностей в виде бриллиантов и др. ценных вещей: жемчуг, драгоценные камни — это ими, наверное, найдено на месте похорон. Вещи эти, очевидно, бывшие зашитые в разном ношеном платье в виде пуговиц, и т. д. На этом я подробнее остановлюсь ниже.

Указанное выше состояние в деле охраны бывшего царя Николая с семьей в условиях наличия организации, пытавшейся освободить бывшего царя и семью (хотя частью, вероятнее всего, не все главари были арестованы), наличия указанных выше настроений левых эсеров, настроения внешней охраны, наличия чехословацкого фронта в 38-40 верстах от Екатеринбурга, — все это требовало принятия серьезных мер охраны, коренного изменения всего. К этому я и приступил.

Прежде всего, я взял себе помощника из Обл. ЧК товарища Григория Петровича Никулина (до революции каменщик, в настоящее время зам. уполномоченного Наркомтяжпрома по Московской области, член Исполнительного Комитета московской области и, кстати сказать, очень хороший партиец и не менее хороший товарищ в лучшем смысле понимания этого слова). Потом я сменил всю внутреннюю охрану. Ряд товарищей я взял также из Обл. ЧК, из них несколько латышей, фамилии их я, к сожалению, не помню (было их человек 5 или 6). Некоторые из них оказались очень хорошими товарищами, и мне очень жаль, что даже лучших из них я не могу назвать и не знаю, где они, и ни одного из них я больше не встречал нигде. Дело в том, что списки зарплаты охраны, как и др. Документы, должны были быть отправлены в областной архив, и в период эвакуации, где весь архив, мне не известно (Петр Петрович Ермаков сообщает, что баул примерно пудов 16 весом он сдал в 18 году в Москве в Комиссариат Вн. Дел. по записке комиссара Вн. Дел, тогда тов. Владимирского). Имен состава охраны, за исключением отдельных лиц, попавших в руки белым, я не встречал в их следственных материалах. Списки охраны, какие имеются у Соколова, относятся к раннему периоду. Попали к ним начальник наружной охраны, бывш. сысетский рабочий Павел Медведев, разводящий Якимов, и др. Несколько товарищей для внутренней охраны я получил, точно не помню, как будто непосредственно из партийного комитета или из ЧОН. Одного из них я встретил в Москве, примерно в 31 году (тогда он, очевидно, был комсомольцем, в настоящее время не знаю, вернее, не помню, партийный ли он): это

Нетребин Николай Викторович, в настоящее время кончил или кончает один из техникумов, как будто транспортный и, кроме того, товарищ Черняк, это товарищ из внешней охраны, кончающие Промакадемию. И кроме того я взял т. Стрекотина пулемётчик внизу дома¹. Еще двух товарищей мне называли из внутренней охраны, живущих в настоящее время в Москве, но видеть мне их не довелось. Весь отряд как внешней, так и внутренней охраны, за исключением, вероятно, отдельных товарищей, оставленных для охранения и вывоза имущества из Дома особого назначения, был отправлен на фронт.

Набрав нужный штат внутренней охраны, мы приступили к действительной подготовке охраны, организовали нужную сигнализацию, связь с постами, комендатурой и т. д., добыли пулеметы и др. оружие, организовали соответственным образом посты, дежурство и т. д. Я приступил к работе с внешней охраной. Я собирал ее вместе с лучшими товарищами внутренней охраны и этим самым, во-первых, удалось приблизить внешнюю охрану к внутренней. Нужно сказать, что, по существу, мы были на своеобразном военном фронте, причем на ответственном тогда участке и, если, принять во внимание грозившие нам опасности с разных сторон, то те отношения, которые установили между руководством и внутренней охраной с одной стороны и внешней с другой (до моего прихода) были совершенно нетерпимы, т. к. не обеспечивали абсолютно необходимой надежной и дружной работы этой единой, по существу, охраны.

Проведенная работа среди охраны дала нам, как показало дальнейшее, нужные для дела результаты. За все время (пусть это очень короткий промежуток, но он был так насыщен событиями) я не помню случая, чтобы пришлось прибегнуть к репрессивным мерам. Были отдельные случаи, но это уже в последний момент и, к сожалению, в среде отдельных товарищей внутренней охраны, но об этом ниже.

---

¹ Предложение вставлено Я.М. Юровским.

Итак, несмотря на то, что у нас при наличии близости фронта, т. е. почти на носу, работа велась вплоть до 16-го ночи так, как будто мы никуда не собирались.

4. Как содержался бывший царь Николай и семья, каков был режим, распорядок, питание и т. д.

Нужно прежде всего, прямо сказать, что, когда будет в свое время описана правда (а не брехня белогвардейцев), будущий читатель увидит, что великий класс, пришедший на смену царизму и буржуазии, даже в отношении своих злейших врагов руководствовался только мерами, которых требовали интересы защиты революции. Разве можно найти в истории до-революционной и, особенно, после первой победившей пролетарской революции, подобные факты содержания арестованного врага в условиях, какие не снились в так называемой свободной жизни представителям победившего класса. Особняк в несколько комнат с необходимой обстановкой, полная свобода в помещении, обслуживающий персонал, постоянный врач, ежед-невная прогулка и т. д. и т. п. Чего большего могли желать люди, на что большее могли претендовать арестанты, выпившие за свою жизнь моря человеческой крови? Может возникнуть вопрос, зачем же такое великодушие, откуда оно? В том и дело, что победивший великий класс руководствуется не мстью, а только революционной необходимостью.

По части питания. Они, во-первых, получали, обед и ужин из советской столовой, т. е. из столовой Горсовета; во-вторых, значительный период они много получали всяких продуктов из женского монастыря. Это последнее, надо полагать, им было разрешено в целях обнаружения связи с организациями, принимавших меры к их освобождению, что и подтвердилось впоследствии. Правда, не все приносимое им передавалось, но все же немало им перепало. В-третьих, у них, очевидно, немало было всяких запасов, привезенных из Тобольска. Там, как известно, они имели массу денег и жили почти по-царски. Надо, кстати, сказать, что после расстрела, было обнаружено, например, большое количество великолеп-

нейших папирос, которыми, насколько помню, я наделил всю охрану.

Были всякие другие запасы. Были, надо сказать, некоторые излишества, совершенно ничем себя не оправдывавшие. Например, на руках у них, когда, я пришел, оказалось много ценностей. Увидев это, я внес предложение вышестоящим товарищам сделать общий обыск их вещей, но почему-то с этим не согласились; тогда я собрал только то, что было на руках. Все отобранное я сложил в их же шкапулку, опечатал и оставил Николаю на хранение.

Ежедневно на утренней проверке он был обязан эту шкапулку предъявлять. С производством обыска, вероятно, не согласились потому, во-первых, что таковой был произведен раньше, а во-вторых, потому, что дело близилось к развязке. Однако эта неосторожность могла многого стоить, а по ликвидации их это доставило немало хлопот. Очень много хлопот это создало и в момент ликвидации.

Дочери и сама А. Ф. были в панцирях из бриллиантовых вещей. Подробнее об этом я скажу ниже. Утренней проверкой, которую я установил как обязательную, А. Ф. была очень недовольна, т. к. она обычно в это время находилась еще в постели. Ходатаем по всяким вопросам выступал доктор Боткин. Так и в данном случае он явился и просил, нельзя ли утреннюю проверку приурочить к ее вставанию. Я, разумеется, предложил передать ей, что или ей придется мириться с установленным временем проверки независимо от того, в постели она или нет, или вовремя вставать. И, кроме того, сказать, что они, как арестанты, могут быть проверяемы в любое время дня и ночи.

Особое неудовольствие вызвало со стороны Александры Федоровны, когда в одно из окон, выходящее на Вознесенский проспект, вставили железную решетку (в другие окна решетки не успели приготовить или вставить, точно не помню, но было это уже при мне), и по этому поводу ко мне приходил доктор Боткин. Единственный раз, насколько помню, Николай просил разрешения придти в комендатуру (там был шкаф с книгами, выбрать себе какую-то книгу).

Пользовались они ежедневной прогулкой? А. Ф. не всегда ею пользовалась. Гуляли они по 1,5 часа в сравнительно большом саду, прилегавшем к дому. Однако все прогулки они ждали с нетерпением. Обычно прогулка, насколько помню, происходила после обеда от 2,5 до 4-х часов, и если это почему-либо задерживалось, кто-либо из дочерей прибегали спросить: «А что, скоро на прогулку?», и убегали с радостью и кричали в дверь, что скоро идем гулять. Отправлялись они на прогулку обычно так (Алексей, как известно, был больной, он страдал гемофилией, в этот период у него болела нога): Николай его выносил на руках, а кто-либо из дочерей везли коляску. Там Алексей играл с поваренком и, кроме того, он развлекался маленькой собачкой. Выходили они все гулять в том, в чем ходили дома, а А. Ф., если выходила гулять, то более или менее наряжалась и обязательно в шляпе. Нужно сказать, что она, не в пример остальным, при всех своих «выходах» старалась сохранить всю свою важность и прежнее достоинство, конечно, настолько, насколько это ей позволяло положение арестованной. На прогулку, кроме охраны рядовой, так сказать, бывал всегда Павел Медведев. Вели они себя на прогулках довольно оживленно, гуляли, девицы иногда, даже бегали. Гуляли дочери вдвоем или с Николаем. В присутствии матери они себя чувствовали, по-видимому, менее свободно.

Лично мне их наблюдать пришлось очень мало: во-первых, короткий промежуток пребывания, во-вторых, постоянная занятость, почти все время дня и ночи или я, или Никулин, были обязательно на месте; отлучались то один, то другой лишь в случаях крайней необходимости. Но раза два, вероятно, я на прогулке их наблюдал. В помещении постоянно, но тут, разумеется многого не увидишь в качестве начальства. Общее впечатление об их жизни такое: обыкновенная, я бы сказал, мещанская семья, за исключением А. Ф., и, пожалуй, Татьяну жалко. При сколько-нибудь долгом пребывании с ними люди слабой настороженности могли быстро потерять бдительность. Сам Николай выглядел, как захудалый офицеришка, пропойца. Увидев его и не зная,

кем он был, никто бы не сказал, что этот человек был много лет царем такой огромной страны.

В царское время ходил такой анекдот: «По улице в Петрограде шли двое и вели между собой какой-то разговор; один из них крикнул: «дурак!». Тут вмиг подскочил какой-то полицейский чин и придрался: «вы кого это дураком ругаете?». Тот отвечает: «Да мы тут между собой разговариваем». «Да знаем вас, между собой, мы знаем, кого вы ругаете, ведь у нас в стране один дурак, следуйте за мной». И вот, если в семье Николая было произнесено слово «дурак», то никто не усомнился бы, что это относится именно к нему, а не к кому-то другому. Потому что ни про детей, ни про А. Ф. этого сказать все же нельзя. Несмотря на колоссальное наличие всяческих вещей: платья, обуви, белья и т.д., Николай, например, носил чиненые сапоги, Алексей и девицы были все время очень просто одеты, девицы почти постоянно что-нибудь чинили, штопали в т. д. И причем порою это делали в коридоре, точнее, в прихожей или приемной комнате, причем тут вели чинку, то одна, то другая из дочерей.

Надо думать, что все это делалось, неспроста, все это, вероятно, имело своим назначением попытку расположить своей простотой людей охраны.

Если мы вспомним, что разложение имело место, что Боткин ходил ко мне с разными жалобами на ухудшившееся к арестованным отношение, на строгость режима и т. д., то цель расположения к себе простотой имела известный успех. Почему они выходили со своим штопаньем в приемную комнату? Дело в том, что местом постоянного пребывания были отведенные им комнаты, которые замыкались приемной и рядом расположенным помещением коменданта, а уборная находилась в коридоре, тут же и ванная комната.

Людям охраны, кроме коменданта, в комнаты входить не разрешалось, и они туда не входили; следовательно, образ жизни арестованных внутри помещения они видеть не могли. Не могли также с ними сталкиваться. В коридоре и приемной стояли часовые и, следовательно, это было единственное место, где они могли, так сказать, встречаться с охраной.

Но тут они должны были проходить не задерживаясь, поэтому единственная возможность (а это надо отнести к нашему недосмотру) показаться, так сказать, в домашнем обиходе, — это выйти в приемную латать и этим обратить на себя внимание. Мне известен единственный случай, о котором мне рассказал один товарищ из внутренней охраны — латыш. На прогулке в саду к нему обратилась, кажется, Ольга: «Вы нас видели, знали раньше?» Он ответил: «Да, я вас видел там-то, на таком то параде, я служил в таком-то гренадерском полку». Тогда Ольга обратилась к Николаю и крикнула: «Папа, вот это наш гренадер!» На этом разговор оборвался. Причину обрыва разговора не помню. Так что попытки разговаривать, несомненно, были, но случаев и возможностей для этого было мало. И, поскольку делать этого не разрешалось, то думаю, что это выполнялось в мой период, т. к. народ внутренней охраны был подобран и, кроме того, я и помощник всякий разговор в приемной и в коридоре могли всегда услышать.

Декрет о свободе вероисповедания был к ним в целостности применен: они могли сколько им было угодно молиться сами и даже с помощью попов. Однажды через того же Боткина она обратилась ко мне с просьбой разрешить им отслужить «обедницу».

Я обратился в Облисполком, мне сказали, что это уже практиковалось, и что можно и на этот раз разрешить; было это за несколько дней до казни.

Приехали, точнее, привезли попа, дьякона со всей амуницией; они в помещении комендатуры начали облачаться и т. д. Я им говорю, что вот, мол, нужно отслужить обедницу, но что никаких разговоров лишних и без лишнего растягивания дела. Дьякон ответил: «мы это живо обкрутим, нам это привычно». И действительно, они это сравнительно быстро проделали. И мне, грешным делом, пришлось быть участником этой обедницы до конца. Не обижены они были и по части культуры. Мы им давали, насколько помню, газету «Уральский Рабочий». Какие-то были преинтересные моменты в связи с чит-

кой этой газеты, но что именно, я никак восстановить в памяти не могу.

КАЗНЬ НИКОЛАЯ, СЕМЬИ И ВСЕХ ПРИБЛИЖЕННЫХ, КОТОРЫЕ НЕОТЛУЧНО ОСТАВАЛИСЬ С НИМИ

Предполагалось, что если бы время дозволило, был бы организован суд над ними. Но так как выше уже было сказано, что фронт с начала июля приближался все ближе и ближе, и, наконец, уже находился в 35—40 верстах, это неизбежно приближало и развязку.

Постольку-поскольку это являлось тогда вопросом большой политической важности, и без разрешения центра он не мог быть разрешен, а т. к. и положение фронта также зависело не только от Урала, а от возможности центра, (ведь к этому времени централизация Красной армии все больше и больше концентрировалась), связь и разговоры по этому вопросу с центром не прекращались. Примерно числа 10-го июля уже было решение на тот случай, если оставление Екатеринбурга стало бы неизбежным. Ведь только этим и можно, объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16-го июля, а Екатеринбург был окончательно оставлен 25—26 июля, причем эвакуация Екатеринбурга была проведена в полном, так сказать, порядке и своевременно. Примерно 10—11 июля мне Филипп сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться. До части методов ликвидации: мы ведь опыта таких дел не имели, т. к. такими делами до этого не занимались и поэтому, немудрено, что тут было немало и смешного в проведении этого дела, особенно еще и потому, конечно, что всякие опасности с фронта усугубляли дело. Он мне сказал: отдельные товарищи думают, чтобы провести это более надежно и бесшумно, надо проделать это ночью, прямо в постелях, когда они спят. Мне показалось это неудобным, и я сказал, что мы подумаем, как это сделать и приготовимся.

16-го июля утром приехал Филипп, и сказал, что завтра надо дело ликвидировать, поваренка Седнева (мальчик лет 13-ти) убрать и отправить его на бывшую родину или вообще в центр РСФСР. Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут, может быть, будет объявлено, но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает. Значит, все требовало сугубой осторожности, возможно меньше людей, причем абсолютно надежных.

15-го же я приступил к подготовке, т. к. надо было сделать все быстро. Я решил взять столько же людей, сколько было расстреливаемых, всех их собрал, сказал в чем дело, что надо всем к этому подготовиться; что, как только получим окончательные указания, нужно будет умело все провести. Нужно ведь сказать, что заниматься расстрелами людей ведь дело вовсе не такое легкое, как некоторым это может казаться. Это ведь не на фронте происходит, а так сказать, в мирной обстановке. Тут ведь были не просто кровожадные люди, а люди, выполнявшие тяжелый долг революции.

Вот почему не случайно произошло такое обстоятельство, что в последний момент двое из латышей отказались — не выдержали характеры.

16-го утром я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика поваренка Седнева. Это вызвало беспокойство арестованных. Неизменный посредник Боткин, а потом и кто-то из дочерей справлялись, куда и зачем надолго увели Седнева. Алексей-де по нему скучает. Получив объяснение, они уходили как бы успокоенные. Приготовил 12 наганов, распределил, кто кого будет расстреливать. Тов. Филипп предупредил меня, что в 12-ть часов ночи приедет грузовик, приехавшие скажут пароль; их пропустить и им дать трупы, которые ими будут увезены, чтоб похоронить. Часов в 11-ть вечера 16-го я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликвидации арестованных. Павла Медведева предупредил о тщательной проверке караула снаружи и внутри и о том, чтобы он и разводящий все время наблюдали сами в районе дома и дома, где помещалась наружная охрана, и

чтобы держали связь со мной. И что уже только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы, чтобы не беспокоились и не выходили из помещения, и что уж если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь.

Только в половине второго явился грузовик, время лишнего ожидания не могло уж не содействовать некоторой тревожности ожидания вообще, а главное — ночи-то короткие. Только по прибытии или после телефонных звонков, что выехали, я пошел будить арестованных.

Боткин спал в ближайшей от входа комнате, он вышел, спросил, в чем дело, я ему сказал, что нужно сейчас же разбудить всех, т. к. в городе тревожно и им оставаться здесь вверху опасно, и что я их переведу в другое место. Сборы заняли много времени, примерно минут 40. Когда семья оделась, я повел их в заранее намеченную комнату, внизу дома. Этот план мы продумали с тов. Никулиным (тут надо сказать, что не додумали своевременно о том, что окна шум пропустят, и второе — что стенка, у которой будут поставлены расстреливаемые — каменная и, наконец, третье, чего нельзя было предусмотреть, это то, что стрельба примет беспорядочный характер. Этого последнего не должно было быть потому, что каждый будет расстреливать одного человека, и что все, следовательно, будет в порядке. Причины последнего, т. е. безалаберной стрельбы, выяснились позже. Хотя я их предупредил через Боткина, что им с собой брать ничего не надо, они, однако, набрали какую-то разную мелочь, подушки, сумочки и. т. д. и, кажется, маленькую собачку.

Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену, окно), я им предложил встать по стенке. Очевидно, они еще в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. А. Ф. сказала: «Здесь даже стульев нет». Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну почти в угол села

Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди и велел, чтобы все были готовы, и чтобы каждый, когда будет подана команда, был на своем месте.

Николай, посадив Алексея, встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько помню, сказал Николаю примерно следующее; что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и была очень маленькая, но все, однако, могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог, т. к. стенка каменная, то пули стали лететь рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному, не помню, не то руку, ладонь, не то палец задела и прострелила. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей, были живы. Я подумал, что они попадали от страха или, может быть, намеренно, и потому еще живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца).

Алексей так и остался сидеть, окаменевши, я его пристрелил.

А дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову. Причину того, что расстрел дочерей был затруднен, я выяснил уже только в лесу.

Покончив с расстрелом, нужно было переносить трупы, а путь сравнительно длинный, а как переносить? Тут кто-то догадался о носилках, (вовремя не догадались), взяли из саней оглобли и натянули, кажется, простыню. Проверив, все ли мертвы, приступили к переноске. Тут обнаружилось, что будут везде следы крови. Я тут же велел взять имевшееся солдатское сукно, положили кусок в носилки, а затем выстелил сукном грузовик. Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву, это бывший чекист, и в настоящее время работник ГПУ. Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должны были принять и увезти трупы. Когда унесли первые трупы, то мне точно не помню кто сказал, что кто-то присвоил себе какие-то ценности. Тогда я понял, что, очевидно, в вещах, ими принесенных, имелись ценности. Я сейчас же приостановил переноску, собрал людей и потребовал сдать взятые ценности. После некоторого запираательства двое, взявшие их, ценности вернули. Пригрозив расстрелом тем, кто будет мародерствовать, этих двоих отстранил и сопровождать переноску трупов поручил, насколько помню, тов. Никулину, предупредив о наличии у расстрелянных ценностей. Собрав предварительно все, что оказалось в тех или иных вещах, которые были ими захвачены, а также и самые вещи, отправил в комендатуру. Тов. Филипп, очевидно, щадя меня, (т. к. я здоровьем не отличался), предупредил меня, чтоб я не ездил на «похороны», но меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. Поэтому я решил поехать сам и, как оказалось, хорошо сделал, иначе все трупы были бы непременно в руках белых. Легко понять, какую спекуляцию они развели бы вокруг этого дела.

Распорядившись все замыть и зачистить, мы примерно около 3-х часов, или даже несколько позже, отправились. Я захватил с собой несколько человек из внутренней охраны. Где предполагалось схоронить трупы, я не знал; это дело, как я говорил выше, поручено было, очевидно, Филиппом тов. Ермакову (кстати сказать т. Филипп, как мне в ту же ночь сказал, кажется, Медведев Павел, он его увидел, когда бегал в команду, ходил все время вблизи дома, немало, вероятно, беспокоившись, как

тут все пройдет), который и повез нас куда-то в Верх-Исетский завод. Я в этих местах не бывал и не знал их. Примерно в 2-3 верстах, а, может быть, и больше от Верх-Исетского завода, нас встретил целый эскорт людей верхом и в пролетках. Я спросил Ермакова, что это за люди, зачем они здесь. Он мне ответил, что это им приготовленные люди. Зачем их было столько, я и до сих пор не знаю, я услышал только отдельные выкрики: мы думали, что нам их сюда живыми дадут, а тут, оказывается, мертвые. Еще, кажется, версты через 3—4, мы застряли с грузовиком среди двух деревьев. Тут некоторые из людей Ермакова на остановке стали расстегивать кофточки девиц и снова обнаружилось, что имеются ценности и что их начинают присваивать. Тогда я распорядился приставить людей, чтоб никого к грузовику не подпускать. Застрявший грузовик не двигался с места. Спрашиваю Ермакова, а что же, далеко место им избранное? Он говорит, что недалеко, за полотном железной дороги. А тут, кроме того, что зацепились за деревья, еще и место болотистое. Куда ни идем, все топкие места. Думаю, пригнал столько людей, лошадей, хотя бы телеги были, а то пролетки. Однако, делать нечего, нужно разгружать, облегчать грузовик, но и это не помогло.

Тогда я велел грузить на пролетки, т. к. ждать дольше время не позволяло, уже светало. Только когда уже рассветало, мы подъехали к знаменитому «урочищу». В нескольких десятках шагов от намеченной шахты для погребения сидели у костра крестьяне, очевидно заночевавшие на сенокосе.

В пути на расстоянии также встречались одиночки, стало совершенно невозможно продолжать работу на виду у людей. Нужно сказать, что положение становилось тяжелым, и все могло пойти насмарку. Я еще в это время не знал, что и шахта-то ни к черту не годится для нашей цели, а тут ещё эти проклятые ценности: что их достаточно много, я еще в этот момент не знал, да и народ для такого дела Ермаковым был набран никак неподходящий, да еще так много. Я решил, что народ надо разослать. Тут же я узнал, что отъехали мы от города верст примерно 15—16, а подъехали к деревне Коптяки в двух-трех верстах от нее. Нужно было на определенном расстоянии оцепить место, что я и сделал.

Выделил людей и поручил им охватить определенный район и, кроме того, послал в деревню, чтобы никто не выезжал, с объяснением того, что вблизи чехословаки, что сюда двинуты наши части, что показываться тут опасно, чтобы всех встречных заворачивали в деревню, а упорно непослушных расстреливать, если ничего не поможет.

Другую группу людей я отправил в город как бы за ненадобностью.

Проделав это, я велел загружать трупы, снимать платье, чтобы сжечь его, т. е. на случай уничтожить вещи все без остатка и тем как бы убрать лишние наводящие доказательства, если трупы почему-либо будут обнаружены. Велел разложить костры; когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и А. Ф. (на последней, я точно не помню, что было — то же, как на дочерях или просто зашитые вещи) были лифы хорошо сделанные из сплошных бриллиантовых и драгоценных камней, представлявшие собой не только вместилища для ценностей, но вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих никто неповинен. Ценностей этих оказалось всего около полпуда¹. Жадность была так велика, что на А. Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта. Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье. Те части ценностей, которые белые при раскопках обнаружили, относились, несомненно, к зашитым отдельно вещам, и при сжигании остались в золе костров. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там. Как они не досмотрели за другими остатками ценностей? Времени у них для этого было достаточно, вероятнее всего, просто не догадались. Надо, между прочим, думать, что кое-какие ценности возвращаются нам через Торгсин, т. к., вероятно, их там подбирали после нашего отъезда крестьяне дер.

---

¹ Я.М. Юровский исправил «пуда» на «полупуда».

Коптяки¹. Ценности собрали, вещи сожгли, а трупы, совершенно голые, побросали в шахту. Вот тут-то и началась новая морока. Вода-то чуть покрыла тела, что тут делать? Надумали взорвать шахты бомбами, чтобы завалить. Но из этого, разумеется, ничего не вышло. Я увидел, что никаких результатов мы не достигли с похоронами, что так оставлять нельзя, и что все надо начинать сначала. А что делать? Куда девать? Часа примерно в два дня я решил поехать в город, т. к. было ясно, что трупы надо извлекать из шахты и куда-то перевозить в другое место, т. к. кроме того, что и слепой бы их обнаружил, место было провалено, ведь люди-то видели, что здесь творилось. У заставы оставил охрану на месте, взял ценности и уехал. Поехал в Облисполком и доложил по начальству, сколь все неблагополучно. Тов. Сафаров и не помню, кто еще, послушали, да так ничего и не сказали. Тогда я разыскал Филиппа, указал ему на необходимость переброски трупов в другое место. Когда он согласился, я предложил сейчас же отправить людей вытаскивать трупы, а мне заняться поиском нового места. Филипп вызвал Ермакова, крепко отругал его и отправил извлекать трупы. Одновременно я поручил ему отвезти хлеб и обед, т. к. там люди почти сутки без сна, голодные, измученные. Там они должны были ждать, когда я приеду. Достать и вытащить трупы оказалось не так просто, и с этим немало помучились. Очевидно, всю ночь возились, т. к. поздно поехали. Я пошел в Горисполком к Сергею Егоровичу Чуцкаеву, тогда Предгорисполкома, посоветоваться, быть может, он знает такое место. Он мне посоветовал на московском тракте очень глубокие, заброшенные шахты. Я добыл машину, взял с собой кого-то из Обл. ЧК, кажется, Полушина, и еще кого-то и поехали. Не доехав версту или полторы до указанного места, машина испортилась, мы оставили шофера чинить ее, а сами отправились пешком, осмотрели место, и нашли, что хорошо; все дело только в том, чтоб не было лишних глаз. Вблизи здесь жил какой-то народ, мы решили, что приедем, заберем его, отправим в город, а по окончании

---

¹ Я.М. Юровский добавил последние три слова.

операции отпустим, на том и порешили. Вернулись к машине, а она сама нуждается, чтобы ее тащить. Решил ждать случайно проезжающую. Через некоторое время кто-то катит на паре, остановил, ребята оказались меня знают, спешат к себе на завод. С большой, конечно, неохотой, но пришлось лошадей отдать. Пока мы ездили, возник другой план: сжечь трупы, но как это сделать, никто не знает. Полушин, кажется, сказал, что он знает, ну и ладно, т. к. никто толком не знал, как это выйдет, я все же имел ввиду шахты Московского тракта, и, следовательно, перевозку; решил добыть телеги и, кроме того, у меня возник план в случае какой-либо неудачи похоронить их группами в разных местах на проезжей дороге. Дорога, ведущая в Коптяки, около урочища глинистая, так что если здесь без посторонних глаз похоронить, ни один бы черт не догадался, зарыть и обозом проехать, получится мешанина и все. Итак, три плана. Не на чем ехать, нет машины. Направился я в гараж начальника военных перевозок: нет ли каких машин? Оказалась машина, но только начальника, забыл я его фамилию, который, как потом оказалось, был прохвостом и его в Перми, кажется, расстреляли. Начальником гаража или заместителем начальника, военных перевозок, точно не помню, был товарищ Павел Петрович Горбунов, в настоящее время зам. Госбанка; сказал ему, что мне срочно нужна машина, он: «А, знаю, для чего», и дал мне машину начальника. Поехали к начальнику снабжения Урала Войкову добывать бензин или керосин, а также серной кислоты, это на случай, чтобы изуродовать лица и, кроме того, лопаты. Все это я добыл. В качестве товарища комиссара Юстиции Уральской области я распорядился взять из тюрьмы десять подвод без кучеров. Погрузили все и поехали. Туда же направили грузовик. Сам же я остался ждать где-то запропавшего Полушина — «спеца» по сжиганию. Но, прождав до 11-ти часов вечера, так его и не дождался.

Потом мне сообщили, что он поехал ко мне верхом на лошади, когда я его ждал у Войкова, и что он с лошади свалился и повредил себе ногу, и что поехать не может. Имея в виду, что на машине можно снова засесть, уже часов в 12-ть ночи, я верхом,

не помню с каким товарищем, отправился к месту нахождения трупов. Меня тоже постигла беда, лошадь запнулась, встала на колени и как-то неловко припала на бок и отдала мне ногу, я с час или больше пролежал, пока снова смог сесть на лошадь. Приехали мы поздно ночью, шли работы по извлечению. Я решил несколько трупов похоронить на дороге. Приступили к копанью ямы. Она к рассвету почти была готова. Ко мне подошел один из товарищей и заявил, что, несмотря на запрет никого близко не подпускать, откуда-то явился человек, знакомый Ермакова, которого он допустил на расстояние, с которого было видно, что тут что-то роют, т. к. лежали кучи глины. Хотя Ермаков и уверял, что тот ничего видеть не мог, тогда и другие товарищи, кроме сказавшего мне, стали иллюстрировать, то есть показывая, где тот был и что он, несомненно, не мог не видеть. Так был провален и этот план. Яму решено было реставрировать.

Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу, грузовик же ждал в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять (шофером был злоказовский рабочий Люханов). Держали мы курс на Сибирский тракт. Переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре; пробившись часа два, мы приближались уже к полуночи, тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, т. к. нас в этот поздний час вечера действительно никто здесь видеть не мог. Единственно, кто мог видеть нескольких человек — железнодорожный сторож разъезда, т. к. я послал натаскать шпал, чтобы покрыть ими место, где будут сложены трупы, имея в виду, что единственной догадкой нахождения здесь шпал будет то, что шпалы уложены для того, чтобы провезти грузовик. Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее, в ночь, мы два раза застряли. Сгрузив все, вылезли, а второй раз уже безнадежно застряли. Месяца два тому назад я перелистывая книгу следователя по чрезвычайно важным делам при Колчаке Соколова, видел снимок этих уложенных шпал. Там так и указано, что вот место, уложенное шпалами, для пропуска грузовика. Так что, перекопав целый район, они не догадались заглянуть под шпалы. Нужно сказать, что все так дьявольски устали, что уж не хоте-

ли копать новой могилы, но, как всегда в таких случаях бывает, двое-трое взялись за дело, потом приступили другие. Тут же развели костер и, пока, готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и, по ошибке, вместо Александры Федоровны сожгли, очевидно, Демидову. На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костер и золотой скрыли всякие следы¹. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, потом спустили в яму, снова залили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку².

В 5-6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должны о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. Потеряв нас, когда мы уже все кончили, приехали ребята из Обл. ЧК товарищи Исай Родхянский, Горин и еще кто-то.

19-го вечером я уехал в Москву с докладом. Ценности я передал тогда члену Ревсовета III Армии Трифонову; их, кажется, Белобородов, Новоселов и еще кто-то схоронили в подвале в земле какого-то домика рабочего в Лысьве и в 19-ом году, когда ехала на Урал комиссия ЦК для организации советской власти на освобожденном Урале, я тогда тоже ехал сюда на работу, ценности тот же Новоселов, не помню с кем извлекли, а Н.Н. Крестинский, возвращаясь в Москву, увез их туда. Когда в 21—23 году я работал в Гохране республики, при-

---

¹ 29 июля 2007 г. здесь были найдены обгорелые кости, идентифицированные экспертами как принадлежащие Цесаревичу Алексею и Великой княжне Марии.

² На указанном месте А.Н.Авдонин и Г.Т. Рябов обнаружили в 1979 г. захоронение 9-ти останков, о котором официально было объявлено в 1991 г., а в 1998 г. останки были идентифицированы как принадлежащие царской семье и их слугам и перезахоронены в Екатерининском приделе Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга.

водя в порядок ценности, я помню, что одна из жемчужных ниток Александра Федоровны была оценена в 600 тысяч золотых рублей.

В Перми, где я проводил разборку бывших царских вещей, была снова обнаружена масса ценностей, которые были попрятаны в вещах до черного белья включительно, а добра всякого было не один вагон.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дело № 274-П08

Москва

«01» октября 2008 г.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в составе: Председательствующего – Лебедева В.М., членов Президиума – Карпова А.И., Кузнецова В.В., Магомедова М.М., Нечаева В.И., Свиридова Ю.А., Серкова П.П., Соловьева В.Н., – рассмотрел дело по надзорной жалобе адвоката Лукьянова Г.Ю., действующего по доверенности от имени Романовой М.В., на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2007 года, которым Романов Н.А., Романова А.Ф., Романова О.Н., Романова Т.Н., Романова М.Н., Романова А.Н., Романов А.Н. признаны не подлежащими реабилитации.

В надзорной жалобе адвоката Лукьянова Г.Ю. поставлен вопрос об отмене надзорного определения и передаче дела на новое судебное рассмотрение.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Давыдова В.А., изложившего обстоятельства дела, содержание заключения первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Буксмана А.Э., определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которым Романов Н.А., Романова А.Ф., Романова О.Н., Романова Т.Н., Романова М.Н., Романова А.Н., Романов А.Н. признаны не подлежащими реабилитации, доводы надзорной жалобы и основания вынесения постановления о возбуждении надзорного производства, выступление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации

Забарчука Е.Л., полагавшего надзорную жалобу оставить без удовлетворения, выступление адвоката Лукьянова Г.Ю., поддержавшего доводы, изложенные в надзорной жалобе, Президиум Верховного Суда Российской Федерации,

УСТАНОВИЛ:

1 декабря 2005 г. адвокат Лукьянов Г.Ю., действующий по доверенности от имени Романовой М.В., обратился в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с заявлением о реабилитации членов Российского Императорского Дома: Романова Николая Александровича, 1868 года рождения, Романовой Александры Федоровны, 1872 года рождения, Романовой Ольги Николаевны, 1895 года рождения, Романовой Татьяны Николаевны, 1897 года рождения, Романовой Марии Николаевны, 1899 года рождения, Романовой Анастасии Николаевны, 1901 года рождения и Романова Алексея Николаевича, 1904 года рождения.

Адвокат Лукьянов Г.Ю. в заявлении указывал на то, что бывший император Романов Н.А., его супруга и дети были подвергнуты со стороны государства по решению внесудебного органа, без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления, политическим репрессиям, выразившимся в лишении их свободы, прав, а затем и жизни по политическим мотивам. В период с 7 ноября 1917 г. по 16 июля 1918 г. Романов Н.А. и члены его семьи были лишены свободы и прав по решению органов государственной власти РСФСР. Романов Н.А., его супруга и дети в ночь на 16 июля 1918 г. были расстреляны по решению президиума Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – органа государственной власти. Данное решение было признано правильным Президиумом Центрального Исполнительного Комитета РСФСР, который являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом государственной власти РСФСР. Эта акция, осуществленная высшими должностными лицами органов государственной власти Уральской области, не вызвала возражений и у Совета Народных Комис-

саров (Правительства РСФСР), «принявшего к сведению» сообщение о расстреле Романова Н.А. и членов его семьи.

В подтверждение доводов, изложенных в заявлении, адвокат ссылался на приобщенные к заявлению документы, свидетельствующие о применении к Романову Н.А. и членам его семьи политических репрессий со стороны государства – РСФСР.

Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Буксман А.Э. по результатам рассмотрения заявления адвоката Лукьянова Г.Ю. внес в Верховный Суд Российской Федерации заключение о признании Романова Н.А. и членов его семьи не подлежащими реабилитации, мотивируя тем, что положения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в отношении Романовых неприменимы, поскольку достоверных свидетельств существования каких-либо официальных решений судебных или других органов, наделявшихся судебными функциями, о применении к погибшим политической репрессии, как это требует действующее законодательство по вопросам реабилитации, не имеется, что в свою очередь не позволяет принять решение о реабилитации. Ссылки на якобы имевшееся решение Уралоблсовета в отношении бывшего императора безосновательны, поскольку такое решение не было обнаружено и, кроме того, Уралоблсовет не являлся органом, осуществлявшим судебные функции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев данное заключение, согласилась с доводами первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Буксмана А.Э. и определением от 8 ноября 2007 г. признала Романова Н.А., Романову А.Ф., Романова А.Н., Романову О.Н., Романову Т.Н., Романову М.Н. и Романову А.Н. не подлежащими реабилитации.

В надзорной жалобе адвокат Лукьянов Г.Ю. просит отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2007 года и передать дело на новое судебное рассмотрение, мотивируя тем, что суд не принял во внимание ряд обстоятельств, имею-

щих существенное значение для принятия правильного решения по заключению прокурора, а выводы, изложенные в определении, противоречат тем сведениям, которые были представлены суду заявителем.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит надзорную жалобу адвоката Лукьянова Г.Ю. подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Признавая Романова Н.А. и членов его семьи не подлежащими реабилитации, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что положения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в отношении Романовых неприменимы, поскольку отсутствуют какие-либо официальные решения судебных или других органов, наделявшихся судебными функциями, о применении репрессии. Отсутствует в представленных документах и само решение Уралоблсовета, на которое ссылается адвокат. Кроме того, Уралоблсовет действовавшим в период 1917–1918 годов законодательством не был наделен судебными функциями.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2007 года нельзя признать законным и обоснованным, поскольку при его вынесении не были учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда, что согласно п.2 ст.380 и п. 3 ч. 2 ст. 409 УПК РФ является основанием отмены судебного решения.

В соответствии со ст. 1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. (с последующими изменениями и дополнениями) политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрическое лечебное учреждение, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду

в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов или других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Таким образом, настоящий Закон в части порядка реабилитации, в опровержение выводов Судебной коллегии, распространяется не только на лиц, репрессированных по решениям судов или иных органов, наделявшихся судебными функциями, но и на лиц, репрессированных внесудебными органами, о чем прямо указано в статье 2, пунктах «г» и «е» статьи 3, статье 8-1, пункте «б» статьи 9, а также на лиц, репрессированных органами исполнительной власти и должностными лицами в административном порядке (статья 1, пункт «в» статьи 3).

По смыслу названных положений Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в их нормативном единстве и с учетом целей настоящего закона, сформулированных в его преамбуле (реабилитация всех жертв политических репрессий), применение от имени государства по политическим мотивам таких мер, как лишение свободы и жизни на основании решения органа исполнительной власти как органа внесудебного, следует рассматривать как политические репрессии.

Материалы дела содержат достаточные сведения, подтверждающие факт того, что Романов Н.А. и члены его семьи по решению органов государственной власти РСФСР без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления признавались социально опасными по политическим мотивам и в период с 7 ноября 1917 г. по 16 июля 1918 г. были лишены сначала прав и свобод, так как содержались в условиях изоляции под вооруженной охраной и рассматривались органами

советской власти в качестве арестованных, а затем были лишены жизни.

Так, 20 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров под председательством Ульянова В.И. (Ленина) был заслушан вопрос в отношении бывшего императора Николая Романова и даны указания о подготовке следственного материала, рассмотрены вопросы о «переводе Николая Романова», о месте суда.

1 апреля 1918 г. Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета были отданы распоряжения о дальнейшей охране Романова Н.А., об «усилении надзора за арестованными», о формировании отряда в составе двухсот человек и направлении их в Тобольск для «укрепления караула», а при необходимости перевода «всех арестованных в г. Москву».

2 мая 1918 года в газете «Знамя Труда» было опубликовано «Сообщение ВЦИК о местонахождении бывшего царя», подписанное Председателем ЦИК Свердловым Я.М., согласно которому Президиум ВЦИК сделал распоряжение «о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находится в Екатеринбурге Пермской губернии, надзор за ними поручен областному Совдепу Урала».

9 мая 1918 года ВЦИК под председательством Свердлова Я.М. и по его докладу заслушал вопрос «о бывшем царе Николае Романове». Согласно имеющемуся в материалах дела протоколу заседания ВЦИК, Свердлов Я.М. докладывал информацию по решениям президиума ВЦИК о переводе Романова и всех членов его семьи из Тобольска в Екатеринбург, о том, что «Николай Романов с женой и одной из дочерей находятся в Екатеринбурге. Сын был оставлен в Тобольске под усиленной и строгой охраной с тем, что как кончится распутица и будет взломан лед и пойдут пароходы, тогда первым водным путем и все остальные заключенные в Тобольске должны быть перевезены точно так же в Екатеринбург». Он же сообщал, что «нами даны указания Уральскому областному Совету о самом строгом содержании Николая и о недопущении хождений кого-либо из

приближенных в город и обратно...». Указывалось, что Романов «должен во всяком случае чувствовать, что он является не кем иным, как нашим арестантом, арестантом Советской власти».

Названные обстоятельства подтверждены документально архивными материалами, подлинность которых удостоверена.

Отказывая в реабилитации, Судебная коллегия указала в определении на отсутствие в представленных адвокатом документах решения Уралоблсовета, на основании которого Романов Н.А. и члены его семьи были лишены жизни. Однако сам по себе факт непредоставления такого решения суду не является основанием отказа в реабилитации, поскольку иными документами достоверно установлено, что политические репрессии имели место.

Материалами дела установлено, что решение о расстреле Романова Н.А. было принято президиумом Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, то есть органом государственной власти РСФСР.

Из текста телеграммы, подписанной президиумом Уралоблсовета 17 июля 1918 г. и адресованной Председателю Совета Народных Комиссаров Ленину и Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлову усматривается, что «по постановлению президиума областного Совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов и по этому поводу выпущено следующее извещение: ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда, президиум областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях русского народа. В ночь на 16 июля приговор этот приведен в исполнение».

Факт расстрела членов семьи Романова Н.А. — Романовой А.Ф., Романовой О.Н., Романовой Т.Н., Романовой М.Н., Романовой А.Н., Романова А.Н., по решению Уралоблсовета подтвержден телеграммой, отправленной 17 июля 1918 г. на имя секретаря Совета Народных Комиссаров Горбунова председа-

телем Уралоблсовета Белобородовым для информирования Председателя Президиума ВЦИК Свердлова Я.М.

Президиум ВЦИК – орган государственной власти РСФСР, на своем заседании, состоявшемся 18 июля 1918 г., принял постановление, которым признал решение Уральского областного Совета о расстреле Николая Романова правильным. Свердлову, Сосновскому и Аванесову было поручено составить соответствующее извещение для печати.

19 июля 1918 г. газеты «Известия» и «Правда» опубликовали сообщение: «Президиум Центрального Исполнительного Комитета, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский областной Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в лице своего Президиума признает решение Уральского областного Совета правильным».

В этот же день на заседании Правительства РСФСР – Совета Народных Комиссаров Председатель Президиума ВЦИК Свердлов Я.М. сделал «внеочередное заявление о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ВЦИК». Совет Народных Комиссаров данное заявление «принял к сведению».

Исследованное Президиумом Верховного Суда Российской Федерации законодательство свидетельствует о том, что в июле 1918 года Президиум ВЦИК осуществлял судебные функции и, как следует из заявления Свердлова Я.М. на заседании Правительства РСФСР, именно Президиум ВЦИК утвердил «приговор Екатеринбургского Совдепа» – органа государственной власти.

В частности, 11 июня 1918 г. ВЦИК принял Декрет «Об учреждении Кассационного Отдела при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов и порядке кассации приговоров революционных трибуналов». В соответствии с пунктом 8 этого Декрета в случае, «если приговор кассируется ввиду явного несоответствия наказания с деянием осужденного или осуждения явно невиновного, Кассационный Отдел

входит с представлением в Президиум ВЦИК, от которого зависит соответственно изменить наказание или прекратить дело без направления его для вторичного рассмотрения».

Таким образом, правильность решения о расстреле Романова Н.А. была подтверждена высшим органом государственной власти РСФСР, наделенным судебными функциями.

Факт смерти Романова Н.А., Романовой А.Ф., Романовой О.Н., Романовой Т.Н., Романовой М.Н., Романовой А.Н. и Романова А.Н. установлен государственной регистрацией актов гражданского состояния и подтвержден, имеющимися в материалах дела ксерокопиями свидетельств о смерти названных лиц, выданных Центральным отделом ЗАГС г. Санкт-Петербурга, где в качестве причины смерти указано – расстрел, дата смерти – 17 июля 1918 г., место смерти – г. Екатеринбург, Дом особого назначения.

О политических мотивах мер принуждения, примененных в отношении Романова Н.А. и членов его семьи, свидетельствует то, что решение о расстреле, принятое внесудебным органом государственной власти без проведения предварительного следствия и суда, было признано легитимным одним из высших органов государственной власти РСФСР Президиумом ВЦИК. Более того, лица, принявшие решение о расстреле Романова Н.А. и членов его семьи, а также исполнители данного решения не подвергались уголовному преследованию со стороны государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Из документов, исследованных судом, видно, что Романовы были лишены жизни не в результате совершения кем-либо уголовного преступления. Романов Н.А. и члены его семьи содержались под стражей и были расстреляны от имени государства. Применение такой репрессивной меры было обусловлено тем, что бывший российский император, его супруга и дети – члены Российского Императорского Дома, с точки зрения органов государственной власти РСФСР, по классовым, социальным и религиозным признакам представляли опасность для советского государства и политического строя.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Романов Н.А., Романова А.Ф., Романова О.Н., Романова Т.Н., Романова М.Н., Романова А.Н. и Романов А.Н. были подвергнуты политическим репрессиям и в связи с этим они подлежат реабилитации.

Поскольку рассмотрение заключения прокурора об отказе в реабилитации закон относит к исключительной компетенции суда, который правомочен признать лицо не подлежащим реабилитации либо признать лицо репрессированным необоснованно (ст. 10 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»), Президиум находит возможным устранить нарушения закона, допущенные Судебной коллегией по уголовным делам, без передачи дела на новое судебное рассмотрение.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 407, п. 2 ч. 1 ст. 408 УПК РФ, Президиум Верховного Суда Российской Федерации ПОСТАНОВИЛ:

1. Надзорную жалобу адвоката Лукьянова Г.Ю. удовлетворить.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2007 г., которым Романов Николай Александрович, Романова Александра Федоровна, Романова Ольга Николаевна, Романова Татьяна Николаевна, Романова Мария Николаевна, Романова Анастасия Николаевна, Романов Алексей Николаевич признаны не подлежащими реабилитации, отменить.

3. Признать необоснованно репрессированными и реабилитировать Романова Николая Александровича, Романову Александру Федоровну, Романову Ольгу Николаевну, Романову Татьяну Николаевну, Романову Марию Николаевну, Романову Анастасию Николаевну, Романова Алексея Николаевича.

Председательствующий
В.М. Лебедев

Верно: начальник Секретариата
Президиума Верховного Суда Российской Федерации
С.В. Кепель

ООО ТД «Белый город»
101000 Москва, Лучников переулок, дом 4, строение 1
Тел.: (495) 305-45-06
E-mail: td.belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг по издательским ценам
обращайтесь по адресам:
101000 Москва, Лучников переулок, дом 4, строение 1
Тел.: (495) 305-45-06
192029, Санкт-Петербург, проспект Обуховской Обороны, д. 105
Тел.: (812) 365-41-39
400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

Полный ассортимент книг представлен на сайте:
www.pravkniga.ru

**ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ. ТОМ II
Серия «Русские судебные процессы»**

Тираж 1500 экз. Заказ О-3485.
Формат 60х90/16

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

11155 155

-2-

дефект
облицовки